

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

ВОЛОГДА
2022

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Вологда
2022

УДК 332.145
ББК 65.49
С69

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

С69 Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы :
монография / А. А. Шабунова [и др.] ; отв. ред. А. А. Шабунова. – Вологда : ВолНЦ РАН,
2022. – 295 с.

ISBN 978-5-93299-530-3

Авторский коллектив:

А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, Г.В. Леонидова, М.А. Груздева, В.Н. Барсуков,
Е.А. Басова, Г.В. Белехова, М.А. Головчин, К.Н. Калашников, А.В. Короленко,
О.С. Ласточкина, Л.Н. Нацун, А.В. Попов, И.Н. Разварина, Т.С. Соловьева

Социальное развитие как процесс, характеризующий качество и уровень жизни населения, выступает важнейшим направлением социально-экономического развития территорий. Ориентация на человека и его потребности стала ключевой в управленческом дискурсе, что нашло отражение в определении в качестве цели перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития России, связанного, в том числе, с формированием нового механизма социального развития.

В настоящей монографии рассматриваются различные аспекты социального развития современной России в региональном разрезе. Показаны основные направления демографического, научно-образовательного, социокультурного развития территорий. Охарактеризовано состояние трудового потенциала, трудовых ресурсов и качества жизни населения. Освещены вопросы воспроизводства социальных инноваций как фактора устойчивого развития территорий.

В основу работы положены материалы исследований проблем социального развития территорий, выполненных в ФГБУН ВолНЦ РАН в 1997–2021 гг., и данные Росстата и Вологдастата.

Книга предназначена для ученых, исследующих проблемы социального развития территорий, преподавателей, аспирантов и студентов экономических и социологических специальностей, а также для широкого круга читателей, интересующихся социальными аспектами регионального развития.

УДК 332.145
ББК 65.49

Рецензенты:

Екатерина Николаевна Васильева,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики,
психологии и социальной работы Волгоградского государственного
университета (ФГАОУ ВО ВолГУ); главный научный сотрудник отдела семьи
и семейно-демографической политики ИДИ ФНИСЦ РАН

Ольга Анатольевна Козлова,

доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований
социальноэкономической динамики ИЭ УрО РАН

ISBN 978-5-93299-530-3

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Актуальные вызовы демографического развития территорий.....	6
1.1. Дифференциация смертности в регионах России.....	6
1.2. Закономерности и особенности старения населения в регионах России.....	26
1.3. Тенденции внутренней миграции населения в регионах России и факторы, оказывающие на них влияние	43
1.4. Региональный профиль здоровья детского населения	58
2. Трудовой потенциал населения и трудовые ресурсы территорий	66
2.1. Развитие трудового потенциала России в ракурсе основных тенденций занятости населения.....	66
2.2. Состояние количественной и качественной составляющих трудоустройства в субъектах РФ	78
2.3. Масштабы распространения различных форм нестандартной занятости в субъектах РФ.....	94
2.4. Изменение требований российской экономики к трудовому потенциалу работников в условиях современных вызовов	113
3. Качество жизни населения: особенности региональной дифференциации.....	124
3.1. Типология российских регионов по уровню доступности социально значимых благ и ресурсов	124
3.2. Факторы формирования немонетарного неравенства в контексте пространственной доступности благ	146
3.3. Качество трудовой жизни трудоспособного населения Вологодской области	152
4. Научно-образовательное пространство территорий.....	171
4.1. Инфраструктурная доступность образовательных услуг в России.....	171
4.2. Реализация принципа достойной оплаты труда педагогических работников школ в регионах России	179
4.3. Новый эпидемиологический вызов и его уроки для российского образования.....	190
5. Социокультурный потенциал территорий.....	206
5.1. Национально-культурные аспекты региональной дифференциации	206
5.2. Проблемы развития инфраструктуры социально-культурного назначения в современной России	217
5.3. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов	229
6. Социальные инновации как фактор развития территорий.....	245
6.1. Социальные инновации: сущность и роль в воспроизводстве человеческого капитала и устойчивом развитии территорий.....	245
6.2. Потенциал развития социальных инноваций в регионах России.....	257
6.3. Роль социальных инноваций в решении проблем развития территорий в условиях пандемии COVID-19	267
Заключение	278
Список использованных источников	280

ВВЕДЕНИЕ

Социальное развитие провозглашено главной миссией системы государственного управления в России, являющейся согласно ст. 7 Конституции¹ социальным государством. Его миссия, как отмечал один из основоположников концепции социального государства Л. фон Штейн, выражается в двух задачах: во-первых, способствовать свободному межклассовому движению, во-вторых, помогать тем, кто терпит лишения. Социальное государство должно обеспечить каждому человеку «не духовное или хозяйственное богатство как таковое, а именно живое и свободное межклассовое движение, которое делает это богатство достижимым для каждого человека»². Такое государство стремится минимизировать, сбалансировать те противоречия, в основе которых лежит неоднородность классовой структуры общества.

В 2020 г. были приняты поправки в Конституцию РФ, закрепившие в числе других ряд мер социальной поддержки населения. В частности, закреплена гарантия минимальной оплаты труда размером не менее прожиточного минимума; определено, что пенсии индексируются не реже 1 раза в год; гарантированы обязательное социальное страхование и индексация социальных выплат; установлена обязанность государства по повышению доверия между ним и гражданами.

Задачи социального развития составляют и большинство национальных целей страны, определенных Указом Президента РФ, подписанным в июле 2021 года,³ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Среди них: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; создание возможностей для самореализации и развития талантов; обеспечение комфортной и безопасной среды для жизни; достойного, эффективного труда и успешного предпринимательства; обеспечение устойчивого роста численности населения; повышение ожидаемой продолжительности жизни; снижение уровня бедности и т.д.

Таким образом, социальное развитие территорий является одним из ключевых факторов благополучия жителей страны в самом широком смысле этого понятия.

¹ Пункт 1 статьи 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

² Фон Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874. С. 524.

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 21.06.2021).

Авторы данной монографии попытались осветить ряд выделенных выше социальных аспектов развития как с точки зрения их статуса национального приоритета, так и с позиции раскрытия основных тенденций социального развития.

Дизайн исследовательского труда включает концептуализацию, теоретико-методологическое обоснование и анализ тенденций социального развития в региональном измерении на примере демографических трендов (смертности как основного показателя нездоровья населения; старения и всех его последствий; миграционных потоков и детского здоровья как отражения качества будущего общества), условий социально-трудовых отношений и качества трудовых ресурсов регионального развития; качества жизни и проблем социального (монетарного и немонетарного) неравенства; состояния научно-образовательных процессов, связанных в том числе и с ограничениями, вызванными пандемией новой коронавирусной инфекции; новых аспектов социокультурного развития территорий (цифровое пространство, национально-культурная идентичность) и развития социальных инноваций как нового фактора развития территорий.

Представленная монография не претендует на энциклопедичное изложение всех параметров социального развития, сосредоточившись на актуальных на сегодняшний день тенденциях, в которых скрыты вызовы и возможности повышения эффективности государственного управления в социальной сфере.

1. АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

1.1. Дифференциация смертности в регионах России

Вариация социально-экономических и культурно-этнических составляющих жизни населения разных территорий обуславливает различия в его уровне смертности и продолжительности жизни⁴. Пространственная неоднородность смертности населения, в том числе в разрезе её классов и отдельных причин, становилась объектом изучения многих зарубежных исследований. Так, дифференциация смертности на субнациональном уровне изучалась на примере Великобритании⁵, Италии⁶, США⁷, Германии⁸. Закономерности регионального неравенства смертности в России и их изменения с течением времени рассматривались в ряде отечественных исследований. Географический градиент смертности с юго-запада на северо-восток, выражающийся в самой низкой продолжительности жизни на северо-востоке и самой высокой на юго-западе, впервые был обнаружен в конце 1980-х гг. Е. Андреевым⁹ и В. Школьниковым¹⁰. В дальнейшем факт территориальных различий в уровне смертности от разных классов причин смерти и, как следствие, в величине ожидаемой продолжитель-

⁴ Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 10–20.

⁵ Fox A.J., Jones D.R., Goldblatt P.O. Approaches to studying the effect of socio-economic circumstances on geographic differences in mortality in England and Wales. *British Medical Bulletin*, 1984, vol. 40, no 4, pp. 309–314.

⁶ Caselli G, Cerbara L, Leti G. The geography of adult mortality: results from the fuzzy clumping method. *Genus*. 1993, vol. 49, no 1-2, pp. 1–24.

⁷ Murray C.J.L., Kulkarni S.C., Michaud C., Tomijima N., Bulzacchelli M.T., Iandiorio T.J., Ezzati M. Eight Americas: Investigating mortality disparities across races, counties, and race-counties in the United States. *PLoS Medicine*, 2006, vol. 3, no 9, pp. 1513–1524.

⁸ Kibele E.U.B. Mortality Differentials Across Germany's Districts. In: *Regional Mortality Differences in Germany. Demographic Research Monographs (A series of the Max Planck Institute for Demographic Research)*. Springer, Dordrecht, 2012, pp 91-162. DOI: 10.1007/978-94-007-4432-5_4

⁹ Андреев Е.М. Продолжительность жизни в СССР: дифференциальный анализ: Сб. Продолжительность жизни: анализ и моделирование / Под ред. Е.М. Андреева, А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1979. С. 7–30.

¹⁰ Школьников В.М. Географические факторы продолжительности жизни. Известия АН СССР. Серия Географическая. 1987. № 3 (12). С. 35–44.

ности жизни подтверждался также в работах В.М. Школьников и С.А. Вассина, К. Костелло, Ж. Валлина, Е.А. Кваши, Т.Л. Харьковой, С. Тимониной, И. Даниловой и других¹¹. В исследовании И.А. Даниловой рассматривалась проблема дифференциации смертности в российских регионах от отдельных классов причин в половозрастном разрезе¹².

Чаще всего региональная дифференциация смертности изучается либо в рамках определенных причин смерти или их классов, например болезней системы кровообращения¹³, внешних причин¹⁴ (в том числе самоубийств¹⁵, причин смерти, связанных с употреблением алкоголя¹⁶), новообразований¹⁷, либо в рамках отдельных территориальных образований (экономических или географических районов, макрорегионов), например северных или арктических субъектов страны¹⁸, феде-

¹¹ Shkolnikov V., Vassin S. Spatial differences in life expectancy in European Russia in the 1980s. In W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov (Eds.), *Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991*. London: Routledge, 1994, pp. 379–402; Vassin S.A., Costello C.A. Spatial, age, and cause-of-death patterns of mortality in Russia, 1988–1989. In J. L. Bobadilla, C. A. Costello, F. Mitchell (Eds.), *Premature death in the new independent states*. Washington, DC: National Academies Press, 1997, pp. 66–119; Vallin J., Andreev E., Meslé F., Shkolnikov V. Geographical diversity of cause-of-death patterns and trends in Russia. *Demographic Research*, 2005, vol. 12, no 13, pp. 323–380; Кваша Е.А., Харькова Т.Л. Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения в регионах России в последнее десятилетие // *Вопросы статистики*. 2011. № 8. С. 26–41; Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V. Recent Mortality Trend Reversal in Russia: Are Regions Following the Same Tempo? *European Journal of Population*, 2017, no 33, pp. 733–763 DOI:10.1007/s10680-017-9451-3

¹² Данилова И.А. Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2017. № 5 (57). DOI: 10.21045/2071-5021-2017-57-5-3 URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/916/30/>

¹³ Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Тимонин С.А. Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России // *Демографическое обозрение*. 2016. Т. 3. № 1. С. 6–34.

¹⁴ Кандрычин С.В., Разводовский Ю.Е. Пространственные закономерности дифференциации уровня смертности от внешних причин // *Проблемы развития территории*. 2015. № 3 (77). С. 127–142; Смертность от внешних причин в России с середины XX века. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 448 с.

¹⁵ Морев М.В., Шматова Ю.Е. Территориальные особенности распространенности самоубийств в Российской Федерации // *Вопросы территориального развития*. 2015. № 1 (21). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1469>

¹⁶ Коссова Т.В., Коссова Е.В., Шелунцова М.А. Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России // *Экономическая политика*. 2017. Т. 12. № 1. С. 58–83. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-1-03

¹⁷ Тимонин С. Онкологическая смертность в России // *Демоскоп Weekly*. 2013. 2–15 декабря. № 577–578. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0577/tema01.php>

¹⁸ Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Северные регионы России: уровень и структура смертности населения // *Регион: Экономика и Социология*. 2017. № 4 (96). С. 77–100. DOI: 10.15372/REG20170404; Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Подольная М. А. Динамика смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения арктического/приарктического региона России в 1999–2014 годах // *Экология человека*. 2017. № 9. С. 48–58.

ральных округов¹⁹. В такого рода исследованиях применяются разные статистические и эконометрические методы: ранговая корреляция²⁰, аналитическая группировка²¹, кластерный анализ²², декомпозиция изменений межрегионального неравенства в продолжительности жизни и смертности²³.

Большое значение в исследованиях смертности населения играет учет вклада отдельных причин смерти. В структуре причин смерти населения России на протяжении последнего десятилетия первое место занимали болезни системы кровообращения (57% в 2009 г., 47% в 2018 г.; рис. 1.1).

На второй позиции в ней стабильно находились новообразования (15% в 2009 г., 16% в 2018 г.), на третьей – внешние причины (11% в 2009 г., 8% в 2018 г.). За период с 2009 по 2018 год в общей структуре смертности населения страны сократился удельный вес болезней системы кровообращения (на 10 п.п.) и внешних причин (на 3 п.п.), тогда как вклад новообразований и остальных причин смерти, напротив, вырос (на 2 и 11 п.п. соответственно).

Для анализа особенностей региональной дифференциации, оцениваемой для различных социально-экономических, демографических показателей, чаще всего используется коэффициент вариации. Данный показатель является относительной величиной и потому удобен для использования в анализе региональных различий в параметрах смертности. Если коэффициент меньше 33%, то исследуемая

¹⁹ Хасанова Р.Р. Особенности смертности населения в Дальневосточном федеральном округе // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 58–64; Голева О.И. Смертность трудоспособного населения: анализ региональной дифференциации (на примере Приволжского федерального округа) // Медицина труда и промышленная экология. 2017. № 11. С. 30–36; Вангородская С.А. Динамика смертности населения Центрального федерального округа от основных классов причин в 2000–2016 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 1. С. 31–39.

²⁰ Кандрычын С.В., Разводовский Ю.Е. Пространственные закономерности дифференциации уровня смертности от внешних причин // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 127–142.

²¹ Сабгайда Т.П. Методология предотвратимой смертности для анализа региональных особенностей здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 4 (16). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/247/30/>; Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 228–242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13

²² Звезда Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 10–20; Максимов С.А., Табакаев М.В., Артамонова Г.В. Группировка регионов Российской Федерации по соотношению фактической и смоделированной (по социально-экономическим показателям) сердечно-сосудистой смертности // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 2 (54). DOI: 10.21045/2071-5021-2017-54-2-2 URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/817/30/>; Тихомирова Т.М. Количественные методы оценки состояния и потерь здоровья населения в регионах России // Федерализм. 2016. № 1 (81). С. 43–64.

²³ Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V. Recent Mortality Trend Reversal in Russia: Are Regions Following the Same Tempo? European Journal of Population, 2017, no 33, pp. 733–763 DOI:10.1007/s10680-017-9451-3

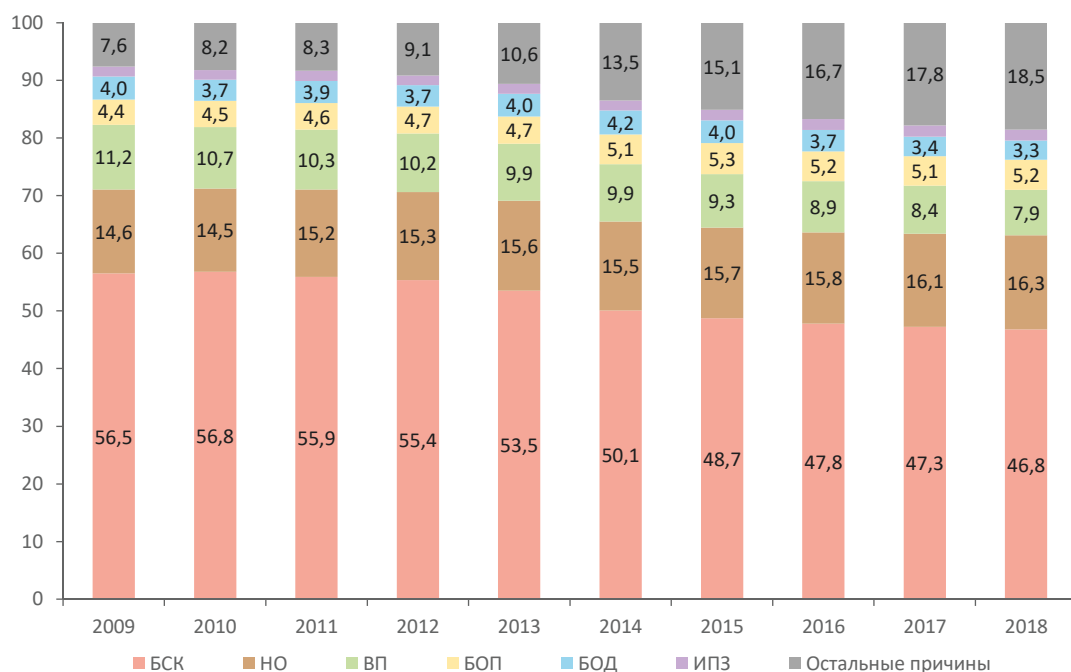

Рисунок 1.1. Структура смертности населения России по основным классам причин смерти, в % от общего числа умерших

Здесь и далее: БСК – болезни системы кровообращения, НО – новообразования, ВП – внешние причины, БОП – болезни органов пищеварения, БОД – болезни органов дыхания, ИПЗ – инфекционные и паразитарные болезни.

Источник: рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru>

совокупность считается однородной, устойчивой, регулярной по данному признаку, а если превышает 33%, то совокупность считается неоднородной – в ней протекают какие-то процессы, присутствуют тенденции²⁴. Уменьшение значения коэффициента будет означать конвергенцию показателя, а рост – дивергенцию, то есть увеличение разброса значений региональных показателей²⁵.

Согласно произведенным расчетам, наибольшая региональная вариация показателей смертности на протяжении 2009–2018 гг. была характерна для класса причин «инфекционные и паразитарные заболевания» (рис. 1.2). При этом его значение за анализируемый период выросло с 39 до 57%, что свидетельствует о крайней неоднородности смертности от данного класса причин в разрезе субъектов РФ. Вариация коэффициентов смертности от остальных классов причин находилась в пределах «однородности» (до 33%). Если региональная вариация по-

²⁴ Кириллов А.В. Статистика: учебник. Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. С. 79.

²⁵ Шубат О.М. Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 3. С. 736–748.

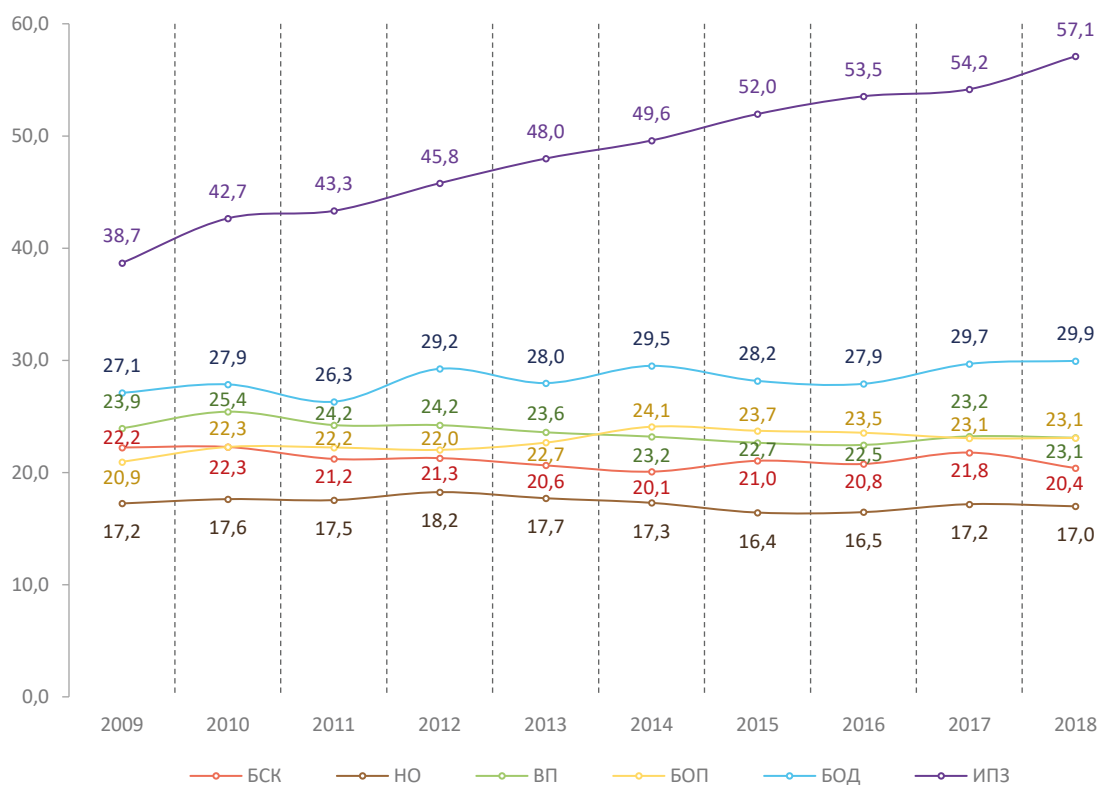

Рисунок 1.2. Коэффициент вариации показателей смертности от основных классов причин смерти в регионах России, 2009–2018 гг., %

Источник: расчеты авторов.

коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения за рассматриваемое десятилетие снизилась с 22 до 20%, то по таким классам причин смерти, как болезни органов дыхания и пищеварения, напротив, выросла – с 27 до 30% и с 21 до 23% соответственно.

Расчёт коэффициента вариации регионов страны по удельному весу отдельных классов причин смерти в общей структуре смертности показал, что в 2009–2018 гг. наибольшее значение данного показателя также наблюдалось по классу инфекционных и паразитарных болезней (рис. 1.3). При этом за период наблюдения коэффициент вырос с 43 до 57%. По остальным классам причин наблюдается увеличение вариации удельного веса в общем числе умерших, но не такое значительное.

Таким образом, региональная дифференциация смертности в России (как по её уровню от основных классов причин, так и по их вкладу в общую смертность) не только сохраняется, но и нарастает.

Важнейшее значение для управления демографическим развитием страны имеет научно-практический подход, позволяющий оценить региональную дифференциацию смертности по ее причинам²⁶. В этой связи представляют

²⁶ Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 10–20.

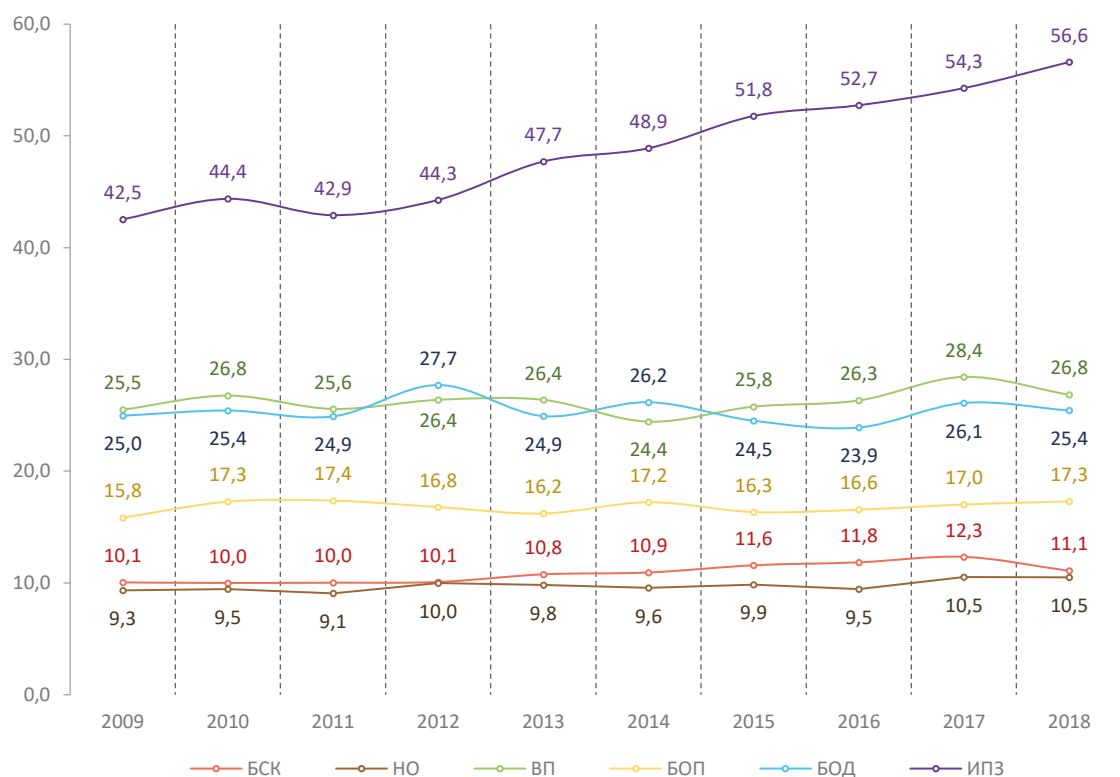

Рисунок 1.3. Коэффициент вариации удельного веса основных классов причин смерти в общей структуре смертности в регионах России, 2009–2018 гг., %

Источник: расчеты авторов.

интерес исследования, посвященные анализу региональных различий в смертности населения, типологии территорий страны по её отдельным параметрам. При этом, на наш взгляд, ввиду существенной дифференциации регионов не только по уровню смертности от основных классов причин, но и по их удельному весу в её общей структуре, важно проводить многомерный анализ смертности, учитывающий обе характеристики. Это позволяет осуществить метод структурной многомерной группировки, который признается одним из самых привлекательных инструментов, поскольку обеспечивает возможность корректной сводки информации, построения адекватных систем обобщающих показателей, исследования строения полученных частных совокупностей, измерения взаимосвязей и, как следствие, принятия адекватных управленческих решений²⁷. Целью данного исследования выступило изучение дифференциации смертности по причинам в российских регионах посредством их структурной многомерной группировки по соотношению уровня смертности от каждого класса причин смерти и их доли в общей структуре смертности населения. Период исследования – 2009–2018 годы.

²⁷ Глинский В.В. Методы типологии данных в социально-экономических исследованиях: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук: 08.00.12. СПб., 2009. С. 11.

Методология исследования. Как показал проведенный ранее анализ²⁸, регионы России заметно дифференцированы как по показателям смертности от главных классов причин, так и по характеристикам структуры причин смертности. Для сопоставления уровня смертности от отдельных классов причин с их вкладом в общую смертность населения нами была осуществлена структурная многомерная группировка регионов России. На первом этапе группировка проводилась отдельно по величине коэффициента смертности от определенного класса причин (в расчете на 100 тыс. чел. населения) и отдельно – по удельному весу данного класса в общей структуре смертности (в %). Для неё использовались срезы статистических данных за 2009 и 2018 гг. Вся совокупность субъектов РФ подразделялась на 3 группы: регионы с низкими, средними и высокими уровнями показателей (коэффициента смертности от данного класса причин и его доли в общем числе смертей). К группе регионов со средним уровнем показателей относились субъекты, у которых они оказались в коридоре значений «среднее арифметическое $\pm$ стандартное отклонение», а субъекты, у которых значения показателей были ниже или выше этого коридора, включались в группы регионов с низкими и высокими их уровнями соответственно.

На втором этапе производилось сопоставление групп регионов по уровню смертности от каждого класса причин с группами регионов по доле данного класса в общей смертности. Это позволило по каждому крупному классу причин смерти построить соответствующую матрицу, содержащую по 9 групп регионов (табл. 1.1–1.6).

На третьем этапе группы регионов по каждому классу причин были укрупнены в 4 типа²⁹:

1. Регионы с высокими уровнем и вкладом смертности от класса причин («очаги смертности»).
2. Регионы с умеренными уровнем и вкладом смертности от класса причин.
3. Регионы с низкими уровнем и вкладом смертности от класса причин.
4. Регионы с рассогласованными параметрами уровня и вклада смертности от класса причин.

Информационной базой выступили данные Федеральной службы государственной статистики по смертности населения от основных классов причин смерти за 2009 и 2018 гг. в 83 регионах России (без Республики Крым и г. Севастополя, т.к. по ним отсутствуют данные за период с 2009 по 2014 год).

Рассмотрим результаты проведенного исследования.

Региональная дифференциация смертности от болезней системы кровообращения. Самой многочисленной как в 2009 г., так и в 2018 г. была группа регионов с умеренными уровнем смертности от болезней системы кровообра-

²⁸ Короленко А.В. Смертность населения регионов России в текущем десятилетии: тенденции, структура и дифференциация показателей // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.7 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28619>

²⁹ Короленко А.В. Дифференциация смертности в регионах России: метод многомерной группировки // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2020.5.55.2 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28745>

ния и её вкладом в общее число умерших (табл. 1.1). Однако за рассматриваемый период количество числящихся в ней регионов сократилось с 49 до 44. При этом 31 регион из 44-х сохранял своё положение в группе с 2009 г.

Таблица 1.1. Матрица-группировка регионов России по соотношению уровня смертности от болезней системы кровообращения и их доли в общей структуре смертности

		Доля БСК в общей структуре смертности, %		
		Высокая (выше 61,4)	Средняя (от 48,0 до 61,4)	Низкая (ниже 48)
		2009 год		
Уровень смертности, на 100 тыс. чел. нас.	Высокий (выше 1019,1)	(6) Брянская, Владимирская, Нижегородская, Орловская, Тамбовская, Тверская обл.	(7) Ивановская, Кировская, Костромская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тульская обл.	-
	Средний (от 555,8 до 1019,1)	(5) Белгородская, Пензенская обл., респ. Адыгея, Северная Осетия, Татарстан	(49) Амурская, Архангельская, Астраханская, Иркутская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Калининградская, Калужская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Мурманская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская обл., г. Москва, Санкт-Петербург, Еврейская авт. обл., Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский край, Ненецкий АО, респ. Башкортостан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Хакасия, Чувашская	(6) Кемеровская, Курганская, Магаданская, Томская обл., респ. Бурятия, Коми
	Низкий (ниже 555,8)	-	(2) Респ. Дагестан, Чеченская	(8) Респ. Алтай, Ингушетия, Калмыкия, Саха (Якутия), Тыва, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий АО
	2018 г.			
		Высокая (выше 52,2)	Средняя (от 39,8 до 52,2)	Низкая (ниже 39,8)
	Высокий (выше 739,9)	(7) Архангельская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Псковская, Саратовская обл., Еврейская авт. обл.	(5) Брянская, Владимирская, Вологодская , Костромская, Тверская обл.	-
	Средний (416,3-739,9)	(6) Белгородская, Мурманская обл., г. Москва, Санкт-Петербург, Респ. Северная Осетия, Ставропольский край	(44) Астраханская, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская , Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Свердловская, Смоленская , Томская , Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская обл., Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский, Хабаровский край, Респ. Адыгея , Алтай , Башкортостан, Бурятия , Карелия, Коми , Марий Эл, Татарстан , Удмуртская, Хакасия, Чукотский АО	(9) Амурская, Ивановская, Курганская, Московская, Рязанская, Тамбовская, Ярославская обл., Респ. Мордовия, Чувашская
	Низкий (ниже 416,3)	-	(8) Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Ингушетия, Саха (Якутия), Чеченская, Ненецкий , Ямало-Ненецкий АО,	(4) Респ. Карачаево-Черкесская, Тыва, Сахалинская обл., Ханты-Мансийский АО
Здесь и далее: – регионы «очаги смертности»; – регионы с умеренными уровнем и вкладом смертности от класса причин; – регионы с низкими уровнем и вкладом смертности от класса причин; – регионы с рассогласованными параметрами уровня и вклада смертности от класса причин. Зелёным цветом выделены регионы, улучшившие своё положение в 2018 г. по сравнению с 2009 г.; красным цветом – регионы, ухудшившие его; чёрным цветом – существенно не изменившие своё положение. Источник: составлено авторами.				

В число регионов «очагов смертности» от БСК, т.е. с высоким уровнем смертностью от данного класса причин и его значительным удельным весом в общей структуре смертей, в 2018 г., как и в 2009 г., попали 18 субъектов РФ. Состав регионов данной категории за десятилетие претерпел изменения: 8 субъектов покинули группу, улучшив своё положение (Кировская, Ивановская, Нижегородская, Смоленская, Тамбовская, Тульская области, республики Адыгея и Татарстан), 10 – остались в ней, а 6 – дополнили её список (Архангельская и Вологодская области, города Москва и Санкт-Петербург, Ставропольский край, Еврейская авт. область)³⁰.

Среди субъектов с наиболее благоприятной ситуацией в части смертности от болезней системы кровообращения (низким коэффициентом смертности и незначительным вкладом в общую структуру смертей) в 2018 г. оказался 21 регион, тогда как в 2009 г. их насчитывалось всего 16. Десять регионов за анализируемый период сохранили свои позиции (республики Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Чеченская, Саха, Тыва, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Курганская и Московская области). В свою очередь улучшили положение и в 2018 г. попали в данную группу 11 регионов (Республики Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесская, Мордовия, Чувашская, Ненецкий АО, Амурская, Ивановская, Рязанская, Тамбовская, Сахалинская и Ярославская области). За десятилетие 7 регионов несколько ухудшили позиции, переместившись в группу регионов с умеренными уровнем и вкладом смертности от БСК (Кемеровская, Магаданская, Томская области, республики Алтай, Бурятия, Коми и Чукотский АО).

В категории регионов с рассогласованными уровнем и вкладом смертности от БСК ни в 2009 г., ни в 2018 г. не оказалось ни одного региона.

Региональная дифференциация смертности от новообразований. В группу регионов с умеренными параметрами смертности от новообразований в 2018 году вошли 42 региона, в 2009 г. их насчитывалось 45 (табл. 1.2). 33 региона сохраняют своё место в группе с 2009 г.

К регионам «очагам смертности» от новообразований в 2018 г. были отнесены 19 субъектов, что на 3 региона больше, чем в 2009 г.

При этом 11 регионов находятся в данной группе с 2009 г. (города Москва и Санкт-Петербург, Красноярский край, Владимирская, Курганская, Новосибирская, Орловская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская области), 8 регионов дополнили её в 2018 г. (Брянская, Кемеровская, Костромская, Псковская, Сахалинская области, республика Карелия, Ненецкий АО, Приморский край). Отдельно стоит отметить Ненецкий АО, который за 10 лет переместился из группы регионов с самыми благоприятными параметрами смертности от новообразований в группу субъектов «очагов смертности» по данному классу причин³¹.

³⁰ Короленко А.В. Дифференциация смертности в регионах России: метод многомерной группировки // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2020.5.55.2 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28745>

³¹ Там же.

**Таблица 1.2. Матрица-группировка регионов России
по соотношению уровня смертности от новообразований
и их доли в общей структуре смертности**

		Доля НО в общей структуре смертности, %		
		Высокая (выше 15,6)	Средняя (от 12,1 до 15,6)	Низкая (ниже 12,1)
		2009 год		
Уровень смертности, на 100 тыс. чел. нас.	Высокий (выше 239,4)	(2) г. Санкт-Петербург, Московская обл.	(8) Владимирская, Ивановская, Курганская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская обл.	(1) Псковская обл.
	Средний (от 152,0 до 239,4)	(6) Волгоградская, Новосибирская, Томская, Челябинская обл., г. Москва, Красноярский край	(45) Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Вологодская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Нижегородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Ульяновская обл., Еврейская авт. обл., Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский край, Респ. Адыгея, Бурятия, Карелия, Коми, Мордовия, Северная Осетия, Татарстан, Хакасия	(9) Амурская, Воронежская, Новгородская, Смоленская обл., Забайкальский край, респ. Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Чувашская
	Низкий (ниже 152,0)	(2) Респ. Ингушетия, Ханты-Мансийский АО	(7) Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО	(4) Ненецкий, Чукотский АО, респ. Алтай, Тыва
	2018 год			
		Высокая (выше 18,1)	Средняя (от 13,9 до 18,4)	Низкая (ниже 13,9)
	Высокий (выше 243,0)	(2) г. Санкт-Петербург, Сахалинская обл.	(10) Брянская, Владимирская, Кемеровская, Костромская, Курганская, Орловская, Псковская, Тверская, Тульская обл., респ. Карелия	-
	Средний (от 153,4 до 243,0)	(7) г. Москва, Красноярский, Приморский край, Ненецкий АО, Новосибирская, Томская, Челябинская обл.	(42) Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кировская, Курская, Ленинградская, Магаданская, Московская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Ульяновская, Ярославская обл., Еврейская авт. обл., Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Пермский, Ставропольский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Коми, Татарстан, Удмуртия, Хакасия, Чукотский АО	(10) Воронежская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Пензенская, Ростовская, Тамбовская обл., респ. Марий Эл, Мордовия, Чувашская
	Низкий (ниже 153,4)	(2) Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО	(9) Респ. Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесская, Чечня, Саха (Якутия), Северная Осетия, Тыва	(1) Тюменская обл.
Источник: составлено авторами.				

В число субъектов с низким уровнем смертности от новообразований и их незначительным вкладом в общую смертность в 2018 г., как и в 2009 г., попали 20 регионов. При этом 9 из них оказались в группе, заметно улучшив своё положение (республики Ингушская, Мордовия, Северная Осетия, Липецкая, Нижегородская, Пензенская, Ростовская, Тамбовская и Тюменская области), а 11 – сохраняли своё место в ней с 2009 г. (республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Саха, Алтай, Тыва, Марий Эл, Чувашская, Воронежская и Новгородская области).

Что касается группы регионов с рассогласованными параметрами смертности от новообразований, то в 2018 г. в ней числились два субъекта – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, в которых низкий уровень смертности от данного класса причин сочетается с его высокой долей в общей структуре смертей. При этом ХМАО и в 2009 г. находился в составе данной группы. Кроме того, в 2009 г. среди регионов этой категории была Псковская область, которой, напротив, свойственно сочетание высокого уровня смертности от новообразований (на фоне других регионов) и незначительного вклада в структуру смертности. В 2018 г. регион уже не присутствовал в данной группе³², так как перешел в число «очагов смертности» от НО.

Региональная дифференциация смертности от внешних причин смерти. Большинство российских регионов относятся к группе с умеренными параметрами смертности от внешних причин (58 в 2018 г.; 56 в 2009 г.; табл. 1.3). При этом 53 из 58 регионов находятся в составе данной группы с 2009 г.

Среди регионов с высоким уровнем смертности от ВП и их удельным весом в общей структуре смертей в 2018 г. оказалось 11 субъектов (в 2009 г. – 14). Состав группы достаточно стабилен: 10 регионов находятся в ней с 2009 г. (Амурская и Сахалинская области, Забайкальский край, республики Бурятия, Тыва, Алтай, Саха, Ямало-Ненецкий и Ненецкий, Чукотский АО). В 2018 г. их число пополнила Курганская область³³.

Регионами с низким уровнем и незначительным удельным весом смертности от внешних причин в 2018 г. стали 14 регионов (в 2009 г. – 13). Большинство из них (12) входили в состав группы и в 2009 г. (города Москва и Санкт-Петербург, республики Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Дагестан, Ингушетия, Чеченская, Северная Осетия, Краснодарский и Ставропольский край, Белгородская и Ростовская области). В 2018 г. к ним присоединились Орловская область и ХМАО.

В группу субъектов с рассогласованными параметрами смертности от ВП в оба анализируемых года не попал ни один регион РФ.

Региональная дифференциация смертности от болезней органов пищеварения. В самую многочисленную группу регионов с умеренными характери-

³² Короленко А.В. Дифференциация смертности в регионах России: метод многомерной группировки // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. DOI: 10.15838/ttdi.2020.5.55.2 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28745>

³³ Там же.

Таблица 1.3. Матрица-группировка регионов России по соотношению уровня смертности от внешних причин смерти и их доли в общей структуре смертности

		Доля ВП в общей структуре смертности, %		
		Высокая (выше 16,9)	Средняя (от 8,2 до 16,9)	Низкая (ниже 8,2)
		2009 год		
Уровень смертности, на 100 тыс. чел. нас.	Высокий (выше 232,9)	(6) Забайкальский край, респ. Алтай, Бурятия, Тыва, Сахалинская обл., Чукотский АО	(5) Амурская, Кемеровская обл., Еврейская авт. обл., Ненецкий АО, респ. Марий Эл	-
	Средний (от 117,8 до 232,9)	(3) Респ. Саха (Якутия), Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО	(56) Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская обл., Алтайский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Башкортостан, Калмыкия, Карелия, Коми, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Хакасия, Чувашская	(1) Курская обл.
	Низкий (ниже 117,8)	-	(5) Респ. Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Краснодарский, Ставропольский край	(7) Белгородская, Ростовская обл., г. Москва, Санкт-Петербург, респ. Кабардино-Балкарская, Чеченская, Северная Осетия
	2018 год			
		Высокая (выше 12,4)	Средняя (от 5,6 до 12,4)	Низкая (ниже 5,6)
	Высокий (выше 146,0)	(6) Амурская, Сахалинская обл., Забайкальский край, респ. Бурятия, Тыва, Чукотский АО	(1) Курганская обл.	-
	Средний (от 74,2 до 146,0)	(4) Ненецкий, Ямало- Ненецкий АО, респ. Алтай, Саха (Якутия)	(58) Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская обл., Еврейская авт. обл., Алтайский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Приморский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Башкортостан, Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Хакасия, Чувашская	(1) Орловская обл.
	Низкий (ниже 74,2)	-	(8) г. Санкт-Петербург, респ. Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Краснодарский, Ставропольский край, Ханты- Мансийский АО	(5) Белгородская, Ростовская обл., г. Москва, респ. Северная Осетия, Чеченская
Источник: составлено авторами.				

стиками смертности от болезней органов пищеварения в 2018 г. вошёл 51 регион (в 2009 г. – 52; табл. 1.4), 40 из которых находятся в ней с 2009 г.

В число субъектов с самыми неблагоприятными параметрами смертности, обусловленной данным классом причин, в 2018 г. вошли 17 регионов (в 2009 г. – 16), из них 9 регионов сохраняли позиции с 2009 г. (Вологодская, Ивановская, Магаданская, Новгородская, Сахалинская, Тульская, Ярославская области, республики

Таблица 1.4. Матрица-группировка регионов России по соотношению уровня смертности от болезней органов пищеварения и их доли в общей структуре смертности

		Доля БОП в общей структуре смертности, %		
		Высокая (выше 5,5)	Средняя (от 3,6 до 5,5)	Низкая (ниже 3,6)
		2009 год		
Уровень смертности, на 100 тыс. чел. нас.	Высокий (выше 82,8)	(4) Еврейская авт. обл., Магаданская, Сахалинская обл., Респ. Коми	(7) Вологодская, Ивановская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Тульская, Ярославская обл.	-
	Средний (от 46,7 до 82,8)	(5) Калининградская, Мурманская обл., Респ. Северная Осетия, Тыва, Удмуртская	(52) Амурская, Архангельская, Астраханская, Брянская , Владимирская , Волгоградская, Воронежская , Иркутская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская обл., гг. Москва, Санкт-Петербург , Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский край, Ставропольский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Бурятия, Кабардино-Балкария , Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Саха (Якутия), Хакасия, Чувашская, Чукотский АО	(2) Кировская, Курганская обл.
	Низкий (ниже 46,7)	(1) Ямало-Ненецкий АО	(3) Респ. Карачаево-Черкесская, Татарстан, Ханты- Мансийский АО	(9) Алтайский край, Белгородская обл., Ненецкий АО, респ. Алтай, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Мордовия, Чеченская
	2018 год			
		Высокая (выше 6,6)	Средняя (от 4,2 до 6,6)	Низкая (ниже 4,2)
	Высокий (выше 89,7)	(3) Владимирская , Сахалинская, Тульская обл.	(7) Брянская , Вологодская, Ивановская, Новгородская, Орловская , Тверская , Ярославская обл.	-
	Средний (от 46,9 до 89,7)	(7) Красноярский край , Магаданская, Томская обл. , Ненецкий АО , Чукотский АО , респ. Коми, Тыва	(51) Амурская, Архангельская, Астраханская, Волгоградская, Еврейская авт. обл., Забайкальский край, Иркутская, Калининградская, Калужская, Камчатский край, Кемеровская, Кировская , Костромская, Курганская , Курская, Ленинградская , Липецкая, Московская, Мурманская , Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Псковская , Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Ульяновская, Челябинская обл., Краснодарский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Алтай , Башкортостан , Бурятия, Карелия, Марий Эл, Мордовия , Северная Осетия , Татарстан , Удмуртская , Хакасия, Чувашская	(3) Алтайский край, Белгородская, Воронежская обл.
	Низкий (ниже 46,9)	-	(6) Респ. Кабардино-Балкарская , Калмыкия , Карачаево- Черкесская, Саха (Якутия) , Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО	(6) гг. Москва, Санкт-Петербург , Респ. Дагестан, Ингушетия, Чеченская, Тюменская обл.
Источник: составлено авторами.				

Коми и Тыва), а 8 дополнили состав группы в 2018 г. (Брянская, Владимирская, Орловская, Тверская, Томская области, Красноярский край, Ненецкий и Чукотский АО). При этом снова обращает на себя внимание Ненецкий АО, за рассматриваемый период перешедший из числа регионов с низким уровнем и вкладом смертности от БОП в группу регионов «очагов смертности»³⁴.

В группе регионов с низким уровнем смертности от болезней органов пищеварения и незначительным вкладом в общую смертность в 2018 г. находились 15 субъектов (в 2009 г. – 14). Из 15 регионов семь с 2009 г. сохраняли своё положение в группе (республики Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Алтайский край, ХМАО и Белгородская область), тогда как 8 субъектов вошли в её состав в 2018 г. (республики Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Саха, ЯМАО, Воронежская и Тюменская области, города Москва и Санкт-Петербург).

Если в 2009 г. к регионам с рассогласованными параметрами смертности от БОП, а именно с низким уровнем смертности от БОП, но её значительным вкладом в общую смертность, относился всего один субъект – Ямало-Ненецкий АО, то в 2018 г. к этой категории не был причислен ни один субъект.

Региональная дифференциация смертности от болезней органов дыхания. Количество регионов, попавших в группу с умеренными параметрами смертности от болезней органов дыхания, увеличилось с 45 в 2009 г. до 49 в 2018 г. (табл. 1.5). При этом 31 регион из 49-ти находился в группе с 2009 г.

Наполняемость группы регионов с самыми неблагоприятными характеристиками смертности, обусловленной БОД, за десять лет возросла с 14 до 19 субъектов. Из 19 регионов лишь 8 сохраняли своё положение в группе с 2009 г. (Забайкальский край, Магаданская, Курская и Псковская области, республики Башкортостан, Бурятия, Дагестан и Чувашская), тогда как остальные 11 оказались в ней впервые (Брянская, Калужская, Кемеровская, Курганская, Новгородская, Рязанская, Тверская, Тульская области, Еврейская авт. область, Красноярский край и Республика Хакасия). Примечательно, что Новгородская область за 2009–2018 гг. переместилась из числа регионов с наиболее благоприятными параметрами смертности от БОД в группу «очагов смертности» по данному классу причин³⁵.

Среди регионов с самым низким уровнем смертности от БОД и незначительным вкладом в общее число смертей в 2018 г. находились 15 субъектов, тогда как в 2009 г. их было заметно больше – 24. При этом 11 из 15 регионов входили в данную группу и в 2009 г. (г. Москва, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, республики Северная Осетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Ингушетия и Чеченская, Ставропольский край, Мурманская обл.), тогда как 4 субъекта дополнили её состав, переместившись из группы регионов с умеренными параметрами смертности от БОД (г. Санкт-Петербург, республика Калмыкия, Самарская и Тюменская области).

Ни в 2009-м, ни в 2018 г. в группу субъектов с рассогласованными параметрами смертности от БОД не вошел ни один регион.

³⁴ Короленко А.В. Дифференциация смертности в регионах России: метод многомерной группировки // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2020.5.55.2 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28745>

³⁵ Там же.

**Таблица 1.5. Матрица-группировка регионов России
по соотношению уровня смертности от болезней органов дыхания
и их доли в общей структуре смертности**

		Доля БОД в общей структуре смертности, %		
		Высокая (выше 5,7)	Средняя (от 2,7 до 5,7)	Низкая (ниже 2,7)
		2009 год		
Уровень смертности, на 100 тыс. чел. нас.	Высокий (выше 81,0)	(6) Забайкальский край, Иркутская, Магаданская обл., респ. Алтай, Марий Эл, Чувашская	(4) Кировская, Курская, Псковская, Тамбовская обл.	-
	Средний (от 38,0 до 81,0)	(4) Респ. Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Чукотский АО	(45) Амурская, Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская обл., г. Санкт-Петербург, Еврейская авт. обл., Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Калмыкия, Карелия, Коми, Мордовия, Татарстан, Тыва, Удмуртская, Хакасия	-
	Низкий (ниже 38,0)	-	(18) г. Москва, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская обл., Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский АО, Пермский, Приморский, Ставропольский край, респ. Кабардино-Балкарская, Карачаево- Черкесская, Саха (Якутия)	(6) Белгородская, Калининградская, Ростовская обл., респ. Ингушетия, Северная Осетия, Чеченская
	2018 год			
		Высокая (выше 4,8)	Средняя (от 2,3 до 4,8)	Низкая (ниже 2,3)
	Высокий (выше 61,4)	(6) Забайкальский, Красноярский край, Магаданская обл., респ. Башкортостан, Хакасия, Чувашская	(11) Брянская, Калужская, Кемеровская, Курганская, Курская, Новгородская, Псковская, Рязанская, Тверская, Тульская обл., Еврейская авт. обл.,	-
	Средний (от 28,0 до 61,4)	(2) Респ. Дагестан, Бурятия	(49) Алтайский край, Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Кировская, Костромская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Томская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская обл., Камчатский, Краснодарский, Пермский, Приморский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Алтай, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Удмуртская, Чукотский АО	-
	Низкий (ниже 28,0)	-	(10) г. Москва, Респ. Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Калмыкия, Северная Осетия, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты- Мансийский АО, Ставропольский край, Тюменская обл.	(5) г. Санкт-Петербург, Мурманская, Самарская обл., респ. Ингушетия, Чеченская
Источник: составлено авторами.				

Региональная дифференциация смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний (ИПЗ). Наибольшее количество субъектов РФ вошли в группу регионов с умеренными уровнем смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний и вкладом в общую смертность населения (67 в 2009 г., 66 в 2018 г.; табл. 1.6). Подавляющее большинство регионов данной группы (60) сохраняли свои позиции в ней с 2009 г.

Таблица 1.6. Матрица-группировка регионов России по соотношению уровня смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний и их доли в общей структуре смертности

		Доля ИПЗ в общей структуре смертности, %		
		Высокая (выше 2,9)	Средняя (от 0,7 до 2,9)	Низкая (ниже 0,7)
		2009 год		
Уровень смертности на 100 тыс. чел. нас.	Высокий (выше 37,5)	(5) Еврейская авт. обл., Иркутская, Тюменская обл. Приморский край, респ. Тыва	(3) Амурская, Кемеровская, Курганская обл.	-
	Средний (от 11,0 до 37,5)	(3) Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО, Чеченская респ.	(67) Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кировская, Курская, Ленинградская, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская обл., г. Москва, Санкт-Петербург, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия, Татарстан, Удмуртская, Хакасия, Чувашская, Чукотский АО	-
	Низкий (ниже 11,0)	-	(1) Липецкая обл.	(4) Белгородская, Костромская, Орловская обл., Ненецкий АО
	2018 год			
		Высокая (выше 3,1)	Средняя (от 0,4 до 3,1)	Низкая (ниже 0,4)
	Высокий (выше 37,5)	(10) Алтайский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Свердловская, Тюменская обл., Пермский, Приморский край, респ. Тыва, Чукотский АО	(3) Курганская, Самарская, Челябинская обл.	-
	Средний (от 5,0 до 37,5)	(2) Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО	(66) Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кировская, Костромская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Сахалинская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Ярославская обл., г. Москва, Санкт-Петербург, Еврейская авт. обл., Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Ставропольский, Хабаровский край, респ. Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия, Татарстан, Удмуртия, Хакасия, Чеченская, Чувашская	(1) Курская обл.
	Низкий (ниже 5,0)	-	-	(1) Ненецкий АО
Источник: составлено авторами.				

К числу регионов «очагов смертности» от ИПЗ в 2018 г. были отнесены 15 субъектов, что на 4 больше, чем в 2009 г. Из 15 регионов восемь сохраняли своё положение с 2009 г. (Иркутская, Кемеровская, Курганская и Тюменская области, Приморский край, Республика Тыва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО), а 7 – дополнили группу впервые (Алтайский и Пермский край, Новосибирская, Самарская, Свердловская и Челябинская области, Чукотский АО)³⁶.

В 2018 г. всего два региона попали в группу с самыми благоприятными параметрами смертности от ИПЗ (Курская область и Ненецкий АО), тогда как в 2009 г. их насчитывалось 5 (Белгородская, Костромская, Липецкая и Орловская области, Ненецкий АО).

В группу субъектов с рассогласованными характеристиками смертности от ИПЗ в оба анализируемых года не попал ни один регион.

Раскладки регионов «очагов смертности» по количеству классов причин смерти. В 2018 г. 55 из 83 регионов России попали в группу «очаги смерти» хотя бы по одному классу причин смерти, в 2009 г. таких регионов было несколько больше – 58 (рис. 1.4, 1.5). При этом более половины из них оказались среди субъектов данной категории лишь в рамках одного класса причин смерти: 28 из 55 регионов в 2018 г., 33 из 58 регионов в 2009 году. В 2018 году 13 российских регионов входили в группу «очагов смертности» одновременно по двум классам причин смерти, в 2009 г. количество таких регионов составляло 19. По трём классам причин смерти в данной группе в 2018 г. оказались 11 субъектов, тогда как в 2009 г. их насчитывалось всего лишь 6 (Ивановская, Тамбовская, Тульская и Псковская области, республика Тыва и Еврейская авт. область). По сравнению с 2009 г. в 2018 г. впервые были выявлены регионы, отнесенные к группе «очагов смерти» одновременно по четырём классам причин (Брянская, Тверская и Курганская области)³⁷.

Построенные раскладки регионов «очагов смертности» позволяют определить степень их уязвимости: она возрастает с ростом числа классов причин смерти, по которым регионы были отнесены к данной группе. Кроме того, сочетание разных классов причин смерти в раскладках характеризует специфику смертности населения в каждом субъекте России, в том числе косвенно, и стадию эпидемиологического перехода, т.е. эволюционного изменения интенсивности возрастной смертности и структуры причин смерти от состояния, при котором основная масса людей умирает от принципиально устранимых заболеваний преимущественно экзогенной или внешней природой, к состоянию, при котором основными заболеваниями, обуславливающими интенсивность смертности в отдельных возрастах, становятся патологии, непосредственно связанные с естественным старением организма³⁸. Повышение удельного веса

³⁶ Короленко А.В. Дифференциация смертности в регионах России: метод многомерной группировки // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2020.5.55.2 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28745>

³⁷ Там же.

³⁸ Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. С. 334.

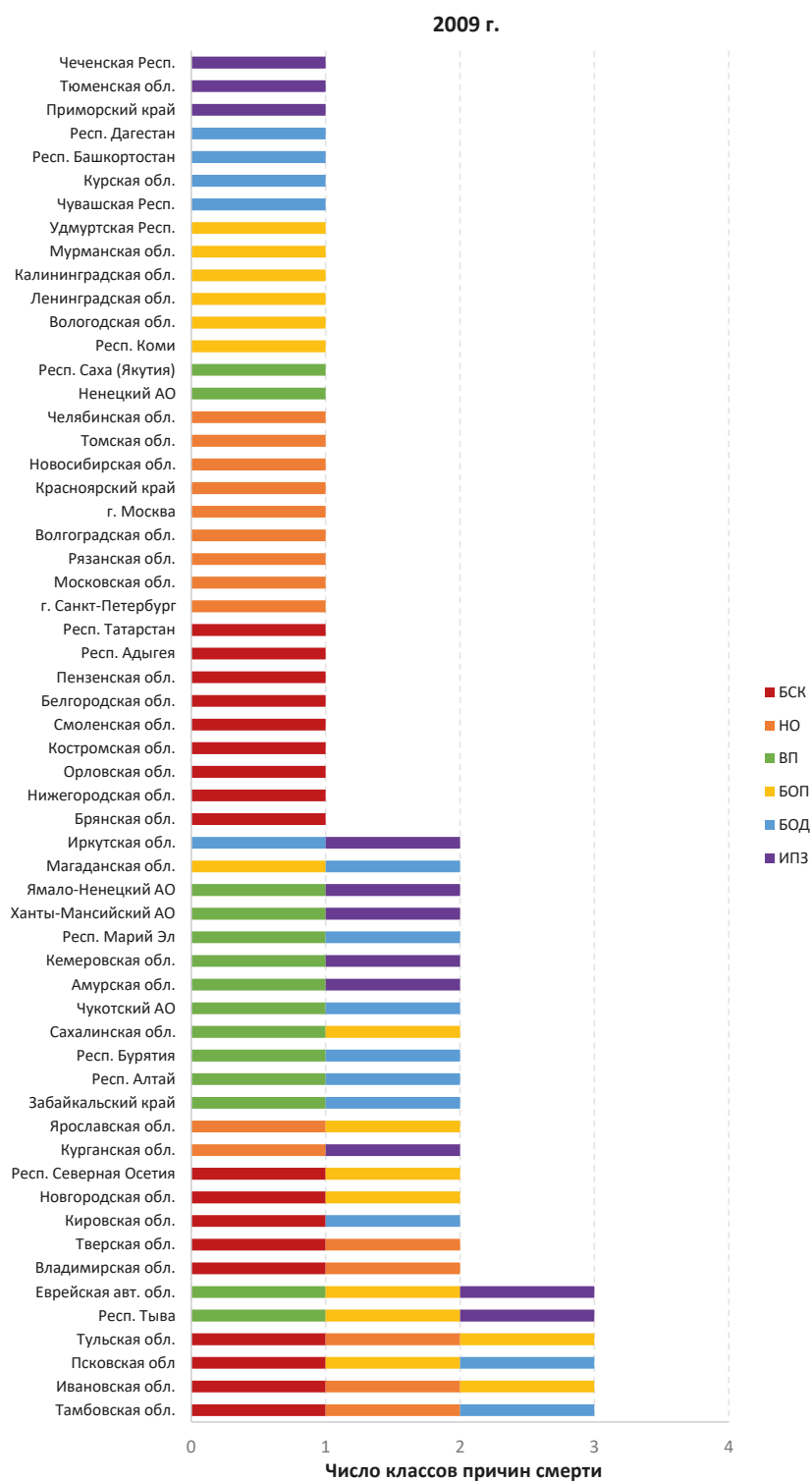
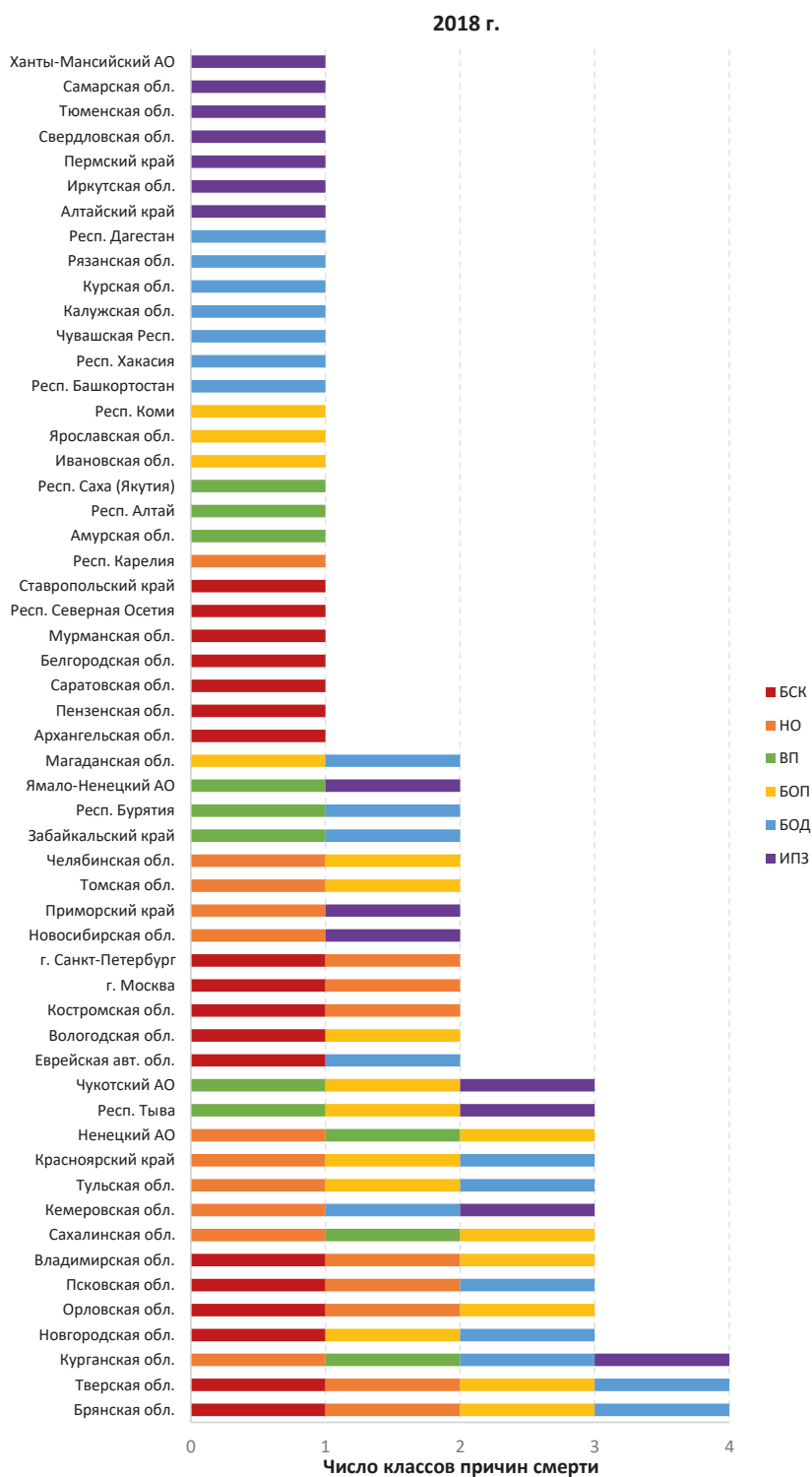

Рисунок 1.4. Раскладка регионов «очагов смертности» по количеству классов причин смерти, 2009 г.

Источник: составлено авторами.

**Рисунок 1.5. Раскладка регионов «очагов смертности»
по количеству классов причин смерти, 2018 г.**

Источник: составлено авторами.

эндогенных факторов в детерминации смертности автоматически предполагает и эволюцию структуры причин смерти³⁹. Так, например, в 2018 г. Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Амурская и Кемеровская области попали в категорию «очагов смертности» по двум классам – внешним причинам смерти и инфекционным и паразитарным заболеваниям, непосредственно обусловленным действием экзогенных факторов, что косвенно свидетельствует о непрохождении этими регионами последней стадии эпидемиологического перехода. В то время как города-мегаполисы Москва и Санкт-Петербург, а также Костромская область оказались в группе «очагов смертности» по классам болезней системы кровообращения и новообразований, которые, напротив, имеют эндогенную природу, что свидетельствует об их переходе к современному типу смертности.

В представленной работе для изучения региональной дифференциации смертности в России был предложен метод структурной многомерной группировки по соотношению уровней смертности от главных классов причин и их удельного веса в общем числе смертей, который позволяет оценить на субнациональном уровне не только масштабы дифференциации смертности от определенных причин, но и одновременно их вклад в смертность населения. В ходе исследования выявлены четыре типа регионов по каждому классу причин смерти: регионы с высокими уровнем и вкладом смертности от класса причин («очаги смертности»); с умеренными уровнем и вкладом смертности от класса причин; с низкими уровнем и вкладом смертности от класса причин; с рассогласованными параметрами уровня и вклада смертности от класса причин. Построение раскладок регионов «очагов смертности» по количеству классов причин смерти позволило определить степень их уязвимости, а соотношение классов причин смерти – косвенно охарактеризовать стадию эпидемиологического перехода в этих регионах⁴⁰.

Метод многомерной группировки, предложенный и апробированный в исследовательской работе, представляет собой как теоретико-методологическую научную новизну (новый подход к изучению региональной дифференциации), так и практическую (благодаря выявлению регионов «очагов смертности» становится возможной разработка соответствующих управленческих решений).

Ввиду наблюдаемого в последнее десятилетие существенного роста вклада других классов причин смерти в смертность населения России (помимо шести рассмотренных групп) представляется интересным изучение её региональной дифференциации в рамках данных классов причин, что видится перспективным направлением развития исследовательской работы.

³⁹ Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. С. 336.

⁴⁰ Короленко А.В. Дифференциация смертности в регионах России: метод многомерной группировки // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2020.5.55.2 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28745>

1.2. Закономерности и особенности старения населения в регионах России

Как показывает опыт развитых стран, эффективность социально-экономической политики в условиях старения населения определяется наличием достоверной и релевантной информации о закономерностях и механизмах трансформации возрастной структуры, учитывающей все многообразие особенностей локальных территорий. Россия обладает самой большой территорией в мире и включает в себя 85 территориальных субъектов. Многообразие страны выражается не только в различии социально-экономических и географических характеристик, но и в дифференциации демографических показателей. Актуальность определяется необходимостью проведения комплексного анализа основных показателей демографического старения в субъектах Российской Федерации с целью выявления закономерностей и территориальных особенностей изучаемого явления.

За последние полтора века возрастная структура России претерпела существенные изменения. Во второй половине XIX в. ее можно охарактеризовать как «молодую» (высокая доля детей и малый удельный вес населения старше 60 лет) с практически неизменной формой (рис. 1.6).

Причина формирования такой структуры не только в высокой рождаемости, но и смертности. В XIX веке доля доживающих до пожилого возраста в развитых странах варьировалась от 35 до 46%, в то время как в Европейской части России составляла порядка 25%, что соответствует показателям для Польши XVII века, согласно расчетам Э. Галлея⁴¹. С.А. Новосельский в труде «Смертность и продолжительность жизни в России»⁴² (1916 г.) возрастную структуру Российской Империи характеризовал как типичную для аграрных стран, отсталых в санитарном, культурном и экономических отношениях. На рубеже XIX и XX веков до 60 лет доживало порядка 29% жителей Европейской части России, в то время как в Швеции и Дании – свыше 50%⁴³.

Однако уже в XX веке большинство развитых и развивающихся стран (в том числе, и Россия) вступили в новую эпоху, которой в науке было присвоено название «демографическая революция». Проявилась она в снижении рождаемости и смертности, а также увеличении продолжительности жизни населения. В условиях одновременного уменьшения числа смертей и рождений изменение возрастной структуры проявляется в снижении удельного веса детей и перманентном росте доли населения старших возрастов, что наглядно продемонстрировано на рисунке 1.6.

Главным фактором демографического старения в России в XX веке выступало резкое снижение рождаемости, в связи с чем данный процесс рассматривается как «старение снизу». По сравнению с развитыми странами переход

⁴¹ Россет Э. Процесс старения населения / пер. с пол. Н.Н. Малютиной, Э.Н. Фарберовой. М.: Статистика, 1968. 512 с.

⁴² Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России/ Петроград: Тип. Министерства внутренних дел, 1916. 208 с.

⁴³ Demographic Yearbook. 1953. URL : <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dybsets/1953%20DYB.pdf>

низкой рождаемости начался позднее, но происходил гораздо более быстрыми темпами (табл. 1.7)

Рисунок 1.6. Динамика изменения удельного веса основных групп населения России в период с 1867 по 2010 г.

Источники: Рассчитано по данным переписей 1897–2010 гг. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>;
 1867 г. : Россет Э. Процесс старения населения / пер. с пол. Н.Н. Малютиной, Э.Н. Фарберовой. М.: Статистика, 1968. 512 с.; составлено авторами.

Таблица 1.7. Хронологические рамки перехода к низкой рождаемости в России и некоторых других развитых странах

Страна	Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) накануне перехода	Годы начала снижения рождаемости	Годы, в которые КСР составлял 2,2 и ниже	Приблизительная длительность перехода, лет	КСР в 1999 году
Франция	5,0	1800-е	1915–1919 1929–1944 1974 и след.	120	1,74
Швеция	4,7	1880-е	1926–1942 1968 и след.	50	1,53
Англия	4,9	1880-е	1925–1949 1972 и след.	50	1,73
Германия	5,3	1890-е	1926–1941 1969 и след.	40	1,41
Италия	5,0	1890-е	1975 и след.	90	1,20
США	4,5	1890-е	1933–1939 1971 и след.	50	2,05
Испания	5,3	1900-е	1980 и след.	90	1,18
Россия	7,5	1900-е	1964 и след.	70	1,23
Финляндия	5,0	1910-е	1968 и след.	60	1,74

Источник: Демографическая модернизация России 1900–2000: кол. моногр. / под. ред. А.А. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 601 с.

**Таблица 1.8. Основные показатели демографического старения
в Российской Федерации: факт и прогноз**

Показатель	Год		
	1950	2015	2070
Доля пожилых людей (60 лет и старше), %	7,7	22,0	25,2
Индекс старения (число пожилых людей, приходящихся на 100 детей в возрасте от 0 до 14 лет)	26	120	147
Коэффициент потенциального замещения (число детей в возрасте от 0 до 14 лет, приходящихся на 100 человек в возрасте от 15 до 59 лет)	48	26	30
Коэффициент демографической поддержки (число людей в возрасте от 15 до 59 лет, приходящихся на 100 пожилых людей в возрасте 60 лет и старше)	814	315	229
Коэффициент демографической нагрузки (общий)	601	582	734
Коэффициент демографической нагрузки детьми в возрасте от 0 до 14 лет	478	265	297
Коэффициент демографической нагрузки пожилыми людьми в возрасте 60 лет и старше	123	317	437
Источник: World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/ , расчеты автора.			

Наряду с этим стоит также отметить, что процесс демографического старения в России развивался намного интенсивнее, чем в большинстве развитых стран. Так, на увеличение доли населения старше 60 лет с 10-ти до 17% во Франции ушло более 111 лет, в то время как в России – чуть более 30-ти. За полтора века Россия совершила переход от «молодого» государства с одними из самых высоких показателей рождаемости к территории, население которой по уровню старости соответствует населению большинства развитых стран (например, США): согласно рейтингу ООН в 2019 г. Россия занимала 39 место в мире по доле населения старше 60 лет⁴⁴.

На текущий момент Российская Федерация относится к странам с высоким уровнем демографической старости (доля населения старше 60 лет в 2019 г. составляла 22%, что в 2,5 раза выше значения 1950 г.). Согласно среднему варианту прогноза ООН к 2070 г. удельный вес пожилых людей в общей численности населения страны возрастет до 25% (табл. 1.8). Прирост будет умеренным, и связано это в первую очередь с потенциальной реализацией небольшого демографического дивиденда, вызванного увеличением рождаемости в 2000-х годах. Этим же объясняется рост коэффициента потенциального замещения, который до 2019 г. неуклонно снижался.

Тем не менее незначительное увеличение рождаемости не способно существенно повлиять на положительную динамику процесса демографического старения. Рассчитанный коэффициент демографической поддержки можно трактовать следующим образом: если в 1950 г. на одного пожилого приходилось 8 человек трудоспособного возраста, то в 2019 г. этот показатель снизился до трех, а в 2070 г. на одного представителя старшего поколения будет приходиться всего лишь два человека в возрасте от 15 до 59 лет.

⁴⁴ World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

**Таблица 1.9. Распределение регионов РФ по шкале
демографической старости Э. Россета**

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровень демографической старости	Количество регионов	
			1990 г.	2019 г.
1	<8	Демографическая молодость	10	2
2	8–10	Первое преддверие старости	5	3
3	10–12	Собственно преддверие старости	9	2
4	12 и выше	Демографическая старость	59	76,
	12–14	Начальный уровень демографической старости	10	4
	14–16	Средний уровень демографической старости	14	5
	16–18	Высокий уровень демографической старости	12	4
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости	23	63
Источник: ЕМИСС. URL: http://fedstat.ru/indicators/start.do ; расчеты авторов.				

Тренд изменения показателя демографической нагрузки сопоставим с другими развивающимися странами: наблюдаемое снижение в период с 1950 по 2019 г. связано с реализацией демографического дивиденда, который на текущий момент уже исчерпан, а нагрузка на трудоспособное население существенно увеличится к 2070 г. При этом если в 2019 г. 54% общей демографической нагрузки формировалось за счет населения пожилого возраста, то к 2070 г. этот показатель возрастет до 60%.

Из анализа следует, что факторы и сама сущность процесса демографического старения в Российской Федерации являются достаточно понятными и прогнозируемыми, в связи с чем выстраивание политики государства должно опираться именно на них. На текущий момент в России лишь один документ федерального значения направлен на решение проблемы последствий старения населения, – «Стратегия в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации» (далее – Стратегия). Несмотря на своевременность и актуальность Стратегии, это лишь набор рекомендаций без прямого указания на то, как данные мероприятия могут способствовать изменению сложившейся в стране ситуации. В документе не учитывается тот факт, что Россия продолжит «стареть» в дальнейшем и политика должна иметь долгосрочный эффект. Но важнее всего другое: в Стратегии не уделяется внимание региональному разнообразию регионов по уровню старости. По мнению авторов документа, мероприятия, обозначенные в нем, должны носить универсальный характер. Однако регионы России различаются между собой не только социально-экономическими, но и демографическими показателями. Внутреннюю дифференциацию показывает шкала демографического старения Э. Россета⁴⁵ (граница пожилого возраста – 60 лет; табл. 1.9).

Как видно из таблицы, за 26 лет количество регионов с очень высоким уровнем демографической старости возросло с 23 до 63, «молодых» – сократилось в 3,5 раза. Главной же особенностью является постепенное выравнивание субъектов РФ по уровню демографической старости.

⁴⁵ Россет Э. Процесс старения населения / пер. с пол. Н.Н. Малютиной, Э.Н. Фарберовой. М.: Статистика, 1968. 512 с.

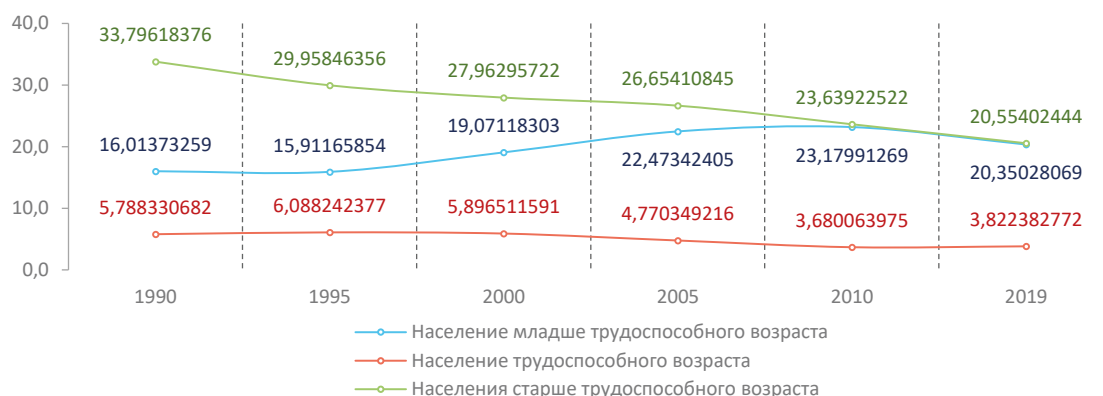

Рисунок 1.7. Динамика изменения коэффициента вариации удельного веса трех основных групп населения субъектов РФ в 1990–2019 гг. (все население), %

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>; расчеты авторов.

В 2019 г. самым «старым» субъектом РФ являлась Тульская область (доля пожилых людей составляла 25%), а наиболее «молодыми» – Ямало-Ненецкий автономный округ и Чеченская Республика (6 и 7%). Соотношение между max и min значениями составляет порядка 4:1, однако это не дает полного представления о дифференциации уровня старения в Российской Федерации, поскольку количество «молодых» субъектов в стране незначительно.

Для проведения дальнейшего анализа внесем некоторые коррективы: границу «старости» установим на отметке 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин, т.е. пенсионного возраста или возраста старше трудоспособного. Использованный нами ранее предел в 60 лет был необходим для межстранового сравнения и выделения того или иного уровня «старости» территории. При анализе демографического старения на внутривнутристрановом уровне, как правило, используются границы пенсионного возраста, которые в подавляющем большинстве государств разнятся. Продиктовано это тем, что многие социальные и экономические последствия старения населения связаны с гражданским статусом «пенсионера» и проблемами с обеспечением межпоколенческих трансфертов в рамках пенсионной системы.

Теория демографического перехода предполагает, что конечным этапом трансформации возрастной структуры должно стать стационарное население, т.е. население с неизменными показателями смертности и рождаемости⁴⁶. В этом случае вариация изменения удельного веса возрастных групп населения стремится к нулю. Это же относится и к снижению дифференциации между локальными территориями. Для того чтобы проверить сопоставимость теоретических постулатов с реальными демографическими тенденциями обратимся к коэффициентам вариации удельного веса трех основных групп населения, рассчитанного для 83 субъектов РФ (без учета г. Севастополя и Республики Крым) за период 1990–2019 гг. (рис. 1.7–1.9).

⁴⁶ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 239 с.

Рисунок 1.8. Динамика изменения коэффициента вариации удельного веса трех основных групп населения субъектов РФ в 1990–2019 гг. (городская местность), %

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>, расчеты авторов.

Рисунок 1.9. Динамика изменения коэффициента вариации удельного веса трех основных групп населения субъектов РФ в 1990–2019 гг. (сельская местность), %

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>; расчеты авторов.

Приведенные данные позволяют сделать три основных вывода.

1. Возрастная структура населения субъектов РФ стремится к единообразию. Из рисунков видно, что дифференциация регионов за рассматриваемый период возросла только по показателю удельного веса детей от 0 до 14 лет, что было вызвано разной интенсивностью роста рождаемости в отдельных субъектах страны в 2000-х годах. Вариация доли трудоспособного населения незначительна, в то же время дифференциация регионов по уровню «старости» стремительно снижается (все регионы «стареют»).

2. Дифференциация возрастной структуры населения в городской местности регионов РФ меньше, чем в сельской. В 1990-х годах эта разница была существенно выше. На текущий момент она сохраняется применительно к удельному весу детей и пожилых.

3. Дифференциация возрастной структуры населения субъектов РФ определяется только разницей удельного веса детей и пожилых людей. В условиях «естественного» демографического развития (без масштабной миграции, крупных войн, катастроф и др.) доля трудоспособного населения варьируется незначительно. Изменение возрастной структуры происходит исключительно «снизу» (уменьшение или рост доли детей) и «сверху» (уменьшение или увеличение доли пожилых людей), что определяет различия в уровне демографической нагрузки на трудоспособное население в регионах РФ.

Высокий уровень демографической нагрузки не всегда отрицательно влияет на темпы социально-экономического развития. Он может рассматриваться как фактор потенциального экономического роста в том случае, если в большей степени формируется за счет населения младших возрастных групп. Если доля пожилых превышает долю детей в населении, нагрузку часто называют отрицательной – что в современной парадигме старости уже несколько устарело. Рассмотрим изменение структуры регионов РФ с отрицательной демографической нагрузкой в территориальном разрезе за период с 1990 по 2019 г. (рис. 1.10). Рассматривались 83 субъекта РФ (без учета г. Севастополя и Республики Крым).

Из рисунка видно, что в период с 1990 по 2019 г. количество регионов с отрицательной демографической нагрузкой существенно возросло (например, для городского населения почти в 14 раз). Стоит отметить, что интенсивность старения городского населения была значительно выше, чем в сельской местности.

За период с 2000 по 2019 г. общая продолжительность жизни (ОПЖ) в стране возросла на 6,3 года (с 64,7 до 71 года⁴⁷). Коэффициент вариации показателя в регионах страны (без учета г. Севастополя и Республики Крым) является небольшим (3,2%) и имеет тенденцию к снижению (в 2000 г. он составлял 3,8%), а разница между минимальным (Республика Тыва – 64,2 года) и максимальным (Республика Ингушетия – 80,82 года) значениями составляет порядка 16 лет.

Важно отметить, что изменение показателя для городского и сельского населения имеет существенные различия. Так, по приросту ОПЖ за период с 2000 по 2019 г. горожане заметно опережали селян (рис. 1.11). Менее чем на 5 лет ОПЖ сельского населения увеличилась в 25 субъектах РФ, городского – только в семи. Более того, для сельского населения Сахалинской области и Чукотского автономного округа этот показатель имел отрицательное значение.

Увеличение продолжительности жизни, как и старение населения, является закономерным следствием демографических изменений, затронувших Россию в XX веке. Но на уровне российских регионов ситуация представляется весьма неоднородной: выявлены различия в приросте показателя для городской и сельской местности, а в некоторых субъектах наблюдалось его снижение. В то же время показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) существенно ниже, чем в развитых странах, имеющих схожие показатели по уровню старости. В России ситуация складывается таким образом, что темпы демографического старения значительно опережают достижения в области продления активной и

⁴⁷ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>

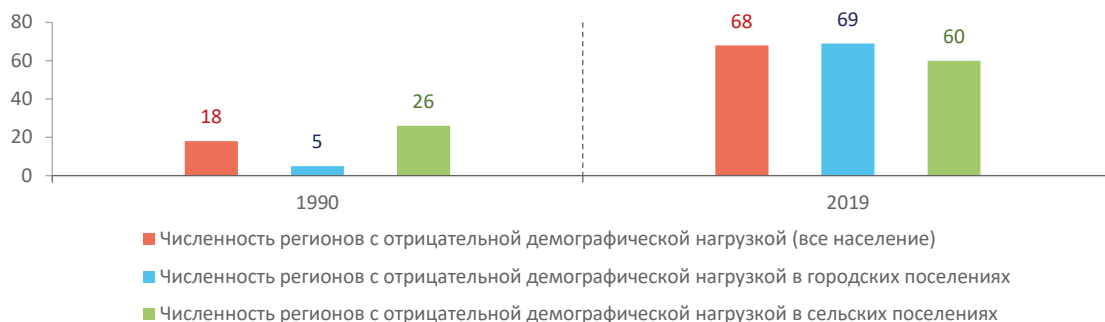

Рисунок 1.10. Численность регионов РФ с отрицательной демографической нагрузкой (доля пожилых людей превышает долю детей), 1990–2019 гг.

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>; расчеты авторов.

Рисунок 1.11. Распределение регионов РФ по показателю прироста ОПЖ с 2000 по 2016 г. в территориальном разрезе

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>; расчеты авторов.

здоровой жизни населения. По показателям дожития, ОПЖ и ОПЗЖ Россия находится на уровне 1970-х годов, в то время как доля пожилых людей возросла почти в два раза. При разработке мер по стимулированию занятости населения пенсионного возраста (одно из главных положений Стратегии) необходимо учитывать тот факт, что регионы страны обладают разным ресурсным потенциалом населения пожилого возраста, прежде всего, в части состояния здоровья.

Безусловно, миграция выступает одним важнейших факторов старения населения. В данном исследовании мы предпримем попытку рассмотреть возрастную структуру миграционных потоков не как причину, а как следствие демографического старения. Для этого было выделено восемь групп регионов России, в зависимости от характера миграции (табл. 1.10). Рассматривались 82 субъекта РФ без учета г. Севастополя, Республики Крым и Чеченской Республики.

Таблица 1.10. Группировка регионов в зависимости от характера миграционных потоков в возрастном срезе в 2016 г.

Характер миграционных потоков		Количество регионов
Группа 1	1. Прибытие населения младше трудоспособного возраста. 2. Прибытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Прибытие населения трудоспособного возраста.	21
Группа 2	1. Прибытие населения младше трудоспособного возраста 2. Прибытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Выбытие населения трудоспособного возраста.	2
Группа 3	1. Прибытие населения младше трудоспособного возраста 2. Выбытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Прибытие населения трудоспособного возраста.	4
Группа 4	1. Выбытие населения младше трудоспособного возраста 2. Прибытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Прибытие населения трудоспособного возраста.	5
Группа 5	1. Выбытие населения младше трудоспособного возраста 2. Выбытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Прибытие населения трудоспособного возраста.	2
Группа 6	1. Выбытие населения младше трудоспособного возраста 2. Прибытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Выбытие населения трудоспособного возраста.	9
Группа 7	1. Прибытие населения младше трудоспособного возраста 2. Выбытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Выбытие населения трудоспособного возраста.	4
Группа 8	1. Выбытие населения младше трудоспособного возраста 2. Выбытие населения старше трудоспособного возраста. 3. Выбытие населения трудоспособного возраста.	35
Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: http://fedstat.ru/indicators/start.do ; расчеты авторов.		

Наиболее благоприятными с демографической и социально-экономической позиции выступают группы 3 (прибытие детей и населения трудоспособного возраста, что дает долгосрочный эффект снижения темпов старения населения) и 5 (прибытие населения трудоспособного возраста, что дает долгосрочный эффект снижения темпов старения населения), а наименее благоприятной – группа 6 (прибытие населения старше трудоспособного возраста, что увеличивает интенсивность старения населения). Сразу отметим, что в данном случае оценивался не масштаб, а характер миграционных потоков в возрастном срезе. Возрастная структура прибывших/выбывших, рассчитанная в среднем для всех регионов РФ, выглядит следующим образом: 17% – дети, 11% – население пенсионного возраста, 72% – населения трудоспособного возраста.

В 2019 году наиболее представительными по числу регионов были «полярные» группы 1 и 8. В состав субъектов России, относящихся к группе 8, входят практически все территории Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов. Именно в этих регионах в период с 1990 по 2019 год наблюдались наивысшие темпы прироста удельного веса пожилых людей. Таким образом, группа 8 также

выступает одной из самых неблагоприятных с точки зрения «старения» возрастной структуры. Причина кроется в определенной нами структуре прибывших/выбывших (17% – дети / 11% – пенсионеры / 72% – трудящиеся): при отрицательном сальдо миграции население региона «стареет» из-за непропорционального состава мигрантов по возрасту.

В 2019 г. в группы 3 и 5 (наиболее благоприятные) входили Свердловская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Красноярский край, Псковская область, Томская область. Представительство в группе 6 (наименее благоприятная) также возросло, и по данным за 2019 г. в ее состав входили Костромская область, Орловская область, Владимирская область, Вологодская область, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Нижегородская область, Саратовская область, Ульяновская область. На основании полученных данных мы можем предполагать, что старение населения регионов России существенным образом сказывается на возрастных характеристиках миграционных потоков, оказывающих, в числе прочих, влияние на социально-экономическое развитие.

В целом процесс демографического старения в Российской Федерации происходит по сценарию, схожему с большинством развивающихся стран, который, тем не менее, имеет свои особенности и не является равномерным (в связи с деформированностью возрастной структуры). Через несколько десятилетий Россия вступит в фазу реализации небольшого демографического дивиденда, вызванного увеличением рождаемости в 2000-х, в связи с чем темпы старения населения несколько снизятся. Проведенный анализ демонстрирует, что дифференциация регионов страны по уровню старости снижается, однако по-прежнему существует ряд заметных отличий, касающихся в первую очередь характеристик населения в городской и сельской местности. Факторы и последствия демографического старения в регионах РФ во всем их многообразии должны учитываться при стратегическом планировании социально-экономического развития территорий.

Необходимо подчеркнуть, что даже в относительно однородных с демографической точки зрения регионах могут наблюдаться отличия в процессе трансформации возрастной структуры, учет которых важен при формировании территориальной социально-экономической политики. Рассмотрим более подробно специфику процесса демографического старения внутри отдельного субъекта РФ на примере Вологодской области.

Возрастная структура населения Вологодской области с 1992 года характеризуется очень высоким уровнем демографической старости (доля пожилых превышает 18%). В период с 2006 по 2009 год этот показатель опустился ниже критической отметки (доля пожилых составила 17,6%), однако с 2010 года рост возобновился, и по данным за 2019 год удельный вес пожилых людей в населении области составляет 20%⁴⁸.

Динамика удельного веса трех основных возрастных контингентов рисует общую картину трансформации возрастной структуры населения Вологодской обла-

⁴⁸ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>

сти с 1959 по 2010 г. За полвека произошло двукратное сокращение удельного веса детей и, соответственно, увеличение доли взрослых как в трудоспособном, так и в пенсионном возрастах. При этом удельный вес старшего поколения рос гораздо быстрее, чем трудоспособного (рис. 1.12).

За тридцатилетний период (с 1959 по 1989 г.) население как России, так и Вологодской области «постарело» на 4,5 года, тогда как в период с 1989 по 2010 год интенсивность старения заметно снизилась: по России возрастной показатель старения имел значение 3 года, в Вологодской области – 1 год (табл. 1.11).

Однако в целом процесс демографического старения Вологодской области проходил по характерному для Европейской части России сценарию, со схожими трендами и значениями показателей, что позволяет считать полученные в ходе исследований данные репрезентативными и экстраполировать их на большинство других регионов России.

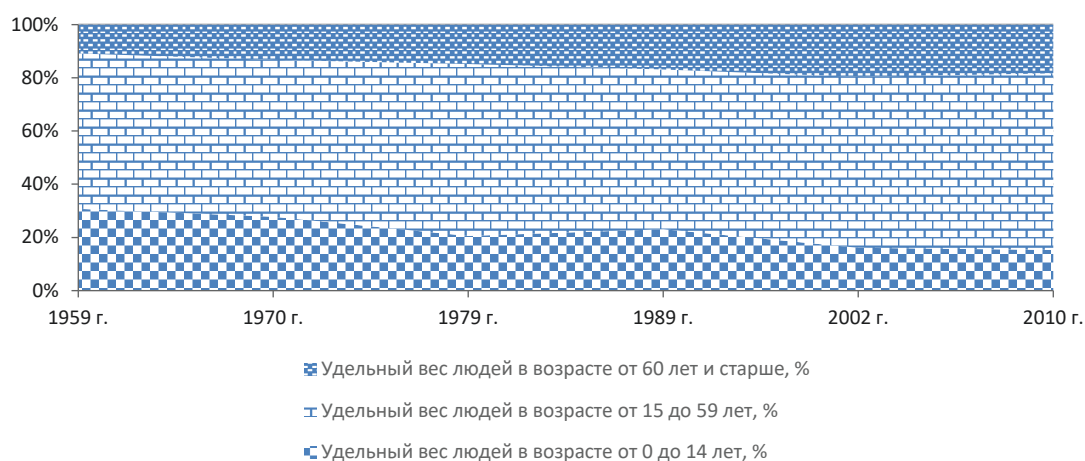

Рисунок 1.12. Распределение населения Вологодской области по основным возрастным группам

Источник: рассчитано по данным переписей 1959–2010 гг. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Таблица 1.11. Возрастные показатели старения для России и Вологодской области (по данным переписей 1959, 1989, 2010 гг.)

Показатель	Территория			
	Россия	Вологодская область	Россия	Вологодская область
	1959-1989 гг.		1989-2010 гг.	
Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в начале периода, %	9	11	15	18
Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в конце периода, %	15	17	18	18
Интенсивность старения в возрасте 60 лет и старше, лет	4,5	4,5	3	1
Источник: рассчитано по данным переписей 1959, 1989, 2010 гг. URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php				

Внутриобластная дифференциация показателей половозрастной структуры имеет ряд особенностей. Доля детей (население в возрасте от 0 до 14 лет) среди районов области варьируется от 15% в Череповецком районе до 20% в Верховажском⁴⁹. Во всех 26 районах Вологодской области коэффициент старения превышает 18%. Разница между максимальным и минимальным значениями составляла 11 процентных пунктов. Самыми «старыми» стали Вашкинский, Усть-Кубинский, Белозерский и Харовский районы, где доля пожилых людей превышает 27%. Наименьший процент пожилых людей в общей численности населения, помимо городских округов Вологды и Череповца (17 и 18% соответственно), наблюдался также в Никольском районе (18%). Положение двух крупных городов обусловлено наиболее высоким естественным и миграционным приростом среди других территориально-административных единиц Вологодской области.

Город Вологда и Вашкинский район – два полюса внутриобластной дифференциации. Вашкинский район – старейшая в демографическом смысле территориально-административная единица Вологодской области, по уровню старения превосходящая самый «старый» субъект РФ – Тульскую область (29% против 25% соответственно). В районе очень высокая доля пожилых сочетается с самой низкой долей населения трудоспособного возраста (47%). Его противоположностью является г. Вологда, где наблюдается наименьшая доля пожилых и наибольший удельный вес людей в трудоспособном возрасте. Население г. Вологды – самое «молодое» в области по всем показателям, кроме индекса старения, по которому минимум наблюдается в Никольском районе. Обе территории по сравнению с другими городами и районами Вологодской области имеют низкую долю пожилых, но представляют два разных типа «молодой» возрастной структуры. Никольский район «молод» потому, что в его населении высока доля детей, а г. Вологда – потому, что в нем высока доля лиц трудоспособного возраста. Никольский район также является единственным районом, где численность детей превышает численность населения старше 60 лет: в 2019 году на 100 детей приходилось 89 пожилых людей. Самые высокие значения показателя продемонстрировали Вашкинский, Харовский и Белозерский районы, в которых на каждые 100 детей приходится свыше 170 пожилых людей.

Самые высокие коэффициенты общей и «пенсионной» демографической нагрузки наблюдаются в Вашкинском районе: 1126 и 754 на 1000 людей в трудоспособном возрасте соответственно. Также еще в 4 районах области коэффициент общей демографической нагрузки превысил планку в 1000 человек (Усть-Кубинский, Белозерский, Харовский и Кирилловский). Даже по высокому варианту прогноза Росстата Россия достигнет этого показателя после 2030 года. Максимально высокий коэффициент нагрузки детьми отмечается в Верховажском районе (415 детей на 1000 населения в трудоспособном возрасте), однако разница между первым и последним районом относительно небольшая (чуть выше 100 человек), тогда как разница между максимальным и минимальным значениями нагрузки «пожилыми» достигает порядка двух раз, что позволяет нам сделать вывод о большей диф-

⁴⁹ Здесь и далее: расчеты проведены на основе данных статистического сборника «Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2016 году».

ференциации районов области по возрастным группам пожилых людей, нежели детей. Наиболее сбалансированный показатель демографической нагрузки отмечен в Никольском районе, где иждивенческие группы детей и пожилых людей примерно равны.

Анализ внутриобластной дифференциации обнаруживает несколько групп территорий с отклоняющимися от средних значений показателями возрастной структуры населения. К первой группе можно отнести районы с устоявшейся регрессивной возрастной структурой, в которых наблюдается низкий удельный вес детей и большая доля лиц в возрасте старше 60 лет. К их числу относятся Вашкинский, Усть-Кубинский, Белозерский, Харовский и Кирилловский районы. Во вторую группу входят районы, для которых характерна наибольшая доля населения в возрасте от 0 до 14 лет и, соответственно, большая демографическая нагрузка детьми. К ним относятся Никольский, Верховажский и Бабушкинский, Тарногский и Вытегорский районы. Третья группа территорий характеризуется преобладанием в возрастной структуре населения лиц трудоспособного возраста, но, в то же время, малой долей детей, что в перспективе может заметно ускорить процесс демографического старения. К последней группе относятся г. Вологда, г. Череповец, Шекснинский и Череповецкий районы.

При составлении прогноза изменения возрастной структуры населения Вологодской области использовался метод передвижки возрастов. С учетом инерционной составляющей демографических процессов было сделано допущение, что основные показатели воспроизводства населения в регионе (уровень рождаемости, смертности, миграции) будут соответствовать уровню базового 2019 года. Как показали расчеты, возрастная структура населения Вологодской области к 2035 году претерпит значительные изменения: доля людей пенсионного возраста возрастет на 5% (с 24,2% в 2015 году до 29,2% в 2035 году), в то время как удельный вес трудоспособного населения снизится на 4,5% (рис. 1.13). Доля детей (от 0 до 14 лет) за этот же период сократится на 0,6%.

Как можно увидеть из данных рисунка, доля трудоспособного населения будет уменьшаться примерно до 2025 года, после чего должен произойти незначительный прирост в этой социально-демографической группе. Подобные изменения будут вызваны вступлением в трудоспособный возраст относительно многочисленных поколений детей, рожденных во второй половине 2000-х годов. Проводимая на федеральном и региональном уровнях политика по повышению рождаемости (в том числе введение в 2007 году государственной программы «Материнский капитал») позволила создать некоторый демографический дивиденд, который в ближайшие десятилетия позволит притормозить снижение удельного веса трудоспособного населения. Однако этого недостаточного для того, чтобы уменьшить темпы демографического старения: доля пожилых людей на протяжении всего рассматриваемого периода продолжит расти.

Полученные данные соответствуют общемировым и общероссийским демографическим тенденциям, которые характеризуются необратимостью старения населения. Однако важно понимать, что процесс трансформации возрастной структуры населения может быть территориально дифференцирован даже в таких

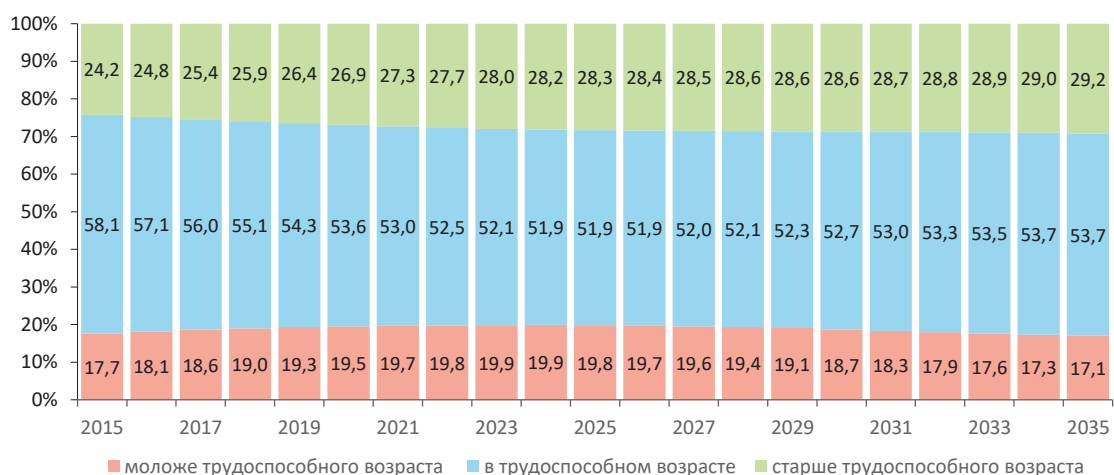

Рисунок 1.13. Прогноз изменения возрастной структуры населения Вологодской области, %

Примечание. Прогноз выполнен методом передвижки возрастов при предположении о сохранении режима воспроизводства населения Вологодской области в 2014 году (половозрастной структуры миграции и смертности, а также повозрастной структуры рождаемости) на весь период прогнозирования.

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2015. 96 с.; Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2015. 81 с.; расчеты авторов.

относительно однородных с демографической точки зрения регионах, как Вологодская область. По прогнозу, изменение баланса основных групп населения существенным образом будет отличаться в городской и сельской местности. В крупных городах (Вологда и Череповец) и районных центрах процесс старения будет проходить умеренными темпами (доля пожилых людей увеличится к 2035 году на 3%), в то время как доля детей в возрасте от 0 до 14 лет сохранится примерно на том же уровне (рис. 1.14), что в перспективе будет способствовать сохранению демографического баланса на этих территориях.

Что касается сельских территорий Вологодской области, то здесь ситуация обстоит значительно хуже. При сохранении существующих тенденций доля пожилых людей в сельских поселениях увеличится к 2035 году до 42% (прирост более чем на 13% за 20 лет), в то время как удельный вес трудоспособного населения снизится до 44% (рис. 1.15).

Для выявления причин такой разницы в изменении возрастной структуры городского и сельского населения Вологодской области сравним основные демографические показатели в базовом 2019 году:

- ожидаемая продолжительность жизни населения в крупных городах и районных центрах превышает данный показатель в сельской местности (67,7 года против 64,9 года соответственно);
- общий коэффициент рождаемости примерно сопоставим (13,5 промилле в городе против 13,7 промилле на селе);

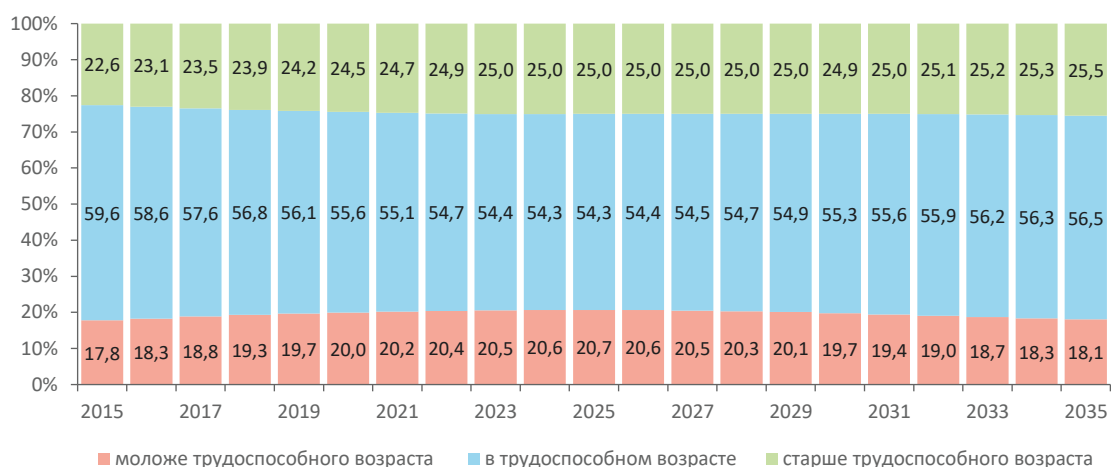

Рисунок 1.14. Прогноз изменения возрастной структуры городского населения Вологодской области, %

Примечание. Прогноз выполнен методом передвижки возрастов при предположении о сохранении режима воспроизводства населения Вологодской области в 2014 году (половозрастной структуры миграции и смертности, а также повозрастной структуры рождаемости) на весь период прогнозирования.

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2015. 96 с.; Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2015. 81 с.; расчеты авторов.

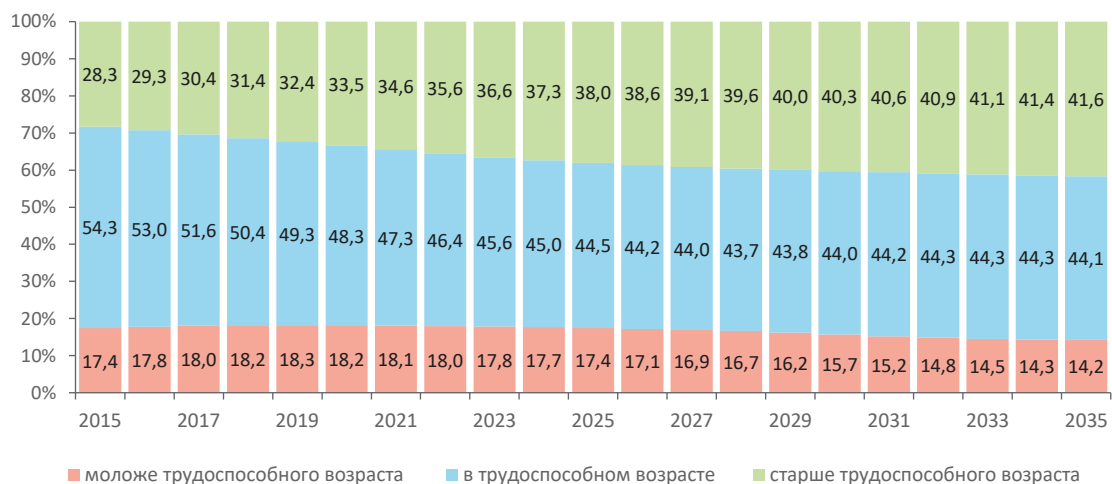

Рисунок 1.15. Прогноз изменения возрастной структуры сельского населения Вологодской области, %

Примечание. Прогноз выполнен методом передвижки возрастов при предположении о сохранении режима воспроизводства населения Вологодской области в 2014 году (половозрастной структуры миграции и смертности, а также повозрастной структуры рождаемости) на весь период прогнозирования.

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2015. 96 с.; Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2015. 81 с.; расчеты авторов.

– общий коэффициент смертности населения в сельских поселениях значительно превышает аналогичный показатель в городской местности (18,5 промилле против 13,4 промилле соответственно);

– в крупных городах и районных центрах наблюдается естественный прирост населения (0,1%), в то время как на селе – убыль (-4,8%).

Таким образом, сравнение основных показателей воспроизводства населения свидетельствует, что в перспективе демографическое старение должно интенсивнее развиваться в городской местности (т.к. на этих территориях наблюдаются более низкие показатели рождаемости/смертности и выше уровень ОПЖ), чем в сельской, однако в реальности мы наблюдаем обратную ситуацию. Причина кроется в еще одном важном факторе воспроизводства населения – миграции.

Как можно увидеть из таблицы 1.12, в 2019 году в сельской местности наблюдался отток населения младшего и трудоспособного возрастов, причем эта миграция имела центростремительный характер, т.е. население перемещалось из сел в города или районные центры (т.н. «полюса роста»). Таким образом, с одной стороны, выбытие людей в трудоспособном возрасте деформирует возрастную структуру населения территории-донора, увеличивая удельный вес пожилых. С другой стороны, возрастная структура территории-реципиента «омолаживается». Выезд трудоспособного населения сопровождается и выбытием населения младше трудоспособного возраста, поскольку, как правило, речь идет о смене места жительства целыми семьями.

Ситуация складывается таким образом, что ускоренному старению сельских территорий способствует не только отток молодежи и трудоспособного населения, но и приток пожилых людей. Как итог, в общественном сознании все больше формируются образы «молодого города» и «старого села», которые еще больше увеличивают разрыв между поколениями, изменяя не только демографическое, но и социальное пространство.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что население Вологодской области продолжит «стареть»: доля пожилых людей к 2035 году возрастет до 29,2%, в то время как удельный вес трудоспособного населения сократится до 53,7%. Как показал проведенный анализ, наиболее существенным фактором территориальной дифференциации демографического старения в Вологодской области является центростремительная миграция населения трудоспособного

Таблица 1.12. Миграционный прирост населения Вологодской области по возрастным группам и типу местности в 2019 году, чел.

Возраст, лет	Городская местность	Сельская местность	Общий
Мужчины и женщины 0–15	979	-1124	-145
Мужчины 16–59, женщины 16–54	1322	-2411	-1089
Мужчины 60 и более, женщины 55 и более	252	125	377
Источник: Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. Вологда, 2019. 81 с.			

и младшего возрастов из сел в города. Это ведет к ускоренному изменению возрастной структуры населения сельских территорий в сторону ее «старения», но способствует «омолаживанию» городского населения. Можно сделать вывод, что в условиях суженного воспроизводства населения именно миграция становится основным инструментом регулирования и нивелирования последствий старения населения. Вместе с тем внутренняя центростремительная миграция ведет к ускоренному старению сельских территорий, при этом не меняя общую возрастную структуру населения региона. Следовательно, эффективным инструментом сглаживания последствий демографического старения представляет только внешняя миграция.

Однако для привлечения мигрантов трудоспособного возраста необходимо создавать комфортные социально-экономические условия, что требует дополнительных затрат, но не гарантирует финансового эффекта в краткосрочной перспективе. В этой связи наиболее очевидным является другой механизм: увеличение пенсионного возраста. В своем исследовании мы осуществили попытку проследить последствия увеличения возраста выхода на пенсию для возрастной структуры населения Вологодской области. Моделировались два сценария:

1) изменение возраста (пошаговое увеличение) выхода на пенсию для женщин до 60 лет (по полгода в год) и сохранение его для мужчин на уровне 60 лет;

2) пошаговое увеличение возраста выхода на пенсию для женщин до 60 лет (по полгода в год) и для мужчин до 63 лет (по полгода в год).

Данные прогнозов по обоим сценариям показывают, что увеличение пенсионного возраста позволяет поддерживать существующий паритет между основными социально-демографическими группами населения. Однако если в первом случае демографическое старение хотя и в умеренном темпе, но все же продолжится (доля трудоспособного населения к 2035 году сократится с 57 до 55%, а удельный вес пожилых вырастет с 24 до 26%), то при втором сценарии повышение пенсионного возраста позволит поддерживать удельный вес пожилых людей и трудоспособного населения на текущем уровне вплоть до 2035 года (24 и 57% соответственно).

Но, как уже отмечалось ранее, повышение пенсионного возраста нельзя рассматривать исключительно как «вещь в себе». Необходимо стимулирование занятости населения старших возрастов при текущем уровне возраста выхода на пенсию. Данная идея нашла отражение в государственном документе «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года», один из подразделов которой посвящен созданию условий для повышения трудовой активности населения старших возрастов, как важнейшей составляющей реализации ресурсного потенциала данной социально-демографической группы. Однако и в этом случае существует ряд важных проблем. Во-первых, необходимо выяснить потребности и готовность пожилых людей трудиться после выхода на пенсию. Во-вторых, возможности и мотивация пенсионеров к продолжению трудовой деятельности могут значительно различаться в зависимости от места проживания, социальной среды и институциональных возможностей территории обеспечить

пенсионеров рабочими местами. В-третьих, эффективная реализация ресурсного потенциала старшего поколения может быть ограничена как внутренними (индивидуальными), так и внешними (институциональными) факторами. Это актуализирует проведение исследований в области изучения структуры и особенностей формирования ресурсного потенциала старшего поколения.

1.3. Тенденции внутренней миграции населения в регионах России и факторы, оказывающие на них влияние

В современный период в результате распада СССР и образования новых независимых государств, смены правовых и идеологических основ, произошла трансформация внутригосударственных миграций. К началу XXI века эта трансформация привела к соответствующим кардинальным изменениям во внутренней миграции населения в ее структуре, типах, видах, целях, в миграционной ситуации в целом⁵⁰.

Сегодня главными тенденциями внутренней миграции являются следующие положения.

1. «Западный дрейф»: углубление концентрации населения в центральной части страны и сокращение численности в северо-европейских и азиатских регионах (Сибирь и Дальний Восток). Он начался в первой половине 90-х и именно тогда был наиболее масштабным. Причиной этому, прежде всего, является то, что заработная плата перестала компенсировать удорожание жизни в указанной местности, многие предприятия закрывались⁵¹. Итоги произошедших изменений были неутешительны. Так, население Чукотки сократилось в 3 раза, Магаданской области – в 2, а Камчатку покинули 60% ее жителей. Подобное перераспределение населения лучше всего демонстрируют данные переписей населения (табл. 1.13).

2. Центростремительный характер миграции, которая происходит в двух формах: из села в город и из периферии в Москву и Санкт-Петербург⁵².

3. Концентрация населения в крупнейших по численности городах⁵³ и агломерациях России. Этот тренд, начавшись в 2000-е годы, по мере экономического роста приобретал все большие масштабы⁵⁴.

⁵⁰ Будилов А.П. Внутрироссийская миграция: дифференциация регионов и ее факторы // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 97–106.

⁵¹ Будилов А.П. Основные тренды внутренней миграции населения России [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2019. № 4 (49). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28301>

⁵² Василенко П.В. Географические аспекты изучения миграций населения // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2013. № 2. С. 105–111.

⁵³ Согласно классификации городов по своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СП 42.13330.2016) от Минрегионразвития РФ к крупнейшим городам относятся города с населением свыше 1 млн. чел.

⁵⁴ Винник М.В., Абылкаликов М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 1–19.

**Таблица 1.13. Численность, доля и плотность населения
европейской и азиатской частей России с 1989 по 2010 г., чел.**

	1989	2002	2010
Тысяч человек			
Россия в целом	147022	143954	142833
Европейская часть	118004	117033	117226
в т. ч. Москва и СПб	13867	14958	16215
Азиатская часть*	29018	26921	25607
в т. ч. Сибирь	21068	20178	19287
Дальний Восток	7950	6743	6266
В процентах к численности населения России			
Европейская часть	80,3	81,3	82,1
в т. ч. Москва и СПб	9,4	10,4	11,4
Азиатская часть*	19,7	18,7	17,9
в т. ч. Сибирь	14,3	14,0	13,5
Дальний Восток	5,4	4,7	4,4
Плотность населения (человек на кв. км)			
Россия в целом	8,6	8,4	8,4
Европейская часть	20,5	20,4	20,4
Азиатская часть*	2,6	2,4	2,3
Источник: Федеральная служба государственной статистики. Данные переписей за 1989, 2002, 2010 гг.			
*Без Тюменской области.			

Тут важно, рассмотрев компоненты увеличения численности, отметить, что выросшие города, городские агломерации и районы вокруг них прибавили себе населения преимущественно за счет внутренней миграции (где-то по большей части за счет внутрирегиональной, где-то – межрегиональной), а не за счет международной миграции и естественного прироста⁵⁵. Население России стало стягиваться в крупнейшие города и особенно в наиболее развитые среди них.

На карте, отражающей коэффициент межрегионального миграционного прироста на 10000 населения по субъектам Российской Федерации, мы отчетливо видим те субъекты, которые растут за счет межрегиональной миграции, являясь точками притяжения внутренних мигрантов (рис.1.16). В центральной части России это прежде всего Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, на юге – Краснодарский край, на Урале – Тюменская область, в Сибири – Новосибирская и Томская область (обе за счет учебной миграции). К региональным центрам в Европейской части страны, притягивающим мигрантов, в можно отнести также Калининградскую, Белгородскую, Ярославскую, Воронежскую области и Республику Татарстан. Тенденция к вну-

⁵⁵ Калачикова О.Н., Будилов А.П. К вопросу об измерении миграционных процессов // Проблемы развития территории. 2018. № 4. С. 7–17.

**Рисунок 1.16. Карта суммарного коэффициента
межрегионального миграционного прироста на 10000 населения
по субъектам РФ за 2008–2018 гг., человек**

тренней миграции населения в Центральный, Северо-Западный, Юго-Западный регионы страны остается неизменной.

Донором для всех регионов России является важный геополитический и стратегический с точки зрения международной безопасности регион – Дальневосточный федеральный округ. За 2000–2018 годы в результате миграции в другие регионы Дальний Восток потерял 516413 человек, что составляет 7,5% от постоянного населения на 1 января 2000 года, Сибирь – 1128785 человек (5,5%), Приволжье – 663317 человек (2%).

Миграционный отток в периферийных регионах сохраняется и сейчас. Сложилась демографическая ситуация, которая представляет угрозу национальной безопасности России. Так, приграничные территории Китайской Народной Республики, страны с колоссальным демографическим потенциалом, имеют более чем пятнадцатикратное численное превосходство населения перед граничащими с ними территориями России.

Среди восьми федеральных округов три являются притягивающими население, а остальные (Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный) больше отдают население, чем привлекают его. Обмен населением между федеральными округами, как правило, происходит между территориально «соседствующими» округами, но в то же время велика и доля притяжения в «центр» (табл. 1.14).

Среди федеральных округов, притягивающих население, лидером является Центральный ФО (табл. 1.15). В результате обмена населением с другими округами за 2000–2018 г. он приобрел 1601439 чел., что равняется 4,1% от населения округа в 2018 г.; в основном обмен происходил с Приволжским и Северо-Западным

**Таблица 1.14. Суммарная внутрироссийская миграция
по территориям прибытия и выбытия (по федеральным округам,
отдающим население) за 2000–2018 гг.**

Северо-Кавказский ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2017 год составляет 9775770 чел.: за 2000–2018 г. в результате обмена населением с другими округами он отдал 435814 чел., что равняется 4,5% от населения округа в 2018 г.						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Южный	227555	32	2,3	Центральный	373005	32,5	3,8
Центральный	165629	23,3	1,7	Северо-Западный	325284	28,4	3,3
Уральский	89395	12,6	0,9	Северо-Кавказский	144865	12,6	1,5
Северо-Западный	69662	9,8	0,7	Приволжский	132945	11,6	1,4
Приволжский	68661	9,7	0,7	Уральский	82716	7,2	0,8
Сибирский	56237	7,9	0,6	Сибирский	57130	5	0,6
Дальневосточный	33529	4,7	0,3	Дальневосточный	30537	2,7	0,3
Всего	710668	100	7,3	Всего	1146482	100	11,7
Приволжский ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2017 год составляет 29636574 чел.: за 2000–2018 г. в результате обмена населением с другими округами он отдал 663317 чел., что равняется 2,2% от населения округа в 2018 г.						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Уральский	551848	28,7	1,9	Центральный	1064803	41,2	3,6
Центральный	516215	26,9	1,7	Уральский	600475	23,2	2,0
Северо-Западный	274136	14,3	0,9	Северо-Западный	376870	14,6	1,3
Сибирский	189267	9,9	0,6	Южный	246768	9,5	0,8
Южный	179595	9,3	0,6	Сибирский	142314	5,5	0,5
Дальневосточный	127392	6,6	0,4	Дальневосточный	84595	3,3	0,3
Северо-Кавказский	82716	4,3	0,3	Северо-Кавказский	68661	2,7	0,2
Всего	1921169	100	6,5	Всего	2584486	100	8,7
Уральский ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2017 год составляет 12345 803 чел.: за 2000–2018 г. в результате обмена населением с другими округами он отдал 125 241 чел., что равняется 1% от населения округа в 2018 г.						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Приволжский	600475	41,1	4,9	Приволжский	551848	34,8	4,5
Сибирский	271601	18,6	2,2	Центральный	338382	21,3	2,7
Центральный	166706	11,4	1,4	Южный	213378	13,4	1,7
Северо-Кавказский	144865	9,9	1,2	Сибирский	202924	12,8	1,6
Южный	137820	9,4	1,1	Северо-Западный	154263	9,7	1,2
Северо-Западный	83537	5,7	0,7	Северо-Кавказский	89395	5,6	0,7
Дальневосточный	57081	3,9	0,5	Дальневосточный	37136	2,3	0,3
Всего	1462085	100	11,8	Всего	1587326	100	12,9

Сибирский ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2017 год составляет 19326196 чел.: за 2000–2018 г. в результате обмена населением с другими округами он отдал 621785 чел., что равняется 3,2% от населения округа в 2018 г.						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Дальневосточный	244383	23,4	1,3	Центральный	466558	28,0	2,4
Уральский	202924	19,4	1,0	Уральский	271601	16,3	1,4
Центральный	187448	18,0	1,0	Южный	258715	15,5	1,3
Приволжский	142314	13,6	0,7	Северо-Западный	214773	12,9	1,1
Южный	115382	11,1	0,6	Дальневосточный	208413	12,5	1,1
Северо-Западный	94198	9,0	0,5	Приволжский	189267	11,4	1,0
Северо-Кавказский	57130	5,5	0,3	Северо-Кавказский	56237	3,4	0,3
Всего	1043779	100	5,4	Всего	1665564	100	8,6
Дальневосточный ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2017 год составляет 6182679 чел.: за 2000–2018 г. в результате обмена населением с другими округами он отдал 516413 чел., что равняется 8,4% от населения округа в 2018 г.						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Сибирский	208413	33,7	3,4	Центральный	334641	29,5	5,4
Центральный	122154	19,8	2,0	Сибирский	244383	21,5	4,0
Приволжский	84595	13,7	1,4	Южный	184747	16,3	3,0
Южный	75670	12,2	1,2	Северо-Западный	152413	13,4	2,5
Северо-Западный	59268	9,6	1,0	Приволжский	127392	11,2	2,1
Уральский	37136	6,0	0,6	Уральский	57081	5,0	0,9
Северо-Кавказский	30537	4,9	0,5	Северо-Кавказский	33529	3,0	0,5
Всего	617773	100	10,0	Всего	1134186	100	18,3
Заголовки граф: 1. Человек. 2. Доля округа среди других округов, в %. 3. % от населения округа на 2017 г. Источник: База статистических данных // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://gks.ru/							

округами. Северо-Западный федеральный округ увеличил численность своего населения в результате внутренней миграции на 322303 чел., что равняется 2,3% от населения округа в 2018 г.; наиболее существенный приток был из Центрального и Приволжского ФО, а отток – в Центральный и Южный ФО. Южный федеральный округ в исследуемый период аккумулировал 264268 чел., что равняется 1,6% от населения округа в 2018 г., а преобладающий обмен происходил с Центральным и Северо-Западным ФО (табл. 1.15).

Сокращение численности населения присуще не только регионам азиатской части страны, но и большому числу субъектов из европейской части. Так, вклад внутренней миграции в демографическую динамику регионов в соотношении с естественным приростом (убылью) является следующим (табл. 1.16). За 2008–2018 гг. относительно благополучной можно считать ситуацию всего в 18 регионах, хотя и вклад в демографическую динамику не во всех из них был одинаков. Только

**Таблица 1.15. Суммарная внутрироссийская миграция
по территориям прибытия и выбытия (по федеральным округам,
притягивающим население) за 2000–2018 гг.**

Центральный ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2018 год составляет 39209582 чел., округ является притягивающим население						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Приволжский	959946	26,2	2,4	Северо-Западный	529014	25,6	1,3
Северо-Западный	581829	15,9	1,5	Приволжский	516215	25	1,3
Южный	562746	15,4	1,4	Южный	375396	18,2	1,0
Сибирский	434355	11,9	1,1	Сибирский	187448	9,1	0,5
Уральский	405045	11	1,0	Уральский	166706	8,1	0,4
Северо-Кавказский	387043	10,6	1,0	Северо-Кавказский	165629	8	0,4
Дальневосточный	333037	9,1	0,8	Дальневосточный	122154	5,9	0,3
Всего	3664001	100	9,3	Всего	2062562	100	5,3
Северо-Западный ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2018 год составляет 13899310 чел., округ является притягивающим население						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Центральный	529014	29,9	3,8	Центральный	675635	46,6	4,9
Приволжский	376870	21,3	2,7	Южный	192330	13,3	1,4
Сибирский	214773	12,1	1,5	Северо-Кавказский	69662	4,8	0,5
Южный	210791	11,9	1,5	Приволжский	274136	18,9	2,0
Уральский	154263	8,7	1,1	Уральский	83537	5,8	0,6
Дальневосточный	152413	8,6	1,1	Сибирский	94198	6,5	0,7
Северо-Кавказский	132945	7,5	1,0	Дальневосточный	59268	4,1	0,4
Всего	1771069	100	12,7	Всего	1448766	100	10,4
Южный ФО							
Краткая характеристика	Население округа на 2018 год составляет 16428458 чел., округ является притягивающим население						
Прибыло				Убыло			
Округ	1.	2.	3.	Округ	1.	2.	3.
Центральный	375396	20,9	2,3	Центральный	585537	38,2	3,6
Северо-Западный	192330	10,7	1,2	Северо-Западный	210791	13,8	1,3
Северо-Кавказский	325284	18,1	2,0	Северо-Кавказский	227555	14,8	1,4
Приволжский	246768	13,7	1,5	Приволжский	179595	11,7	1,1
Уральский	213378	11,9	1,3	Уральский	137820	9	0,8
Сибирский	258715	14,4	1,6	Сибирский	115382	7,5	0,7
Дальневосточный	184747	10,3	1,1	Дальневосточный	75670	4,9	0,5
Всего	1796618	100	10,9	Всего	1532350	100	9,3
Заголовки граф: 1. Человек. 2. Доля округа среди других округов, в %. 3. % от населения округа на 2017 г.							
Источник: База статистических данных // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://gks.ru/							

в четырех миграционный прирост наряду с естественным приростом увеличивал численность населения. В восьми – миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль населения, а в шести – он не смог перекрыть ее. В 64 регионах отмечалась убыль населения, причем в 41 из них отрицательными были и естественное и внутреннее миграционное движение населения. Это преимущественно регионы Сибири, Дальнего Востока, но среди них и большое число регионов Центральной России. Вместе с тем в 15 регионах миграционная убыль «съедала» естественный прирост: это регионы Кавказа, Юга, Сибири и Дальнего Востока. Наконец, в восьми регионах, несмотря на миграционную убыль, отмечался общий прирост населения за счет более высокого естественного прироста (табл. 1.16).

Таблица 1.16. Вклад внутренней миграции в демографическую динамику регионов Российской Федерации за 2008–2018 гг.

Типология	Субъекты Российской Федерации
Регионы с положительным вкладом внутренней миграции в демографическую динамику – 18 регионов	
Общий прирост населения за счет естественного и миграционного прироста	4 региона, в том числе город Москва; республики Ингушетия и Татарстан; Томская область
Общий прирост населения за счет превышения миграционного прироста над естественной убылью	8 регионов, в том числе города Севастополь и Санкт-Петербург; Республика Адыгея; Калининградская, Ленинградская, Московская, Новосибирская области; Краснодарский край
Общая убыль населения за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом	6 регионов, в том числе Республика Крым; Ярославская, Свердловская, Воронежская, Нижегородская, Белгородская области
Регионы с отрицательным вкладом внутренней миграции в демографическую динамику – 64 региона	
Общий прирост населения за счет превышения естественного прироста над миграционной убылью	8 регионов, в том числе республики Дагестан, Хакасия, Чеченская, Бурятия, Кабардино-Балкарская, Тыва, Алтай; Тюменская область
Общая убыль населения за счет превышения миграционной убыли над естественным приростом	15 регионов, в том числе республики Саха (Якутия), Удмуртская, Башкортостан, Коми, Северная Осетия – Алания, Калмыкия, Карачаево-Черкесская; Иркутская, Астраханская, Омская области; Забайкальский, Ставропольский, Красноярский, Камчатский края; Чукотский автономный округ
Общая убыль населения за счет естественной убыли и миграционной убыли	41 регион, в том числе республики Карелия, Марий Эл, Мордовия, Чувашская; Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Кировская, Сахалинская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тамбовская, Тульская, Псковская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Новгородская, Волгоградская, Ростовская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Челябинская, Кемеровская, Амурская, Магаданская области; Еврейская автономная область; Пермский, Алтайский, Приморский, Хабаровский края
Источник: составлено авторами по Базе статистических данных // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://gks.ru/	

Масштабы внутренней миграции существенно превышают масштабы международной миграции. На внутрироссийскую миграцию приходится более 90% всего миграционного оборота. Однако интенсивность внутрироссийской миграции остается крайне низкой по сравнению с другими развитыми странами, составляя всего 1,4% численности населения, тем не менее общий рост объемов внутренних миграционных потоков год от года, пусть и медленно, но происходит. Изменяется также структура направлений внутренней миграции. Напомним, что в пределах Российской Федерации миграция населения происходит между городскими и сельскими поселениями (в разных сочетаниях мест выбытия-прибытия) – внутри одного района, субъекта Российской Федерации, федерального округа

Рисунок 1.17. Общие итоги внутренней миграции за 2008–2018 гг., чел.

Источник: База статистических данных / Федеральная служба государственной статистики.

URL: <http://gks.ru/>

и между ними⁵⁶. Сегодня внутренняя миграция стала приобретать все более открытый характер, свидетельством чего является достаточно стабильное снижение удельного веса миграции населения внутри субъектов Российской Федерации и соответствующее увеличение доли межрегиональных перемещений (рис. 1.17).

Из представленных данных видно, что произошел рост объемов внутренней миграции, их интенсивности и увеличилась доля межрегиональной миграции населения в пределах страны.

Подтверждением этого, в том числе роста интенсивности внутренней миграции, служат также данные Росстата, согласно которым во внутрирегиональных переселениях все более активно участвуют лица, проживавшие на предыдущем месте с рождения: их доля возросла с 16,3% в 2008 году до 20,6% в 2018 году. Одновременно с этим возросла частота повторных миграций в рамках внутрирегиональных перемещений: если в 2008 году мигранты, повторно участвующие во внутрирегиональных территориальных перемещениях, проживали на предыдущем месте жительства в среднем 12,2 года, то в 2018 году – 6,4 года (рис. 1.18).

Для управления внутренними миграционными потоками важно понимать не только их тенденции и итоги, а еще и демографические и социальные характеристики внутренних мигрантов. Так, например, состав мигрантов по полу представляет интерес с позиций оценки возможного влияния территориальных перемещений населения на преодоление гендерных диспропорций в России, в том числе в интересах стимулирования демографического развития страны (рис. 1.19).

Гендерный состав внутренней миграции, согласно данным Росстата, характеризуется некоторым превышением удельного веса женщин, причем это соотношение оставалось практически неизменным в течение 2008–2018 годов.

⁵⁶ Ладан Е.А. Методология анализа миграционных процессов // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 47–51.

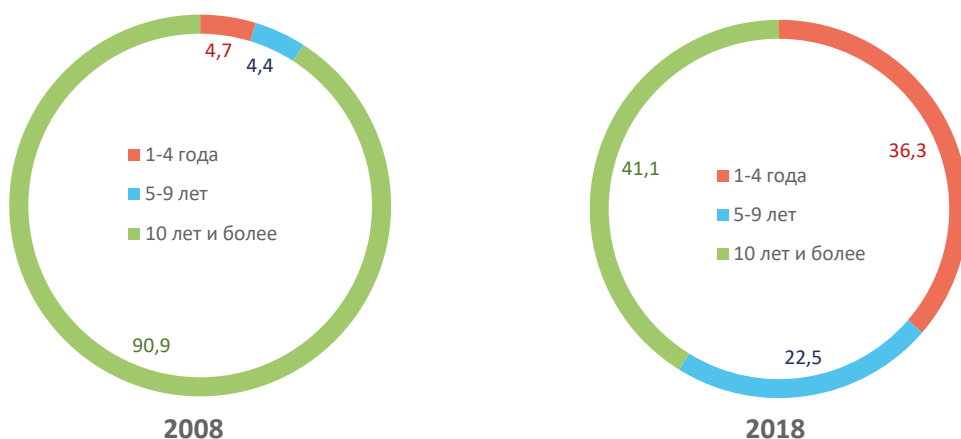

Рисунок 1.18. Повторные миграции в рамках внутрирегиональных перемещений: структура мигрантов по времени, прошедшему после предыдущего переезда, в 2008 и 2018 г., %

Источник: База статистических данных / Федеральная служба государственной статистики.
URL: <http://gks.ru>

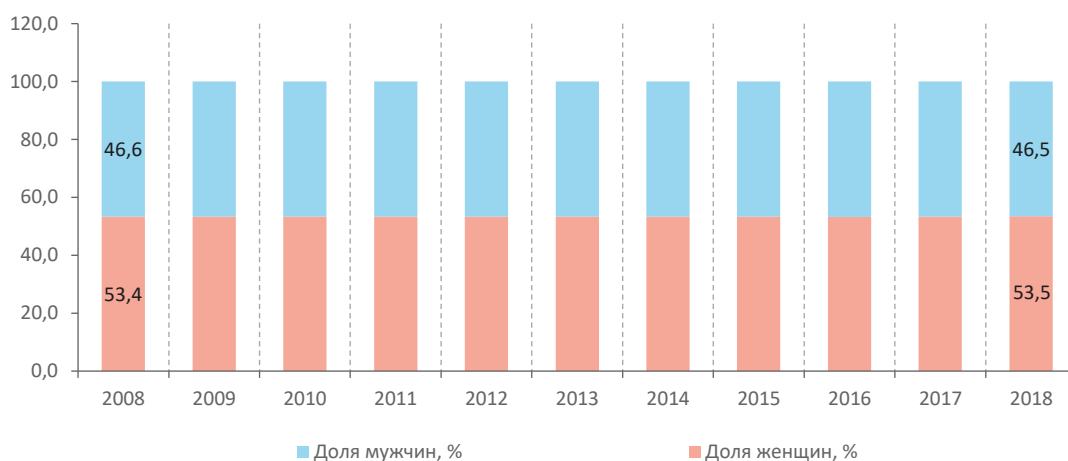

Рисунок 1.19. Динамика гендерного состава внутренней миграции населения в Российской Федерации, 2008–2018 гг., %

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008–2018 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2008–2018.

Состав населения, мигрирующего в пределах Российской Федерации, по полу практически идентичен аналогичной структуре всего населения страны: на всем протяжении анализируемого периода удельный вес мужчин в общей численности населения России составлял, по данным Росстата, 46%, женщин – 54%. Приводимые данные позволяют в этой связи сделать вывод об отсутствии влияния внутренней миграции в 2008 – 2018 годах на гендерную диспропорцию населения Российской Федерации.

Возрастной состав является важной характеристикой миграции, позволяющий оценить экономический и демографический потенциал мигрирующего населе-

ния, а также возможные позитивные и негативные эффекты миграции, в том числе финансово-экономические. Возрастной состав внутренней миграции в России отличается от состава ее населения (рис. 1.20, 1.21).

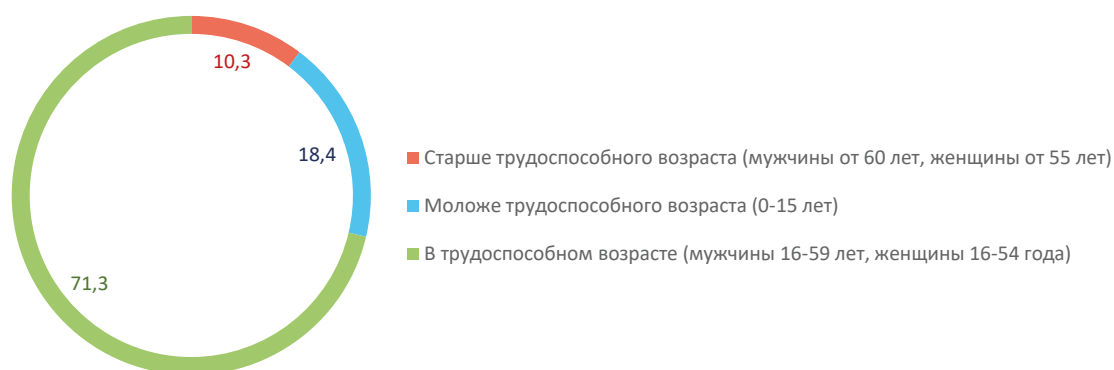

Рисунок 1.20. Возрастная структура внутренних мигрантов, 2018 г., %

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2018.

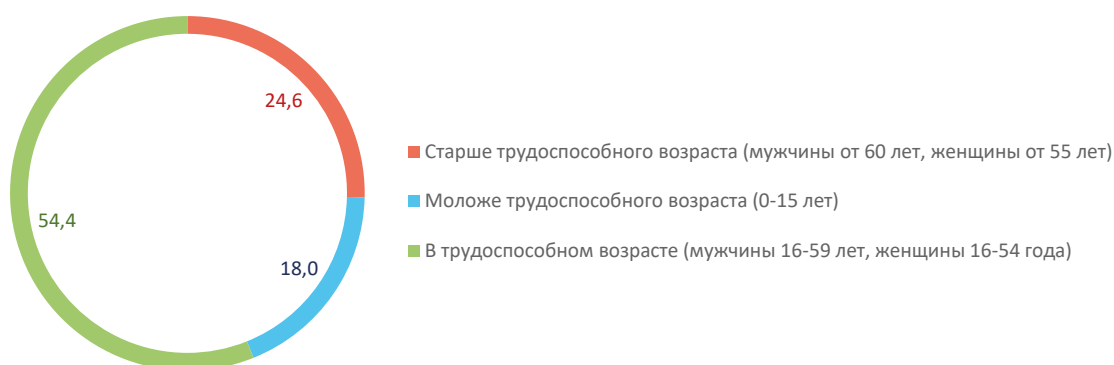

Рисунок 1.21. Возрастная структура населения России, 2018 г., %

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016.

Подобные отличия – следствие дифференциации миграционной мобильности населения различных возрастов. Наиболее высока она у лиц трудоспособного возраста, минимальна у лиц старших возрастов. Возрастные различия миграционной подвижности населения отражают различную объективную возможность, мотивацию к внутренней миграции лиц разных возрастов, а также и оцениваемую ими вероятность реализовать собственные намерения посредством территориальных перемещений.

В динамике в 2008–2018 годах состав внутренних мигрантов в России менялся незначительно: несколько возростала доля лиц моложе трудоспособного возраста и снижался удельный вес лиц трудоспособных возрастов при достаточно стабильном удельном весе лиц старше трудоспособного возраста. Возрастной состав внутренних мигрантов в силу повышенной доли лиц трудоспособного возраста благоприятен для регионов-реципиентов, потому что способствует улучшению возрастной структуры населения, и менее благоприятен для регионов-доноров (рис. 1.22).

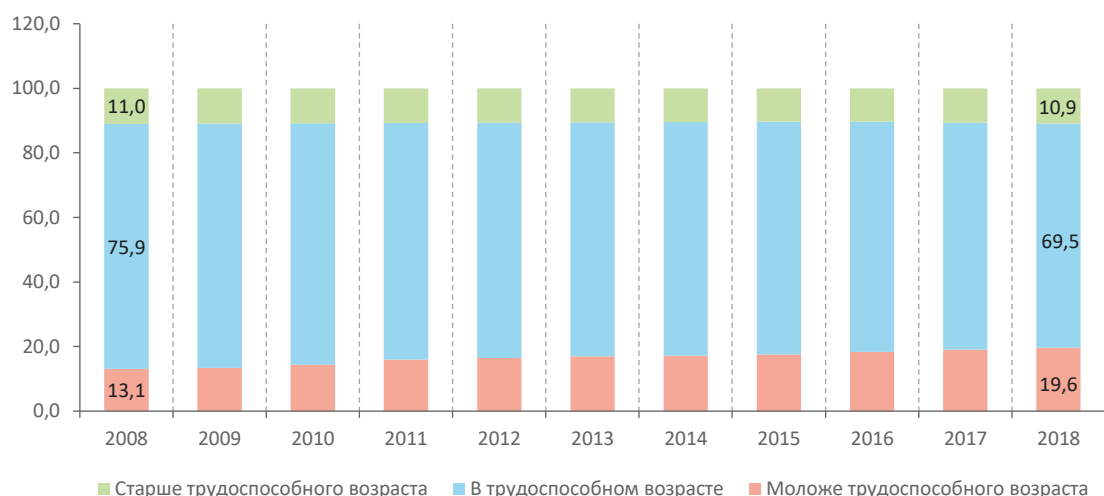

Рисунок 1.22. Динамика возрастного состава внутренних мигрантов в Российской Федерации, 2008–2018 гг., %

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008–2018 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2008–2018.

Образовательные характеристики позволяют оценить возможности использования образовательного потенциала мигрантов в развитии России, в том числе с позиций развития профессионально-квалификационного состава населения.

Образовательный состав внутренней миграции аналогичен образовательной структуре всего населения России. Так, в 2018 году имеющие профессиональное образование – высшее профессиональное (высшее), неполное высшее профессиональное (незаконченное (среднее специальное) и начальное профессиональное – составляли в населении 66,7%, в составе внутренних мигрантов – 67%. Доля лиц, не имеющих профессионального образования (лица со средним общим/полным, основным общим (средним общим неполным), начальным общим/начальным) и не имеющих образования, в населении составляла 33,9%, во внутренней миграции – 33%. Из этого можно сделать вывод о независимости интенсивности миграции от образовательного уровня мигрантов.

Рост объемов внутренней миграции в 2008–2018 годов происходил на фоне стабильного повышения удельного веса мигрантов, имеющих профессиональное образование, и соответствующего снижения доли лиц, не имеющих профессионального образования и не имеющих образования вовсе (рис. 1.23).

При этом среди внутренних мигрантов растет численность кадров высшей квалификации с послевузовским образованием: докторов и кандидатов наук (с 2,6 тыс. человек в 2008 году до 5,9 тыс. человек в 2018 году), однако миграционная активность докторов и кандидатов наук достаточно низка.

Таким образом, мы видим, что в области внутренней миграции складывается следующая ситуация: население страны характеризуется более низкими объемами внутренней миграции в сравнении с другими развитыми странами; сохраняется центростремительный характер миграции в двух формах: из села в город, из периферии в «центр»; происходит снижение доли и численности сельского насе-

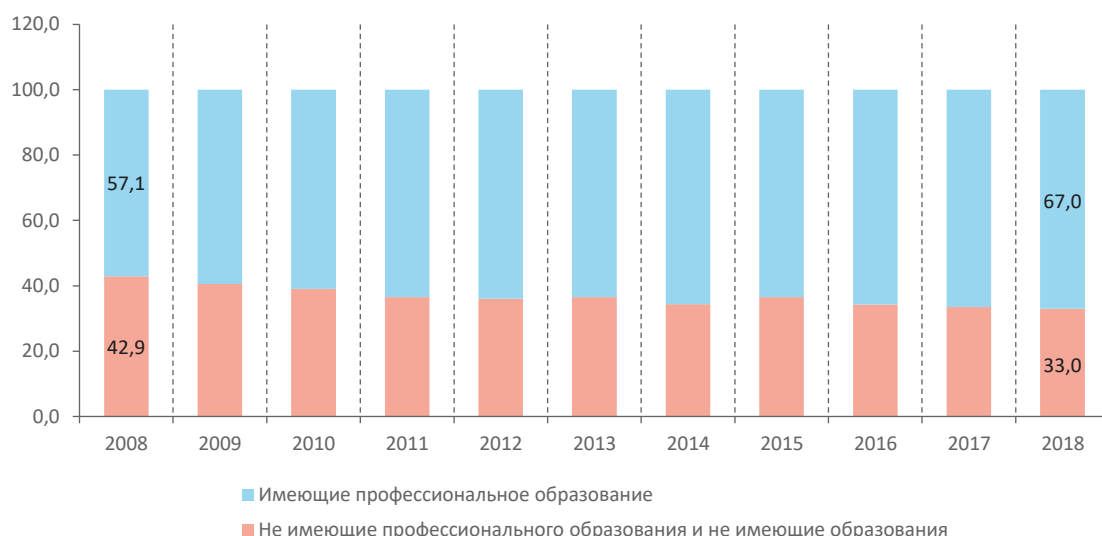

Рисунок 1.23. Структура внутренней миграции по уровню профессионального образования, 2008–2018 гг., %

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008–2018 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2008–2018.

ления, Россия стягивается в крупные города. Масштабы «западного дрейфа» не снижаются, а, наоборот, увеличиваются, происходит пространственное сжатие заселенного пространства России, «обезлюдивание» стратегических с точки зрения международной безопасности приграничных территорий страны, демографические и социальные характеристики внутренних мигрантов в 2008–2018 гг. не претерпели серьезных изменений.

Анализ факторов, определяющих масштабы, структуру и направление миграционных потоков, является одной из ключевых проблем миграционных исследований. Для осуществления детализированной оценки миграционного движения необходимо классифицировать миграционные потоки населения в зависимости от миграционного притока (оттока) и определить зависимость этих групп от набора показателей, часто выступающих в роли объясняющих переменных, которые определяют постоянно действующие и временные факторы внутренней миграции.

Исходной базой для проведения группировки субъектов по внутренней миграции являются статистические данные по 85 субъектам Российской Федерации за 2018 год. В первую очередь будет оценен результат миграционного движения во всех регионах России, на основании чего определена миграционная привлекательность территорий (по коэффициенту миграционного прироста). В результате этого они будут разделены на три группы: регионы с высокой миграционной убылью, высоким миграционным притоком и территории относительной стабильности. Границы групп определены как 60% значений, близких к максимальному в положительной и отрицательной зонах (миграционный прирост и миграционная убыль).

Далее, после группировки по миграционной привлекательности территорий, нам необходимо определить, какие факторы внутренней миграции оказывают

наибольшее воздействие при принятии решения о переезде в данных группах. Для этого будут рассчитаны корреляции суммарных коэффициентов миграционного прироста в субъектах РФ по группам и набора показателей, наиболее часто выступающих в роли объясняющих переменных факторов внутренней миграции.

Для проведения данной оценки на основании главенства экономических и социальных факторов миграции была сформирована система показателей. В том, что именно им принадлежат главные роли в этом вопросе, сомнений нет. Так, еще в середине 1960-х годов В.И. Переведенцевым был сформулирован вывод об определяющем значении для миграции стремления улучшить условия жизни⁵⁷. Этот вывод неоднократно подтверждали В.М. Моисеенко, Б.С. Хорев, В.Н. Чапек, Г.С. Вечканов, Л.Л. Рыбаковский и многие другие, в том числе и современные, ученые⁵⁸.

Исходя из такого понимания и показателей, представленных в официальной статистике, мы выявили, что на настоящий момент времени набор показателей, наиболее часто выступающих в роли объясняющих, классификация факторов, определяющих направления и масштабы внутренних миграционных потоков, включает 8 основных групп факторов миграции:

- 1) показатели регионального экономического развития;
- 2) показатели регионального социального развития;
- 3) показатели регионального уровня жизни населения;
- 4) показатели, описывающие ситуацию на региональном рынке труда;
- 5) показатели регионального демографического развития;
- 6) показатели, описывающие ситуацию на жилищном рынке в регионе;
- 7) показатели уровня социально-политической стабильности в регионе;
- 8) экологические показатели региона.

К показателям регионального экономического развития мы будем относить ВРП на душу населения и, в абсолютном значении, индекс промышленного производства и оборот розничной торговли на душу населения. К показателям регионального социального развития отнесем охват детей дошкольным образованием, численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, и численность врачей всех специальностей. К показателям регионального уровня жизни населения – среднедушевые денежные доходы населения и удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума. К показателям, описывающим ситуацию на региональном рынке труда, – уровень безработицы. К показателям регионального демографического развития – численность населения. К показателям, описывающим ситуацию на региональном рынке труда, – общую площадь жилых помещений, приходящуюся в среднем на 1 жителя. К показателям уровня социально-политической стабильности в регионе – численность зарегистрированных преступлений. И, наконец, к экологическим показателям региона – улавливаемые загрязняющие атмосферу вещества, отходящие от стационарных источников.

⁵⁷ Неклюдова Н.П. Социально-экономические факторы внутренней трудовой миграции в России // Экономика и предпринимательство. 2013. № 11 (40). С. 721–724.

⁵⁸ Рыбаковский Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 56–63.

Согласно принятому принципу, в 2018 г. в первую группу регионов, с высокой миграционной убылью, вошли территории со значениями коэффициента миграционного прироста в диапазоне от -154 до -64‰; во вторую группу регионов, с относительной стабильностью, – со значениями коэффициента от -63 до 52‰; в третью, с высоким миграционным приростом, – от 53 до 105‰.

Регионы распределились по трем группам неравномерно. Так, в благополучную третью группу входит 8 субъектов, что составляет всего 9,4% от общего числа регионов (табл. 1.17). Первая, самая неблагоприятная, группа охватывает 15 регионов страны. Остальные территории составили группу регионов относительной стабильности.

**Таблица 1.17. Распределение регионов
по миграционной привлекательности в 2018 году***

Регионы с высокой миграционной убылью	Регионы с высоким миграционным приростом
Чукотский автономный округ Еврейская автономная область Республика Коми Архангельская область Республика Калмыкия Забайкальский край Мурманская область Камчатский край Архангельская область Курганская область Карачаево-Черкесская Республика Магаданская область Республика Северная Осетия - Алания Республика Саха (Якутия) Республика Тыва	г. Москва г. Санкт-Петербург Калининградская область Краснодарский край Тюменская область Ленинградская область Московская область г. Севастополь
15 регионов	8 регионов
Источник: составлено авторами по данным Росстата. * Представлены регионы с высокими показателями миграционной убыли или прироста; к группе регионов относительной миграционной стабильности относятся все неуказанные регионы РФ.	

Далее мы рассчитали корреляции суммарных коэффициентов миграционного прироста в субъектах РФ по этим группам и 8 основным группам показателей факторов внутренней миграции населения (табл. 1.18). Судя по результатам, полученным нами, к основным факторам притяжения мигрантов в регион относятся: численность населения региона прибытия; уровень регионального экономического развития (характеризуемый ВРП и ВРП на душу населения); уровень жизни населения региона (характеризуемый показателем «величина денежных доходов населения»); уровень регионального социального развития (характеризуемый двумя показателями – охватом детей дошкольным образованием и численностью врачей всех специальностей). Основные факторы выталкивания мигрантов из региона: напряженность ситуации на региональном рынке труда (характеризуемая уровнем безработицы); уровень жизни населения региона (характеризуемый двумя показателями – величиной денежных доходов населения и удельным ве-

Таблица 1.18. Коэффициенты парной корреляции 8 групп показателей факторов внутренней миграции населения и групп регионов по миграционному приросту

Показатель	Коэффициент парной корреляции показателя с суммарным коэффициентом миграционного прироста на 10 тыс. постоянного населения по группам регионов		
	Регионы с высокой миграционной убылью	Регионы относительной миграционной стабильности	Регионы с высоким миграционным приростом
ВРП, руб.	0,11	0,43	0,77
ВРП на душу населения, руб.	0,12	0,40	0,72
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	0,24	0,23	0,19
Оборот розничной торговли на душу населения в фактических ценах, млн. руб.	0,21	0,18	0,25
Охват детей дошкольным образованием, в % от численности детей соответствующего возраста	-0,20	-0,01	0,69
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, чел.	-0,63	0,09	0,27
Численность врачей всех специальностей на 10 тыс. постоянного населения, чел.	0,12	0,38	0,71
Среднедушевые денежные доходы, руб.	-0,59	0,39	0,67
Удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	-0,60	0,13	-0,14
Уровень безработицы, %	0,64	0,16	-0,29
Численность населения, чел.	-0,29	0,23	0,79
Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя, кв. м.	-0,21	-0,20	0,28
Численность зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения, ед.	0,15	0,11	-0,11
Улавливаемые загрязняющие атмосферу вещества, отходящие от стационарных источников, тонн	0,57	0,12	0,07
Источник: рассчитано авторами по официальным данным Федеральной службы государственной статистики: https://www.gks.ru/			

сом населения с доходами ниже прожиточного минимума); уровень социального регионального развития (характеризуемый численностью студентов); экологическая обстановка в регионе (характеризуемая количеством токсичных отходов производства).

Таким образом, миграционные потоки между российскими регионами подчиняются определенным социально-экономическим закономерностям. Из проведенного нами анализа следует, что в современной России из всей совокупности факторов миграции наиболее значимое воздействие на внутренние миграцион-

ные потоки (как на число прибывших, так и число выбывших) оказывают экономические параметры (прежде всего уровень благосостояния населения и ситуация на региональном рынке труда). Значимым, притягивающим мигрантов фактором выступает также уровень регионального социального развития, тогда как выталкивающим – экологическая ситуация в регионе и слабая развитость социального сектора, в частности образовательного.

1.4. Региональный профиль здоровья детского населения

Здоровье детского населения составляет фундамент общественного здоровья и служит базисом формирования человеческого потенциала страны. Здоровье нынешних детей и численность детского населения задают возможности воспроизводства населения в перспективе ближайших десятилетий. Как и общественное здоровье в целом, здоровье детского населения характеризуют показатели заболеваемости, инвалидности и смертности. По этим параметрам Вологодская область может считаться типичным регионом Российской Федерации. В то же время ситуации по отдельным показателям здоровья детского населения в регионе несколько отличаются от общероссийской картины.

Заболеваемость детского населения. Сопоставимые общероссийские и региональные данные о заболеваемости детского населения (в относительном выражении) по всем причинам в целом доступны только до 2015 года. Это связано с тем, что в последующие годы в региональной медицинской статистике категории детского населения 0–14 лет и подростков 15–17 лет объединили в одну категорию «детское население 0–17 лет», тогда как в сборнике «Здравоохранение в России», который служит основным источником данных о здоровье детского населения, была оставлена прежняя разбивка по возрастным группам. Вследствие этого ограничения, сравнение общероссийской и региональной ситуации по заболеваемости (по всем причинам в целом) будет ограничиваться периодом 2005–2015 гг., а заболеваемость по отдельным классам причин будет подробно рассмотрена для детей 0–14 лет и подростков 15–17 лет за период 2013–2018 гг.

В Российской Федерации в 2005–2013 гг. первичная заболеваемость детей 0–14 лет увеличилась незначительно – на 2,2%, тогда как заболеваемость подростков существенно выросла – на 21,9%. В регионе заболеваемость детей 0–14 лет в тот же период характеризовалась приростом на 20,6%, а заболеваемость подростков – приростом на 29,5% (рис. 1.24).

При рассмотрении причин первичной заболеваемости детей 0–14 лет становятся очевидны некоторые региональные особенности (табл. 1.19). В Вологодской области, в отличие от России в целом, за период 2013–2018 годов⁵⁹ произошёл прирост заболеваемости новообразованиями (на 11,4%, тогда как в России – снижение на 2,1%), болезнями уха и сосцевидного отростка (прирост на 5,5%, в России – снижение на 10,2%), глаза и его придаточного аппарата

⁵⁹ Период 2013–2018 гг. выбран ввиду наличия сопоставимых статистических данных по регионам и стране в целом о заболеваемости детского населения.

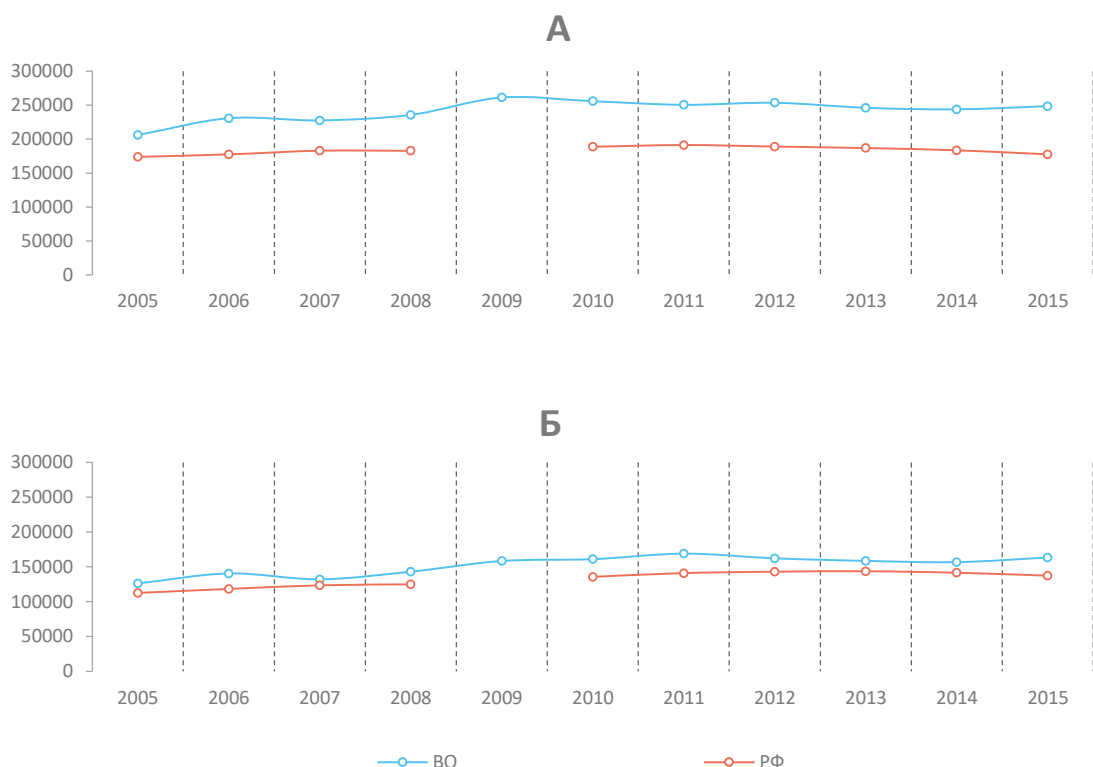

Рисунок 1.24. Первичная заболеваемость в России и Вологодской области:

А – дети в возрасте 0–14 лет, Б – подростки 15–17 лет

(на 100000 населения соответствующих возрастных групп)

Примечание. Значения показателей заболеваемости по России за 2009 год не приводятся из-за отсутствия статистических данных.

Источники: Здравоохранение в России. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13218>; сборники «Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области» за 2006–2015 гг.

(прирост на 5%, в России – снижение на 5,5%), органов дыхания (прирост 12,4%, в России – снижение на 1,1%), костно-мышечной системы и соединительной ткани (прирост на 21,4%, в России – снижение на 12,6%), мочеполовой системы (прирост на 0,8%, в России – снижение на 17%).

Заболеваемость врождёнными аномалиями в регионе оставалась практически неизменной в течение рассматриваемого периода, тогда как значение общероссийского показателя продемонстрировало заметное снижение (на 10,3%). По иным классам болезней общероссийские и региональные тенденции совпадали, отличия касались уровня заболеваемости или темпов его изменения в рассматриваемый период. Наибольшее сходство было характерно для показателей заболеваемости, обусловленной внешними причинами, инфекционными и паразитарными болезнями, болезнями кожи и подкожной клетчатки. Более благоприятная динамика в регионе наблюдалась по таким классам заболеваний, как болезни системы кровообращения (заболеваемость ими снизилась на 27,6%, тогда как в России в целом – на 19,8%), болезни эндокринной системы, расстройства питания и

**Таблица 1.19. Первичная заболеваемость детей 0-14 лет
в России и Вологодской области в 2013–2018 гг.
(в расчёте на 1000 человек населения соответствующего возраста)**

Причины заболеваемости детей 0–14 лет		2013	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост/ снижение в 2018 г. к 2013 г., %
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	РФ	78,4	80,8	72,8	71,0	69,8	69,3	-11,6
	ВО	119,4	132,6	110,2	107,7	119,5	102,9	-13,8
Новообразования	РФ	4,8	4,8	4,8	4,7	4,7	4,7	-2,1
	ВО	4,4	4,3	3,6	4,7	4,9	4,9	11,4
Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	РФ	15,2	14,9	14,0	13,6	12,3	11,8	-22,4
	ВО	19,9	20,8	18,6	16,9	18,4	17,5	-12,1
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	РФ	15,4	15,1	14,9	15,5	15,0	15,3	-0,6
	ВО	17,8	18,8	17,3	19,8	15,1	16,8	-5,6
Болезни нервной системы	РФ	41,8	40,4	37,6	36,9	35,3	35,0	-16,3
	ВО	49,3	45,2	42,8	50,5	45,1	46,1	-6,5
Болезни глаза и его придаточного аппарата	РФ	60,3	60,0	59,1	59,0	57,0	57,0	-5,5
	ВО	83,4	91,3	85,0	86,3	84,0	87,6	5,0
Болезни уха и сосцевидного отростка	РФ	52,1	52,7	49,8	49,1	47,3	46,8	-10,2
	ВО	81,1	78,1	82,9	88,7	87,7	85,6	5,5
Болезни системы кровообращения	РФ	8,1	7,4	7,2	6,9	6,7	6,5	-19,8
	ВО	5,8	4,4	3,6	3,9	4,1	4,2	-27,6
Болезни органов дыхания	РФ	1183,6	1170,5	1157,6	1173,8	1168,3	1171,0	-1,1
	ВО	1571,8	1540,3	1632,2	1716,8	1762,6	1766,9	12,4
Болезни органов пищеварения	РФ	81,4	80,2	72,3	70,5	65,2	64,6	-20,6
	ВО	82,0	80,6	67,9	78,3	74,0	73,4	-10,5
Болезни кожи и подкожной клетчатки	РФ	85,6	83,1	76,4	71,3	69,3	66,8	-22,0
	ВО	105,3	107,0	122,7	99,0	87,2	84,9	-19,4
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	РФ	36,5	34,8	33,2	31,7	31,6	31,9	-12,6
	ВО	35,9	33,2	30,0	35,2	34,4	43,6	21,4
Болезни мочеполовой системы	РФ	31,1	30,9	28,3	27,3	26,2	25,8	-17,0
	ВО	25,3	21,2	19,7	23,8	27,0	25,5	0,8
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	РФ	11,6	11,5	11,0	10,9	10,4	10,4	-10,3
	ВО	9,7	10,2	9,4	10,0	9,3	9,7	0,0
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	РФ	105,8	104,1	104,3	104,0	103,3	106,2	0,4
	ВО	141,7	149,0	149,7	147,4	143,3	142,1	0,3
Источник: Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/folder/210/document/13218								

нарушения обмена веществ (заболеваемость снизилась на 5,6%, тогда как в России – на 0,6%). По таким классам, как болезни крови и кроветворных органов, болезни нервной системы, болезни органов пищеварения, региональные показатели заболеваемости снижались с отставанием от общероссийских темпов.

Заболеваемость подростков 15–17 лет в регионе в тот же период имела следующие особенности в сравнении с общероссийской ситуацией (табл. 1.20). На фоне снижения общероссийского уровня, в Вологодской области выросли показатели заболеваемости, обусловленной болезнями крови, кроветворных органов, болезнями нервной системы, уха и сосцевидного отростка, органов пищеварения, костно-мышечной системы и соединительной ткани, мочеполовой системы. Существенно более выраженным по сравнению со среднероссийским был прирост заболеваемости болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и нарушениями обмена веществ (73 и 8% соответственно). В регионе снизилась заболеваемость подростков, обусловленная травмами и другими внешними воздействиями, тогда как общероссийский показатель увеличился. В Вологодской области более выраженным по сравнению с общероссийским было снижение заболеваемости подростков, вызванной врождёнными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями. Менее выраженным в регионе был прирост заболеваемости новообразованиями по сравнению с регистрируемым по стране в целом (5 и 18% соответственно).

В целом тенденции заболеваемости в группах детского населения 0–14 лет и подростков 15–17 лет различаются как на уровне страны, так и на уровне региона.

Детская инвалидность. Численность детей-инвалидов в Российской Федерации в период с 2000 по 2019 г. увеличилась на 20,8 п.п. (табл. 1.21). В Вологодской области значения показателя, напротив, снизились на 11,3 п.п. В то же время, если говорить о том, насколько велика представленность инвалидов в составе детского населения, следует отметить относительную стабильность этого показателя и сравнительно невысокий уровень инвалидизации детей (в 2019 году 2,2% в стране, 1,9% в регионе).

В Российской Федерации по состоянию на 2018 год основными причинами инвалидизации детского населения выступали психические расстройства и расстройства поведения, заболевания нервной системы, эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, в том числе сахарный диабет. В период с 2012 по 2018 г. наблюдался прирост первичной детской инвалидности, обусловленной сахарным диабетом, болезнями эндокринной системы, расстройствами питания, нарушениями обмена веществ, новообразованиями, болезнями крови и кроветворных органов, психическими расстройствами и расстройствами поведения, заболеваниями нервной системы, органов пищеварения, болезнями уха и сосцевидного отростка, костно-мышечной системы и соединительной ткани. Незначительно выросла также инвалидность, обусловленная врождёнными аномалиями (на 0,1%). Снижение абсолютного показателя первичной детской инвалидности наблюдалось по таким группам причин, как отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде (на 30,1%), внешние причины (на 24,8%), болезни кожи и подкожной клетчатки (13,5%), болезни органов дыхания (11,1%),

**Таблица 1.20. Первичная заболеваемость подростков
15–17 лет в России и Вологодской области в 2013–2018 гг.
(в расчёте на 1000 человек населения соответствующего возраста)**

Причины заболеваемости подростков 15–17 лет		2013	2014	2015	2016	2017	2018	Рост/ снижение в 2018 г. к 2013 г., %
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	РФ	38,6	39,6	35,1	34,5	33,3	34,2	-11
	ВО	35,5	44,0	32,5	39,5	39,2	34,6	-3
Новообразования	РФ	4,5	4,7	5,0	4,7	4,9	5,3	18
	ВО	3,8	3,9	3,3	4,7	4,7	4,0	5
Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	РФ	9,8	9,6	9,1	9,3	8,8	8,7	-11
	ВО	10,1	10,3	7,9	9,8	10,2	11,4	13
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	РФ	25,9	26,4	28,4	28,2	27,8	27,9	8
	ВО	18,8	19,8	25,4	23,9	23,6	32,5	73
Болезни нервной системы	РФ	42,1	41,9	39,4	38,6	38,0	37,8	-10
	ВО	32,6	29,4	34,0	39,9	40,7	42,3	30
Болезни глаза и его придаточного аппарата	РФ	62,7	64,3	63,9	62,7	62,1	62,8	0
	ВО	63,8	67,6	61,5	57,4	60,5	63,0	-1
Болезни уха и сосцевидного отростка	РФ	36,4	36,3	36,5	36,6	35,8	36,0	-1
	ВО	35,1	34,6	40,7	41,0	41,9	42,3	21
Болезни системы кровообращения	РФ	17,9	17,1	16,4	16,6	16,3	1,6	-91
	ВО	12,7	12,3	13,7	14,2	10,8	1,1	-91
Болезни органов дыхания	РФ	695,5	674,7	673,0	688,6	695,9	698,6	0
	ВО	964,2	907,1	973,4	1032,0	1058,1	1035,5	7
Болезни органов пищеварения	РФ	78,9	80,6	73,1	69,6	64,2	62,9	-20
	ВО	53,7	46,4	45,0	59,9	56,3	57,9	8
Болезни кожи и подкожной клетчатки	РФ	87,8	89,3	80,7	76,2	71,3	69,6	-21
	ВО	120,5	132,6	127,8	105,7	100,4	104,0	-14
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	РФ	61,0	60,6	58,9	57,3	56,5	56,2	-8
	ВО	55,8	54,0	44,2	50,6	51,9	62,6	12
Болезни мочеполовой системы	РФ	66,2	64,9	59,0	56,4	54,1	54,3	-18
	ВО	35,6	38,5	37,9	40,6	38,3	39,6	11
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	РФ	3,5	3,4	3,2	3,6	3,0	3,0	-14
	ВО	4,8	4,4	4,6	4,4	4,2	3,8	-21
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	РФ	169,6	174,5	173,2	174,7	173,9	174,4	3
	ВО	172,5	185,8	182,7	159,9	158,9	160,5	-7

Источник: Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13218>

Таблица 1.21. Детская инвалидность в России

Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет	2000*	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост в 2019 г. к 2000 г., п.п.
Российская Федерация, чел.	554867	561881	495330	599803	616905	636024	651043	670006	+20,8
в % к общей численности детей в возрасте 0 – 17 лет	–	–	1,9	2,1	2,1	2,2	2,2	2,2	–
Вологодская область, чел.	5304	5028	4126	4862	4754	4634	4653	4707	-11,3
в % от общей численности детей в 0–17 лет	–	–	1,9	2,1	2,0	1,9	1,9	1,9	–
Примечание. Тире в ячейках означают, что расчёт не проведён из-за отсутствия данных о численности детского населения в возрасте 0–17 лет (для 2000 года – 0–16 лет). * Учитывались дети инвалиды в возрасте от 0 до 16 лет, в последующие годы – от 0 до 18 лет. Источник: Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/folder/210/document/13218									

системы кровообращения (8,4%), мочеполовой системы (7,4%), инфекционные и паразитарные заболевания (на 6,8%), болезни глаза и его придаточного аппарата (5,1%; табл. 1.22).

Среди причин детской инвалидности в Вологодской области наиболее распространёнными являются психические расстройства и расстройства поведения, болезни нервной системы, врождённые аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, в том числе сахарный диабет. Вырос абсолютный показатель детской инвалидности, обусловленной болезнями эндокринной системы, в том числе сахарным диабетом, отдельными состояниями, возникающими в перинатальном периоде, болезнями костно-мышечной системы и соединительной ткани, болезнями уха и сосцевидного отростка, новообразованиями, болезнями глаза и его придаточного аппарата, болезнями кожи и подкожной клетчатки, болезнями нервной, психическими расстройствами и расстройствами поведения, врождёнными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями. Число случаев инвалидности детей, обусловленных другими причинами, снизилось (табл. 1.23).

В регионе наблюдался прирост детской инвалидности, обусловленной её наиболее распространёнными причинами – психическими расстройствами, заболеваниями нервной системы, болезнями эндокринной системы, в том числе сахарным диабетом. Специфику ситуации составляют растущие показатели инвалидизации из-за болезней глаза и его придаточного аппарата, кожи и подкожной клетчатки, отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде, на фоне снижения показателей инвалидности по этим причинам в России в целом.

**Таблица 1.22. Дети-инвалиды по причинам инвалидности
(Российская Федерация; человек)**

Причины инвалидности	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост, %
Все болезни	510977	521648	540837	540636	548194	568523	586855	605017	18,4
из них: некоторые инфекционные и паразитарные	4034	3908	3944	3735	3759	3757	3772	3758	-6,8
из них: туберкулез	856	762	733	590	532	520	463	403	-52,9
вирусные инфекции центральной нервной системы	209	173	159	113	121	98	91	68	-67,5
новообразования	15738	16427	17623	18294	19116	20131	21006	21866	38,9
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	5050	5175	5338	5483	5676	4046	6221	6611	30,9
из них: нарушения свертываемости крови, пурпура и другие геморрагические состояния	2669	2668	2665	2717	2734	2880	2983	3185	19,3
болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	31886	33150	35733	36803	39742	43486	46756	50987	59,9
из них: сахарный диабет	22721	24242	26443	27649	30140	32896	35534	39397	73,4
психические расстройства и расстройства поведения	128013	130965	135623	139354	143746	150673	158090	165531	29,3
болезни нервной системы	115936	120197	125769	128996	132458	137972	142906	146106	26,0
из них: воспалительные болезни центральной нервной системы	2483	2240	2448	2500	2220	2351	2702	2743	10,5
болезни глаза и его придаточного аппарата	25823	26291	26190	25919	25315	25475	24737	24505	-5,1
болезни уха и сосцевидного отростка	28063	28746	29717	30038	30534	31419	31488	31296	11,5
болезни системы кровообращения	6198	5949	6004	5698	5398	5649	5728	5679	-8,4
болезни органов дыхания	11912	12269	12247	11629	10776	10761	11328	10999	-7,7
болезни органов пищеварения	5120	5120	5133	4863	4909	5117	5383	5778	12,9
болезни кожи и подкожной клетчатки	2605	2439	2387	2331	2200	2246	2208	2254	-13,5
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	16461	16542	16869	15836	15676	16387	17285	18292	11,1
болезни мочеполовой системы	8340	8638	8262	7959	7314	7355	7711	7723	-7,4
отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	1438	1583	1662	1710	1587	1129	1145	1005	-30,1
врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	96832	97256	101260	95471	93788	95024	95648	96967	0,1
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	7528	6993	7076	6517	6200	5940	5443	5659	-24,8

Источник: Дети-инвалиды по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности // Семья, материнство и детство / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/3-17.xlsx

**Таблица 1.23. Дети-инвалиды по причинам инвалидности
(Вологодская область; человек)**

Причины инвалидности	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Прирост, %
Все болезни	4403	4377	4437	4235	4570	4611	4622	4719	7
из них: некоторые инфекционные и паразитарные	22	33	22	18	18	17	14	16	-27
из них: туберкулез	6	8	4	6	4	2	2	1	-83
вирусные инфекции центральной нервной системы	3	1	-	-	-	0	-	-	
новообразования	156	161	178	184	185	194	191	180	15
болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	62	65	63	62	58	54	59	59	-5
из них: нарушения свертываемости крови, пурпура и другие геморрагические состояния	34	31	27	27	31	26	28	28	-18
болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	386	408	435	438	453	473	506	537	39
из них: сахарный диабет	273	309	279	280	371	335	404	444	63
психические расстройства и расстройства поведения	1039	905	832	820	1075	1062	1025	1086	5
болезни нервной системы	986	1020	1086	1020	1049	1055	1074	1056	7
из них: воспалительные болезни центральной нервной системы	8	18	9	19	18	6	9	6	-25
болезни глаза и его придаточного аппарата	127	108	104	116	128	126	143	145	14
болезни уха и сосцевидного отростка	199	210	240	245	233	254	238	237	19
болезни системы кровообращения	40	34	46	35	31	30	30	28	-30
болезни органов дыхания	126	140	126	113	103	95	84	83	-34
болезни органов пищеварения	40	35	38	30	29	34	29	31	-23
болезни кожи и подкожной клетчатки	16	17	15	17	15	20	19	18	13
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	191	196	216	214	218	216	208	252	32
болезни мочеполовой системы	64	66	59	50	38	42	40	44	-31
отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	3	5	2	2	1	1	3	4	33
врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	903	931	937	842	909	911	935	920	2
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	43	43	38	29	27	27	24	23	-47
Источник: Дети-инвалиды по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности // Семья, материнство и детство / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/3-17.xlsx									

Таким образом, здоровье детей характеризуется ростом заболеваемости и инвалидизации по отдельным причинам. Важнейшими направлениями укрепления здоровья детского населения в регионе можно назвать дальнейшее совершенствование системы медицинских услуг для беременных женщин и новорожденных, повышение качества выявления психических заболеваний и своевременной коррекции их симптомов, обеспечение ежегодной обязательной проверки детей у врача-эндокринолога с профилактической целью.

2. ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ТЕРРИТОРИЙ

2.1. Развитие трудового потенциала России в ракурсе основных тенденций занятости населения

Вопросы занятости населения традиционно занимают одно из центральных мест в исследованиях социально-экономической направленности. Причины этого состоят не только в ключевой роли данной сферы в процессах жизнедеятельности человека и общества, но и в ее влиянии на функционирование отраслей народного хозяйства с точки зрения обеспечения производственных мощностей необходимыми кадрами. При этом положение современных работников в системе социально-трудовых отношений носит весьма многогранный характер и воплощается в самых разнообразных формах (от постоянной занятости по найму на условиях полного рабочего времени до случайных подработок в сети Интернет), что, с одной стороны, накладывает серьезный отпечаток на развитие того или иного государства, а с другой – служит своеобразным маркером общественного благополучия, о чем свидетельствует закрепление определенного стандарта занятости во многих индустриально развитых странах⁶⁰.

В последние десятилетия тематика занятости населения приобрела особую актуальность в связи с нарастанием трансформационных сдвигов, вызванных совокупным воздействием нескольких мегатрендов (цифровизация, глобализация, демографические изменения), в результате чего «разрушение» становится новой нормой⁶¹. Причем проявляется это как со стороны спроса на труд, так и со стороны его предложения⁶², что оборачивается масштабными преобразованиями для субъектов рынка труда, последствия которых сложно предвидеть. В научной литературе и отчетах международных организаций все чаще встречаются публикации, в которых описываются сценарии будущего сферы

⁶⁰ Kalleberg A.L. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. Annual Review of Sociology, 2000, vol. 26, pp. 341-365. DOI: 10.2307/223448

⁶¹ The Future of Work. OECD Employment Outlook 2019 // OECD. URL: <https://www.oecd.org/employment/employment-outlook-2019-highlight-en.pdf>

⁶² Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

труда⁶³. Несмотря на противоречивость предложенных моделей и развернувшуюся дискуссию на этот счет, специалисты сходятся во мнении о формировании объективных предпосылок для повышения гибкости трудовых отношений, деформации сложившихся практик участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности.

В настоящее время все больше людей трудоустраиваются с помощью сервисов онлайн-рекрутмента, прибегают к удаленной занятости или работают в режиме гибкого рабочего времени, выполняют трудовые обязанности только посредством компьютера или смартфона, пользуются электронными платформами для непосредственного взаимодействия с клиентами и т.д. В свою очередь компании все чаще используют труд независимых подрядчиков в целях снижения издержек производства и быстрой подстройки кадрового состава к динамизму внешней среды. По состоянию на 2019 г. каждая третья организация (33%) в России обращалась к услугам надомных работников, отношение к которым как профессионалам в своей области за последние 7 лет заметно улучшилось⁶⁴. При этом в отличие от стран Евросоюза, где дистанционная занятость с использованием ИКТ и мобильных рабочих приложений стала неотъемлемой частью жизни для 17% работников⁶⁵, масштабы российской «удаленки» не превышали нескольких процентов вплоть до начала активных действий органов власти по борьбе с пандемией коронавируса COVID-19 в 2020 году⁶⁶, когда подобного рода практики получили беспрецедентное распространение. Согласно мониторингу экономической ситуации в России, подготовленному коллективом экспертов Института Гайдара и РАНХиГС, с 1 марта 2021 г. около 24% опрошенных перешли на удаленную работу полностью или частично⁶⁷.

Вместе с тем в отечественной науке сложилось достаточно четкое представление о занятости в российских условиях, которой свойственна стабильность даже на фоне сильнейших макроэкономических шоков⁶⁸. Как правило, это объясняется

⁶³ Eight Futures of Work Scenarios and their Implications // WEF. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOW_Eight_Futures.pdf; Гапоненко Н. В., Гленн Д. К. Технологии индустрии 4.0: проблемы труда, занятости и безработицы (научный обзор) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 40–47; Méda D. Three scenarios for the future of work. *International Labour Review*, 2019, vol. 158, pp. 627–652. DOI: 10.1111/ilr.12157

⁶⁴ Работодатели считают, что качество работы удаленных сотрудников стало выше // SuperJob. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112180/rabotodateli-schitayut/>

⁶⁵ Working Anytime, Anywhere: The Effects on the World of Work // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_544138.pdf

⁶⁶ Чернов А. Беспризорники: зачем компании используют надомный труд // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2003/05/14/besprizorniki>; Эволюция трудящихся: как коронавирус научил нас работать // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/05/20/13089865.shtml>

⁶⁷ Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 15 (117). Июнь / под ред. В.С. Гуревича, С.М. Дробышевского, А.В. Колесникова, В.А. Май, С.Г. Синельникова-Мурылева. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_15-117_June.pdf

⁶⁸ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капельюшниковой, С. Рощина. М.: ЦСР-НИУ ВШЭ, 2017. 148 с.

сложившейся конфигурацией институтов рынка труда и, в частности, жесткостью трудового законодательства, тормозящей изменения в этой области. Однако трудовые отношения так или иначе адаптируются к глобальным вызовам, приобретая все новые черты. В этой связи важным аспектом является углубление знаний о тенденциях занятости населения и выделение ее особенностей в современной России. Для достижения поставленной цели мы обратились к данным официальной статистики, которые, с одной стороны, позволили нам проанализировать сложившуюся на национальном уровне ситуацию в динамике (за период 2000–2019 гг.), что характерно отличает их от данных многих социологических опросов, а с другой – предопределили спектр затрагиваемых вопросов в силу ограниченности информационной базы.

С начала 2000-х гг. уровень занятости населения в России в целом заметно увеличился: об этом свидетельствуют как данные Международной организации труда (с 55% в 2000 г. до 59% в 2019 г.)⁶⁹, так и материалы Федеральной службы государственной статистики (с 59 до 65%)⁷⁰. Однако с учетом изменений, связанных с совершенствованием национальной методики расчета обозначенного индикатора (расширение возрастных границ обследуемых с «от 15 до 72 лет» на «от 15 лет и старше»), следует сказать, что в 2006–2019 гг. его значения продемонстрировали отрицательную динамику после периода умеренного роста (табл. 2.1). Такое поведение показателя во многом объясняется реализацией в стране демографического дивиденда, когда доля населения трудоспособного возраста достигла определенного максимума⁷¹, вслед за чем началось ее постепенное снижение.

Традиционно уровень занятости среди мужчин выше, чем среди женщин: по состоянию на 2019 г. разрыв составил 14,4 п.п. (67% против 53%), хотя еще в 2006 г. различия были не столь существенны (66% против 58%). Это произошло прежде всего вследствие увеличения трудовой активности мужчин 25–39 лет. Положение женщин того же возраста практически не изменилось, что во многом обусловлено реализацией репродуктивных планов, препятствующих выходу на рынок труда в силу ряда объективных (невозможность отдать ребенка в ясли/детский сад, отсутствие подходящих рабочих мест, потеря квалификации и т.д.) и субъективных (желание больше времени проводить с ребенком, установка на незанятость и т.д.) обстоятельств⁷². В результате положительная динамика рассматриваемого индикатора наблюдается преимущественно в группе от 40 до 64 лет. И хотя все больше женщин старшего возраста продолжают работать, по уровню занятости они значительно уступают мужчинам. При этом Россия остается госу-

⁶⁹ Employment to population ratio // World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.TOTL.SP.ZS>

⁷⁰ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211>

⁷¹ Барсуков В. Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11

⁷² Пишняк А. И., Надеждина Е. В. Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 221–238. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-221-238>

**Таблица 2.1. Уровень занятости населения (от 15 лет и старше) в России
в разрезе возрастно-половых групп, в %**

Занятые	Всего			Мужчины			Женщины		
	2006 г.	2012 г.	2019 г.	2006 г.	2012 г.	2019 г.	2006 г.	2012 г.	2019 г.
Всего, в т. ч. в возрасте, лет:	61,7	64,9	59,4	66,0	70,4	67,3	57,8	60,1	52,9
15–19	11,3	6,7	5,1	13,1	8,1	6,0	9,5	5,2	4,2
20–24	53,3	51,5	49,4	57,7	56,9	54,4	48,8	45,9	44,1
25–29	80,8	82,8	83,6	85,3	89,0	90,3	76,4	76,5	76,6
30–34	84,1	85,5	86,1	87,1	90,2	91,9	81,0	80,9	80,2
35–39	85,3	87,7	88,5	86,5	90,1	91,9	84,3	85,4	85,2
40–44	85,5	89,2	89,6	85,7	90,4	91,0	85,4	88,1	88,3
45–49	84,4	87,8	89,3	84,1	88,4	90,1	84,6	87,2	88,5
50–54	79,7	82,7	85,2	81,5	84,6	86,7	78,2	81,1	83,9
55–59	59,1	61,5	64,8	72,3	74,3	77,2	48,7	51,6	54,8
60–64	28,4	29,7	32,4	37,6	37,3	40,1	22,2	24,2	26,9
65–69	13,7	14,5	13,7	18,1	18,7	16,5	11,1	12,1	11,9
70 и старше	6,1	5,6	2,4	8,2	7,3	3,2	4,8	4,7	2,1
Примечание. Выбор временного интервала обусловлен доступностью информационной базы. Источник: здесь и далее – данные Росстата.									

дарством с относительно низкими показателями включенности пожилого населения в оплачиваемую трудовую деятельность (7% среди лиц старше 65 лет против 17% в странах ОЭСР в 2019 году⁷³), одновременно с этим сохраняя достаточно высокие позиции по уровню занятости в целом.

Несмотря на тот факт, что текущий этап межсекторального перераспределения рабочей силы, связанный с переходом человечества к информационному обществу, характерно проявляется на протяжении последнего столетия⁷⁴, отголоски этого процесса прослеживаются и в настоящее время. Как и в других индустриально развитых странах, в России сохраняется тенденция концентрации работников в третичном секторе экономики, который вобрал в себя подавляющее большинство занятого населения⁷⁵. Детализированные по видам экономической деятельности данные Росстата показывают, что в период 2006–2019 гг. самые заметные изменения были зафиксированы в отраслях сельского и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, обрабатывающего производства, потерявших в совокупности 7,3 п.п. от общей численности работников (табл. 2.2).

⁷³ Employment-population ratios // OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/>

⁷⁴ Castells M., Aoyama Y. Paths towards the informational society: employment structure in G-7 countries, 1920-90. International labour review, 1994, vol. 133, pp. 5-33.

⁷⁵ Попов А. В. Особенности и закономерности трансформации занятости в России и странах мира // Human Progress. 2019. Т. 5. № 7. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_7/Popov.pdf DOI: 10.34709/IM.157.10

**Таблица 2.2. Распределение занятых в России
по видам экономической деятельности, %**

Наименование вида экономической деятельности	Год				Отношение 2019 г. к 2006 г. (+/-), п.п.
	2006	2010	2015	2019	
Занятое население – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	-
Положительная динамика/стагнация					
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	15,1	15,4	15,7	15,6	0,5
Образование	9,0	9,4	9,2	9,5	0,5
Транспортировка и хранение	8,0	8,2	8,5	8,8	0,8
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	7,0	7,7	7,7	7,9	0,9
Строительство	6,5	7,2	7,6	6,9	0,4
Деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	4,2	4,4	5,1	5,8	1,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,6	2,8	2,8	2,6	0,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,0	2,0	2,5	2,6	0,6
Предоставление прочих видов услуг	1,7	2,1	2,4	2,4	0,7
Добыча полезных ископаемых	1,7	2,0	2,1	2,3	0,6
Деятельность финансовая и страховая	1,6	1,9	2,2	2,3	0,7
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,6	1,6	1,7	2,0	0,4
Деятельность в области информации и связи	1,8	1,8	1,8	1,8	0,0
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,6	0,9	0,9	0,7	0,1
Отрицательная динамика					
Обрабатывающие производства	17,5	14,9	14,0	14,3	-3,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	7,1	8,1	7,4	7,0	-0,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	9,9	7,7	6,7	5,8	-4,1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,0	1,9	2,0	1,7	-0,3
Примечание. Выбор временного интервала обусловлен спецификой ОКВЭД различных редакций; ранжировано по 2019 г.					

На этом фоне продолжает увеличиваться занятость в сфере услуг, где наибольший вклад внесли такие направления, как: «деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги» (1,2 п.п.), «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (0,9 п.п.) и «деятельность в области здраво-

**Таблица 2.3. Структура занятых в экономике России
по основному месту работы в период 2000–2019 гг., %**

Год	Всего	В том числе лица, у которых основная работа была			
		на предприятии, в организации со статусом юридического лица	в сфере предпри- нимательской деятельности без образования юридического лица	по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве	в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена
Занятое население в целом					
2000	100,0	88,7	6,8	3,9	-
2005	100,0	84,0	3,9	8,8	3,3
2010	100,0	85,4	4,1	8,3	2,2
2015	100,0	81,2	4,7	11,8	2,3
2019	100,0	80,7	5,0	12,8	1,4
Мужчины					
2000	100,0	88,6	6,8	3,9	-
2005	100,0	83,5	4,6	8,9	2,9
2010	100,0	83,9	4,8	9,1	2,1
2015	100,0	83,9	4,8	9,1	2,1
2019	100,0	79,2	6,1	13,4	1,3
Женщины					
2000	100,0	88,8	6,9	3,9	-
2005	100,0	84,4	3,2	8,7	3,7
2010	100,0	86,9	3,3	7,5	2,3
2015	100,0	83,0	3,4	10,9	2,7
2019	100,0	82,3	4,0	12,1	1,6

охранения и социальных услуг» (0,9 п.п.). Единственной отраслью третичного сектора экономики, в которой произошло статистически значимое снижение доли занятых, стала деятельность по операциям с недвижимым имуществом (-0,3 п.п.).

В свою очередь трансформационные процессы в сфере занятости формируют новый облик трудовых отношений в современной России. Так, в 2000 – 2019 гг. удельный вес работников, осуществляющих деятельность по основному месту работы в рамках предприятий/организаций со статусом юридического лица, сократился с 89 до 81% (табл. 2.3). В большей степени это затронуло мужчин, нежели женщин, что, вероятно, связано с их меньшей предрасположенностью к стабильной занятости, повышенным вниманием к размеру заработка⁷⁶.

⁷⁶ Шабунова А. А., Попов А. В., Соловьева Т. С. Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 124–144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7

Таблица 2.4. Структура занятых в экономике России по наличию дополнительной работы и готовности к дополнительной занятости в период 2000–2017 гг., %

Год	Всего	Из них имеют		Хотят работать дополнительно	Из них имеют	
		одну работу	две и более работ		одну работу	две и более работ
Занятое население в целом						
2000	100,0	94,5	5,5	5,1	4,4	0,7
2005	100,0	96,2	3,8	11,6	10,6	1,0
2010	100,0	97,0	3,0	10,2	9,7	0,5
2015	100,0	97,2	2,8	8,3	7,9	0,4
2017	100,0	97,7	2,3	7,0	6,6	0,4
Мужчины						
2000	100,0	94,2	5,8	5,2	4,5	0,8
2005	100,0	96,1	3,9	12,0	11,0	1,0
2010	100,0	96,8	3,2	11,2	10,6	0,6
2015	100,0	97,1	2,9	9,5	9,0	0,5
2017	100,0	97,7	2,3	8,0	7,6	0,5
Женщины						
2000	100,0	94,7	5,3	4,9	4,3	0,5
2005	100,0	96,3	3,7	11,2	10,2	1,0
2010	100,0	97,2	2,8	9,2	8,7	0,5
2015	100,0	97,3	2,7	7,1	6,8	0,3
2017	100,0	97,9	2,1	5,9	5,6	0,3
Примечание. С 2018 г. формулировка вопроса претерпела изменения, что ограничивает возможность продления динамических рядов.						

Ключевым трендом последних десятилетий стало стремительное распространение практик трудоустройства по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей и в фермерском хозяйстве (с 4 до 13%). С учетом нарастания масштабов третичного сектора экономики можно предположить сохранение этого тренда и в дальнейшем. Вместе с тем предпринимательская деятельность без образования юридического лица не находит широкого отклика в обществе и остается выбором порядка 5% населения.

Иным образом обстоят дела со структурой занятых по наличию дополнительной работы, где общая картина видится весьма устойчивой (табл. 2.4). С начала 2000-х гг. доля тех, кто работает более чем на одном месте, несколько снизилась, а затем стабилизировалась на уровне 2-3%.

Поскольку подобного рода практики в значительной мере обусловлены стремлением людей компенсировать ограниченность своего текущего заработка⁷⁷, можно сделать вывод об отсутствии экономических стимулов к поиску дополнительного источника дохода посредством вторичной занятости. В настоящее время эта

⁷⁷ Рошин С. Ю., Разумова Т. О. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда. М.: EERC, 2002. 72 с.

цель зачастую реализуется путем неофициального трудоустройства (об этом еще будет сказано далее) или получения заработной платы в конверте. Согласно опросным данным HeadHunter за 2018 г., «серые» схемы оплаты труда характерны для 43% работников (39% в 2016 г.)⁷⁸. Для сравнения: в период 2007–2013 гг. на территории Евросоюза таковых было всего около 4%⁷⁹.

Что касается желающих работать дополнительно, то после роста их доли в середине – конце «нулевых», когда период бурного экономического роста сменился финансовым кризисом и последующей стагнацией⁸⁰, все вернулось к прежним показателям. По состоянию на 2017 г. 7% россиян выразило интерес к вторичной занятости (5% в 2000 г.), большинство из которых имело одну работу. Существенных гендерных различий в рамках обозначенной группы индикаторов не наблюдается.

Как и в предыдущем примере, структура занятых в экономике России по их статусу на рабочем месте практически не изменилась за последние 20 лет (табл. 2.5).

С начала 2000-х гг. доля наемных работников увеличилась на 2,6 п.п. и достигла 93%. Соответственно на оставшиеся 7% приходятся следующие категории занятых: работодатели (1%), самостоятельно занятые (5%) и помогающие на семейном предприятии (1%). В этом случае гендерные диспропорции также не являются ярко выраженными. Основное отличие заключается в том, что мужчины несколько реже становятся наемными работниками по сравнению с женщинами (92% против 94% в 2019 г.).

Стоит подчеркнуть, что ситуация, схожая с российской в части соотношения работающих по найму и не по найму (93 и 7% соответственно) отмечается в Германии, Норвегии, Канаде, США, Швеции, Японии и ряде других развитых стран⁸¹. При этом во многих государствах-членах ОЭСР представительство работающих не по найму является куда более внушительным (например, 12% во Франции, по 16% в Великобритании и Испании, 17% в Нидерландах, 20% в Польше, 23% в Италии, 32% в Турции). В условиях, когда современные цифровые бизнес-модели все чаще отдают предпочтение самозанятым⁸², дальнейший отход от наемного труда является наиболее вероятным сценарием развития событий в средне- и долгосрочной перспективе.

Принимая также во внимание широкое распространение гибких форм трудовых отношений по всему миру⁸³, можно констатировать, что происходит раз-

⁷⁸ Работодатели стали чаще предлагать «серые» схемы оплаты труда // HeadHunter. URL: <https://hhcdn.ru/file/16676147.pdf>

⁷⁹ Di Nola A., Kocharkov G., Vasilev A. Envelope wages, hidden production and labor productivity. The B.E. Journal of Macroeconomics, 2019, vol. 19(2). URL: <https://doi.org/10.1515/bejm-2018-0252>

⁸⁰ Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. 170 с.

⁸¹ Employment by professional status // OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/>

⁸² The Future of Work: OECD Employment Outlook 2019 – Highlights // OECD. URL: <https://www.oecd.org/employment/employment-outlook-2019-highlight-en.pdf>

⁸³ Non-standard Employment Around the World: Understanding Challenges, Shaping Prospects // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf

**Таблица 2.5. Структура занятых в экономике России
по статусу в период 2000–2019 гг., %**

Год	Всего	Из них					
		работающие по найму	работающие не по найму	в том числе			
				работодатели	самостоя-тельно занятые	члены производ-ственных кооперативов	помогающие на семейном предприятии
Занятое население в целом							
2000	100,0	90,7	9,3	0,8	7,1	1,2	0,1
2005	100,0	92,7	7,3	1,3	5,7	0,1	0,1
2010	100,0	93,2	6,8	1,3	5,1	0,1	0,4
2015	100,0	92,8	7,2	1,3	5,5	0,0	0,4
2019	100,0	93,3	6,7	1,4	4,9	0,0	0,4
Мужчины							
2000	100,0	90,3	9,7	1,2	6,9	1,4	0,1
2005	100,0	92,2	7,8	1,5	6,0	0,1	0,1
2006	100,0	91,8	8,2	1,5	6,2	0,4	0,1
2010	100,0	92,3	7,7	1,6	5,5	0,1	0,5
2015	100,0	91,9	8,1	1,7	6,0	0,0	0,4
2019	100,0	92,3	7,7	1,9	5,4	0,0	0,4
Женщины							
2000	100,0	91,1	8,9	0,5	7,4	0,9	0,1
2005	100,0	93,3	6,7	1,1	5,5	0,1	0,1
2010	100,0	94,0	6,0	0,9	4,6	0,1	0,4
2015	100,0	93,7	6,3	0,9	5,0	0,0	0,4
2019	100,0	94,3	5,7	1,0	4,4	0,0	0,3

мытие определенного стандарта занятости, доминировавшего в индустриальных экономиках на протяжении почти всего XX века⁸⁴. Как правило, об этом красноречиво свидетельствует динамика продолжительности рабочего времени. Так, в 1970–2019 гг. на территории стран-участниц ОЭСР среднее количество отработанных часов за год уменьшилось с 1945 до 1726, достигнув на конец рассматриваемого периода 37,6 часа в неделю (от 30,5 ч в Нидерландах до 45,5 ч в Турции)⁸⁵. Как видно из таблицы 2.6, значения данного показателя в России в полной мере соотносятся с зарубежной практикой и составляют 37,8 ч в неделю, что на 0,4 ч ниже уровня 2000 года. За этот период заметно снизилась доля людей, работающих 41–50 (с 11 до 4%), а также 51 и более (с 3 до 1%) часов в неделю. С учетом сокращения и количества случаев занятости продолжительностью менее 30 часов в неделю (с 8 до 5%) наполнение когорты «31–40 часов в неделю» достигло 85% от общей численности работников (76% в 2000 г.). Обозначенные тенденции в равной степени коснулись как мужчин, так и женщин.

⁸⁴ Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

⁸⁵ Hours worked // OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/>

Таблица 2.6. Структура занятых в экономике России по фактической продолжительности рабочей недели в период 2000–2019 гг., %

Год	Всего	В том числе								Отработано в среднем на одного занятого, часов в неделю
		отработали часов в неделю							временно отсутствовали	
		менее 9	9–15	16–20	21–30	31–40	41–50	51 и более		
Занятое население в целом										
2000	100,0	0,9	1,4	2,2	3,2	75,6	10,7	3,1	2,9	38,2
2005	100,0	0,6	1,2	1,9	2,9	83,8	5,1	2,7	1,9	38,6
2010	100,0	0,6	1,0	1,7	2,6	84,5	4,6	2,0	3,0	38,0
2015	100,0	0,5	0,9	1,5	2,3	84,8	5,0	1,8	3,2	38,0
2019	100,0	0,6	0,7	1,5	2,3	85,4	4,5	1,4	3,5	37,8
Мужчины										
2000	100,0	0,7	1,1	1,4	2,1	75,8	12,4	4,1	2,3	39,5
2005	100,0	0,5	1,1	1,3	2,0	84,0	6,1	3,6	1,4	39,6
2010	100,0	0,5	0,9	1,3	1,9	85,0	5,7	2,9	1,9	39,3
2015	100,0	0,4	0,8	1,1	1,6	85,3	6,2	2,7	1,8	39,4
2019	100,0	0,5	0,6	1,1	1,8	86,1	5,7	2,1	2,0	39,1
Женщины										
2000	100,0	1,1	1,6	3,0	4,4	75,4	8,8	2,0	3,7	36,8
2005	100,0	0,8	1,3	2,5	3,7	83,5	4,1	1,8	2,4	37,5
2010	100,0	0,6	1,1	2,1	3,3	84,0	3,5	1,0	4,2	36,7
2015	100,0	0,7	1,1	1,9	3,1	84,1	3,6	0,8	4,7	36,6
2019	100,0	0,8	0,9	1,9	2,9	84,6	3,3	0,7	5,0	36,4

Основной формой закрепления отношений между работником и работодателем остается бессрочный трудовой договор (табл. 2.7). На таких условиях занято более 90% россиян. Временные контракты не нашли широкого отклика в обществе и по состоянию на 2019 г. были заключены 3% населения (аналогично уровню 2000 г.). Как правило, трудовые договоры на определенный срок приобретают особую популярность в период нестабильности, когда компании пытаются минимизировать возможные риски и издержки⁸⁶. В частности, в годы финансово-экономического кризиса подобного рода практики затронули почти 8% (2008 г.) наемных работников в РФ, что является максимумом за рассматриваемый период.

Несмотря на всю ограниченность официальной статистики в отношении не-регистрируемого рынка труда, с начала 2000-х гг. отчетливо прослеживается рост случаев трудоустройства по найму на основе устной договоренности (менее 1% в 2000 г. против 4% в 2019 г.), что наиболее заметно проявляется среди мужчин.

⁸⁶ Berglund T., Håkansson K., Isidorsson T., Alfonsson J. Temporary Employment and the Future Labor Market Status. Nordic Journal of Working Life Studies, 2017, vol. 7(2), pp. 27–48. DOI: 10.18291/njwls.v7i2.81593

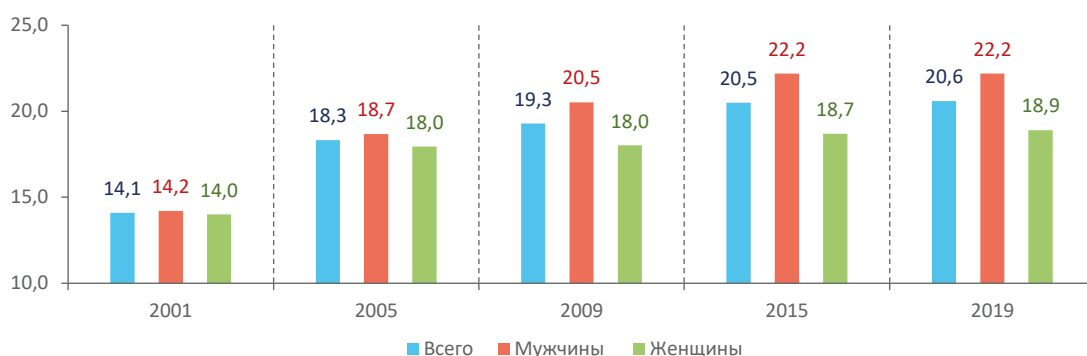
Таблица 2.7. Распределение численности работающих по найму на основной работе по видам трудового договора в период 2000–2019 гг., %

Год	Всего	В том числе имели работу			
		по трудовому договору		по договору на выполнение определенного объема работ или оказание услуг	на основе устной договоренности без оформления документов
		на неопределенный срок	на определенный срок		
Занятое население в целом					
2000	100,0	94,8	3,3	1,4	0,5
2005	100,0	88,0	6,7	1,4	3,5
2008	100,0	86,1	7,5	2,2	4,2
2010	100,0	91,0	4,5	1,1	3,5
2015	100,0	91,1	4,0	0,9	4,0
2019	100,0	92,0	2,8	1,2	4,0
Мужчины					
2000	100,0	93,5	4,0	1,7	0,7
2005	100,0	86,3	7,7	1,6	4,4
2008	100,0	83,7	8,6	2,3	5,3
2010	100,0	88,7	5,5	1,1	4,6
2015	100,0	88,9	4,8	1,0	5,3
2019	100,0	89,8	3,6	1,4	5,2
Женщины					
2000	100,0	96,1	2,5	1,0	0,3
2005	100,0	89,7	5,6	1,3	3,3
2008	100,0	88,6	6,4	2,0	3,0
2010	100,0	93,3	3,5	1,0	2,3
2015	100,0	93,3	3,2	0,8	2,7
2019	100,0	94,2	2,0	1,1	2,7

Если данный аспект предполагает прежде всего неоформленную работу в формальном секторе экономики⁸⁷, то следующий показатель выходит за его рамки и охватывает работников, трудовая деятельность которых осуществляется в рамках производственных единиц без образования юридического лица⁸⁸.

⁸⁷ Бизюков П. В. Неустойчивая занятость как форма деградации трудовых отношений // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1. С. 100–109.

⁸⁸ В соответствии с методологией Росстата к занятым в неформальном секторе относятся: 1) индивидуальные предприниматели; 2) лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; 3) помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; 4) работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; 5) занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.

**Рисунок 2.1. Занятые в неформальном секторе
(в % от общей численности занятых)**

В период 2001–2019 гг. занятость в неформальном секторе увеличилась с 14 до 21% (с 14 до 23% у мужчин и с 14 до 19% у женщин), сохраняя относительно высокий уровень на протяжении последних лет (рис. 2.1). Важно понимать, что деятельность в этой области носит преимущественно правовой характер и далеко не всегда оборачивается нарушением норм трудового или иного законодательства. Однако часть хозяйствующих субъектов все-таки избегает легализации, что, как показывают исследования, негативно отражается на положении работников⁸⁹.

В 2019 г. к числу основных особенностей занятости в неформальном секторе можно отнести большую вовлеченность молодежи 15–19 (48%) и 20–24 (26%) лет, пожилых людей старше 70 лет (39%), а также малообразованных слоев общества (например, 27% среди лиц со средним общим образованием); широкую распространенность в отраслях, связанных с торговлей, ремонтом автотранспортных средств и мотоциклов (31%); высокий уровень межрегиональной дифференциации (значения показателя варьируются от 4% в г. Москве до 62% в Чеченской Республике)⁹⁰.

Таким образом, в ходе анализа подтвердился тезис о том, что сложившаяся в России модель занятости является достаточно устойчивой не только в отношении кризисных событий последних десятилетий, но и вызовов современности. Несмотря на нарастание темпов старения населения и низкие показатели включенности пожилых граждан в оплачиваемую общественно полезную деятельность, уровень трудовой активности в стране сохраняет относительно высокие позиции на международной арене. Не претерпела существенных изменений и структура занятых по наличию дополнительной работы, где проблема нехватки денежных средств зачастую решается путем применения «серых» схем оплаты труда и неформальных практик трудоустройства в целом. Стабильной остается также ситуация в части соотношения работающих по найму и не по найму, продолжительности рабочего времени и использования трудовых договоров.

⁸⁹ Анисимов Р. И. Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S013216250006652-0

⁹⁰ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211>

На этом фоне наблюдается сохранение тенденции концентрации работников в третичном секторе экономики, что во многом приводит к распространению трудовых отношений, возникающих за пределами организаций/предприятий со статусом юридического лица, а именно – работе по найму у физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Кроме того, все большие масштабы приобретает нерегистрируемый рынок труда, статистический учет которого с помощью данных официальной статистики весьма ограничен. Однако даже в этом случае позитивную динамику демонстрируют показатели, характеризующие занятость в формальном (на основе устной договоренности без оформления документов) и неформальном (в рамках производственных единиц, осуществляющих свою деятельность без образования юридического лица) секторах экономики.

Полученные выводы и результаты способствуют углублению понимания специфики протекания глобального процесса трансформации занятости в современной России, что является актуальным с точки зрения не только разработки приоритетных мер государственной политики по преодолению его негативных последствий, но и теоретического осмысления вопросов будущего сферы труда, обсуждение которых позволит сформировать более целостное представление о дальнейших перспективах развития системы социально-трудовых отношений и общества в целом.

2.2. Состояние количественной и качественной составляющих трудового потенциала в субъектах РФ

В рамках настоящего исследования оценка трудового потенциала территорий осуществлялась посредством оригинальной методики, позволяющей рассмотреть его в разрезе двух составляющих – количественной и качественной⁹¹. Количественная составляющая определяется численностью трудоспособного населения. В силу особенностей статистического учета данной категории в России нами использовались показатели «численность рабочей силы» и «численность населения, не входящего в состав рабочей силы, в трудоспособном возрасте». Интегральный показатель рассчитывался в абсолютном выражении. Чем выше значения индикатора, тем большим трудовым потенциалом в количественном отношении располагает территория. Качественная составляющая характеризует важнейшие аспекты качества населения (состояние здоровья и уровень образования), а также уровень его благосостояния. Это обусловлено тем, что для выполнения трудовой деятельности человеку необходимо обладать определенным запасом здоровья (психофизиологическая компонента), иметь профессиональные знания (образовательно-квалификационная компонента) и располагать возможностью восполнять свой жизненный потенциал (социальная компонента). Каждая из обозначенных компонент формируется из нескольких разнородных показателей, которые проходят процедуру унификации: для определения предельных значений инди-

⁹¹ Попов А.В. Трудовой потенциал России: оценка и инструменты повышения уровня реализации. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 181 с.

каторов был применен эмпирический подход, в соответствии с которым они принимают соответствующие максимальные и минимальные значения среди наблюдаемых значений за весь период исследования. Расчет сводных и интегрального индексов осуществлялся на основе среднего арифметического. Большие значения индикаторов, находящиеся в пределах от 0 до 1, свидетельствуют о более высоком качестве трудового потенциала территории.

Количественная составляющая трудового потенциала

В 2000–2018 гг. численность рабочей силы в России увеличилась на 3% и достигла 74,9 млн. человек (табл. 2.8). На конец рассматриваемого периода наибольшие значения показателя наблюдались в г. Москве и Московской области

**Таблица 2.8. Численность рабочей силы в субъектах РФ
в период 2000–2018 гг., тыс. чел.**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., тыс. чел.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	72767	73581	75478	75424	74891	2121
1	г. Москва	5277,0	5967,9	6436,2	7067,5	7248,2	1971,2
2	Московская область	3612,4	3649,8	3943,7	3937,7	4142,5	530,1
3	г. Санкт-Петербург	2451,8	2619,5	2807,3	2967,2	3054,6	602,8
4	Краснодарский край	2419,5	2428,0	2602,9	2701,9	2816,3	396,8
5	Свердловская область	2330,9	2340,7	2304,7	2293,1	2145,2	-185,7
6	Ростовская область	2121,0	2132,7	2162,5	2131,6	2129,4	8,4
7	Республика Татарстан	1879,3	1879,7	2025,5	2062,2	2031,2	151,9
8	Тюменская область	1696,9	1820,7	1892,7	1934,1	1956,5	259,6
9	Республика Башкортостан	1968,6	2025,1	2040,0	2016,6	1951,4	-17,2
10	Челябинская область	1812,3	1806,1	1870,9	1856,9	1873,2	60,9
...							
42	Вологодская область	667,3	660,5	654,0	610,9	576,5	-90,8
...							
71	Республика Ингушетия	101,5	175,2	179,3	223,1	248,9	147,4
72	Карачаево-Черкесская Республика	189,2	213,0	233,3	217,4	213,6	24,4
73	Республика Адыгея	202,0	201,1	204,8	201,8	200,6	-1,4
74	Камчатский край	212,8	207,2	190,5	188,9	178,8	-34,0
75	Республика Калмыкия	144,0	147,9	148,6	144,5	137,8	-6,2
76	Республика Бурятия	486,4	449,8	476,1	458,2	127,1	-359,3
77	Республика Алтай	92,8	94,8	100,3	99,7	96,1	3,3
78	Магаданская область	118,1	101,2	102,0	93,3	87,5	-30,6
79	Еврейская авт. область	92,5	90,1	87,4	84,6	79,2	-13,3
80	Чукотский авт. округ	36,0	32,5	32,7	32,2	30,4	-5,6

Источник: здесь и далее – данные Росстата.

Таблица 2.9. Численность населения, не входящего в состав рабочей силы, в трудоспособном возрасте в субъектах РФ в период 2000–2018 гг., тыс. чел.

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., тыс. чел.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	18734	20791	19064	16468	14343	-4391
1	г. Москва	1355,5	1441,4	1053,4	1052,8	848,3	-507,2
2	Московская область	765,4	907,5	834,5	786,4	719,5	-45,9
3	Республика Дагестан	434,1	478,4	525,5	598,6	550,3	116,2
4	Краснодарский край	661,1	863,1	731,9	660,4	530,3	-130,8
5	Республика Башкортостан	497,1	595,1	602,2	518,3	459,1	-38,0
6	Ростовская область	619,4	693,3	623,6	550,3	457,4	-162,0
7	Свердловская область	574,4	582,9	551,6	442,7	444,3	-130,1
8	г. Санкт-Петербург	610,1	597,6	487,7	518,3	416,1	-194,0
9	Тюменская область	463,0	515,1	503,3	425,8	358,1	-104,9
10	Ставропольский край	406,6	449,1	409,8	378,6	355,1	-51,5
...							
36	Вологодская область	132,8	155,3	142,8	126,7	123,8	-9,0
...							
71	Республика Бурятия	134,8	195,5	167,4	151,5	54,2	-80,6
72	Республика Ингушетия	84,1	90,9	95,5	58,2	54,2	-29,9
73	Новгородская область	75,4	86,4	77,5	61,8	54,0	-21,4
74	Сахалинская область	90,0	77,5	69,5	51,9	41,7	-48,3
75	Республика Калмыкия	41,8	44,9	45,0	37,7	31,8	-10,0
76	Камчатский край	54,3	44,8	47,1	33,7	31,5	-22,8
77	Республика Алтай	28,1	35,5	33,9	28,6	28,6	0,5
78	Еврейская авт. область	31,7	36,1	33,2	24,4	22,3	-9,4
79	Магаданская область	27,0	27,0	17,9	13,7	11,7	-15,3
80	Чукотский авт. округ	7,5	5,6	5,3	4,0	3,9	-3,6

(7,2 и 4,1 млн. чел. соответственно), а наименьшие – в Еврейской автономной области (79,2 тыс. чел.) и Чукотском автономном округе (30,4 тыс. чел.). В Вологодской области численность рабочей силы составила 576,5 тыс. чел., что на 90,8 тыс. чел. меньше, чем в 2000 году. Данный результат соответствует 42 месту⁹² среди 80 субъектов РФ.

Динамика численности населения, не входящего в состав рабочей силы, в трудоспособном возрасте, напротив, продемонстрировала отрицательный тренд (табл. 2.9). С 2000 по 2018 г. средние значения индикатора по стране снизились

⁹² Для обеспечения целостности динамических рядов в рамках настоящего исследования нами не учитывались следующие субъекты РФ: Республика Крым и г. Севастополь, а также территории, входящие в состав других регионов (Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).

почти на 4,4 млн. чел., опустившись до уровня в 14,3 млн. человек. Причины сложившейся ситуации кроются не только в повышении экономической активности населения, когда все больше людей выходят на рынок труда в поиске подходящей работы, но и в нарастающих темпах депопуляции. В Вологодской области численность населения трудоспособного возраста, не входящего в состав рабочей силы, практически не изменилась (132,8 тыс. чел. в 2000 г. против 123,8 тыс. чел. в 2018 г.).

Поскольку рабочая сила играет ключевую роль в формировании количественной составляющей трудового потенциала, применительно к последнему показателю распределение субъектов РФ будет иметь схожие с первым черты (табл. 2.10).

Таблица 2.10. Количественная составляющая трудового потенциала в субъектах РФ в период 2000–2018 гг., тыс. чел.

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., тыс. чел.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	91504	94372	94542	91893	89235	-2269
1	г. Москва	6632,5	7409,3	7489,7	8120,3	8096,5	1464,0
2	Московская область	4377,8	4557,3	4778,1	4724,2	4862,0	484,2
3	г. Санкт-Петербург	3061,9	3217,1	3295,0	3485,5	3470,7	408,8
4	Краснодарский край	3080,6	3291,1	3334,8	3362,3	3346,5	265,9
5	Свердловская область	2905,3	2923,5	2856,3	2735,8	2589,5	-315,8
6	Ростовская область	2740,4	2825,9	2786,1	2681,9	2586,8	-153,6
7	Республика Башкортостан	2465,7	2620,2	2642,2	2534,9	2410,5	-55,2
8	Республика Татарстан	2329,7	2410,5	2484,7	2449,7	2355,1	25,4
9	Тюменская область	2159,9	2335,8	2396,0	2359,9	2314,6	154,7
10	Челябинская область	2272,1	2354,9	2304,6	2192,8	2147,1	-125,0
...							
41	Вологодская область	800,1	815,8	796,8	737,5	700,2	-99,9
...							
71	Республика Ингушетия	185,6	266,1	274,8	281,3	303,1	117,5
72	Карачаево-Черкесская Республика	263,4	291,6	304,1	300,1	289,5	26,1
73	Республика Адыгея	266,5	280,3	274,7	270,4	258,1	-8,4
74	Камчатский край	267,1	252,0	237,6	222,6	210,3	-56,8
75	Республика Бурятия	621,2	645,3	643,5	609,7	181,3	-439,9
76	Республика Калмыкия	185,8	192,8	193,6	182,3	169,6	-16,2
77	Республика Алтай	121,0	130,3	134,2	128,3	124,6	3,6
78	Еврейская авт. область	124,2	126,2	120,7	109,0	101,5	-22,7
79	Магаданская область	145,1	128,2	119,9	107,0	99,2	-45,9
80	Чукотский авт. округ	43,5	38,2	38,0	36,3	34,3	-9,2
Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.							

Вместе с тем в период 2000–2018 гг. общее количество располагаемых трудовых возможностей в России сократилось с 91,5 до 89,2 млн. человек. Из проведенного выше анализа следует, что обозначенная тенденция является следствием снижения пассивной части трудового потенциала (экономически неактивное население), в то время как активная характеризуется умеренным ростом. В 2018 г. совокупное количество трудового потенциала в Вологодской области составило 700,2 тыс. чел., что ниже уровня 2000 г. почти на 100 тыс. человек или 12%.

Качественная составляющая трудового потенциала

Психофизиологическая компонента

Одним из основных показателей здоровья нации является смертность, что обусловило применение коэффициента смертности населения в трудоспособном возрасте для оценки физического здоровья. Кроме того, данный индикатор используется с привязкой к категории населения, составляющей основу трудового потенциала территории, и при этом принимает во внимание фактор случайности летальных исходов в результате внешних причин, смертность от которых в России гораздо выше, чем в развитых и развивающихся странах, что приводит к огромным экономическим потерям.

С начала 2000-х гг. коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте в России свидетельствуют об устойчивой позитивной динамике (табл. 2.11). Значения показателя сократились с 729,1 до 482,2 умерших на 100000 чел. соответствующего возраста. В 2018 г. наиболее благоприятная ситуация наблюдалась в республиках Ингушетия (142,4), Чеченская (166,1) и Дагестан (166,5), а наименее – в Республике Тыва (682,6), Кемеровской области (703,8) и Чукотском автономном округе (954,6). В Вологодской области коэффициент смертности равен 567,2, что соответствует 51 месту среди 80 субъектов РФ.

Одним из ключевых факторов, влияющих на возможности человека участвовать в трудовой деятельности, выступает инвалидность. Она служит не только объективным барьером, препятствующим трудоустройству лиц с ограниченными возможностями здоровья, но и зачастую ставит работодателей перед необходимостью осуществления дополнительных мероприятий, направленных на создание специальных рабочих мест для инвалидов. В результате уровень экономической активности инвалидов достаточно низок.

Динамика общей численности инвалидов за рассматриваемый период продемонстрировала сдержанный рост (табл. 2.12). В целом по стране значения показателя увеличились с 73,2 до 82,5‰. При этом данный тренд едва ли можно назвать повышательным, т.к. с 2010-х гг. происходит постепенное снижение уровня инвалидизации населения. По состоянию на 2018 г. наибольшие значения индикатора отмечались в Чеченской Республике (147,3‰) и Белгородской области (142,1‰), а наименьшие – в Чукотском автономном округе (36,0‰) и Магаданской области (38,4‰). Вологодская область заняла 52 место при общей численности инвалидов 90,3‰ на 100 тыс. нас.

Показателем, способным охарактеризовать психическое здоровье населения, являются «контингенты пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения», т.е. численность пациентов, страдающих обозначенными

**Таблица 2.11. Коэффициенты смертности населения в трудоспособном
возрасте в субъектах РФ в период 2000–2018 гг. (число умерших
на 100000 чел. населения соответствующего возраста)**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., %
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	729,1	827,8	634,0	546,7	482,2	66,1
1	Республика Ингушетия	280,1	184,4	231,4	152,0	142,4	50,8
2	Чеченская Республика	-	291,4	270,3	224,4	166,1	57,0
3	Республика Дагестан	266,8	247,7	241,5	203,7	166,5	62,4
4	Кабардино-Балкарская Республика	423,3	480,5	401,7	341,1	283,9	50,8
5	г. Москва	505,5	502,1	389,3	340,7	317,4	62,8
6	Карачаево-Черкесская Республика	442,9	516,9	396,2	353,6	327,2	62,4
7	г. Санкт-Петербург	741,4	748,7	488,8	414,2	364,5	49,2
8	Республика Северная Осетия-Алания	551,0	534,5	416,5	380,4	370,3	67,2
9	Ставропольский край	542,6	610,4	474,4	390,3	378,6	69,8
10	Республика Калмыкия	648,1	628,1	549,0	472,5	399,3	61,6
...							
51	Вологодская область	729,9	1044,4	803,8	623,8	567,2	77,7
...							
71	Еврейская авт. область	909,9	1222,9	940,3	885,2	641,4	70,5
72	Новгородская область	957,3	1191,3	959,9	757,5	652,6	68,2
73	Амурская область	834,8	1106,9	891,6	753,5	654,6	78,4
74	Псковская область	1019,2	1318,5	978,2	719,4	654,9	64,3
75	Иркутская область	980,7	1169,8	849,4	780,2	655,2	66,8
76	Магаданская область	919,3	1011,7	914,4	730,0	667,8	72,6
77	Республика Карелия	918,5	1154,2	908,0	749,7	677,8	73,8
78	Республика Тыва	1277,2	1273,8	1007,7	880,5	682,6	53,4
79	Кемеровская область	898,5	1099,1	880,0	753,8	703,8	78,3
80	Чукотский авт. округ	887,8	1070,2	1328,4	865,8	954,6	107,5
Источник: здесь и далее – данные Росстата.							

болезнями и состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях (табл. 2.13). Если говорить о ситуации в целом по стране, то динамика индикатора в 2000–2018 гг. выглядит достаточно определенно и свидетельствует о позитивных изменениях (снижение с 1334,1 до 989,3 случая на 100000 чел. населения). Однако в региональном разрезе все не так однозначно, поскольку в ряде случаев ситуация развивается противоположным образом. Среди лидеров по данному показателю можно выделить Волгоградскую область (496,9) и Краснодарский край (529,0), а среди аутсайдеров – Новгородскую область (1955,2) и Чукотский автономный округ (1856,5). Вологодская область расположилась на 28 месте среди 80 субъектов РФ с результатом 937,6 случая на 100000 чел. населения.

**Таблица 2.12. Общая численность инвалидов в субъектах РФ
в период 2000–2018 гг. (на 1000 чел. населения)**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., %
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	73,2	80,7	92,0	88,4	82,5	120,8
1	Чукотский авт. округ	16,2	19,3	39,1	37,0	36,0	228,4
2	Магаданская область	34,7	40,2	37,7	42,9	38,4	123,6
3	Мурманская область	42,5	42,0	47,5	44,8	41,7	105,4
4	Тюменская область	40,1	39,8	49,7	50,8	46,2	126,7
5	Камчатский край	26,9	34,9	46,4	54,0	46,9	200,7
6	Астраханская область	43,5	42,7	50,4	53,7	47,4	123,4
7	Сахалинская область	40,4	54,7	57,9	56,5	47,8	139,9
8	Томская область	46,3	54,4	63,4	59,2	53,7	127,9
9	Хабаровский край	47,5	60,9	67,4	65,4	55,8	137,7
10	Республика Хакасия	61,0	68,8	71,3	65,1	57,4	106,7
...							
52	Вологодская область	80,0	109,2	110,1	103,3	90,3	129,1
...							
71	Республика Дагестан	48,7	64,1	84,4	99,3	107,8	203,9
72	Республика Алтай	69,2	108,7	141,2	122,5	108,9	177,0
73	Липецкая область	81,1	101,8	129,1	122,6	109,4	151,2
74	Курская область	67,1	87,0	111,9	117,9	112,5	175,7
75	Тамбовская область	85,3	129,5	137,3	125,7	112,8	147,4
76	Карачаево-Черкесская Республика	65,9	88,8	99,2	113,2	114,0	171,8
77	Рязанская область	99,6	115,1	139,4	134,1	123,9	134,6
78	Республика Ингушетия	47,1	43,8	102,0	135,0	133,5	286,6
79	Белгородская область	87,9	174,0	184,8	162,4	142,1	184,8
80	Чеченская Республика	11,7	46,8	89,6	129,9	147,3	1110,3

Обозначенные выше тенденции непосредственно сказываются на динамике психофизиологической компоненты качества трудового потенциала (табл. 2.14). Так, с начала 2000-х гг. в целом по России данный индекс увеличился с 0,615 до 0,695 усл. ед., достигнув максимума за рассматриваемый период. Вместе с тем, судя по полученным результатам, поводов для оптимизма еще недостаточно. В зависимости от территории мы можем наблюдать существенный разброс значений показателя: от 0,507 (в Новгородской области) до 0,829 усл. ед. (в Тюменской области). Вологодская область характеризуется не только среднероссийскими темпами изменения психофизиологической компоненты, но и схожим уровнем ее развития (0,689 усл. ед.).

**Таблица 2.13. Контингенты пациентов с психическими расстройствами
и расстройствами поведения в субъектах РФ в период 2000–2018 гг.
(на 100000 чел. населения)**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., %
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	1334,1	1255,3	1146,3	1048,3	989,3	74,2
1	Волгоградская область	1295,2	895,6	586,8	506,2	496,9	38,4
2	Краснодарский край	805,2	736,9	687,0	567,6	529,0	65,7
3	Ленинградская область	1108,0	932,0	669,3	595,3	557,7	50,3
4	Самарская область	829,3	799,8	715,0	604,8	584,0	70,4
5	Курганская область	629,5	579,4	531,0	571,5	596,0	94,7
6	г. Москва	1113,0	904,5	815,5	721,6	622,3	55,9
7	Чеченская Республика	-	-	601,2	798,0	641,7	106,7
8	Калужская область	861,4	800,8	766,6	693,1	649,6	75,4
9	Архангельская область	1051,6	888,7	754,3	676,9	663,2	63,1
10	Мурманская область	1156,0	879,9	807,0	742,5	710,6	61,5
...							
28	Вологодская область	1453,6	1333,0	1216,7	996,4	937,6	64,5
...							
71	Республика Марий Эл	969,4	1163,0	1346,3	1449,7	1347,3	139,0
72	Псковская область	1366,5	1441,1	1350,9	1358,2	1373,6	100,5
73	Иркутская область	1751,7	1710,5	1558,3	1482,7	1392,6	79,5
74	Амурская область	1487,0	1659,8	1657,1	1528,9	1489,5	100,2
75	Республика Дагестан	1968,9	1867,9	1825,2	1791,9	1504,5	76,4
76	Саратовская область	1530,2	1724,3	1667,8	1579,8	1540,9	100,7
77	Курская область	1472,6	1566,0	1602,6	1571,5	1577,6	107,1
78	Республика Хакасия	2430,5	2435,4	2278,5	1812,1	1634,0	67,2
79	Чукотский авт. округ	3019,1	2534,8	2055,8	2031,6	1856,5	61,5
80	Новгородская область	2144,6	2273,7	2274,3	2055,1	1955,2	91,2

**Таблица 2.14. Психофизиологическая компонента качества трудового
потенциала в субъектах РФ в период 2000–2018 гг., усл. ед.**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., усл. ед.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	0,615	0,569	0,612	0,660	0,695	0,080
1	Тюменская область	0,748	0,750	0,764	0,801	0,829	0,081
2	г. Москва	0,575	0,611	0,663	0,789	0,817	0,242
3	Мурманская область	0,698	0,695	0,748	0,775	0,807	0,109
4	Волгоградская область	0,642	0,682	0,743	0,774	0,802	0,160
5	Краснодарский край	0,664	0,651	0,747	0,736	0,798	0,134

6	Астраханская область	0,700	0,669	0,705	0,731	0,777	0,077
7	Самарская область	0,625	0,677	0,706	0,735	0,776	0,151
8	Томская область	0,712	0,644	0,687	0,727	0,763	0,051
9	Кабардино-Балкарская Республика	0,773	0,742	0,722	0,732	0,762	-0,011
10	Республика Саха	0,664	0,649	0,674	0,732	0,758	0,094
...							
45	Вологодская область	0,598	0,482	0,557	0,644	0,689	0,091
...							
71	Костромская область	0,475	0,401	0,489	0,596	0,637	0,162
72	Республика Марий Эл	0,654	0,556	0,556	0,570	0,629	-0,025
73	Псковская область	0,505	0,412	0,518	0,600	0,625	0,120
74	Оренбургская область	0,633	0,591	0,564	0,575	0,624	-0,009
75	Республика Карелия	0,537	0,457	0,516	0,574	0,621	0,084
76	Иркутская область	0,534	0,458	0,527	0,548	0,601	0,067
77	Амурская область	0,628	0,486	0,488	0,548	0,597	-0,031
78	Курская область	0,612	0,535	0,536	0,547	0,576	-0,036
79	Чукотский авт. округ	0,467	0,477	0,438	0,563	0,565	0,098
80	Новгородская область	0,425	0,309	0,349	0,448	0,507	0,082
Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.							

Образовательно-квалификационная компонента

Образовательная составляющая качества трудового потенциала оценивалась с помощью показателя, отражающего уровень образования рабочей силы. Для этого нами использовалась балльная методика. Каждому из шести учитываемых государственной статистикой уровней образования присваивался соответствующий балл от 1 до 6 по восходящей.

Средняя балльная оценка проводилась по формуле (2.1):

$$Y = \frac{\sum f_i \times I}{100}, \quad (2.1)$$

где Y – уровень образования рабочей силы, баллов;

I – от 1 до 6 баллов;

f_i – удельный вес рабочей силы с i-ым уровнем образования.

Как показали расчеты, в 2000–2018 гг. уровень образования рабочей силы в России возрос на 9% (табл. 2.15). По данному показателю наиболее благоприятная ситуация сложилась в городах федерального значения Москве (5,18 б.) и Санкт-Петербурге (4,96 б.), а наименее благоприятная – в Чеченской Республике (4,04 б.) и Еврейской автономной области (4,16 б.). Вологодская область находится на 63 месте среди 80 субъектов РФ (4,47 б.).

**Таблица 2.15. Уровень образования рабочей силы в субъектах РФ
в период 2000–2018 гг., баллов**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., %
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	4,18	4,28	4,42	4,54	4,59	108,6
1	г. Москва	5,02	4,94	5,16	5,15	5,18	102,6
2	г. Санкт-Петербург	4,85	4,80	4,92	4,94	4,96	101,9
3	Республика Северная Осетия-Алания	4,35	4,59	4,53	4,80	4,92	110,3
4	Московская область	4,48	4,47	4,74	4,90	4,84	109,4
5	Самарская область	4,33	4,45	4,67	4,81	4,83	111,1
6	Тюменская область	4,09	4,39	4,52	4,69	4,78	114,7
7	Республика Калмыкия	4,16	4,13	4,43	4,60	4,78	110,6
8	Курская область	3,96	4,26	4,48	4,68	4,76	118,2
9	Орловская область	4,25	4,28	4,49	4,68	4,75	110,1
10	Камчатский край	4,35	4,28	4,62	4,75	4,75	109,2
...							
63	Вологодская область	3,97	4,17	4,27	4,46	4,47	112,3
...							
71	Кировская область	4,05	4,16	4,30	4,47	4,43	110,4
72	Пермский край	4,03	4,14	4,44	4,44	4,41	110,2
73	Алтайский край	4,03	4,48	4,26	4,45	4,40	110,4
74	Иркутская область	4,30	4,25	4,30	4,39	4,40	102,1
75	Республика Хакасия	4,09	4,13	4,33	4,42	4,36	108,1
76	Курганская область	3,85	3,96	4,26	4,47	4,33	116,1
77	Республика Дагестан	3,82	3,86	4,22	4,12	4,31	107,9
78	Забайкальский край	4,12	3,96	4,13	4,17	4,18	101,2
79	Еврейская авт. область	4,00	3,99	3,99	4,19	4,16	104,8
80	Чеченская Республика	-	-	3,75	3,65	4,04	97,3

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Выбор показателя «численность персонала, занятого исследованиями и разработками» обоснован тем, что занятие исследованиями и научными разработками предполагает наличие у населения высокой квалификации. В этой связи данный индикатор может быть использован для оценки рассматриваемой компоненты качества трудового потенциала.

На фоне роста уровня образования рабочей силы происходит снижение численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками (табл. 2.16). С 2000 по 2018 г. среднероссийские значения показателя уменьшились на 31%, достигнув величины 9,5 чел. на 1000 занятых. При этом региональная дифференциация в отношении подобного рода кадров достигает огромных масштабов. Если в

Таблица 2.16. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в субъектах РФ в период 2000–2018 гг. (на 1000 занятых)

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., %
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	13,8	12,2	10,9	10,8	9,5	68,8
1	Московская область	41,15	32,36	29,10	27,96	25,64	62,3
2	Нижегородская область	29,09	28,47	23,75	24,21	24,99	85,9
3	г. Санкт-Петербург	41,27	36,20	32,36	30,53	23,81	57,7
4	г. Москва	48,97	40,78	37,33	35,42	23,18	47,3
5	Томская область	17,38	17,18	18,11	19,53	19,47	112,0
6	Калужская область	24,31	21,75	21,01	20,86	17,81	73,3
7	Новосибирская область	22,27	20,29	16,80	16,08	16,36	73,5
8	Свердловская область	13,87	11,98	9,95	10,84	10,07	72,6
9	Ярославская область	13,89	9,95	9,54	10,15	9,92	71,4
10	Воронежская область	12,05	13,08	12,50	10,08	9,90	82,2
...							
70	Вологодская область	0,68	0,77	0,81	0,95	1,04	152,9
71	Кемеровская область	1,69	1,13	0,98	1,20	1,03	60,9
72	Оренбургская область	1,31	0,90	0,92	0,93	0,99	75,6
73	Липецкая область	0,95	0,66	0,59	1,29	0,98	103,2
74	Республика Ингушетия	0,34	0,36	1,39	4,38	0,97	285,3
75	Республика Марий Эл	5,52	3,02	0,53	0,67	0,86	15,6
76	Чеченская Республика	-	-	1,47	1,44	0,78	53,1
77	Псковская область	1,29	0,83	0,98	2,57	0,76	58,9
78	Чукотский авт. округ	1,77	1,25	0,47	0,78	0,75	42,4
79	Костромская область	0,92	0,45	0,36	0,44	0,49	53,3
80	Республика Хакасия	0,55	1,16	0,62	0,98	0,42	76,4

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Московской и Нижегородской областях численность такого персонала составляет 25–26 чел. на 1000 занятых, то в Республике Хакасия и Костромской области не достигает даже 1 чел. на 1000 занятых. Вологодская область входит в число худших регионов по данному индикатору (1,04 чел. на 1000 занятых; 70 ранг).

Хотя образовательно-квалификационная компонента качества трудового потенциала демонстрирует положительную динамику развития (0,262 усл. ед. в 2000 г. против 0,366 усл. ед. в 2018 г.), ее абсолютные значения находятся заметно ниже среднего уровня (табл. 2.17). Верхние позиции рейтинга занимают города федерального значения Москва (0,735 усл. ед.) и Санкт-Петербург (0,673 усл. ед.), а нижние – Чеченская Республика (0,147 усл. ед.) и Забайкальский край (0,194 усл. ед.). Вологодская область относится к числу аутсайдеров: значение индекса образовательно-квалификационной компоненты составляет 0,287 усл. ед. (71 ранг). Важно

**Таблица 2.17. Образовательно-квалификационная компонента качества
трудового потенциала в субъектах РФ в период 2000–2018 гг., усл. ед.**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., усл. ед.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	0,262	0,283	0,320	0,357	0,366	0,104
1	г. Москва	0,950	0,840	0,874	0,852	0,735	-0,215
2	г. Санкт-Петербург	0,817	0,749	0,747	0,737	0,673	-0,144
3	Московская область	0,699	0,606	0,658	0,697	0,654	-0,045
4	Нижегородская область	0,498	0,502	0,528	0,577	0,585	0,087
5	Калужская область	0,495	0,479	0,492	0,503	0,507	0,012
6	Томская область	0,416	0,455	0,472	0,489	0,495	0,079
7	Новосибирская область	0,428	0,446	0,454	0,465	0,476	0,048
8	Самарская область	0,412	0,429	0,474	0,468	0,450	0,038
9	Челябинская область	0,334	0,365	0,408	0,435	0,442	0,108
10	Республика Северная Осетия-Алания	0,263	0,331	0,314	0,400	0,435	0,172
...							
71	Вологодская область	0,125	0,188	0,220	0,282	0,287	0,162
72	Республика Ингушетия	0,041	0,176	0,261	0,225	0,279	0,238
73	Алтайский край	0,169	0,304	0,227	0,300	0,278	0,109
74	Псковская область	0,215	0,179	0,247	0,297	0,277	0,062
75	Курганская область	0,125	0,144	0,226	0,295	0,250	0,125
76	Республика Хакасия	0,160	0,180	0,238	0,268	0,244	0,084
77	Республика Дагестан	0,094	0,104	0,213	0,182	0,240	0,146
78	Еврейская авт. область	0,137	0,132	0,133	0,218	0,209	0,072
79	Забайкальский край	0,181	0,124	0,176	0,192	0,194	0,013
80	Чеченская Республика	-	-	0,063	0,032	0,147	0,084

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

подчеркнуть, что сокращение региональной дифференциации по этому показателю полностью зависит не от повышения общего уровня образования населения, а от создания благоприятных условий для занятия научными исследованиями и разработками на постоянной основе.

Социальная компонента

Социальная составляющая определяет возможности носителей трудового потенциала удовлетворять свои потребности и восполнять свой жизненный потенциал. Для оценки блока были использованы индикаторы, отражающие масштабы бедности: «численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» и «доля расходов домохозяйств на продукты питания».

В период 2000–2018 гг. Россия прошла серьезный путь по преодолению бедности. Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума сократился с 29 до 13% (табл. 2.18).

**Таблица 2.18. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в субъектах РФ в период 2000–2018 гг.
(в % от общей численности населения)**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., п.п.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	29,0	17,8	12,5	13,4	12,6	-16,4
1	г. Санкт-Петербург	27,3	10,3	8,6	8,0	6,6	-20,7
2	г. Москва	23,6	13,3	10,0	8,9	6,8	-16,8
3	Республика Татарстан	33,2	12,8	7,7	7,2	7,0	-26,2
4	Московская область	35,2	18,4	10,1	8,6	7,3	-27,9
5	Белгородская область	33,6	18,1	8,2	8,5	7,5	-26,1
6	Ленинградская область	50,9	21,1	12,6	10,9	8,4	-42,5
7	Сахалинская область	39,6	18,2	11,0	9,6	8,5	-31,1
8	Липецкая область	30,9	15,4	9,9	9,1	8,7	-22,2
9	Чукотский авт. округ	50,1	15,1	10,3	8,9	8,8	-41,3
10	Воронежская область	41,9	23,7	18,4	9,2	8,9	-33,0
...							
38	Вологодская область	25,5	18,3	16,8	14,2	13,6	-11,9
...							
71	Республика Марий Эл	60,2	39,7	24,0	22,2	20,4	-39,8
72	Чеченская Республика	-	-	-	15,9	20,5	4,6
73	Забайкальский край	67,0	26,1	19,0	20,4	21,4	-45,6
74	Карачаево-Черкесская Республика	62,5	27,7	17,7	23,6	22,9	-33,0
75	Республика Калмыкия	66,4	61,1	35,7	33,6	23,6	-42,8
76	Еврейская авт. область	57,3	27,6	19,5	24,3	23,7	-33,6
77	Республика Алтай	59,8	35,9	17,7	24,3	24,0	-35,8
78	Кабардино-Балкарская Республика	57,5	23,8	15,7	21,0	24,2	-33,0
79	Республика Ингушетия	94,3	55,2	22,1	31,9	30,4	-63,9
80	Республика Тыва	77,9	44,4	29,6	38,2	34,4	-43,5

Источник: данные Росстата.

Но по состоянию на 2018 г. остается ряд регионов, где значения показателя демонстрируют сохранение напряженной ситуации (34% в Республике Тыва, 30% в Республике Ингушетия, 24% в Кабардино-Балкарской Республике и т.д.). Однако даже в этих субъектах РФ произошло заметное сокращение уровня бедности. Лучше всего обстоят дела в европейской части России: городах федерального значения Санкт-Петербурге и Москве, Республике Татарстан, Московской области (7% во всех примерах) и т.д. Вологодская область расположилась на 38 месте: доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 14%.

Похожая ситуация наблюдается и в отношении расходов домохозяйств на продукты питания (табл. 2.19). За рассматриваемый период значения показателя в РФ снизились с 48 до 29%. В 2018 г. наилучшим образом обстояли дела в г. Москве (24%), Московской области (25%) и Республике Татарстан (26%), а наихудшим образом – в Республиках Ингушетия (59%) и Дагестан (55%), а также в Чукотском автономном округе (48%). В Вологодской области расходы домохозяйств на продукты питания составляли треть доходной базы (36%), что соответствует 48 месту среди 80 субъектов РФ.

С начала 2000-х гг. социальная компонента качества трудового потенциала в России продемонстрировала стремительный рост: значения индекса увеличились с 0,571 до 0,854 усл. ед. (табл. 2.20). По состоянию на 2018 г. абсолютными лидера-

Таблица 2.19. Расходы домохозяйств на продукты питания в субъектах РФ в период 2000–2018 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., п.п.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	47,6	33,2	28,0	30,3	28,6	-19,0
1	г. Москва	42,9	33,7	26,2	32,7	24,5	-18,4
2	Московская область	53,6	38,5	31,4	29,0	25,2	-28,4
3	Республика Татарстан	52,6	36,4	38,2	31,8	25,7	-26,9
4	Мурманская область	48,6	34,1	30,8	30,7	25,8	-22,8
5	Сахалинская область	46,3	39,5	29,8	33,5	27,0	-19,3
6	г. Санкт-Петербург	56,4	33,1	33,4	35,3	27,5	-28,9
7	Камчатский край	53,6	37,5	35,5	35,3	27,5	-26,1
8	Хабаровский край	53,2	37,2	32,7	29,8	28,6	-24,6
9	Нижегородская область	52,0	42,3	34,7	30,9	28,6	-23,4
10	Приморский край	44,7	30,5	27,3	39,8	29,0	-15,7
...							
48	Вологодская область	49,4	40,4	38,0	41,5	36,1	-13,3
...							
71	Брянская область	58,6	47,0	41,2	43,9	40,1	-18,5
72	Тульская область	60,4	48,2	40,5	38,8	40,2	-20,2
73	Саратовская область	55,2	45,0	40,9	40,9	40,3	-14,9
74	Республика Мордовия	53,3	40,7	35,4	39,5	43,4	-9,9
75	Рязанская область	60,5	48,3	35,6	41,1	43,7	-16,8
76	Кабардино-Балкарская Республика	59,2	45,9	39,4	40,6	45,0	-14,2
77	Смоленская область	54,1	49,3	36,1	44,7	47,8	-6,3
78	Чукотский авт. округ	68,6	35,1	48,1	39,1	48,3	-20,3
79	Республика Дагестан	74,6	50,1	48,0	58,8	54,6	-20,0
80	Республика Ингушетия	70,8	62,8	61,0	47,1	58,6	-12,2
Источник: данные Росстата.							

**Таблица 2.20. Социальная компонента качества трудового потенциала
в субъектах РФ в период 2000–2018 гг., усл. ед.**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., усл. ед.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	0,571	0,783	0,848	0,839	0,854	0,283
1	г. Москва	0,748	0,872	0,945	0,905	0,975	0,227
2	Московская область	0,605	0,809	0,907	0,933	0,967	0,362
3	Республика Татарстан	0,623	0,856	0,872	0,921	0,965	0,342
4	г. Санкт-Петербург	0,630	0,894	0,901	0,891	0,955	0,325
5	Мурманская область	0,700	0,836	0,894	0,897	0,948	0,248
6	Сахалинская область	0,632	0,803	0,913	0,895	0,947	0,315
7	Нижегородская область	0,615	0,787	0,871	0,913	0,931	0,316
8	Хабаровский край	0,536	0,752	0,820	0,898	0,915	0,379
9	Свердловская область	0,674	0,873	0,898	0,879	0,914	0,240
10	Калужская область	0,545	0,796	0,903	0,854	0,904	0,359
...							
45	Вологодская область	0,691	0,796	0,821	0,811	0,853	0,162
...							
71	Рязанская область	0,475	0,714	0,849	0,823	0,802	0,327
72	Республика Алтай	0,482	0,707	0,854	0,828	0,802	0,320
73	Чукотский авт. округ	0,413	0,852	0,786	0,859	0,793	0,380
74	Республика Калмыкия	0,377	0,516	0,695	0,715	0,785	0,408
75	Республика Мордовия	0,506	0,727	0,831	0,795	0,777	0,271
76	Смоленская область	0,632	0,733	0,844	0,772	0,754	0,122
77	Кабардино-Балкарская Республика	0,438	0,725	0,818	0,779	0,729	0,291
78	Республика Тыва	0,359	0,690	0,768	0,695	0,723	0,364
79	Республика Дагестан	0,241	0,690	0,795	0,705	0,715	0,474
80	Республика Ингушетия	0,145	0,425	0,627	0,670	0,596	0,451

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

ми по данному показателю являются г. Москва (0,975 усл. ед.), Московская область (0,967 усл. ед.) и Республика Татарстан (0,965 усл. ед.). Хуже всего обстоят дела в республиках Ингушетия (0,596 усл. ед.), Дагестан (0,715 усл. ед.) и Тыва (0,723 усл. ед.). В Вологодской области сводный индекс достиг 0,853 усл. ед. (45 ранг), что на 0,162 усл. ед. выше уровня 2000 года. Примечательно, что именно социальная компонента качества трудового потенциала получила наибольшее развитие. Все это может быть обусловлено не только эффектом низкой базы, позволившим осуществить стремительное восстановление объемов потребления, но и заметным улучшением социально-экономического положения страны в целом после потрясений конца XX века.

Интегральный индекс качества трудового потенциала

В целом, динамика интегрального индекса качества трудового потенциала в РФ имеет позитивный тренд (табл. 2.21). В период 2000–2018 гг. значения индекса увеличились с 0,483 до 0,638 усл. единиц. Самое высокое качество трудового потенциала отмечается в г. Москве (0,842 усл. ед.), Московской области (0,790 усл. ед.) и г. Санкт-Петербурге (0,767 усл. ед.), а самое низкое – в республиках Ингушетия

**Таблица 2.21. Интегральный индекс качества трудового потенциала
в субъектах РФ в период 2000–2018 гг., усл. ед.**

Ранг	Субъект РФ	Год					Отношение 2018 г. к 2000 г., усл. ед.
		2000	2005	2010	2015	2018	
-	Россия в целом	0,483	0,545	0,594	0,618	0,638	0,155
1	г. Москва	0,758	0,774	0,827	0,848	0,842	0,084
2	Московская область	0,597	0,636	0,712	0,783	0,790	0,193
3	г. Санкт-Петербург	0,629	0,701	0,708	0,753	0,767	0,138
4	Нижегородская область	0,552	0,590	0,645	0,696	0,719	0,167
5	Калужская область	0,561	0,627	0,689	0,691	0,719	0,158
6	Тюменская область	0,580	0,656	0,672	0,694	0,711	0,131
7	Томская область	0,616	0,653	0,670	0,693	0,710	0,094
8	Самарская область	0,570	0,647	0,685	0,685	0,709	0,139
9	Мурманская область	0,568	0,605	0,657	0,691	0,708	0,14
10	Республика Татарстан	0,529	0,601	0,617	0,662	0,694	0,165
...							
59	Вологодская область	0,471	0,489	0,533	0,579	0,610	0,139
...							
71	Иркутская область	0,482	0,518	0,548	0,561	0,574	0,092
72	Республика Хакасия	0,420	0,461	0,538	0,569	0,573	0,153
73	Республика Тыва	0,333	0,479	0,549	0,532	0,572	0,239
74	Чукотский авт. округ	0,364	0,522	0,492	0,540	0,571	0,207
75	Чеченская Республика	-	-	-	0,518	0,567	0,049
76	Новгородская область	0,429	0,410	0,489	0,535	0,567	0,138
77	Еврейская авт. область	0,424	0,477	0,510	0,529	0,563	0,139
78	Забайкальский край	0,419	0,475	0,526	0,538	0,559	0,14
79	Республика Дагестан	0,347	0,497	0,559	0,515	0,548	0,201
80	Республика Ингушетия	0,363	0,496	0,545	0,532	0,524	0,161

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

(0,524 усл. ед.) и Дагестан (0,548 усл. ед.), а также в Забайкальском крае (0,559 усл. ед.). Вологодская область занимает 59 место среди 80 субъектов РФ со значением индекса, равным 0,610 усл. ед. Полученные результаты указывают и на то, что в последние годы рост качества трудового потенциала заметно замедлился по сравнению с началом 2000-х годов. Исходя из этого органам власти следует обратить особое внимание на обозначенные в исследовании вопросы.

Таким образом, проведенный анализ показал, что на фоне снижения трудового потенциала в количественном выражении его качественная составляющая демонстрирует умеренный рост. При этом в региональном разрезе сохраняется существенная дифференциация по показателям, отражающим состояние здоровья населения, профессиональные знания и возможности для удовлетворения базовых человеческих потребностей, что препятствует сбалансированному развитию страны. За рассматриваемый период Вологодская область сохранила статус региона со среднероссийскими характеристиками (за исключением индикаторов, входящих в состав образовательно-квалификационной компоненты качества трудового потенциала).

2.3. Масштабы распространения различных форм нестандартной занятости в субъектах РФ

Вопросы распространения нестандартных форм занятости относятся к числу наиболее обсуждаемых последствий трансформации системы социально-трудовых отношений. Учеными и практиками подчеркивается глобальный характер данного процесса, однако особенно наглядно он проявляется в промышленно развитых государствах, где еще в прошлом веке были нормативно закреплены базовые принципы наемного труда, касающиеся большинства работников⁹³. В развивающихся странах нестандартная занятость всегда охватывала значительную долю населения, впрочем, даже там сейчас наблюдается сокращение сегмента стандартных рабочих мест⁹⁴. Согласно оценкам Международной организации труда, в настоящее время стандартная модель занятости все меньше отражает реальное положение дел в сфере труда и охватывает менее 25% глобальной рабочей силы⁹⁵. В российской практике данное соотношение находится на уровне 70–80% и имеет тенденцию к снижению⁹⁶.

По своей сущности нестандартная занятость представляет собой обобщающее понятие, характеризующее трудовые отношения, которые отклоняются от стандартных условий труда⁹⁷. При этом их перечень может выглядеть как весьма емкий набор элементов (например, бессрочный трудовой договор и высокая степень социальной защищенности работника⁹⁸ или полная и постоянная занятость⁹⁹), так и иметь более детальное описание: «занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством

⁹³ Kalleberg A.L., Vallas S. Probing Precarious Work: Theory, Research, and Politics // Precarious Work (Research in the Sociology of Work, Vol. 31) / Eds. by A. Kalleberg, S. Vallas. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018, pp. 1-30.

⁹⁴ Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (дата обращения: 29.06.2021).

⁹⁵ World Employment and Social Outlook 2015: The Changing Nature of Jobs // ILO. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_368626.pdf (дата обращения: 29.06.2021).

⁹⁶ Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУВШЭ, 2005. 36 с.; Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д.э.н. М., 2018. 414 с.

⁹⁷ Kalleberg A.L. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. Annual Review of Sociology, 2000, vol. 26(1), pp. 341-365.

⁹⁸ Бобков В.Н. Характеристики неустойчивости стандартной и нестандартной занятости в современной России // Мир новой экономики. 2018. № 12(3). С. 128-139. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139

⁹⁹ Non-Standard Employment // LMIC. URL: <https://lmic-cimt.ca/projects/work-words/non-standard-employment/> (дата обращения: 29.06.2021).

работодателя или назначенных им менеджеров»¹⁰⁰. Как правило, отсутствие какого-либо одного из обозначенных признаков свидетельствует о том, что мы имеем дело с нестандартной занятостью. Такая точка зрения широко распространена в научных кругах, в результате чего данный концепт зачастую рассматривается сквозь призму стандартных трудовых отношений, определяющих все дальнейшие различия в его понимании. В то же время можно с уверенностью говорить о существовании достаточно консолидированной позиции и относительно форм нестандартной занятости. В основном речь идет о временной и неполной занятости, многосторонних трудовых отношениях, самозанятости, надомной работе и т.д. В последние годы все более актуальной становится занятость на цифровых платформах¹⁰¹. Связующим звеном для каждого из обозначенных примеров является гибкость трудовых отношений¹⁰², причем не только для работников, но и для работодателей. Не случайно в периоды социально-экономической нестабильности отмечается заметный рост масштабов нестандартной занятости¹⁰³. Однако данный тренд помимо позитивных моментов несет в себе и множество угроз, связанных прежде всего со снижением устойчивости положения работников и появлением нового социального класса – прекариата¹⁰⁴.

Изучение процесса дестандартизации занятости сопряжено с рядом сложностей, препятствующих формированию целостного представления о его динамике. С одной стороны, международные и отечественные базы данных включают сведения лишь об отдельных, ставших уже традиционными, формах занятости (неполная, временная, самозанятость и т.д.) и слабо отражают современные тенденции в силу устойчивости методологии исследования, а также проблем сбора интересующей информации. В частности, материалы официальной статистики демонстрируют ограниченность в отношении оценки масштабов надомной работы и платформенной занятости. В этом плане инициативные социологические опросы способствуют расширению спектра затрагиваемых аспектов, однако зачастую не позволяют проводить сравнительный анализ, в особенности на международном уровне. С другой стороны, существует немало различий в составе и содержательном наполнении самих показате-

¹⁰⁰ Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

¹⁰¹ Non-standard forms of employment // ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/non-standard-employment/lang--en/index.html> (дата обращения: 29.06.2021).

¹⁰² Felstead A., Jewson N. Flexible labour and non-standard employment: an agenda of issues // *Global Trends in Flexible Labour: Critical Perspectives on Work and Organisations* / Eds. by A. Felstead, N. Jewson. London: Macmillan, pp. 1-20.

¹⁰³ Matsaganis M., Özdemir E., Ward T., Zavakou A. Non-standard employment and access to social security benefits. Research Note 8/2015. Brussels, Belgium: European Commission, 2016. 43 p.; Green A., Livanos I. Involuntary non-standard employment in Europe. *Europe-an Urban and Regional Studies*, 2017, vol. 24(2), pp. 175-192. <https://doi.org/10.1177/0969776415622257>

¹⁰⁴ Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2020, 400 с.

лей, которые, хотя и имеют одинаковое наименование, на деле нередко обладают национальной спецификой.

В отечественной науке встречаются работы, посвященные оценке масштабов нестандартной занятости в России как на федеральном¹⁰⁵, так и на региональном уровне (Свердловская, Омская, Вологодская области¹⁰⁶ другие регионы). В них анализируются не только отдельные показатели распространения тех или иных форм трудовых отношений, но и рассчитываются интегральные характеристики, отражающие общую ситуацию на рынке труда. В то же время можно отметить дефицит исследований, в рамках которых рассматриваются вопросы изучения динамики и масштабов нестандартной занятости в разрезе субъектов РФ. Это и послужило мотивом подготовки данного раздела, приглашающего к дискуссии об особенностях протекания процесса дестандартизации занятости в стране.

Важным методологическим аспектом работы, определяющим логику последующих рассуждений, является выбор информационной базы. Для достижения поставленной цели мы воспользовались данными Федеральной службы государственной статистики, которые, с одной стороны, предоставляют наиболее широкие возможности для проведения межрегионального сравнительного анализа, а с другой – ограничивают ракурс исследования заданными формами нестандартной занятости. С учетом имеющихся в этой области наработок нами был сформирован следующий перечень: неполная занятость, сверхзанятость, занятость в неформальном секторе, вторичная занятость, занятость в личном подсобном хозяйстве и не по найму (табл. 2.22). Расчет показателей осуществлялся в относительном выражении. Временные границы исследования в полной мере продиктованы доступностью информационной базы и охватывают период 2001–2019 годов. Для удобства интерпретации полученных результатов нами применялись табличный (отображение динамики показателей) и графический (формирование общей картины) методы.

Основные результаты

Неполная занятость

Проведенный нами анализ показал, что в 2001–2019 гг. масштабы неполной занятости в России несколько сократились, достигнув уровня 5% от общей численности работников (табл. 2.23). Как правило, подобного рода практики являются следствием соглашения между работником и работодателем, в то время как иные

¹⁰⁵ Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.; Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д.э.н. М., 2018. 414 с.

¹⁰⁶ Тонких Н.В., Камарова Т.А. Исследование нестандартной занятости на территории Свердловской области: методика, результаты апробации // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 164–172.; Лапина Т.А., Коржова О.С. Динамика видов нестандартной занятости в Омской области в 2010–2015 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 4 (60). С. 162–171.; Попов А.В. Работники стандартной и нестандартной форм занятости на региональном рынке труда // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2189>

Таблица 2.22. Перечень используемых в исследовании показателей, характеризующих отдельные формы нестандартной занятости

Форма занятости	Описание	Источник
Неполная занятость (расчетный)	Занятость, при которой продолжительность рабочей недели составляет менее 30 часов по основному месту работы.	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Рабочее время».
Сверхзанятость (расчетный)	Занятость свыше 40 часов в неделю по основному месту работы.	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Рабочее время».
Занятость в неформальном секторе (нормативный)	Занятость в одной из производственных единиц неформального сектора, критерием определения которых является отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица.	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятые в неформальной секторе».
Вторичная занятость (расчетный)	Занятость, при которой индивид выполняет другую работу или имеет другое доходное занятие, кроме той, которую считает для себя основной.	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость».
Занятость в личном подсобном хозяйстве (расчетный)	Занятость в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость».
Занятость не по найму (расчетный)	Занятость, в ходе которой люди выполняют работу, определенную как «работа на собственном предприятии, в собственном деле». Показатель объединяет работодателей, самозанятых, членов производственных кооперативов, помогающих на семейном предприятии.	Сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России», раздел «Занятость».
Источник: составлено авторами на основе методологических положений, представленных в сборнике «Рабочая сила, занятость и безработица в России» за 2020 год (https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm).		

случаи, например, когда инициатива исходит только от работодателя, встречаются гораздо реже¹⁰⁷.

В региональном разрезе показатель неполной занятости демонстрирует высокую неоднородность, которая со временем только усилилась за счет смещения прежде всего его верхней границы. В 2019 г. коэффициент вариации составил 71%, а различия между крайними субъектами (1% в Чукотском автономном округе и 29% в Чеченской Республике) увеличились до 31,7 раза. Среди территорий с наибольшим приростом неполной занятости в относительном выражении можно отметить республики Чеченскую (+23,2 п.п.), Ингушетию (+13,1 п.п.) и Алтай (+7,2 п.п.)¹⁰⁸. Ситуация в Вологодской области во многом соотносится со среднероссийским трендом: за рассматриваемый период значения данного индикатора

¹⁰⁷ Холодова О.А. Неполный рабочий день как способ увеличения занятости населения // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 4. С. 359–370.

¹⁰⁸ Относительно 2009 г.

**Таблица 2.23. Масштабы распространения неполной занятости в субъектах РФ
в период 2001–2019 гг., %**

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001-2019 гг., п.п.
		2001	2009	2019	
-	Россия в целом	7,0	7,3	5,2	-1,8
1	Чеченская Республика	-	5,3	28,5	-
2	Республика Дагестан	24,3	23,7	22,0	-2,3
3	Республика Ингушетия	4,8	14,0	17,9	13,1
4	Кабардино-Балкарская Республика	14,3	20,7	16,8	2,5
5	Республика Алтай	7,4	8,0	14,6	7,2
6	Тамбовская область	12,2	15,2	13,9	1,7
7	Республика Северная Осетия-Алания	13,4	16,0	10,5	-2,9
8	Алтайский край	7,9	9,1	10,2	2,3
9	Омская область	9,0	8,3	9,7	0,7
10	Республика Мордовия	8,4	18,7	9,5	1,1
...					
46	Вологодская область	6,8	4,0	4,5	-2,3
...					
71	Самарская область	4,9	7,8	3,1	-1,8
72	Тюменская область	7,1	5,1	2,8	-4,3
73	Республика Башкортостан	7,2	11,0	2,6	-4,6
74	г. Москва	3,9	3,9	2,4	-1,5
75	Хабаровский край	7,3	6,1	2,4	-4,9
76	Ивановская область	6,1	6,5	2,3	-3,8
77	Камчатский край	3,1	4,7	2,2	-0,9
78	Магаданская область	8,4	0,8	2,0	-6,4
79	г. Санкт-Петербург	3,3	3,3	1,8	-1,5
80	Чукотский авт. округ	4,2	2,6	0,9	-3,3
<i>Максимальное значение</i>		24,3	23,7	28,5	-
<i>Минимальное значение</i>		2,7	0,8	0,9	-
<i>Коэффициент вариации</i>		45,9	50,2	71,4	-
Источник: здесь и далее – рассчитано авторами на основе данных Росстата.					

сократились с 7 до 5% (-2,3 п.п.), в результате чего регион занял 46 место среди 80 субъектов РФ.

Как видно из рисунка 2.2, по состоянию на 2019 г. подавляющая часть регионов (71) входит в группу территорий с относительно низким уровнем распространения неполной занятости (менее 9,5%). Средний уровень (от 9,5 до 19%) наблюдается в республиках Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Алтай и Северная Осетия-Алания, а также в Тамбовской и Омской областях, Алтайском крае. Республики Чеченская и Дагестан – единственные субъекты с относительно высо-

Рисунок 2.2. Уровень распространения неполной занятости в субъектах РФ (2019 г.)

кой долей работников (более 19%), занятых неполную рабочую неделю. Из этого, следует, что феномен неполной занятости в России носит скорее локальный характер и едва ли является отражением трансформационных процессов в системе социально-трудовых отношений. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о средней продолжительности отработанного времени на одного работника, динамика которых не претерпевает существенных изменений на протяжении последних десятилетий (1933 ч в 1992 г. против 1965 ч в 2019 г.). В странах-членах ОЭСР этот показатель, напротив, имеет устойчивую тенденцию к снижению (с 1829 ч до 1726 ч) при заметном росте производительности труда¹⁰⁹, что исключает тезис о спаде деловой активности как первопричине развития неполной занятости.

Сверхзанятость

Распространение сверхзанятости в современной России также характеризуется отрицательной динамикой: с 2001 по 2019 г. значения показателя уменьшились на 3,2 п.п., составив 6% от общей численности работников (табл. 2.24).

Важно подчеркнуть, что в отличие от неполной и других форм занятости данное явление трактуется с позиций сугубо негативного влияния на рынок труда¹¹⁰, в результате чего наблюдаемые тенденции могут быть оценены позитивно. В то же время в академическом сообществе обращается внимание на несовершенство имеющейся статистики, поскольку на многих предприятиях переработанные часы

¹⁰⁹ OECD.Stat // OECD. URL: <https://data.oecd.org/> (дата обращения: 29.06.2021).

¹¹⁰ Цыганкова И.В., Базжина В.А., Никишина О.Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 24. С. 71–86.

**Таблица 2.24. Масштабы распространения сверхзанятости в субъектах РФ
в период 2001–2019 гг., %**

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001-2019 гг., п.п.
		2001	2009	2019	
-	Россия в целом	9,1	8,1	5,9	-3,2
1	Курганская область	17,9	14,0	18,1	0,2
2	Томская область	21,9	25,0	16,6	-5,3
3	Республика Дагестан	15,1	18,8	15,5	0,4
4	Еврейская авт. область	11,7	2,4	14,7	3,0
5	Иркутская область	15,2	11,7	13,7	-1,5
6	Кемеровская область	10,9	8,8	13,4	2,5
7	Республика Тыва	10,4	20,6	13,2	2,8
8	Калининградская область	5,4	10,9	13,2	7,8
9	Алтайский край	15,9	9,1	12,6	-3,3
10	Магаданская область	6,3	4,1	11,1	4,8
...					
50	Вологодская область	9,8	5,2	5,1	-4,7
...					
71	Ивановская область	7,1	7,1	1,8	-5,3
72	Липецкая область	1,4	0,9	1,5	0,1
73	г. Москва	1,2	2,1	1,5	0,3
74	г. Санкт-Петербург	10,6	7,0	1,5	-9,1
75	Тамбовская область	6,3	2,4	1,3	-5,0
76	Республика Ингушетия	2,2	8,4	1,2	-1,0
77	Орловская область	9,4	3,7	0,7	-8,7
78	Чукотский авт. округ	18,4	9,7	0,3	-18,1
79	Пензенская область	7,3	5,2	0,1	-7,2
80	Курская область	8,7	5,2	0,1	-8,6
<i>Максимальное значение</i>		<i>21,9</i>	<i>25,0</i>	<i>18,1</i>	-
<i>Минимальное значение</i>		<i>1,2</i>	<i>0,9</i>	<i>0,1</i>	-
<i>Коэффициент вариации</i>		<i>49,5</i>	<i>69,0</i>	<i>60,0</i>	-

не учитываются в отчетности¹¹¹. В этой связи реальное положение дел в стране может быть несколько хуже. В частности, согласно опросам ВЦИОМ, почти половина россиян (49%) работает более 40 часов в неделю¹¹².

Возвращаясь к официальным оценкам, можно увидеть, что в 2019 г. наибольшие масштабы сверхзанятости были зафиксированы в Курганской (18%) и Том-

¹¹¹ Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 29–40.

¹¹² ВЦИОМ выяснил, сколько россиян работают сверхурочно // ВЦИОМ. URL: <https://ria.ru/20210429/rabota-1730550216.html> (дата обращения: 29.06.2021).

Рисунок 2.3. Уровень распространения сверхзанятости в субъектах РФ (2019 г.)

ской (17%) областях, Республике Дагестан (16%), а наименьшие – в Курской и Пензенской областях, Чукотском автономном округе (менее 1% в каждом случае). Коэффициент вариации после некоторых колебаний достиг 60%, что позволяет сделать вывод о гетерогенности выборочной совокупности. Ситуация в Вологодской области в полной мере отражает общенациональную специфику. В 2019 г. регион занимал 50 место со значением индикатора 5% (против 10% в 2001 г.).

В целом распределение субъектов РФ по уровню распространения сверхзанятости выглядит следующим образом: 9 регионов имеют относительно высокий уровень (более 12,1%), 32 – средний (от 6 до 12,1%), 39 – относительно низкий (менее 6%; рис. 2.3). Географическое расположение каждой из обозначенных групп по территории страны является весьма равномерным. Исключение составляют в основном регионы с относительно высоким уровнем распространения сверхзанятости, концентрирующиеся в южной части России. При этом большинство из них (5) относятся к Сибирскому федеральному округу. Для объяснения причин такой ситуации требуется проведение дополнительных исследований.

Стоит отметить, что, несмотря на последовательное принятие конвенций Международной организацией труда № 1 «Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю» (13 июня 1921 г.)¹¹³, № 30 «О регламентации рабочего времени в торговле и в учреждениях» (29 августа 1933 г.)¹¹⁴, № 47 «О сокращении рабочего вре-

¹¹³ Конвенция 1 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c001_ru.htm (дата обращения: 29.06.2021).

¹¹⁴ Конвенция 30 // Там же.

мени до сорока часов в неделю» (23 июня 1957 г.)¹¹⁵, в глобальной перспективе при анализе чрезмерной продолжительности рабочего времени ориентиром до сих пор выступает занятость свыше 48 часов в неделю¹¹⁶. В этом плане РФ характеризуется одной из наиболее благоприятных ситуаций в мире: по состоянию на 2016 г. значение показателя не превышало 3% от общей численности занятых (для сравнения: 6% в Норвегии, 9% в Нидерландах, 11% во Франции, 16% в США, 30% в Республике Корея)¹¹⁷.

Занятость в неформальном секторе

С начала 2000-х гг. занятость в неформальном секторе в России демонстрирует устойчивую тенденцию к росту (табл. 2.25). В 2019 г. значения показателя увеличились с 14 до 21%, вплотную приблизившись к максимуму, который наблюдался несколько лет назад (-0,6 п.п. относительно 2016 г.). В этом месте важно подчеркнуть, что подобное развитие событий едва ли носит отчетливо негативный оттенок, поскольку, согласно методическим пояснениям Росстата, подавляющее большинство хозяйствующих субъектов неформального сектора осуществляет свою деятельность в правовом поле (как правило, только небольшое количество предприятий находятся «в тени»)¹¹⁸. В этой связи рассматриваемый показатель выступает прежде всего как отражение развития некорпоративной экономики.

Весьма противоречивой представляется ситуация с занятостью в неформальном секторе, если обратиться к региональному опыту. Так, в 2019 г. ее уровень варьировался от 4% в г. Москве до 62% в Чеченской Республике, из чего следует, что в одних субъектах данный феномен крайне редко встречается на практике, а в других – к нему прибегает около половины всех работников. Вместе с тем расчет коэффициента вариации свидетельствует о наиболее гомогенном распределении территорий среди обозначенных в параграфе индикаторов (41%). Причины этого могут быть связаны с особенностями социально-экономического развития страны, которые не только препятствуют формализации малого предпринимательства¹¹⁹, но и способствуют сохранению широкой «прослойки» самозанятых, вынужденных хоть как-то зарабатывать себе на жизнь¹²⁰, что особенно актуально в условиях ухудшения материального благополучия населения в по-

¹¹⁵ Конвенция 47 // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c047_ru.htm (дата обращения: 29.06.2021).

¹¹⁶ Lee S., McCann D., Messenger J. Working time around the world: trends in working hours, laws and policies in a global comparative perspective // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_104895.pdf (дата обращения: 29.06.2021).

¹¹⁷ Employment distribution by weekly hours actually worked // ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/> (дата обращения: 29.06.2021).

¹¹⁸ Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020. Занятые в неформальном секторе. Предисловие // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (дата обращения: 29.06.2021).

¹¹⁹ Гимпельсон В.Е. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? М.: ГУ ВШЭ, 2002. 52 с.

¹²⁰ Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Самозанятость на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 36(3). С. 18–29. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29

Таблица 2.25. Масштабы распространения занятости в неформальном секторе в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п.п.
		2001	2009	2019	
-	Россия в целом	14,3	19,5	20,6	6,3
1	Чеченская Республика	-	44,7	62,1	17,4
2	Кабардино-Балкарская Республика	29,0	36,4	49,8	20,8
3	Республика Ингушетия	20,3	44,6	49,1	28,8
4	Республика Дагестан	37,9	46,9	47,0	9,1
5	Республика Алтай	15,9	29,2	41,3	25,4
6	Ставропольский край	19,3	29,5	37,2	17,9
7	Карачаево-Черкесская Республика	33,9	41,5	37,2	3,3
8	Республика Бурятия	21,5	30,6	36,1	14,6
9	Краснодарский край	18,7	25,7	33,9	15,2
10	Астраханская область	19,5	29,8	32,1	12,6
...					
31	Вологодская область	14,1	19,1	25,1	11,0
...					
71	Свердловская область	10,7	16,6	15,3	4,6
72	Республика Коми	9,4	12,9	14,6	5,2
73	Калужская область	15,4	15,1	14,1	-1,3
74	Тюменская область	12,0	14,1	13,0	1,0
75	Московская область	9,0	10,0	12,3	3,3
76	Хабаровский край	13,4	11,9	11,8	-1,6
77	г. Санкт-Петербург	4,5	2,6	9,2	4,7
78	Мурманская область	11,4	9,9	6,9	-4,5
79	Чукотский авт. округ	8,0	6,8	5,5	-2,5
80	г. Москва	2,6	6,0	4,0	1,4
Максимальное значение		37,9	46,9	62,1	-
Минимальное значение		2,6	2,6	4,0	-
Коэффициент вариации		38,4	39,4	40,9	-

следние годы¹²¹. В результате занятость в неформальном секторе остается достаточно распространенным способом осуществления трудовой деятельности (за исключением буквально нескольких территорий: это города Москва и Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Мурманская область). При этом в отдельных регионах зафиксировано значительное увеличение масштабов такой занятости (+28,8 п.п. в Республике Ингушетия, +25,4 п.п. в Республике Алтай,

¹²¹ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Февраль 2020 / В. Павлюшина, Е. Хейфец, Е. Музыченко, А. Зубов; Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения: 29.06.2021).

Рисунок 2.4. Уровень распространения занятости в неформальном секторе в субъектах РФ (2019 г.)

+20,8 п.п. в Кабардино-Балкарской Республике и т.д.), а в других – уменьшение (7,4 п.п. в Курганской области, 5,7 п.п. в Пензенской области, 4,5 п.п. в Мурманской области и т.д.). В Вологодской области неформальный сектор является источником заработка для каждого четвертого работника (31 ранг), что на 11,0 п.п. выше уровня 2001 года.

В общей сложности занятость на предприятиях без образования юридического лица характерна прежде всего для регионов европейской и южной частей страны (рис. 2.4), что может объясняться большей концентрацией рабочей силы в отраслях сельского хозяйства. Принимая во внимание значения показателя в 2019 г., отметим, что 35 субъектов РФ имеют относительно низкий уровень распространения занятости в неформальном секторе (менее 20,7%), 41 – средний (от 20,7 до 41,4%), 4 – относительно высокий (более 41,4%). Следует подчеркнуть, что выделенные нами группы формируются исходя из конкретной ситуации в стране на определенный год. В этой связи проводить параллели с другими странами весьма сложно. Более того, на международной арене отсутствует консолидированная точка зрения на сущность занятости в неформальном секторе¹²², что приводит к различиям при оценке ее масштабов в ходе деятельности национальных статистических агентств¹²³.

¹²² Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*, 2008, vol. 147 (4), pp. 321–348.; Williams C.C., Lansky M.A. Informal employment in developed and developing economies: Perspectives and policy responses. *International Labour Review*, 2013, vol. 152 (3–4), pp. 355–380.

¹²³ Measuring informality: A statistical manual on the informal sector and informal employment // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_222979.pdf (дата обращения: 29.06.2021).

**Таблица 2.26. Масштабы распространения вторичной занятости
в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %**

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001-2019 гг., п.п.
		2001	2009	2019	
-	Россия в целом	4,4	3,9	2,4	-2,0
1	Кабардино-Балкарская Республика	2,7	5,4	11,2	8,5
2	Республика Алтай	3,1	4,5	8,1	5,0
3	Кировская область	16,8	8,5	5,7	-11,1
4	Алтайский край	5,8	6,2	5,5	-0,3
5	Республика Ингушетия	-	3,7	5,5	1,8
6	Курганская область	11,0	4,6	5,4	-5,6
7	Омская область	8,8	5,8	5,4	-3,4
8	Республика Саха (Якутия)	6,1	4,6	5,3	-0,8
9	Оренбургская область	6,2	5,8	4,9	-1,3
10	Республика Карелия	3,2	4,1	4,7	1,5
...					
30	Вологодская область	5,0	3,2	3,0	2,0
...					
71	Брянская область	5,7	2,6	1,4	-4,3
72	Республика Тыва	3,2	4,9	1,3	-1,9
73	Чеченская Республика	-	0,6	1,3	0,7
74	Тульская область	1,8	1,7	1,3	-0,5
75	Республика Северная Осетия-Алания	3,1	11,0	1,2	-1,9
76	Тамбовская область	8,1	4,0	1,1	-7,0
77	г. Санкт-Петербург	0,6	1,1	1,1	0,5
78	Тюменская область	3,7	3,3	1,1	-2,6
79	Магаданская область	3,9	1,0	1,0	-2,9
80	г. Москва	0,8	1,3	0,7	-0,1
<i>Максимальное значение</i>		<i>16,8</i>	<i>12,1</i>	<i>11,2</i>	<i>-</i>
<i>Минимальное значение</i>		<i>0,6</i>	<i>0,6</i>	<i>0,7</i>	<i>-</i>
<i>Коэффициент вариации</i>		<i>51,0</i>	<i>44,5</i>	<i>55,0</i>	<i>-</i>

Вторичная занятость

Согласно официальной статистике, масштабы вторичной занятости в современной России не превышают несколько процентов (табл. 2.26). При этом в динамике подобного рода практики встречаются все реже: если в 2001 г. наличие дополнительной работы отмечали около 4% работников, то в 2019 г. – чуть более 2%. Такие оценки существенно расходятся с результатами инициативных социологических опросов, где различия достигают 10 раз (без учета подработок), что может быть обусловлено нежеланием респондентов рассказывать представителям госструктур о своей работе, в особенности, когда она является временной или связана с «теневым» сектором экономики¹²⁴. Учитывая тот факт, что вторичная занятость во многом при-

¹²⁴ Кученкова А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7

Рисунок 2.5. Уровень распространения вторичной занятости в субъектах РФ (2019 г.)

звана компенсировать ограниченность текущего заработка¹²⁵, можно констатировать, что на сегодняшний день все более предпочтительными становятся «серые» схемы оплаты труда¹²⁶, в изучении которых весомая роль также отводится опросным данным.

Тем не менее именно сведения Росстата позволяют получить наилучшее представление о масштабах распространения вторичной занятости в субъектах РФ. По состоянию на 2019 г. чаще всего к ней прибегают жители республик Кабардино-Балкарская (11%) и Алтай (8%). Примечательно, что здесь в начале 2000-х гг. наблюдалась совсем иная картина: дополнительную работу имело всего 3% занятого населения. В настоящее время в большинстве регионов страны, и в частности в городах Москве и Санкт-Петербурге, Тюменской и Магаданской областях, значения показателя едва ли превышают 2%. Различия на региональном уровне подтверждает и коэффициент вариации со значением 55%, что свидетельствует о гетерогенности выборочной совокупности. Причём весь период исследования ситуация менялась незначительно. Масштабы вторичной занятости в Вологодской области составляют 3% (5% в 2001 г.), что соответствует 30 месту среди 80 субъектов РФ.

Как видно из рисунка 2.5, в России 64 региона характеризуются относительно низким уровнем распространения вторичной занятости (менее 3,7%), еще 14 – могут быть отнесены к средней группе (от 3,7 до 11,1%). В ее состав входят территории всех федеральных округов, за исключением Центрального. В свою очередь республики Алтай и

¹²⁵ Рошин С.Ю., Разумова Т.О. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда. М.: EERC, 2002. 72 с.

¹²⁶ Попов А.В. Основные тенденции и особенности занятости населения в современной России // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28767>. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.3

**Таблица 2.27. Масштабы распространения занятости в ЛПХ
в субъектах РФ в период 2001–2019 гг., %**

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2001–2019 гг., п.п.
		2001	2009	2019	
-	Россия в целом	2,8	2,8	1,4	-1,4
1	Чеченская Республика	-	-	13,9	-
2	Тамбовская область	5,6	5,6	13,2	7,6
3	Кабардино-Балкарская Республика	0,8	0,8	10,1	9,3
4	Республика Дагестан	5,8	5,8	10,0	4,2
5	Республика Ингушетия	1,1	1,1	9,5	8,4
6	Республика Алтай	3,3	3,3	8,8	5,5
7	Карачаево-Черкесская Республика	6,9	6,9	6,0	-0,9
8	Белгородская область	10,4	10,4	5,7	-4,7
9	Республика Адыгея	3,8	3,8	4,6	0,8
10	Курская область	3,0	3,0	4,1	1,1
...					
71	Хабаровский край	1,7	1,7	0,3	-1,4
72	Камчатский край	0,6	0,6	0,2	-0,4
73	Свердловская область	1,8	1,8	0,2	-1,6
74	Вологодская область	2,4	2,4	0,1	-2,3
75	Тюменская область	1,7	1,7	0,1	-1,6
76	Мурманская область	0,4	0,4	0,1	-0,3
77	Удмуртская Республика	3,1	3,1	0,0	-3,1
78	Магаданская область	1,3	1,3	0,0	-1,3
79	г. Москва	0,1	0,1	0,0	-0,1
80	г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,0	0,0
	<i>Максимальное значение</i>	<i>11,1</i>	<i>11,1</i>	<i>13,9</i>	<i>-</i>
	<i>Минимальное значение</i>	<i>0,0</i>	<i>0,0</i>	<i>0,0</i>	<i>-</i>
	<i>Коэффициент вариации</i>	<i>73,3</i>	<i>73,3</i>	<i>145,2</i>	<i>-</i>

Кабардино-Балкарская, как уже говорилось выше, являются единственными субъектами с относительно высоким уровнем распространения вторичной занятости (более 11,1%).

Занятость в личном подсобном хозяйстве

Как и в случае с дополнительной работой, занятость в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) встречается крайне редко в условиях российского рынка труда (табл. 2.27). С 2001 по 2019 г. значения показателя сократились на 1,4 п.п., достигнув отметки в 1% от общей численности работников. Однако, как показывают исследования, еще несколько десятилетий назад деятельность в ЛПХ считалась ведущей формой нестандартной занятости в стране и включала около четверти взрослого населения (до 40% в пик аграрного сезона)¹²⁷.

В этом месте важно подчеркнуть, что такие различия в оценках связаны в первую очередь не со снижением популярности подобного рода практик, а с иным взглядом

¹²⁷ Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения: препринт WP3/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 60 с.

Рисунок 2.6. Уровень распространения занятости в ЛПХ в субъектах РФ (2019 г.)

на сущность рассматриваемого феномена. В рамках нашего исследования мы придерживаемся узкого подхода к его интерпретации и акцентируем внимание лишь на тех хозяйствах, продукция которых предназначена для реализации. По нашему мнению, такая позиция лучше соотносится с современными представлениями о занятости как трудовой деятельности, выполняемой в обмен на оплату или прибыль¹²⁸. Так или иначе, данная тематика не пользуется особым интересом в современных научных работах, в результате чего сведения о ее специфике представлены весьма скудно.

В 2019 г. занятость в ЛПХ чаще всего встречалась в республиках Чеченская (14%), Кабардино-Балкарская и Дагестан (по 10% соответственно), в Тамбовской области (13%), а реже всего – в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, Магаданской области и Удмуртской Республике, при этом в каждом из приведенных примеров количеством выявленных наблюдений можно попросту пренебречь. С учетом обозначенных различий коэффициент вариации по всей выборке достигает 145%, что свидетельствует о самом высоком уровне дифференциации территорий среди рассматриваемых показателей. Что касается динамики занятости в ЛПХ, то лидеры рейтинга продемонстрировали и самый заметный прирост значений показателя с 2001 года. Наиболее ярко выраженный отрицательный тренд отмечался в республиках Калмыкия (-8,9 п.п.) и Северная Осетия-Алания (-8,7 п.п.), Курганской (-6,7 п.п.) и Кировской (-6,3 п.п.) областях. Вологодская область входит в число регионов с одним из самых низких показателей занятости в ЛПХ (менее 1% в 2019 г. и 2% в 2001 г.), занимая 74 место.

Согласно данным рисунка 2.6, подавляющее большинство субъектов РФ (72) характеризуются относительно низким уровнем распространения занятости в

¹²⁸ Резолюция I. Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf (дата обращения: 29.06.2021).

ЛПХ: значения индикатора не превышают 4,6%. В состав территорий со средним уровнем (от 4,6 до 9,3%) входят республики Алтай и Карачаево-Черкесская, а также Белгородская область. Группа с наибольшими масштабами распространения занятости в ЛПХ (более 9,3%) включает преимущественно национальные республики Северо-Кавказского федерального округа и Тамбовскую область.

Занятость не по найму

Удельный вес работающих не по найму в России за последние несколько лет практически не изменился и составляет 5% (табл. 2.28). Тем не менее, в подавляю-

Таблица 2.28. Масштабы распространения занятости не по найму в субъектах РФ в период 2013–2019 гг., %

Ранг	Субъект РФ	Год			Изменение за 2013–2019 гг., п.п.
		2013	2015	2019	
-	Россия в целом	4,5	4,7	5,0	0,5
1	Республика Ингушетия	17,4	18,3	17,6	0,2
2	Чеченская Республика	13,1	12,5	14,4	1,3
3	Республика Дагестан	17,9	17,3	13,3	-4,6
4	Карачаево-Черкесская Республика	19,4	15,9	12,9	-6,5
5	Республика Калмыкия	8,1	6,9	12,1	4,0
6	Кабардино-Балкарская Республика	11,2	12,0	11,9	0,7
7	Ставропольский край	9,4	10,6	11,5	2,1
8	Республика Алтай	11,2	11,0	11,4	0,2
9	Краснодарский край	8,3	9,8	11,1	2,8
10	Республика Бурятия	5,6	5,1	8,5	2,9
...					
30	Вологодская область	4,4	4,5	5,3	0,9
...					
71	Хабаровский край	2,3	2,9	3,4	1,1
72	Забайкальский край	4,8	3,9	3,2	-1,6
73	Республика Коми	5,0	3,5	3,1	-1,9
74	Самарская область	2,5	2,8	3,1	0,6
75	Мурманская область	2,4	3,2	3,1	0,7
76	Московская область	3,0	3,0	3,0	0,0
77	Тульская область	4,0	4,0	2,9	-1,1
78	г. Санкт-Петербург	1,5	1,5	2,7	1,2
79	г. Москва	1,4	1,6	1,6	0,2
80	Чукотский авт. округ	2,8	1,6	0,3	-2,5
<i>Максимальное значение</i>		<i>19,4</i>	<i>18,3</i>	<i>17,6</i>	-
<i>Минимальное значение</i>		<i>1,4</i>	<i>1,5</i>	<i>0,3</i>	-
<i>Коэффициент вариации</i>		<i>60,9</i>	<i>59,3</i>	<i>52,6</i>	-
Примечание. Выбор временного интервала обусловлен отсутствием данных за более продолжительный период.					

щем большинстве регионов была отмечена тенденция к увеличению такой занятости, которая не отразилась на общей ситуации по стране. На региональном уровне значения показателя хотя и варьируются от 1 (Чукотский автономный округ) до 18% (Республика Ингушетия), в динамике также демонстрируют определенную стабильность, в результате чего верхняя и нижняя границы интервала остаются практически неизменными. Коэффициент вариации равен 53% и свидетельствует о неоднородности выборочной совокупности, однако, и не столь явной, как в предыдущих примерах. Занятость в сфере предпринимательской деятельности среди вологжан в целом соответствует среднероссийским тенденциям. В 2013–2019 гг. значения индикатора устойчиво находились в диапазоне 4–5%, что на конец рассматриваемого периода соответствовало 30 рангу среди 80 субъектов РФ.

По состоянию на 2019 г. большинство регионов России (57) относятся к территориям с относительно низким уровнем распространения занятости не по найму (менее 5,9%; рис. 2.7). Средний уровень (от 5,9 до 11,7%) наблюдается в 17 регионах преимущественно южной части страны, а относительно высокий (более 11,7%) отмечается в 5 национальных республиках Северного Кавказа и в Республике Калмыкия. Представляется, что такое распределение территорий связано с тем, что показатели занятости в неформальном секторе тесно связаны друг с другом, поскольку и в том, и в другом случае речь идет в основном о деятельности мелких хозяйственных единиц.

Для уточнения данного тезиса воспользуемся методом корреляционного анализа. Расчет соответствующих коэффициентов осуществлялся по 80 субъектам РФ за 2019 г. для всех обозначенных в работе индикаторов, что также позволило выявить взаимосвязи и между другими формами занятости. Полученные резуль-

Рисунок 2.7. Уровень распространения занятости не по найму в субъектах РФ (2019 г.)

таты свидетельствуют о наличии сильной прямой связи между показателями занятости в неформальном секторе и не по найму: значение коэффициента корреляции составляет 0,877 ед. (табл. 2.29). Деятельность в ЛПХ практически в равной степени характеризуется взаимообусловленностью с каждой из них, хотя и не так ярко выраженной (0,729 и 0,648 ед. соответственно). В свою очередь все эти три формы занятости находятся в тесной связи с сокращенным рабочим временем (0,827, 0,780 и 0,886 ед. соответственно). В случае со сверх- и вторичной занятостью зависимости носят в лучшем случае умеренный характер. Исходя из этого можно констатировать многогранность характера нестандартных форм трудовых отношений. В частности, неполное рабочее время часто сочетается с занятостью в неформальном секторе, в ЛПХ и не по найму, в то время как наличие дополни-

Таблица 2.29. Корреляционная матрица показателей, характеризующих различные формы занятости

Форма занятости	Неполная занятость	Сверх-занятость	Занятость в неформальном секторе	Вторичная занятость	Занятость в ЛПХ	Занятость не по найму
Неполная занятость	1,000					
Сверхзанятость	0,133	1,000				
Занятость в неформальном секторе	0,827	0,196	1,000			
Вторичная занятость	0,395	0,293	0,419	1,000		
Занятость в ЛПХ	0,886	-0,009	0,729	0,327	1,000	
Занятость не по найму	0,780	0,123	0,877	0,450	0,648	1,000

тельной работы нередко наблюдается у работников, основной род деятельности которых связан с некорпоративной экономикой.

Таким образом, проведенный анализ показал, что развитие нестандартной занятости в России проходит неравномерно не только в разрезе ее конкретных форм, но и на региональном уровне. Все большее распространение получает занятость в неформальном секторе, охват которой составляет порядка 20% от общей численности работников, а в таких республиках, как Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Чеченская, достигает 50% и выше. В остальных же случаях, напротив, масштабы не столь существенны (не превышают 10% за исследуемый период) и имеют тенденцию к снижению. Однако из-за высокой межрегиональной дифференциации в ряде субъектов РФ наблюдается прямо противоположная картина. Так, в Калининградской области отмечается позитивная динамика сверхзанятости (+7,8 п.п.), в Тамбовской области – занятости в ЛПХ (+7,7 п.п.), в Республике Калмыкия – занятости не по найму (+4,0 п.п.) и т.д. Таких примеров можно привести достаточно много. Вместе с тем даже в такой ситуации популярность большинства из рассмотренных форм трудовых отношений напрямую связана с развитием некорпоративной экономики, о чем свидетельствуют данные корреляционного анализа. Примечательно также, что нестандартная занятость чаще всего встречается в наименее благополучных регионах страны (за исключением сверхзанятости, что, по всей видимости, обусловлено несовершенством имеющейся статистики), вследствие чего можно с осторожностью сделать вывод о негативной коннотации таких практик в России в силу различных обстоятельств: от несовершенства трудового законодательства, препятствующего обеспечению социальной защиты работников, до особенностей отечественной системы организации труда. О неустойчивости и незащищенности нестандартной занятости, в частности, говорится в докладах Федеральному Собранию РФ¹²⁹.

Результаты проведенного исследования способствуют углублению понимания специфики протекания глобального процесса трансформации занятости в современной России, одним из важнейших проявлений которого выступает развитие нестандартных форм трудовых отношений. Данные официальной статистики наглядно продемонстрировали стабильность сложившихся практик участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности. При этом в отдельных регионах страны ситуация заметно изменилась, в особенности, если дело касается занятости в неформальном секторе. Это открывает огромный простор для последующего анализа, поскольку выявленные тенденции могут носить как временный характер, так и представлять собой последовательный процесс дестандартизации занятости. В этом плане необходимо расширение горизонта исследования посредством проведения инициативных социологических опросов, направленных прежде всего на изучение таких форм занятости, которые не нашли отражения в официальной статистике (неформальная, платформенная и т.д.). Все это позволит сформировать целостное видение будущего сферы труда в России со всеми его возможностями и угрозами и на этой основе разработать рекомендации по совершенствованию институтов рынка труда и социальной политики в целом.

¹²⁹ Аналитический вестник. М.: Издание Государственной Думы, 2020. 45 С.

2.4. Изменение требований российской экономики к трудовому потенциалу работников в условиях современных вызовов

Будущее сферы труда является одним из наиболее обсуждаемых исследовательских вопросов в общественных науках современности. Широкий интерес к данной тематике обусловлен воздействием глобальных тенденций (старение населения, цифровизация экономики, автоматизация производства и т.д.) на процессы жизнедеятельности государства и общества, что влечет за собой глубокие трансформации в системе социально-трудовых отношений. Среди наиболее характерных трендов выделяют: преобразование отраслевой и профессиональной структуры рабочих мест, дестандартизацию и развитие гибких форм занятости, изменение спроса на навыки и компетенции, деформацию практик социальной защиты работников¹³⁰. В результате только за последние годы появилось множество сценарных моделей, в которых отражены различные точки зрения на будущее сферы труда: от триумфа роботов и поляризованного мира¹³¹ до корпоративной экономики и доминирования общинных компаний с высоким уровнем социальной ответственности¹³². Вариативность мнений на этот счет чрезвычайно высока. И, хотя некоторые прогнозные оценки кажутся весьма радикальными (например, относительно угроз наступления масштабной технологической безработицы, поскольку количество вновь создаваемых рабочих мест может превышать их потери, вызванные внедрением трудосберегающих технологий¹³³), предпосылки для подобного рода дискуссии находят четкое подтверждение в повседневной реальности. В этом плане не является исключением и Россия¹³⁴.

В рамках данного параграфа нами предпринята попытка проследить, насколько изменения в системе социально-трудовых отношений затрагивают качественные характеристики российских работников. Происходит ли ужесточение требований экономики к качеству трудового потенциала в целом или мы можем наблюдать перераспределение значимости отдельных его составляющих? Обозначенный ракурс исследования связан прежде всего с большей изученностью иных проявлений трансформационного процесса, которые легко поддаются измерению при помощи материалов официальной статистики (межсекторальное перераспределение рабочей силы, распространение нестандартных форм занятости и т.д.). В нашем же случае возможности информаци-

¹³⁰ The Future of Work OECD Employment Outlook 2019. Highlights // OECD. URL: <https://www.oecd.org/employment/employment-outlook-2019-highlight-en.pdf>

¹³¹ White Paper. Eight Futures of Work. Scenarios and their Implications // WEF. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOW_Eight_Futures.pdf

¹³² Workforce of the Future: The Competing Forces Shaping 2030 // PWC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/workforce-of-the-future/workforce-of-the-future-the-competing-forces-shaping-2030-pwc.pdf>

¹³³ The Future of Jobs Report 2018 // WEF. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf

¹³⁴ Попов А.В. Особенности и закономерности трансформации занятости в России и странах мира // Human Progress. 2019. Т. 5. № 7. URL: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_7/Popov.pdf

онной базы существенно ограничены, в результате чего такие работы намного реже встречаются в научной литературе. Чаще всего исследовательский фокус смещается в сторону обсуждения перспектив реконфигурации сложившейся компетентностной модели для адаптации к новым реалиям хозяйственной системы. Так, согласно результатам глобального института McKinsey, к 2030 г. заметно возрастет роль технологических (программирование, компьютерная грамотность), высоких когнитивных (креативность, комплексная обработка информации и ее интерпретация), социальных и эмоциональных (лидерство и управление, предпринимательство и инициативность) навыков¹³⁵.

Среди конкретных исследований, в которых динамика востребованности способностей человека к трудовой деятельности рассматривается в контексте реального положения дел, можно отметить публикации, основанные на использовании базы данных O*NET (ранее – DOT) Министерства труда США. В частности, Д. Оторм, Ф. Леви и Р. Мюрнейном было установлено, что во второй половине XX века значимость рутинного когнитивного и ручного труда в американской экономике заметно сократилась, в то время как умения решать неструктурированные проблемы и работать с новой информацией приобрели особую актуальность¹³⁶. К схожим выводам пришла группа ученых, проанализировавших ситуацию с навыками в 30 странах с различным уровнем экономического развития: с ростом дохода на душу населения происходит снижение интенсивности ручных навыков и увеличение – нестандартных когнитивных и межличностных¹³⁷. В силу обозначенных выше ограничений, связанных со сложностью формирования информационной базы, в России такие исследования практически не проводятся (за исключением отдельных примеров, в которых аккумулируются данные за непродолжительный период времени¹³⁸).

В отечественной науке можно выделить работы, посвященные оценке экономической отдачи от образования¹³⁹, дополнительного профессионального обучения¹⁴⁰,

¹³⁵ Skill Shift: Automation and the Future of the Workforce // McKinsey. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/future%20of%20organizations/skill%20shift%20automation%20and%20the%20future%20of%20the%20workforce/mgi-skill-shift-automation-and-future-of-the-workforce-may-2018.pdf>

¹³⁶ Autor D.H., Levy F., Murnane R.J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. *The Quarterly Journal of Economics*, 2003, vol. 118(4), pp. 1279-1333.

¹³⁷ Aedo C., Hentschel J., Luque J., Moreno M. From Occupations to Embedded Skills: A Cross-Country Comparison. Policy Research Working Paper No. WPS 6560. Washington, D.C.: World Bank, 2013. 25 p.

¹³⁸ Васильев К., Рошин С. Дефицит навыков в России: вызовы для системы образования в условиях перехода к инновационной экономике. URL: <https://www.hse.ru/data/2012/10/11/1246974900/20121009-Vasiliev.pdf>

¹³⁹ Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.

¹⁴⁰ Травкин П.В. Оценка отдачи от дополнительного профессионального обучения российских работников: учет влияния способностей на заработную плату // Прикладная эконометрика. 2014. № 1(33). С. 51-70.

здоровья¹⁴¹, знания иностранного языка¹⁴² и т.д. Проведенный анализ, как правило, свидетельствует о позитивном влиянии инвестиций в развитие человека на показатели его занятости, что является косвенным подтверждением тезиса о повышении важности человеческого капитала в условиях наблюдаемого изменения характера труда¹⁴³. В то же время существуют ситуации, когда по тем или иным причинам обозначенные вложения не приводят к видимым эффектам. Несколько иной ракурс представлен в исследованиях Вологодского научного центра РАН (в т.ч. при участии авторов данной монографии), затрагивающих вопросы соответствия трудового потенциала работников занимаемым рабочим местам в контексте различных характеристик¹⁴⁴. В этом случае акцент делается на выявлении диспропорций в самооценках респондентов относительно состояния и востребованности их качеств в трудовой деятельности. Среди основных выводов при этом была отмечена относительная стабильность индексов требований рабочих мест с начала 2000-х годов. С целью углубления полученных результатов в рамках настоящей работы мы попытались более детально подойти к изучаемому вопросу.

Информационную базу исследования составили материалы мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области¹⁴⁵ за 2000 и 2018 гг. Выбор нижней границы указанного диапазона связан со стабилизацией социально-экономического положения страны после потрясений конца XX века. По нашему мнению, включение в выборку более ранних временных отрезков могло привести к искажению полученных результатов, поскольку в кризисные годы спрос на качественные характеристики работников мог существенно меняться. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что в период 1991 – 1998 гг. многим россиянам (42%) пришлось сменить свою профессию, зачастую выбирая менее требовательную к человеческому капиталу¹⁴⁶. Верхняя граница интервала представлена наиболее актуальными на настоящий момент данными.

¹⁴¹ Кузьмич О.С., Рощин С.Ю. Лучше ли быть здоровым? Экономическая отдача от здоровья в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 12. № 1. С. 29-56.

¹⁴² Рожкова К.В., Рощин С.Ю. Вознаграждается ли знание иностранного языка на российском рынке труда? // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 122–141.

¹⁴³ Доклад о мировом развитии (ДМР) 2019: Изменение характера труд // Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019>

¹⁴⁴ Леонидова Т.В., Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Здоровье молодого поколения в контексте модернизации территории // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 47–56.; Попов А.В. Динамика соответствия качества трудового потенциала требованиям рабочих мест (на материалах Вологодской области) // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 4. С. 1089–1100.

¹⁴⁵ Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проводятся с 1997 г. в городах Вологде и Череповце, а также в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3–4%.

¹⁴⁶ Sabirianova K. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, 2002, vol. 30(1), pp. 191–217.

Таблица 2.30. Шаблон вопроса «Каких качеств от человека требует то дело, которым Вы занимаетесь в настоящее время?», баллов

Вариант ответа	Очень важно	Достаточно важно	Более или менее важно	Совсем не важно
Хорошее физическое здоровье и самочувствие	4	3	2	1
Высокая устойчивость к нагрузкам на психику (работа нервная)	4	3	2	1
Иметь разносторонние знания, большую эрудицию, высокую квалификацию	4	3	2	1
Иметь творческие способности (изобретать, создавать новое, решать неизвестные Вам ранее задачи и т.д.)	4	3	2	1
Общительность, умение ладить с людьми	4	3	2	1
Обладать высокой общей культурой (быть хорошо воспитанным, вежливым, сдержанным, всегда хорошо выглядеть)	4	3	2	1
Иметь высокие морально-нравственные качества (честность, правдивость, чувство долга, порядочность, и т.д.)	4	3	2	1
Постоянно стремиться к повышению по службе, повышать свою квалификацию, проявлять инициативу и предприимчивость	4	3	2	1
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2000–2018 гг.				

Измерение требований рабочих мест к качеству трудового потенциала осуществлялось при помощи инструментария, используемого при проведении исследований в Вологодском научном центре РАН¹⁴⁷. Суть методики заключается в отслеживании динамики ответов на вопрос «Каких качеств от человека требует то дело, которым Вы занимаетесь в настоящее время?». Респондентам предлагалось оценить ряд позиций по 4-х-балльной шкале, где 1 – «совсем не важно», а 4 – «очень важно» (табл. 2.30).

Методологической основой предложенных утверждений послужила концепция качественных характеристик населения, разработанная учеными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и выделяющая 8 компонентов: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциалы, коммуникативность, культурный и нравственный уровни, потребности в достижениях¹⁴⁸. Расчет этих показателей производился посредством средней арифметической взвешенной,

¹⁴⁷ Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 1998. 76 с.; Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований / под ред. д.э.н. А.А. Шабуневой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 192 с.

¹⁴⁸ Качество населения / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной. М.: ИСЭПН, 1993. 185 с.

в результате чего их итоговые значения варьируются от 0,25 до 1. В свою очередь построение интегрального индекса (социальной дееспособности), отражающего совокупные требования к качеству трудового потенциала, сводилось к нахождению средней геометрической из базовых индикаторов. Все показатели измеряются в условных единицах.

Для более детального описания вектора изменений спроса экономики на те или иные качественные характеристики населения мы попытались рассмотреть этот вопрос сквозь призму уровня образования, рода занятий и сферы деятельности респондентов. Это позволило учесть квалификационные и профессиональные различия между работниками, что является особенно важным при обращении к данной тематике, поскольку трансформационные сдвиги в сфере занятости происходят неравномерно в зависимости от характера трудовой деятельности. Вместе с тем реализация подобной идеи не лишена сложностей, в результате чего нам пришлось привести опросники 2000 и 2018 гг. к единообразию путем группировки некоторых вариантов ответов, что наложило отпечаток на их формулировки. Отдельные характеристики выборки представлены в таблице 2.31.

Таблица 2.31. Отдельные характеристики выборки

Показатель	Год	
	2000 (n = 1017)	2018 (n = 1119)
Уровень образования		
Начальное профессиональное образование и ниже	38,8	34,6
Среднее профессиональное образование	34,9	36,5
Высшее профессиональное образование	26,3	28,9
Род занятий		
Рабочий	48,1	42,9
ИТР	9,5	6,5
Служащий	23,5	32,1
Руководитель	1,6	2,6
Интеллигент	12,1	10,2
Предприниматель	2,4	2,0
Сотрудник органов охраны	2,8	3,8
Сфера деятельности*		
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9,5	10,2
Промышленность, связь, транспорт и строительство	34,2	35,2
Торговля	11,3	14,2
Сфера обслуживания	10,0	5,7
Образование	13,0	7,1
Здравоохранение	4,7	5,6
Финансовая деятельность	1,9	4,1
Госуправление и обеспечение безопасности	11,5	3,5
* Сумма по столбцам не равна 100%, поскольку не удалось сгруппировать оставшиеся варианты ответов по единым для 2000 и 2018 гг. сферам деятельности. Источники: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2000–2018 гг.; расчеты авторов.		

**Таблица 2.32. Динамика индекса требований рабочих мест
к качеству трудового потенциала в разрезе уровней образования**

Уровень образования	Индекс требований рабочих мест к ...								
	Физическому здоровью	Психическому здоровью	Когнитивному потенциалу	Творческому потенциалу	Коммуникабельности	Культурному уровню	Нравственному уровню	Потребности в достижениях	Социальной дееспособности
2018 г.									
НПО и ниже	0,824	0,767	0,589	0,512	0,721	0,612	0,641	0,561	0,622
СПО	0,838	0,807	0,735	0,640	0,778	0,738	0,751	0,692	0,725
ВПО	0,798	0,806	0,769	0,683	0,823	0,783	0,778	0,744	0,754
2018 г. к 2000 г.									
НПО и ниже	0,001	0,046	0,011	0,032	-0,036	-0,057	-0,062	-0,013	-0,001
СПО	0,035	0,046	0,062	0,056	-0,043	-0,038	-0,048	0,026	0,024
ВПО	-0,032	-0,037	-0,070	-0,060	-0,055	-0,060	-0,058	0,008	-0,044
Источники: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2000–2018 гг.; расчеты авторов.									

Уровень образования. С 2000 по 2018 г. рост общих требований к качеству трудового потенциала был отмечен только среди работников со средним профессиональным образованием: значения интегрального индекса увеличились на 0,024 (табл. 2.32). В остальных случаях наблюдалась стагнация или даже снижение, характерное для лиц с высшим образованием (-0,044), спрос с которых, по мнению самих респондентов, был традиционно выше. Согласно оценкам их представителей, единственным качеством, продемонстрировавшим позитивную динамику, стала потребность в достижениях (+0,008), что подразумевает необходимость в постоянном обновлении знаний, в инициативности и предприимчивости. В этом плане тревогу вызывает существенное падение интереса к когнитивному и творческому потенциалам наиболее образованной части общества (-0,070 и -0,060 соответственно). Противоположным образом обстоят дела у людей с более низким уровнем образования, в отношении которых возросли требования не только к интеллектуальной составляющей качества трудового потенциала, но и к показателям физического и психического здоровья. В ситуации с работниками со средним профессиональным образованием к ним добавляются еще и социальные притязания.

На основании полученных результатов с трудом можно говорить о влиянии процесса трансформации занятости на динамику качественных характеристик населения. В данном случае речь идет скорее о том, что работодатели во многом ориентируются на наличие у соискателей высшего образования, которое само по себе становится значимым фактором успеха в профессиональной деятельности¹⁴⁹,

¹⁴⁹ Трудоустройство молодежи. Опыт работы, или Хорошее образование / под ред. Т.Л. Клячко. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. 22 с.

и относятся к таким людям более лояльно. В отношении остальных соискателей предъявляются все более высокие требования к качеству их трудового потенциала как своеобразная реакция на отсутствие у них соответствующего диплома. В то же время нельзя оставлять без внимания и возможность изменения содержания труда у работников со средним профессиональным образованием и ниже, что могло повлечь за собой развитие тех или иных качеств. Для подтверждения этого тезиса обратимся к фактору профессиональной принадлежности.

Род занятий. За рассматриваемый период индекс требований рабочих мест к качеству трудового потенциала отметил ростом лишь в отношении рабочих промышленности и сельского хозяйства (+0,026; табл. 2.33). Как и ожидалось, значения всех базовых показателей продемонстрировали аналогичные тенденции, что и в примере с работниками со средним профессиональным образованием. Снизился спрос на коммуникативные качества, культуру и нравственность, а увеличился – на психофизиологический и интеллектуальный потенциал, социальные притязания. Исходя из этого, можно предположить, что представители рабочих

Таблица 2.33. Динамика индекса требований рабочих мест к качеству трудового потенциала в разрезе родов занятий

Род занятий	Индекс требований рабочих мест к ...								
	Физическому здоровью	Психическому здоровью	Когнитивному потенциалу	Творческому потенциалу	Коммуникативности	Культурному уровню	Нравственному уровню	Потребности в достижениях	Социальной дееспособности
2018 г.									
Рабочий	0,850	0,765	0,646	0,564	0,721	0,617	0,654	0,605	0,649
ИТР	0,802	0,806	0,747	0,642	0,736	0,705	0,698	0,729	0,713
Служащий	0,787	0,817	0,713	0,618	0,820	0,793	0,785	0,688	0,729
Руководитель	0,819	0,759	0,759	0,672	0,836	0,759	0,759	0,741	0,748
Интеллигент	0,830	0,832	0,803	0,741	0,845	0,819	0,805	0,779	0,794
Предприниматель	0,818	0,830	0,773	0,716	0,807	0,739	0,773	0,625	0,733
Сотрудник органов охраны	0,804	0,774	0,613	0,500	0,726	0,655	0,685	0,619	0,640
2018 г. к 2000 г.									
Рабочий	0,020	0,056	0,072	0,072	-0,030	-0,038	-0,044	0,017	0,026
ИТР	0,014	0,022	-0,016	-0,054	-0,101	-0,101	-0,106	0,005	-0,041
Служащий	-0,002	0,010	-0,026	0,005	-0,040	-0,032	-0,054	0,012	-0,007
Руководитель	-0,025	-0,148	-0,148	-0,093	-0,117	-0,163	-0,085	0,038	-0,088
Интеллигент	-0,013	-0,041	-0,072	-0,041	-0,034	-0,069	-0,056	0,041	-0,025
Предприниматель	0,038	0,080	0,123	0,116	-0,103	-0,161	-0,047	-0,065	-0,002
Сотрудник органов охраны	-0,067	-0,071	-0,154	-0,095	-0,170	-0,156	-0,186	-0,140	-0,134
Источники: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2000–2018 гг.; расчеты авторов.									

профессий вынуждены адаптироваться к новым условиям хозяйствования, придавая особое значение как привычным вопросам сохранения собственного здоровья, так и развитию востребованных на современном рынке труда когнитивных и некогнитивных навыков.

Схожая динамика прослеживается и в сфере предпринимательства. Исключение составляет только показатель потребности в достижениях, значимость которого в экономике, по мнению респондентов, заметно снизилась (-0,065). В целом требования к качеству трудового потенциала остались примерно на одном уровне (-0,002), в то время как роль базовых компонентов претерпела существенные изменения. Мы можем наблюдать, как с начала 2000-х гг. на смену духовно-нравственным характеристикам (что, впрочем, отмечается в отношении представителей всех родов занятий) приходят качества, отражающие глубину знаний, развитие креативных способностей, состояние психического и физического здоровья. Все это может косвенно свидетельствовать о структурных преобразованиях предпринимательской деятельности.

Применительно к оставшимся группам работников динамика требований экономики к качеству трудового потенциала имеет ярко выраженный отрицательный характер. Если в разрезе служащих большинство частных индексов проявляют относительную устойчивость, то у инженерно-технических работников произошло уменьшение спроса на когнитивный (релевантно и для первых) и творческий потенциал по месту основной работы. Отличительной особенностью руководителей и интеллигенции, не занятой на производстве, является снижение значений всех базовых показателей, кроме социальных притязаний (+0,038 и +0,041 соответственно), при сохранении лидирующих позиций по жесткости общих требований к работникам. Абсолютным аутсайдером является категория сотрудников сферы охраны, в рамках которой наблюдается самое ощутимое падение интереса к качественным характеристикам. При этом ни один из базовых компонентов качества трудового потенциала не продемонстрировал позитивную динамику.

Проведенный анализ подтвердил тезис об изменении востребованности в экономике качественных характеристик работников. Несмотря на распространенность точки зрения об усилении значимости когнитивных способностей и творчества в постиндустриальном обществе¹⁵⁰, мы видим, что на региональном рынке труда в России это проявляется только в отношении отдельных профессиональных групп населения (прежде всего рабочих и предпринимателей). В подавляющем большинстве случаев можно говорить лишь о важности стремлений к повышению квалификации, карьерному росту, проявлению инициативы (компонент «потребность в достижениях»). В результате возникает некоторое противоречие, когда на фоне снижения требований к интеллектуальному потенциалу наблюдается рост заинтересованности в социальных притязаниях индивидов со стороны работодателей. Тем не менее подобный вектор трансформационных сдвигов в сфере труда

¹⁵⁰ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. (50); Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.

и занятости во многом отражает неопределенность современного мира. Бурное развитие технологий приводит к тому, что предрасположенность к динамизму профессиональной деятельности представляет не меньшую ценность, чем само по себе обладание определенными знаниями. Например, расчеты авторитетных ученых показывают важную роль эффективных стратегий обучения¹⁵¹. При этом культурно-нравственные и коммуникативные характеристики постепенно отходят на второй план. Далее обратимся к отраслевой специфике занятости.

Сфера деятельности. В отличие от предыдущих примеров индексы требований рабочих мест к качеству трудового потенциала в разрезе видов экономической деятельности имеют куда более разнонаправленную тенденцию (табл. 2.34). Отрицательная динамика интегрального показателя отмечается только у работников финансовой сферы (-0,030) и торговли (-0,013), где схожие изменения демонстрируют также базовые компоненты. Для первого случая особенно характерным является резкое падение спроса в отношении состояния физического здоровья (-0,144) и не столь заметное снижение спроса в отношении культурного уровня (-0,008).

Согласно мнению респондентов, практически не изменились общие требования к работникам в отрасли образования (+0,003). Однако при оценке базовых индексов качества трудового потенциала видно, что с начала 2000-х гг. произошел ощутимый рост востребованности творческих способностей (+0,043) и потребности в достижениях (+0,044), в то время как оставшиеся показатели продемонстрировали снижение (физическое и психическое здоровье, творческий потенциал и коммуникабельность) или стагнацию (культурный и нравственный уровни). Исходя из этого получается, что в образовательной среде все большее значение придается креативности, инициативе и предприимчивости при сохранении высоких морально-нравственных стандартов поведения.

Различается ситуация в сфере здравоохранения, где на фоне позитивной динамики индексов требований рабочих мест к творческому потенциалу (+0,062) и социальным притязаниям (+0,033) наблюдается увеличение спроса на когнитивные свойства работников (+0,022), что в совокупности приводит к росту интегральной характеристики (+0,012). Хотя в отраслях промышленности, связи, транспорта и строительства отмечаются аналогичные изменения в отношении индикатора социальной дееспособности (+0,013), в разрезе базовых компонентов всё несколько иначе. К уже обозначенным показателям с положительной тенденцией добавляются индексы физического (+0,027) и психического (+0,058) здоровья.

Еще более жесткие требования предъявляются к работникам сферы государственного управления и обеспечения безопасности. Только две из восьми составляющих трудового потенциала – коммуникабельность и культурный уровень – характеризуются снижением значений соответствующих индексов за рассматриваемый период. Напротив, особо заметное повышение было зафиксировано по таким актуальным направлениям, как потребность в достижениях (+0,060), развитие когнитивных (+0,084) и творческих (+0,021) способностей. Подобные изменения лишь упрочили место данной отрасли в списке наиболее требовательных к работникам.

¹⁵¹ Bakhshi H., Downing J., Osborne M., Schneider P. The Future of Skills: Employment in 2030. London: Pearson and Nesta, 2017. 124 p. (89)

**Таблица 2.34. Динамика индекса требований рабочих мест
к качеству трудового потенциала в разрезе сфер деятельности**

Сфера деятельности	Индекс требований рабочих мест к ...								
	Физическому здоровью	Психическому здоровью	Когнитивному потенциалу	Творческому потенциалу	Коммуника- бельности	Культурному уровню	Нравственному уровню	Потребности в достижениях	Социальной дееспособности
2018 г.									
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,839	0,790	0,658	0,574	0,750	0,661	0,690	0,647	0,676
Промышленность, связь, транспорт и строительство	0,853	0,789	0,692	0,592	0,737	0,649	0,683	0,647	0,678
Торговля	0,814	0,795	0,669	0,562	0,798	0,732	0,737	0,658	0,693
Сфера обслуживания	0,833	0,794	0,690	0,635	0,813	0,794	0,754	0,675	0,727
Образование	0,815	0,828	0,805	0,799	0,854	0,854	0,838	0,766	0,810
Здравоохранение	0,794	0,810	0,714	0,619	0,806	0,766	0,746	0,679	0,718
Финансовая деятельность	0,698	0,779	0,756	0,599	0,791	0,808	0,785	0,756	0,721
Госуправление и обеспечение безопасности	0,829	0,836	0,836	0,643	0,836	0,821	0,857	0,786	0,788
2018 г. к 2000 г.									
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,095	0,140	0,116	0,074	0,008	0,005	-0,023	0,089	0,087
Промышленность, связь, транспорт и строительство	0,027	0,058	0,047	0,038	-0,032	-0,035	-0,040	0,004	0,013
Торговля	-0,001	0,031	0,013	-0,009	-0,062	-0,087	-0,053	0,030	-0,013
Сфера обслуживания	0,009	0,026	0,068	0,125	0,000	0,062	0,001	0,075	0,068
Образование	-0,047	-0,038	-0,018	0,043	-0,028	-0,002	-0,003	0,044	0,003
Здравоохранение	-0,008	-0,019	0,022	0,062	-0,007	-0,021	-0,056	0,033	0,012
Финансовая деятельность	-0,144	0,016	0,019	-0,020	-0,038	-0,008	-0,070	0,019	-0,030
Госуправление и обеспечение безопасности	0,007	0,012	0,084	0,021	-0,030	-0,011	0,009	0,060	0,026
Источники: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2000 – 2018 гг.; расчеты авторов.									

В свою очередь сферы обслуживания, сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства отличаются самыми высокими темпами роста индексов требований рабочих мест к уровню социальной дееспособности (+0,068 и 0,087 соответственно). При этом практически все базовые показатели качества трудового потенциала имеют позитивную динамику. Причины подобного развития событий могут заключаться в осуществлении модернизационных или иных преобразований в этих видах экономической деятельности, в корне изменивших содержание трудовой деятельности и повлекших за собой ужесточение требований

к работникам. Однако существует вероятность того, что на сегодняшний день достижение профессионального успеха в отраслях с большим количеством низкопроизводительных рабочих мест весьма затруднительно без наличия развитых качественных характеристик, на которые указывают респонденты. Впрочем, данная гипотеза не находит подтверждений при обращении к ранее полученным результатам (см. табл. 2.32), когда индексы требований рабочих мест к качеству трудового потенциала для наименее образованной части общества остались на прежнем уровне, что в совокупности с другими ограничениями красноречиво свидетельствует о необходимости дальнейшего углубления исследования.

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что в современной России происходит закономерное изменение требований экономики к качественным характеристикам населения под влиянием трансформационных сдвигов в сфере труда и занятости. Повсеместное внедрение передовых технологий, преобразование способов взаимодействия работников с предметами и средствами труда, распространение нестандартных форм трудовых отношений и т.д. отражаются на развитии качества трудового потенциала, способствуя его адаптации к новым условиям хозяйствования. При этом основной акцент в данном случае делается не на ужесточении или смягчении общих требований, а на перераспределении значимости отдельных характеристик индивида для достижения успеха в профессиональной деятельности.

Результаты исследования наглядно продемонстрировали, что в зависимости от уровня образования, рода занятий и сферы деятельности динамика требований рабочих мест к качественным характеристикам работников будет существенно отличаться. В то же время практически во всех примерах спрос на культурно-нравственный потенциал и коммуникабельность снижается, а потребность в достижениях, подразумевающая стремление к продвижению по службе и повышению квалификации, проявлению инициативности и предприимчивости, напротив, играет все более заметную роль. Весьма противоречивую тенденцию имеют показатели интеллектуальной составляющей трудового потенциала. Хотя в большинстве видов экономической деятельности и отмечается рост интереса к когнитивным и творческим способностям работников, в разрезе образовательных и профессиональных групп населения такого единства не наблюдается. В этом плане характерно выделяются только рабочие и предприниматели, а также лица со средним профессиональным образованием и ниже.

3. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

3.1. Типология российских регионов по уровню доступности социально значимых благ и ресурсов

Изучение качества жизни, неравенства в современных условиях невозможно без исследования немонетарных характеристик дифференциации в части оценки доступности социально значимых благ для различных слоев населения. Во многом это вызвано тем, что «социальное неравенство в России выходит далеко за рамки материального достатка и охватывает практически весь диапазон ресурсов и жизненных шансов человека, определяющих его место в социальной структуре. И если неравенство в доходах в определенных рамках россияне готовы принять, то неравенство шансов получить достойное образование или качественную медицинскую помощь – нет»¹⁵². В этой связи картина дифференциации населения по уровню качества жизни не будет полной без учета характеристик имущественных особенностей, социально-профессиональных ограничений, возможностей доступа к социально значимым благам, жизненных шансов в реализации целей, а также других компонентов благополучия и благосостояния.

Актуальность исследования проблематики немонетарной дифференциации как дополнительной характеристики качества жизни и социально-экономического неравенства обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, ограниченностью денежно-метрических подходов в оценке расслоения общества. Традиционно измерение неравенства населения производится через абсолютный или относительный уровень доходов. Однако у данного подхода есть ряд недостатков¹⁵³. Доходы не всегда имеют постоянный характер, в условиях теневой экономики высока доля скрытых (неучтенных) доходов,

¹⁵² Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. № 1. С. 5–11.

¹⁵³ Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. № 1. С. 5–11; Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Материальные депривации в оценках бедности // Народнонаселение. 2019. № 2. С. 51–63. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00015

кроме этого, население склонно занижать свой реальный уровень доходов, а в условиях недостатка доходов компенсирует его другими ресурсами и активами (материальными и/или нематериальными), в связи с чем данная социально-экономическая категория лишь частично отражает уровень благосостояния индивидов и домохозяйств. Во-вторых, неравенство населения и характеристики бедности выражаются не только в недостатке или наличии средств к существованию, но и содержат ряд других значимых критериев: например, неудовлетворительность жилищных условий, ограниченный доступ к социальным услугам (образованию, здравоохранению и др.), социальная исключенность, субъективные оценки дифференциации и т.п. В-третьих, исследование неравенства населения только лишь с точки зрения монетарной составляющей уменьшает показатель наличествующего бедного населения, что не только не оправданно и не отвечает реалиям сегодняшнего дня, но и опасно с точки зрения занижения действительных масштабов процесса расслоения в обществе. Поэтому монетарное неравенство, рассматриваемое как дифференциация по доходам, представляется частью общего социально-экономического неравенства граждан в составе многокритериальной оценки уровня поляризации общества. В связи с этим возрастает необходимость исследования неравенства индивидов и домохозяйств с позиции многомерного подхода, включающего монетарные и немонетарные характеристики дифференциации.

Об ограниченности подхода к измерению степени дифференциации населения только в рамках доходной составляющей и необходимости учета немонетарных характеристик¹⁵⁴ в оценке вопросов неравенства и благосостояния заявляют многие отечественные и зарубежные исследователи. Появление экономических бестселлеров (Дж. Стиглиц «Цена неравенства», Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» и др.), растущий объем исследований по тематике неравенства в целом и немонетарного неравенства в частности подчеркивают интерес отечественных и зарубежных ученых к данной академической проблеме. Однако, несмотря на значительное множество работ, в российской экономической литературе исследование теоретических и практических подходов к оценке немонетарной дифференциации остается недостаточно изученным. Как правило, немонетарные характеристики благосостояния освещаются с точки зрения имущественной (материальной) со-

¹⁵⁴ Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / Л.Н. Овчарова, А.Я. Бурдяк, А.И. Пишняк, Д.О. Попова, Р.И. Попова, А.М. Рудберг. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. 108 с.; Бикеева М.В., Моисеева И.М. Измерение экономического неравенства: проблемы, факты и оценка // Социальная статистика. 2019. № 6. С. 48–56. DOI: 10.21686/2500-3925-2019-6-48-56; Лежнина Ю. Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. 2019. №17(2). С. 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222; The Poverty Line: Concept and Measurement / T. Goedhart, V. Halberstadt, A. Kapteyn, B van Praag // Journal of Human Resources. University of Wisconsin Press. 1977. Vol. 12 (4). Pp. 503–520; Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979. 31 p.

ставляющей¹⁵⁵. Вопросам доступа к различного вида социальным услугам в контексте немонетарного подхода, а также оценке жизненных шансов посвящены труды В.А. Аникина, С.В. Мареевой, Ю.П. Лежниной, Н.Е. Тихоновой, Т.М. Малевой. Измерение экономического неравенства и бедности в рамках немонетарного подхода с использованием субъективных оценок населения проведено в работах М.В. Бикеевой, Л.Н. Овчаровой, Н.М. Давыдовой, Е.М. Авраамовой и др.

В экономической литературе немонетарные аспекты неравенства рассматриваются с различных сторон. Отдельных работ, посвященных изучению немонетарного неравенства населения среди регионов России, практически нет, в связи с чем разработанность данной темы следует признать низкой, что актуализирует задачу разработки и апробации методики оценки доступности социально значимых благ (немонетарного неравенства) для населения регионов.

По данным опроса¹⁵⁶ НИУ ВШЭ, проведенного в 2018 г., рейтинг наиболее болезненных неравенств для граждан России возглавило неравенство по доходам. Около 84% опрошенных отметили данный вид неравенства как самый болезненный для общества и порядка 69% респондентов – как наиболее болезненный для себя лично. Среди немонетарных неравенств наиболее остро воспринимаются неравенства, связанные с базовыми аспектами качества жизни – доступ к медицинским услугам (70 и 51% соответственно) и жилищное неравенство (64 и 36%). Результаты социологических опросов, проводимых на регулярной основе¹⁵⁷ ФГБУН ВолНЦ РАН, выявили ряд схожих тенденций. Так, начиная с 2000 г., в качестве основной проблемы, тревожащей жителей Вологодской области, определен высокий уровень инфляции и низкий уровень жизни. Низкая доступность жилья, неудовлетворительное качество услуг ЖКХ, дорог, транспорта являются наиболее острыми проблемами в немонетарном контексте.

Определяя немонетарное неравенство как ограниченную доступность (неравномерное распределение) социально значимых благ и ресурсов, форму дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные слои, группы, классы обладают неравными жизненными шансами и возможностями доступа к социально значимым благам и ресурсам, необходимо сказать, что особую значимость приобретает исследование тенденций межрегиональной дифференциации немонетарного неравенства.

Следует заметить, что проблема доступности, как и проблема неравенства, скорее всего, будет существовать всегда, особенно учитывая пространственные

¹⁵⁵ Корчагина И.И. Немонетарное измерение бедности и социальной уязвимости населения России // Народонаселение. 2015. № 1(67). С. 82–94; Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности / В.Н. Бобков, П. Херрманн, И.Б. Колмаков, Е.В. Одинцова // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 4. С. 1061–1075. DOI: 10.17059/2018-4-1; Бобков В.Н., Матвеева Т.А. Влияние монетарной и немонетарной бедности домохозяйств экономически активного населения на удовлетворенность трудом // Экономика региона. 2014. № 4. С. 93–104. DOI: 10.17059/2014-4-7

¹⁵⁶ Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 102–118.

¹⁵⁷ Социокультурные факторы модернизационного развития России / М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева, Г.В. Белехова, А.И. Россошанский, А.М. Панов, М.В. Морев; под общ. ред. М.А. Ласточкиной. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 265 с.

особенности нашей страны и характер межбюджетных отношений, конкурентные преимущества отдельных регионов и т.д. Однако если раньше доступность воспринималась как невозможность получения общественных благ маломобильными группами (государственная программа «Доступная среда»), а также низкодходными слоями населения, то сейчас проблема доступности приобрела массовый характер и затрагивает почти все население страны. Если удовлетворение материальных потребностей возможно с помощью различных источников (помощь друзей, родственников, сдача в аренду собственности, получение кредитов и т.д.), то, например, отсутствие возможности обучения ребенка в первую смену есть проблема немонетарного неравенства, связанная не только с нехваткой кадров, но и во многом с несправедливым распределением общественных благ и ресурсов в межрегиональном контексте, когда порядка 70% поступлений от территорий аккумулируется в федеральном бюджете, и региональные власти финансируют новые объекты социальной сферы по остаточному принципу.

Выделяют различные виды доступности услуг, благ и ресурсов:

- 1) пространственная (территориальная, географическая, физическая);
- 2) ценовая;
- 3) временная;
- 4) информационная;
- 5) организационная доступность.

В рамках данной работы проведен анализ межрегиональной дифференциации доступности социально значимых благ и ресурсов по пространственному признаку. Для указанной цели разработана методика индексной оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов. По мнению Н.В. Зубаревиц, доступность базовых услуг – одна из важнейших составляющих качества жизни, особенно важна физическая доступность¹⁵⁸.

Поскольку немонетарное неравенство и доступность являются характеристиками уровня и качества жизни населения регионов, некоторые из направлений доступности социально значимых благ и ресурсов рассмотрены в исследованиях, посвященных разработке индексов качества жизни (табл. 3.1).

Принципиальным отличием разработанной методики является объединение основных направлений (каналов) получения социально значимых благ населением, в т.ч. включение в индексную оценку индикаторов финансовой доступности, доступности цифровых (информационных) услуг и др. В целом доступность социально значимых благ и ресурсов исследуется в данной работе по следующим направлениям (рис. 3.1).

Алгоритм разработки индексной методики оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов включает в себя ряд этапов.

Этап 1. Формирование исходного перечня статистических показателей

Выбор исходных данных для формирования интегрального индекса немонетарного неравенства остается одним из дискуссионных вопросов. Считаем необходимым проводить разработку методики оценки неравенства по пространствен-

¹⁵⁸ Зубаревиц Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 7-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. 264 с.

Таблица 3.1. Индексы уровня и качества жизни

Индекс	Разработчик	Группы индикаторов	
Разработчики-организации			
Рейтинг качества жизни в городах мира	Mercer Human Resource Consulting	Международное консалтинговое или информационное агентство	политическая и социальная среда • экономическая среда • социально-культурная среда • здравоохранение и санитария • образование и обучение • коммунальные услуги и транспорт • отдых и развлечения • товары массового потребления • жилье и инфраструктура • природная среда и климат
Индекс устойчивого городского развития	McKinsey Global Institute		степень удовлетворенности основных потребностей населения • эффективность использования ресурсов • чистота окружающей среды • городская инфраструктура • ориентация на устойчивое развитие в будущем
Global Livability Ranking	Economist Intelligence Unit		стабильность • здравоохранение • культура и среда • образование • инфраструктура
Most Livable Cities Index	Monocle		безопасность (уровень преступности) • вовлеченность в мировое сообщество • климат и количество солнечных часов • качество строений • развитость транспортной инфраструктуры • толерантность • экология • дизайн • условия для бизнеса • законодательство • здравоохранение
Рейтинг регионов РФ по качеству жизни	Агентство «РИА Рейтинг»	Национальное информационное агентство	уровень доходов и занятость населения • жилищные условия • безопасность проживания • демографические, экологические и климатические условия • здоровье • образование • социальная инфраструктура • экономическое развитие • освоенность территории • транспортная инфраструктура
Рейтинг качества жизни в крупных и средних городах России	Департамент социологии Финансового университета		медицинское обслуживание • дороги • культура и образование • жилищное хозяйство • работа органов власти • миграционные настроения
Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России	Институт территориального планирования «Урбаника»		качество городской среды • стоимость жизни в городе
Happy city index	Happy City HQ		место • здоровье • образование • работа • сообщество • устойчивость • равенство • личное благополучие
City Prosperity Index	ООН-Хабитат	Наднациональная организация	производительность • развитие инфраструктуры • качество жизни • социальное равенство и инклюзия • экологическая устойчивость • управление городом и законодательство
Разработчики-исследователи			
Оценка качества жизни населения	ЦЭМИ РАН, С.А. Айвазян		качество населения • уровень материального благосостояния • качество социальной сферы
Оценка качества жизни населения	НИУ ВШЭ, Н.М. Зубаревич		доходы • неравенство • занятость • здоровье • образование • базовые услуги (обеспеченность жильем) • безопасность
Оценка качества жизни населения	ИСЭПН РАН, Л.А. Мигранова, В.В. Ульянов		материальное положение домохозяйств • жилищно-имущественная обеспеченность • доступность услуг социальной сферы (здравоохранения, образования, культуры) • доступность занятости • безопасность проживания • экологические условия
Индексная оценка качества жизни населения	ФГБУН ВолНЦ РАН, А.И. Россошанский		здоровье населения • уровень жизни • сфера труда • безопасность жизнедеятельности

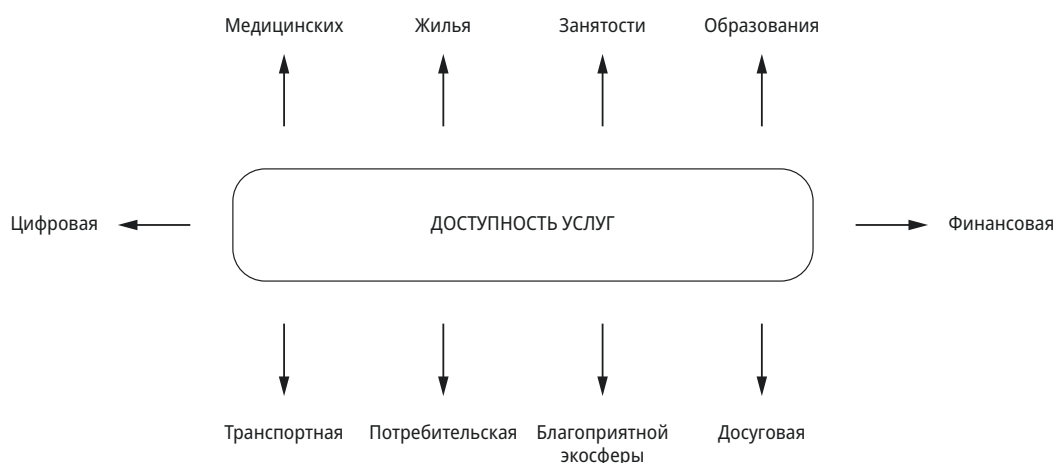

Рисунок 3.1. Виды доступности социально значимых благ и ресурсов

Источник: составлено авторами.

ному признаку исходя из основных подходов к формированию индексной оценки уровня и качества жизни. По мнению С.А. Айвазяна, не может быть единственно верного набора показателей и универсальной методики оценки¹⁵⁹. Тем не менее формирование исходных данных следует базировать на соблюдении ряда следующих принципов:

1. Представительность (релевантность), т.е. представление показателей по основным направлениям доступности.
2. Характеризуемость пространственной доступности.
3. Отсутствие корреляционных связей между показателями.
4. Наличие динамики показателей за ряд лет.

Охарактеризуем ключевые индикаторы доступности социально значимых благ по основным направлениям, а также некоторые тенденции, сложившиеся в этих сферах за ряд лет.

I. Доступность занятости

К числу индикаторов, отражающих доступность рабочих мест, следует отнести: уровень безработицы, число месяцев поиска работы безработными, уровень занятости и другие. В период с 2011 по 2016 год наблюдался достаточно стабильный рост уровня занятости населения, сменившийся падением показателя после 2016 года. К концу 2018 года достичь прежнего уровня занятости так и не удалось. В числе наиболее проблемных регионов по занятости населения отмечены Республика Адыгея и Карачаево-Черкесская Республика. Максимальный уровень занятости зафиксирован в Чукотском автономном округе (табл. 3.2).

II. Доступность медицинских услуг (здравоохранения)

Неравный доступ к медицинским услугам обусловлен региональными различиями в обеспеченности медицинскими организациями, количестве койко-мест

¹⁵⁹ Айвазян С.А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения: анализ российской траектории на стыке XX-XXI вв. (1995–2004) // Мир России. 2005. № 1. С. 62–88.

Таблица 3.2. Уровень занятости*, %

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2011, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Чукотский автономный округ	78,3	78,9	80,4	81,2	78,5	79,6	77,2	75,4	1	0,96
Магаданская область	75,9	76,4	76,8	74,4	74,3	73,5	71,5	69,7	2	0,92
г. Москва	70,8	71,6	71,8	74	73,4	75,1	66,6	67,4	3	0,95
г. Санкт-Петербург	71,4	72,8	71,3	71,9	72,2	73,5	66,5	66,6	4	0,93
Тюменская область	67,8	68,5	68	68,5	67,8	68,6	65,6	65,9	5-6	0,97
Камчатский край	69,2	68,7	69,7	69,2	71	70,2	65,8	65,9	5-6	0,95
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	64,6	65,9	64,5	65,2	63,5	64,3	56,8	56,5	59	0,87
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Рязанская область	59,1	60,6	60,1	58,9	59,2	60,2	53,6	52,8	78	0,89
Республика Тыва	52,1	46,1	46,6	48,4	49,2	52	48,7	50,8	79	0,98
Курганская область	57,7	58,7	60,3	60	60,8	59,1	51,8	50,7	80	0,88
Карачаево-Черкесская Республика	58,9	61,4	57,6	56,7	53,5	53,6	48,5	50,5	81	0,86
Республика Адыгея	56,2	56,5	58,3	55,5	55,7	55,5	49,2	49,5	82	0,88
* Приведены данные по 6 регионам с наилучшими и 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области. **Ранжировано по регионам по данным за 2018 г. Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.										

в стационарах, укомплектованности кадровыми и иными ресурсами. Период с 2010 по 2018 г. характеризуется сокращением численности врачей, увеличением заболеваемости и, как следствие, повышением нагрузки на врачебный персонал. Сокращение бюджетного финансирования системы здравоохранения и инвестиций в основной капитал на душу населения привели к росту объема платных медицинских услуг.

В качестве показателей, отражающих доступность услуг здравоохранения, возможно использовать такие, как: численность врачей на 10 000 человек населения, численность населения на одного врача, количество койко-мест в стационарах и др. Как показал анализ, в целом по РФ в период с 2011 по 2015 г. включительно отмечен значительный рост численности пациентов, приходящихся на одного врача (со 195 до 217 человек), однако в последующие годы наблюдается постепенное снижение нагрузки на врачебных специалистов (до 208 человек к 2018 г.). В рейтинге субъектов РФ минимальные показатели нагрузки отмечены в г. Санкт-Петербурге (123 человека на одного врача). В Чеченской Республике, напротив, нагрузка остается максимальной и составляет более 341 человека на врача, что выше среднероссийского уровня почти в 1,5 раза (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Численность населения на одного врача*, чел.

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2011, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
г. Санкт-Петербург	114,7	124,1	123,1	122,7	135,5	129,1	124,0	123,1	1	1,07
Чукотский автономный округ	130,7	136,9	135,5	152,7	153,9	144,0	133,7	132,4	2	1,01
Республика Северная Осетия – Алания	134,3	140,9	139,4	142,2	155,1	150,1	144,6	148,7	3	1,11
Магаданская область	179,6	176,5	167,9	166,0	163,9	163,4	161,7	156,8	4	0,87
Астраханская область	142,2	152,1	152,0	155,4	164,5	162,8	161,6	163,3	5	1,15
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	287,4	283,1	288,5	284,5	284,1	287,3	281,0	282,9	78	0,98
Владимирская область	287,7	296,7	295,1	295,8	295,6	295,3	291,0	286,4	79	1,00
Псковская область	281,4	281,0	281,7	298,0	293,0	287,5	288,0	294,5	80	1,05
Курганская область	331,1	330,5	331,4	331,4	347,3	340,8	335,3	336,4	81	1,02
Чеченская Республика	372,7	380,4	370,9	376,7	369,7	355,5	357,4	341,4	82	0,92
* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области. ** Ранжировано по регионам по данным за 2018 г. Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.										

III. Доступность потребительской активности

Регионы, характеризующиеся как низкодоходные, имеют сниженный объем совокупного потребительского спроса, обуславливающий высокий уровень межрегионального неравенства населения в отношении потребления и наличия товаров длительного пользования.

Индикаторами немонетарного неравенства в потребительской сфере могут быть следующие: число автомобилей на 10 000 человек населения, количество товаров длительного пользования (ТДП) на 1000 человек населения, обеспеченность торговыми площадями на 10 000 человек населения. Как показал анализ, обеспеченность ТДП растет практически во всех регионах. Наибольшее значение этого показателя (505 штук) зафиксировано в 2018 г. в Мурманской области (табл. 3.4).

IV. Доступность образовательных услуг

Неравенство в образовательной сфере проявляется на всех уровнях системы образования. Сохраняется проблема низкой обеспеченности детей местами в дошкольных учреждениях. Вопрос второй и третьей смен в школьном обучении актуален для всех регионов, кроме Москвы и Санкт-Петербурга. Доступ к образовательным услугам осложняется весьма заметной концентрацией учебных заведений среднего профессионального и высшего образования в крупных городах и технологически развитых субъектах РФ.

Доступность образовательных услуг может быть выражена через обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих

Таблица 3.4. Обеспеченность товарами длительного пользования*
(шт. на 1000 человек населения)

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2011, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Мурманская область	486,0	466,0	487,0	475,0	531,0	516,0	490,0	505,0	1	1,04
г. Москва	463,0	448,0	484,0	497,0	572,0	520,0	514,0	491,0	2	1,06
Брянская область	412,0	390,0	408,0	431,0	417,0	456,0	461,0	468,0	3	1,14
Сахалинская область	467,0	427,0	453,0	437,0	468,0	458,0	459,0	467,0	4	1,00
г. Санкт- Петербург	487,0	447,0	442,0	464,0	476,0	466,0	467,0	466,0	5	0,96
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	439,0	416,0	408,0	421,0	425,0	430,0	419,0	426,0	43–45	0,97
Самарская область	422,0	420,0	431,0	409,0	415,0	420,0	439,0	426,0	43–45	1,01
Камчатский край	489,0	425,0	449,0	440,0	460,0	473,0	450,0	426,0	43–45	0,87
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Чеченская Республика	283,0	270,0	359,0	378,0	407,0	371,0	347,0	376,0	78	1,33
Республика Марий Эл	400,0	385,0	351,0	377,0	398,0	397,0	398,0	365,0	79	0,91
Республика Дагестан	339,0	366,0	353,0	344,0	301,0	312,0	382,0	363,0	80	1,07
Республика Ингушетия	263,0	277,0	268,0	285,0	305,0	303,0	314,0	324,0	81	1,23
Республика Тыва	316,0	314,0	319,0	323,0	340,0	351,0	328,0	323,0	82	1,02

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области.
** Ранжировано по регионам по данным за 2018 г.
Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.

образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, численность студентов СПО и вузов на 10 000 населения и ряд других (табл. 3.5). Как показывают данные официальной статистики, за исследуемый период показатель приема на обучение претерпел значительное снижение. В целом по РФ объем приема на обучение по программам СПО и программам подготовки бакалавриата, магистратуры и специалитета за 2011–2018 гг. существенно не изменился. Максимальное число мест для приема зафиксировано в 2018 г. в г. Санкт-Петербурге (222 ед.). На третьей строчке в списке рейтинга после Томской области находится город Москва с числом мест немногим более 202 ед. на 10 000 человек населения, что характеризует достаточно высокий уровень обеспеченности федерального центра местами для обучения в высших и средних специальных учебных заведениях, если учитывать колоссальное количество проживающего там населения (свыше 12,6 млн. человек в 2018 г.).

V. Доступность жилья

Одними из основных показателей, отражающих ситуацию в сфере пространственной доступности жилья, являются: общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя; удельный вес аварийного жилищного

Таблица 3.5. Прием на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена и программам бакалавриата, специалитета, магистратуры* (мест на 10000 человек населения)

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2010, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
г. Санкт-Петербург	202,7	214,4	204,8	192,4	209,7	213,6	215,6	222,0	1	1,10
Томская область	202,3	209,5	212,1	223,4	231,2	212,3	216,1	215,1	2	1,06
г. Москва	184,4	197,5	194,9	186,7	201,5	192,2	190,6	202,3	3	1,10
Омская область	182,3	203,1	191,0	181,5	189,5	181,5	178,1	183,8	4	1,01
Орловская область	145,9	156,0	137,7	147,7	164,5	157,7	159,3	164,9	5	1,13
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	109,3	110,3	104,7	95,7	89,2	88,7	94,3	94,5	73	0,86
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Мурманская область	104,1	105,1	102,5	99,2	94,5	81,8	80,9	84,3	78	0,81
Еврейская автономная область	131,9	150,6	82,2	89,1	72,2	60,9	61,7	76,3	79	0,58
Чукотский автономный округ	39,2	39,4	39,6	59,4	59,8	60,2	60,7	72,0	80	1,84
Московская область	58,3	63,1	66,4	64,7	61,1	57,4	57,2	60,0	81	1,03
Ленинградская область	36,9	36,5	34,0	32,7	34,9	33,5	33,6	31,7	82	0,86
* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области. **Ранжировано по регионам по данным за 2018 г. Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.										

фонда в общей площади всего жилищного фонда; число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях; число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия за год и ряд других. Как показал проведенный нами анализ, в целом по РФ за период с 2011 по 2018 г. отмечено незначительное изменение прироста удельного веса семей, получивших жилые помещения. При этом, в 2018 году наиболее быстрые темпы процесса выделения жилья отмечены в Хабаровском крае (табл. 3.6).

VI. Доступность культурно-досуговой активности

Высокий уровень дифференциации материального благосостояния граждан и обеспеченности регионов культурно-досуговыми центрами приводят к досуговому неравенству. Когда в посткризисный период, в 2014–2015 гг., произошло смещение вектора туристских услуг с зарубежных поездок в пользу расширения внутрироссийского туризма, значительная часть объектов для спорта и отдыха оказалась сосредоточена в крупных регионах, что не способствовало снижению дифференциации в досуговом поведении.

Индикаторами доступности культурно-досуговой активности могут являться: количество посещений театров и музеев на 1000 человек населения; численность

**Таблица 3.6. Прирост удельного веса числа семей,
получивших жилые помещения*, %**

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2011, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Хабаровский край	0,918	1,017	0,938	1,008	0,943	1,040	1,000	1,257	1	1,37
Республика Бурятия	0,888	0,997	0,954	1,030	0,940	0,979	0,946	1,115	2	1,26
Астраханская область	0,939	0,998	0,929	0,992	0,957	0,947	0,963	1,096	3	1,17
Республика Ингушетия	2,135	0,743	0,503	2,907	0,858	1,242	0,519	1,065	4	0,50
Карачаево-Черкесская Республика	0,863	0,928	1,005	0,936	1,042	1,014	1,081	1,062	5	1,23
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	0,951	0,975	0,934	0,958	0,926	0,981	1,077	0,967	45	1,02
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Республика Алтай	0,980	1,003	1,159	1,016	0,983	0,965	1,102	0,846	78	0,86
Забайкальский край	1,056	0,925	1,095	1,088	0,994	0,838	0,935	0,842	79	0,80
Чукотский автономный округ	0,909	1,006	0,966	0,930	0,940	0,912	0,928	0,800	80	0,88
Удмуртская Республика	1,178	0,969	1,172	1,161	0,729	1,088	1,027	0,788	81	0,67
Республика Тыва	1,036	1,043	0,889	1,001	0,776	1,604	0,966	0,781	82	0,75
* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области. **Ранжировано по регионам по данным за 2018 г. Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.										

населения на 1 спортивный объект; число спортивных объектов на 10 000 человек населения и др. Анализируемый период характеризовался в целом по РФ ростом числа спортивных сооружений и снижением в связи с этим нагрузки на один спортивный объект. Минимальная нагрузка отмечена в Чукотском автономном округе (почти 903 человека), максимальная – в г. Севастополе, где на один объект приходилось более 3853 человек, что выше среднероссийского уровня почти в 2 раза (табл. 3.7).

VII. Доступность информационных (цифровых) услуг

Информационное (цифровое) неравенство характеризуется доступностью цифровых технологий, в т.ч. и в обеспеченности цифровыми услугами. Отдаленность территорий от центра усугубляет проблему цифрового разрыва. Индикаторами цифровой доступности могут служить число активных абонентов фиксированного (табл. 3.8), а также мобильного доступа к сети, количество мобильных телефонов, частота доступа в сеть и иные показатели.

За период 2011–2018 гг. число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети на 100 человек населения выросло в стране с 12,2 до 21,7 единицы (или в 1,8 раза). Лидером рейтинга по числу абонентов в 2018 г. стали

Таблица 3.7. Численность населения на 1 спортивный объект*, человек

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2010, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Чукотский автономный округ	879,3	996,1	901,8	935,2	965,4	939,6	914,8	903,6	1	1,03
Смоленская область	991,4	1021,2	1044,1	1055,6	1037,4	1037,2	1044,3	1028,8	2	1,04
Курганская область	1198,3	1205,0	1188,5	1175,4	1158,5	1148,0	1130,3	1115,9	3	0,93
Республика Саха (Якутия)	1230,1	1197,5	1175,9	1164,1	1150,7	1139,4	1145,4	1131,0	4	0,92
Магаданская область	1287,5	1258,7	1192,9	1184,8	1171,2	1244,4	1253,0	1227,8	5	0,95
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	1802,3	1812,4	1810,9	1801,8	1832,9	1852,7	1780,2	1868,3	52	1,04
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Республика Ингушетия	4679,3	3879,8	4008,8	3833,9	3782,4	3507,3	3148,4	3032,9	78	0,65
Московская область	3633,9	3482,3	3444,5	3407,7	3316,1	3302,3	3258,1	3301,3	79	0,91
г. Москва	3958,0	3449,3	3399,3	3398,6	3408,9	3388,3	3394,8	3370,4	80	0,85
Республика Дагестан	3667,7	3592,7	3583,9	3522,3	3474,3	3372,4	3378,1	3383,9	81	0,92
г. Севастополь	Н.д.	Н.д.	Н.д.	1483,3	1588,9	2395,5	2599,4	3853,9	82	2,60

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области.
** Ранжировано по регионам по данным за 2018 г.
Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.

Таблица 3.8. Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет* (на 100 человек населения)

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2010, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Новосибирская область	20,1	25,9	28,2	29,3	30,9	32,4	34,7	36,4	1	1,81
г. Москва	23,4	24,6	31,4	32,9	30,4	30,0	33,1	36,0	2	1,54
Республика Карелия	21,6	23,9	25,6	27,5	28,9	29,8	30,9	31,7	3	1,47
г. Санкт-Петербург	19,4	21,9	26,9	27,4	28,8	29,3	31,9	29,3	4	1,51
Мурманская область	15,3	17,2	18,4	19,5	23,4	25,9	28,3	28,7	5	1,88
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	13,8	16,2	17,7	18,9	20,0	20,2	22,5	22,6	23	1,64
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
г. Севастополь				2,8	4,2	6,6	7,1	6,6	78	2,36
Республика Тыва	1,2	1,4	1,8	2,2	2,4	3,4	4,4	4,9	79	4,08
Чеченская Республика	0,1	0,1	0,1	2,2	1,0	3,0	4,0	4,3	80	43,00
Республика Дагестан	0,5	0,9	1,6	1,9	2,3	2,6	2,4	2,5	81	5,00
Республика Ингушетия	0,5	0,6	0,6	0,3	0,3	0,9	1,0	1,2	82	2,40

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области.
** Ранжировано по регионам по данным за 2018 г.
Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.

Новосибирская область и г. Москва (36,4 и 36,0 ед. соответственно). Чрезвычайно низкие значения обеспеченности фиксированным доступом в сеть зафиксированы в Республике Ингушетия (1,2 ед.).

VIII. Доступность финансовых услуг

Анализируемый период характеризовался существенным снижением (почти в 3 раза) количества кредитных организаций и их филиалов в регионах, что во многом объясняется политикой Центрального банка в отношении финансового рынка, а также сокращением филиальной сети банков в связи с оптимизацией расходов. Неоднозначные тенденции в исследуемый период отмечены по показателю «количество банкоматов на 10 000 человек населения». Так, с 2011 по 2013 г. зафиксирован рост банкоматной сети, однако в следующие годы число устройств постепенно сокращается. В группу лидеров по обеспеченности банкоматами в 2018 г. вошли Красноярский край, г. Москва и Калининградская область (табл. 3.9). Республики Северного Кавказа по данному индикатору находятся на нижних строчках рейтинга.

IX. Доступность транспортных услуг

В числе индикаторов, характеризующих транспортную доступность, традиционно используются такие, как: число автобусов; плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием; удельный вес автомобильных дорог с

Таблица 3.9. Количество банкоматов* (на 10000 человек населения)

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2010, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Красноярский край	17	20	23	23	23	22	24	24	1	1,43
г. Москва	27	30	28	27	25	26	24	21	2	0,79
Калининградская область	23	26	28	20	20	20	20	20	3	0,89
г. Санкт-Петербург	18	23	23	25	24	23	22	20	4	1,11
г. Севастополь				8	11	13	25	19	5	2,27
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	14	20	22	16	15	14	13	14	29	0,99
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Республика Северная Осетия – Алания	3	4	10	6	6	7	7	7	78	2,18
Кабардино-Балкарская Республика	3	4	7	8	7	7	7	6	79	1,83
Республика Ингушетия	2	4	3	4	4	4	3	4	80	2,28
Чеченская Республика	1	1	2	3	3	3	3	4	81	3,24
Республика Дагестан	4	3	2	2	2	2	2	2	82	0,62

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области.

** Ранжировано по регионам по данным за 2018 г.

Источник: Рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.

Таблица 3.10. Число эксплуатационных автобусов общего пользования*
(на 100 000 чел. населения)

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2010, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Республика Адыгея	144	136	124	353	354	344	342	345	1	2,41
Республика Северная Осетия – Алания	188	181	168	202	189	187	295	295	2	1,57
Республика Бурятия	155	151	174	206	280	280	261	256	3	1,64
Омская область	96	94	96	215	223	235	208	201	4	2,09
Тульская область	172	168	188	188	185	190	198	194	5	1,13
...	...	...	...	...		...	...	...	...	...
Вологодская область	100	105	103	89	79	73	150	107	46	1,08
...	...	...	...	...		...	...	...	...	...
Ленинградская область	71	71	84	87	91	68	75	69	78	0,97
Владимирская область	101	96	83	68	74	68	66	67	79	0,67
Республика Татарстан	103	102	68	78	72	73	67	62	80	0,60
Республика Алтай	38	33	32	67	55	56	49	50	81	1,30
Республика Ингушетия	45	44	53	40	58	51	45	41	82	0,91
* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и по 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области. ** Ранжировано по регионам по данным за 2018 г. Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.										

усовершенствованным покрытием в протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования и т.д. Как свидетельствует анализ, показатель обеспеченности автобусами общего пользования резко дифференцирован по регионам. Если среднероссийский уровень данного показателя в 2018 г. составлял 114 единиц на 100000 человек населения, то в Республике Ингушетия – только 41 единица автобусного парка (табл. 3.10). Лидером по числу автобусов определена Республика Адыгея (345 ед.).

Х. Доступность благоприятной экосферы

Доступность благоприятной экосферы возможно оценивать с помощью показателей, характеризующих состояние окружающей среды, количества отходов и (не)санкционированных свалок на территории региона, числа территорий природоохранной зоны и т.д. По данным за 2011–2018 гг. удельный вес населения страны, обеспеченного питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, постепенно увеличивается (с 88 до 91%). В число бесспорных регионов-лидеров,

Таблица 3.11. Доля населения, обеспеченного питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности (в общей численности населения)*, %

Регион	Год								Ранг**	2018 к 2010, раз
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
г. Москва	100	100	100	100	100	100	100	100	1-3	1,00
г. Санкт-Петербург	100	100	100	100	100	100	100	100	1-3	1,00
Республика Северная Осетия – Алания	99,95	99,95	100	100	99,88	100	100	100	1-3	1,00
Мурманская область	99,89	99,89	99,88	99,88	99,88	99,88	99,88	99,90	4	1,00
Кемеровская область	99,79	99,79	99,79	99,78	99,78	99,78	99,78	99,78	5	1,00
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Курганская область	61,5	64,4	65,4	68,2	62,2	68,3	69,3	69,4	78	1,13
Новгородская область	84,9	85,3	85,3	85,7	85,8	86,1	86,1	69,1	79	0,81
Костромская область	66,4	66,4	66,5	66,6	66,7	66,7	66,7	66,8	80	1,01
Республика Дагестан	88,4	97,9	83,3	80,0	85,5	83,6	84,8	65,2	81	0,74
Вологодская область	30,5	35,7	35,1	38,1	38,5	42,9	45,0	45,6	82	1,49
* Приведены данные по 6 регионам с наилучшими и 5-ти наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области.										
** Ранжировано по регионам по данным за 2018 г.										
Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.										

обеспечивших население качественной водой в соответствии с нормативами, вошли города федерального значения и Республика Северная Осетия – Алания. Вологодская область в 2018 г. имела наихудший показатель среди всех субъектов РФ: лишь каждый второй её житель обеспечен водой, отвечающей требованиям санитарно-гигиенической безопасности (табл. 3.11).

Этап 2. Нормирование шкал в измерении частных индикаторов немонетарного неравенства.

Процедура объединения частных критериев в общий интегральный показатель связана с выбором метода нормирования (шкалирования) и агрегирования. Наиболее простым и широко применяемым является рейтинговый метод (порядковое шкалирование). Основной его недостаток – искажение в частных рейтингах вследствие чрезмерной дифференциации регионов средней группы со схожими значениями показателей и недооценки поляризации крайних значений. Более того, данный метод не позволяет содержательно оценить изменения в регионе, но позволяет оценить только перемещение регионов относительно друг друга. В рамках данной работы используем метод линейного масштабирования, основанный на определении референтных точек (максимальных и минимальных значений индикаторов). Расчет производится по формуле (3.1), если показатель связан с интегральным индексом доступности социально значимых благ и ресурсов возрастающей зависимостью (иными словами, связь положительная), и по формуле (3.2), если эта зависимость отрицательная.

$$I_d = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (3.1)$$

$$I_d = 1 - \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (3.2)$$

где I_d – значение частного индекса доступности социально значимых благ и ресурсов,
 X_i – расчетный показатель,
 $X_{\min}$ и $X_{\max}$ – референтные точки.

Основным преимуществом метода линейного масштабирования является возможность наиболее полного учета различий по отдельным индикаторам. Проблемой в применении данного метода остается выбор референтных точек. Зачастую выявить пороговые уровни возможно только по данным экспертных оценок. В целях максимально возможного снижения субъективности в расчетах в качестве референтных точек используем максимальные и минимальные значения по отдельным индикаторам доступности.

Этап 3. Проверка отсутствия дублирования информации.

В целях недопущения дублирования информации проведен анализ мультиколлинеарности. Значительное число итераций позволило определить ряд индикаторов, характеризующихся минимальной корреляционной связью. Значения парных коэффициентов корреляции по наиболее значимым индикаторам представлены в таблице 3.12.

Таким образом, для оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов было отобрано по одному показателю для каждого из десяти направлений немонетарного неравенства. Использование небольшого количества показателей позволило получить содержательно интерпретируемые результаты.

Таблица 3.12. Корреляционная матрица

	I_1	I_2	I_3	I_4	I_5	I_6	I_7	I_8	I_9	I_{10}
I_1	1									
I_2	0,022	1								
I_3	-0,185	0,437	1							
I_4	0,089	-0,264	-0,611	1						
I_5	0,229	0,611	-0,172	0,229	1					
I_6	0,166	0,592	-0,455	0,313	0,734	1				
I_7	0,248	0,550	0,039	-0,249	0,301	0,450	1			
I_8	0,459	0,083	-0,693	0,149	0,319	0,686	0,593	1		
I_9	0,491	0,346	0,062	0,415	0,641	0,335	-0,017	0,019	1	
I_{10}	0,542	-0,596	-0,453	0,166	0,022	-0,160	-0,297	0,292	0,299	1

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3.13. Индикаторы оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов

Направление доступности	Показатель	Условное обозначение	Референтные точки	
			min	max
Доступность занятости	Уровень занятости, %	I_1	35,2	81,2
Доступность медицинских услуг	Численность населения на одного врача, чел.	I_2	114,7	380,4
Доступность потребительской (имущественной) активности	Обеспеченность товарами длительного пользования (шт. на 1 000 человек населения)	I_3	263,0	572,0
Доступность образовательных услуг	Прием на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена и программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на 10000 человек населения)	I_4	31,7	231,2
Доступность жилья	Прирост удельного веса числа семей, получивших жилые помещения, %	I_5	0,1	16,0
Доступность культурно-досуговой активности	Численность населения на 1 спортивный объект	I_6	849,5	4679,3
Доступность информационных (цифровых) услуг	Число мобильных телефонов, приходящихся на 10 000 человек населения	I_7	0,1	36,4
Финансовая доступность	Количество банкоматов (на 10 000 человек населения)	I_8	1,1	29,5
Транспортная доступность	Число эксплуатационных автобусов общего пользования (на 100 000 человек населения)	I_9	24,1	354,2
Доступность благоприятной экосферы	Доля проб воды с превышением нормативов по санитарно-химическим показателям, %	I_{10}	0	100
Источник: расчеты авторов.				

В таблице 3.13 представлены итоговые показатели с соответствующими им частными индексами, а также их референтные значения.

Этап 4. Расчет интегрального индекса.

Отсутствие дополнительных весовых коэффициентов в предлагаемой методике является преднамеренным и преследует цель наделения каждого отдельного критерия доступности равной значимостью. Поэтому для расчета интегрального индекса целесообразнее использовать среднеарифметическое значение частных индикаторов. В этой связи формула расчета интегрального индекса доступности (ИД) будет иметь следующий вид (3.3):

$$\text{ИПД} = \frac{1}{10} \sum_{d=1}^{10} I_d, \quad (3.3)$$

где I_d – значение частного индекса пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов.

Изучение теоретико-методологических основ построения интегральных индексов дает возможность отметить, что данный способ агрегирования переменных широко применяется (в зарубежных исследованиях в том числе), а предлагаемые частные показатели соответствуют требованиям, предъявляемым к подобного рода расчетам, что подчеркивает научную актуальность и практическую значимость представленной модели индексной оценки доступности по пространственному признаку.

Разработанная методика индексной оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов позволила провести типологию регионов и сопоставить полученные значения. Рейтинговый список 10 регионов-лидеров и 10 регионов-аутсайдеров приведен в таблице 3.14.

Таблица 3.14. Индекс доступности социально значимых благ и ресурсов в российских регионах, 2011–2018 гг.*

Регион	Год								2018 к 2011, раз	Ранг	
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		2011	2018
г. Санкт-Петербург	0,576	0,573	0,582	0,562	0,565	0,565	0,546	0,620	1,08	2	1
Республика Северная Осетия – Алания	0,527	0,535	0,544	0,548	0,551	0,536	0,563	0,573	1,09	19	2
г. Москва	0,565	0,589	0,579	0,579	0,605	0,592	0,560	0,568	1,01	5	3
Красноярский край	0,578	0,558	0,562	0,583	0,571	0,566	0,547	0,561	0,97	1	4
Республика Саха (Якутия)	0,556	0,582	0,601	0,601	0,599	0,549	0,545	0,557	1,00	7	5
Томская область	0,512	0,496	0,528	0,562	0,562	0,570	0,540	0,551	1,07	27	6
Омская область	0,517	0,538	0,541	0,585	0,581	0,555	0,539	0,550	1,06	23	7
Мурманская область	0,536	0,506	0,536	0,543	0,567	0,552	0,528	0,548	1,02	16	8
Хабаровский край	0,558	0,565	0,580	0,564	0,559	0,550	0,544	0,546	0,98	6	9
Магаданская область	0,570	0,542	0,566	0,556	0,579	0,554	0,518	0,545	0,96	3	10
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	0,468	0,493	0,484	0,465	0,462	0,454	0,462	0,444	-0,02	56	70
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Костромская область	0,465	0,464	0,469	0,465	0,471	0,479	0,457	0,444	0,95	59	72
г. Севастополь	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,502	0,573	0,505	0,443	0,88**	80	73
Кемеровская область	0,499	0,467	0,465	0,462	0,449	0,446	0,430	0,440	0,88	38	74
Московская область	0,454	0,442	0,450	0,432	0,449	0,434	0,420	0,428	0,94	65	75
Владимирская область	0,441	0,435	0,435	0,428	0,434	0,424	0,405	0,417	0,95	69	76
Еврейская автономная область	0,497	0,489	0,465	0,473	0,462	0,407	0,404	0,412	0,83	41	77
Республика Дагестан	0,362	0,382	0,357	0,359	0,361	0,365	0,388	0,402	1,11	77	78
Курганская область	0,422	0,424	0,423	0,411	0,403	0,393	0,392	0,401	0,95	74	79
Республика Крым	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,435	0,413	0,422	0,399	0,92**	80	80
Чеченская Республика	0,266	0,282	0,345	0,363	0,369	0,406	0,363	0,396	1,49	79	81
Ленинградская область	0,359	0,375	0,365	0,371	0,392	0,399	0,395	0,384	1,07	78	82

* Приведены данные по 10 регионам с наилучшими и 10-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области.

** Изменение индекса и ранг приведены по состоянию на 2015 г.

Источник: рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М., 2019. 1204 с.

Как показывают полученные результаты, максимальное значение индекса зафиксировано в 2011 и 2018 гг. городе Санкт-Петербурге, передававшем «эстафету» лидерства федеральному центру в некоторые годы исследуемого периода. Республики Северного Кавказа располагаются в конце списка. Так, занимающая последнее место Республика Дагестан, имела в 2018 г значение интегрального индекса пространственной доступности на отметке 0,284, что примерно в 2,3 раза ниже, чем у региона-лидера, и почти в 2 раза ниже среднероссийского уровня.

Исходя из полученных значений индекса пространственной доступности, представим распределение регионов по группам по состоянию на 2018 г. (табл. 3.15).

На уровне страны основными дестабилизирующими факторами в представленной совокупности частных индикаторов доступности являются доступность жилья и транспортная доступность: в 2018 г. значения показателей составили 0,030 и 0,272 соответственно (рис. 3.2). Индикатор доступности благоприятной экосферы составил максимальное значение из всего перечня исследуемых направлений (0,831). Наибольшие положительные изменения за анализируемый период отмечены по доступности цифровых (информационных) услуг. Доступность занятости

Таблица 3.15. Группы российских регионов по уровню доступности социально значимых благ и ресурсов

Группа регионов	Регионы
Высокий – уровень доступности выше среднероссийского	(33 региона) Воронежская область, Курская область, Орловская область, Смоленская область, г. Москва, Мурманская область, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Астраханская область, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Нижегородская область, Оренбургская область, Тюменская область, Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ.
Средний – уровень выше медианы, но ниже среднероссийского	(8 регионов) Белгородская область, Калужская область, Калининградская область, Волгоградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Самарская область, Челябинская область, Приморский край.
Низкий – уровень выше 75% от среднероссийского, но не более медианы	(41 регион) Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Костромская область, Липецкая область, Московская область, Рязанская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область, г. Севастополь, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Пермский край, Кировская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Свердловская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Кемеровская область, Еврейская автономная область.
Критический – уровень ниже 75% от среднероссийского	–

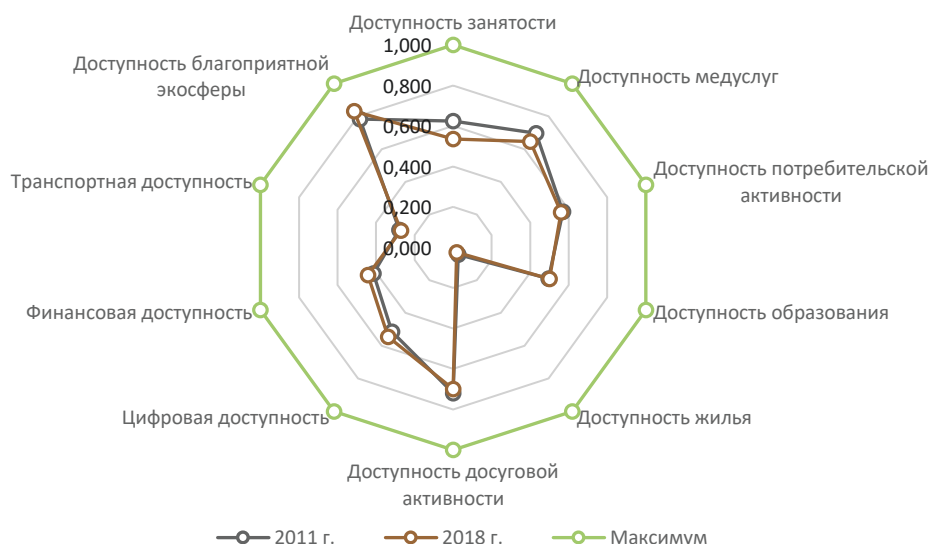

Рисунок 3.2. Вклад отдельных показателей в интегральный индекс доступности социально значимых благ и ресурсов на уровне РФ, 2011 и 2018 гг.

Рисунок 3.3. Вклад отдельных показателей в интегральный индекс доступности социально значимых благ и ресурсов в г. Санкт-Петербурге, 2011 и 2018 гг.

в среднероссийском масштабе подверглась самому значительному снижению к концу анализируемого периода (падение составило около 0,1 пункта).

Как было указано выше, первое место в рассчитанном рейтинге доступности социально значимых благ и ресурсов занимает Санкт-Петербург (рис. 3.3). Город федерального значения сохраняет за собой лидерство с 2011 г., значительно улучшив показатели доступности образования, жилья, финансовых услуг и доступ-

ности культурно-досуговой активности за исследуемый период. Существенному снижению в периоде с 2011 по 2018 г. подверглись частные индикаторы доступности занятости (на 0,104), транспортной доступности (0,094), а также доступности потребительской (имущественной) активности (0,068).

Замыкает рейтинг регионов по индексу доступности благ в 2018 г. Ленинградская область (рис. 3.4). По сравнению с началом исследуемого периода данный субъект снизил свои позиции с 78 места до последнего (82 места), несмотря на некоторое повышение числового значения индекса доступности – на 0,025 пункта. Несмотря на то, что в области удалось достичь роста многих частных индикаторов, существенному снижению подверглись такие направления доступности, как: доступность занятости (почти на 0,2 пункта), образования (на 0,1) и транспортная доступность (на 0,01).

Следующим субъектом, имеющим значения интегрального индекса доступности немного выше, чем у Ленинградской области, является Чеченская Республика. Хотя она находится на 81 месте в списке, ей удалось существенно увеличить общее значение индекса пространственной доступности за анализируемый период – почти в 1,5 раза. Основное позитивное изменение в республике коснулось доступности занятости, цифровой (информационной) и потребительской доступности: увеличение индекса доступности составило порядка 0,3 пункта по каждому из направлений.

Как показали результаты исследования, положение Вологодской области в рейтинге по индексу пространственной доступности благ и ресурсов за период с 2011 по 2018 г. резко ухудшилось (рис. 3.5): она переместилась с 56 места на 70-е. Снижение интегрального индекса составило 0,024 пункта. Среди десяти рассматриваемых направлений немонетарного неравенства значительное сокращение

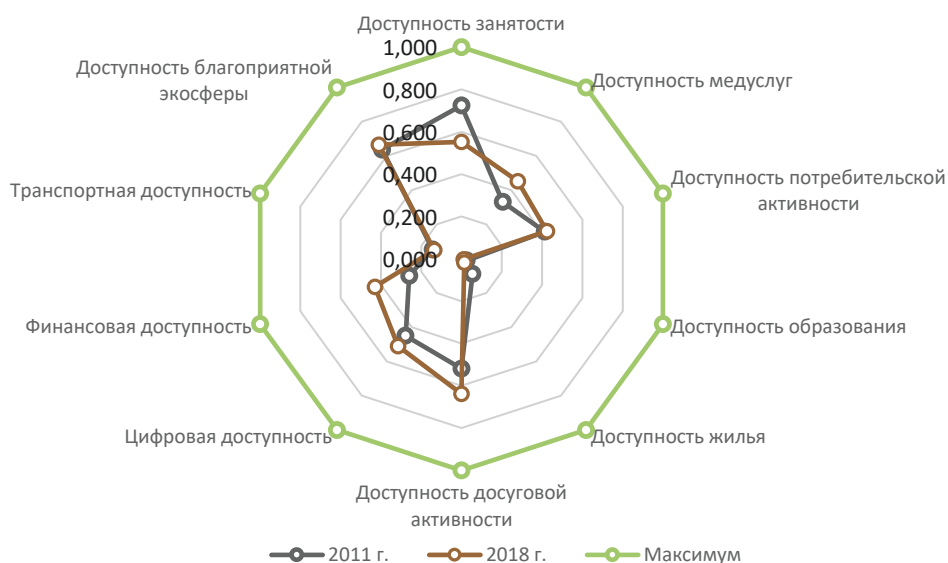

Рисунок 3.4. Вклад отдельных показателей в интегральный индекс доступности социально значимых благ и ресурсов в Ленинградской области, 2011 и 2018 гг.

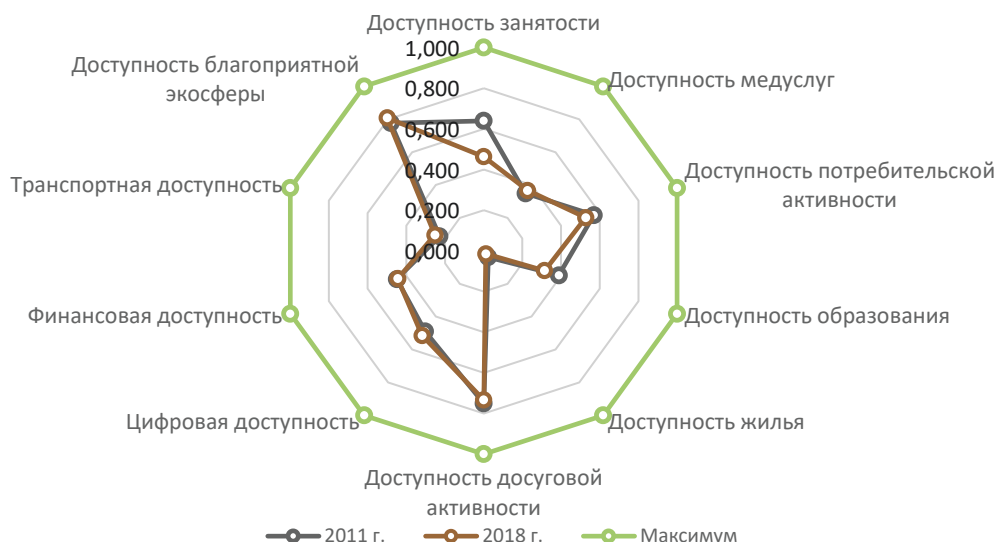

Рисунок 3.5. Вклад отдельных показателей в интегральный индекс доступности социально значимых благ и ресурсов в Вологодской области, 2011 и 2018 гг.

частных индикаторов отмечено по шести из них: это сфера доступности образовательных услуг (уменьшение частного индекса на 0,074); потребительская (имущественная) активность (0,042); сфера доступности жилья (0,021); досуговая деятельность (0,017); цифровая (0,025) и финансовая (0,005) доступность. Максимальное снижение частного индикатора зафиксировано по доступности занятости (на 0,176 пункта). Интересно, что подобное колоссальное уменьшение доступности в сфере труда и занятости отмечено кроме Вологодской области еще в пяти российских субъектах. Так, максимально снизился частный индекс в сфере занятости (на 0,202 пункта) в Архангельской области. В Республике Мордовия, Костромской и Новгородской областях, а также в Карачаево-Черкесской Республике снижение составило от 0,178 до 0,196 пункта.

За исследуемый период в Вологодской области достигнута значительная положительная динамика в сфере доступности благоприятной экосферы. Частный индекс доступности благоприятной экосферы составил 0,808 пункта, увеличившись почти на 0,031 пункта по сравнению с начальным периодом изучения рассматриваемой проблематики. Незначительная, но положительная динамика отмечена в Вологодской области по частным индикаторам транспортной доступности и доступности медицинских услуг. Как видно из представленных данных, лучшие значения частных индикаторов расположены преимущественно в первой группе регионов, обладающих высоким показателем доступности, т.е. выше среднероссийского уровня.

Результаты расчета индекса пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов за период 2011–2018 гг. показали, что уровень и динамика индекса свидетельствуют о значительной дифференциации немонетарного неравенства по пространственному признаку среди российских регионов. Для

отдельно взятого субъекта в рамках изучаемых направлений выявлено наличие ряда специфических проблем, которые отражаются на величине частных индикаторов и, как следствие, общем уровне интегрального индекса. Изучению факторов, определяющих изменение интегрального индекса доступности социально значимых благ и ресурсов, посвящен следующий раздел настоящего исследования.

3.2. Факторы формирования немонетарного неравенства в контексте пространственной доступности благ

Значительным достоинством разработанной методики является возможность применения полученных индексов в целях анализа факторов, оказывающих воздействие на доступность социально значимых благ и ресурсов. Для подтверждения обоснованности выбора влияющих факторов нами построена модель множественной регрессии, в которой в качестве результирующей переменной Y выступил индекс пространственной доступности. Независимые переменные были выбраны среди перечня показателей, характеризующих социально-экономическое развитие российских регионов (табл. 3.16). При построении экономико-математической модели использованы данные для 82 субъектов за период с 2011 по 2017 г.

Таблица 3.16. Независимые переменные

Код	Показатель
X_1	Валовой региональный продукт на душу населения, руб.
X_2	Фактическое конечное потребление на душу населения, млн. руб.
X_3	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, %
X_4	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.
X_5	Сальдо прямых иностранных инвестиций, долл. США
X_6	Доходы консолидированных бюджетов, млн. руб.
X_7	Расходы консолидированных бюджетов, млн. руб.
X_8	Оборот организаций, млрд руб.
X_9	Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млн. руб.
X_{10}	Удельный вес убыточных организаций, %
X_{11}	Кредиторская задолженность организаций, млн. руб.
X_{12}	Дебиторская задолженность организаций, млн. руб.
X_{13}	Число действующих строительных организаций, ед.
X_{14}	Число малых предприятий на 10 000 человек населения
X_{15}	Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство», млн. руб.
X_{16}	Ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения, число зданий
X_{17}	Ввод в действие мощностей общеобразовательных организаций
X_{18}	Ввод в действие мощностей дошкольных образовательных организаций
X_{19}	Ввод в действие мощностей амбулаторно-поликлинических организаций
X_{20}	Стоимость основных фондов, млн. руб.

X ₂₁	Степень износа основных фондов, %
X ₂₂	Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн. руб.
X ₂₃	Приобретение оборудования на научные исследования, млн. руб.
X ₂₄	Капитальные затраты на научные исследования и разработки, млн. руб.
X ₂₅	Затраты на технологические инновации, млн. руб.
X ₂₆	Затраты на технологические инновации, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг
X ₂₇	Коэффициент естественного прироста населения на 1000 человек населения
X ₂₈	Коэффициент демографической нагрузки, %
X ₂₉	Коэффициент миграционного прироста на 10000 человек населения
X ₃₀	Индекс потребительских цен, %
X ₃₁	Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году

В работе рассматривалась линейная по параметрам и по переменным множественная регрессионная модель:

$$Y=b_0+b_1x_1+b_2x_2+...+b_kx_k+\varepsilon, \quad (3.4)$$

где $b_0, b_1, \dots, b_k$ – неизвестные параметры модели;

ε – случайная ошибка модели.

Важно отметить, что отобранные данные по независимым переменным не подвергались нормировке. В связи с этим, коэффициенты, полученные в результате использования данного типа моделей, достаточно легко поддаются экономической интерпретации.

Первичный отбор переменных, вошедших в модель, произведен при помощи матрицы парных коэффициентов корреляции. По итогам проведенной работы выделено 11 факторов, имеющих значимые связи с результирующей переменной:

X₁ – валовой региональный продукт на душу населения;

X₃ – индекс физического объема инвестиций в основной капитал;

X₇ – расходы консолидированных бюджетов;

X₁₀ – удельный вес убыточных организаций;

X₁₃ – число действующих строительных организаций;

X₁₅ – объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство»;

X₁₆ – ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения;

X₂₂ – внутренние затраты на научные исследования и разработки;

X₂₄ – капитальные затраты на научные исследования и разработки;

X₂₆ – затраты на технологические инновации;

X₂₇ – коэффициент естественного прироста населения на 1000 человек населения;

X₂₈ – коэффициент демографической нагрузки.

Как показал анализ матрицы парных коэффициентов корреляции (табл. 3.17), между отобранными переменными присутствует явление мультиколлинеарности. В целях устранения дублирования информации следует произвести отбор наиболее информативных переменных-факторов.

Отбор переменных, вошедших в итоговую модель, проведен с помощью метода пошаговой регрессии. Критериями выбора наилучшей регрессионной модели послужили значимость модели по критерию Фишера и максимальность значений скорректированного коэффициента детерминации. Коэффициент детерминации показывает (R^2) качество подгонки регрессионной модели к наблюдаемым значениям зависимой переменной.

Таблица 3.17. Корреляционная матрица

	X_1	X_3	X_7	X_{10}	X_{13}	X_{15}	X_{16}	X_{22}	X_{24}	X_{26}	X_{27}	X_{28}
X_1	1											
X_3	-0,491	1										
X_7	0,983	-0,431	1									
X_{10}	0,404	-0,618	0,444	1								
X_{13}	0,931	-0,203	0,915	0,172	1							
X_{15}	0,991	-0,527	0,959	0,346	0,906	1						
X_{16}	0,655	-0,887	0,646	0,774	0,415	0,635	1					
X_{22}	0,992	-0,555	0,983	0,473	0,893	0,979	0,733	1				
X_{24}	0,974	-0,451	0,933	0,242	0,958	0,974	0,580	0,952	1			
X_{26}	0,195	-0,675	0,230	0,249	-0,003	0,230	0,560	0,266	0,185	1		
X_{27}	-0,001	-0,744	-0,008	0,221	-0,246	0,052	0,561	0,086	-0,005	0,911	1	
X_{28}	0,998	-0,497	0,981	0,402	0,937	0,986	0,670	0,993	0,979	0,213	0,018	1

Источник: расчеты авторов.

Значение коэффициента детерминации, близкое к единице, свидетельствует о более точной подгонке, т.е. все точки наблюдения удовлетворяют уравнению регрессии. Однако использование простого коэффициента детерминации в качестве критерия нескольких моделей имеет существенный недостаток, связанный с тем, что при добавлении в модель каждой последующей независимой переменной (регрессора) значение коэффициента возрастает. В этой связи более оправданным является использование скорректированного коэффициента детерминации, позволяющего провести сравнение регрессий с различным количеством независимых переменных.

В результате проведенного исследования получена модель со следующим набором независимых переменных:

X_3 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал, %;

X_{26} – затраты на технологические инновации, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг;

X_{28} – коэффициент демографической нагрузки, %.

Отобранные показатели имеют значимые связи с результирующей переменной Y (табл. 3.18).

Анализ значимых коэффициентов корреляции факторов с зависимой переменной позволил сделать следующие выводы:

1. Существует выраженная прямая зависимость между индексом доступности и индексом физического объема инвестиций в основной капитал и затратами на технологические инновации. Коэффициент корреляции с индексом доступности составил значения на уровне 0,535 и 0,619 соответственно.

2. Менее выраженная обратная зависимость наблюдается между индексом доступности и коэффициентом демографической нагрузки ($r = -0,405$).

Экономико-математическая модель доступности социально значимых благ и ресурсов по пространственному признаку представлена следующим образом:

$$y = 0,510 - 0,0008x_3 + 0,0019x_{26} - 0,0001x_{28}, \quad (3.5)$$

где X_3 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал;

X_{26} – затраты на технологические инновации, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг;

X_{28} – коэффициент демографической нагрузки.

Хорошее качество модели подтверждается наличием статистически значимых связей по критерию Фишера (F-statistic меньше 0,5). Скорректированный ко-

Таблица 3.18. Матрица парных коэффициентов корреляции

	Y	X_{10}	X_{15}	X_{26}
Y	1			
X_3	0,535	1		
X_{26}	0,619	-0,675	1	
X_{28}	-0,405	-0,497	0,213	1

эффицент детерминации ($R^2_{adj}=0,86$; $R^2=0,93$) имеет наибольшее значение по сравнению с другими моделями пошаговой регрессии.

В результате анализа коэффициентов уравнения линейной регрессии установлено, что увеличение индекса физического объема инвестиций в основной капитал (переменная X_3), а также коэффициента демографической нагрузки (X_{28}) оказывает наибольшее положительное влияние на доступность социально значимых благ и ресурсов по пространственному признаку. Обратная зависимость наблюдается между показателем интегрального индекса доступности и уровнем затрат на технологические инновации (X_{26}).

Выявленные факторы имеют особую практическую значимость: грамотное управление и воздействие на точки роста (отобранные переменные) позволит добиться повышения доступности социально значимых благ и ресурсов в российских регионах. Указанные переменные, вошедшие в экономико-математическую модель и имеющие статистически значимые связи с результирующей переменной, можно разделить на несколько ключевых факторов, условно названных: экономический фактор (ВРП, расходы консолидированных бюджетов, удельный вес убыточных организаций, объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство», ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения, а также затраты на технологические инновации); фактор научно-исследовательских разработок (внутренние и капитальные затраты на научные исследования и разработки); демографический фактор (коэффициент естественного прироста населения на 1000 человек населения, коэффициент демографической нагрузки). Подобное условное деление влияющих факторов даст возможность конкретизировать направления социально-экономической политики в сфере немонетарного неравенства в целях повышения доступности благ.

Таким образом:

1. Немонетарное неравенство – феномен социетального порядка. Оно пронизывает практически все сферы жизнедеятельности человека: экономику, социальные отношения, культуру, политику и т.д., влияет на качество и уровень жизни индивидов и домохозяйств. Немонетарное неравенство – многокомпонентное явление, проявляющееся в разнообразии видов и составляющих его элементов.

2. Признаками немонетарного неравенства выступают: многомерность явления (использование различных подходов в оценке позволяет измерить компоненты немонетарного неравенства различными способами); многоликость и многообразие (в разных странах и в разные исторические периоды степень немонетарной дифференциации, равно как и формы ее проявления, различны).

3. Немонетарное неравенство определено как ограниченная доступность (неравномерное распределение) социально значимых благ и ресурсов; форма дифференциации, при которой индивиды (домохозяйства, социальные слои, группы) обладают неравными жизненными шансами и возможностями доступа к социально значимым благам и ресурсам.

4. Исследование различных типов немонетарной дифференциации в ключевых сферах жизнедеятельности граждан (образование, здравоохранение, жилищная сфера, сфера досуга, потребления; цифровых, транспортных и финансовых услуг;

сфера труда и занятости, экосфера) с использованием объективистского подхода позволило разработать и обосновать систему показателей, характеризующих немонетарное неравенство в региональном разрезе.

5. Методика индексной оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов включает ряд показателей, отвечающих критериям релевантности, информационной доступности и достоверности: уровень занятости, численность населения на одного врача (человек); обеспеченность товарами длительного пользования; прием на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена и программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на 10 000 человек населения); прирост удельного веса числа семей, получивших жилые помещения; численность населения на 1 спортивный объект; число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет; количество банкоматов; число эксплуатационных автобусов общего пользования; доля населения, обеспеченного питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности.

6. В качестве информационной основы для построения индекса пространственной доступности используются данные официальной статистики. Во-первых, это позволяет использовать стандартизованные данные, единые для всех субъектов РФ. Во-вторых, обеспечивает объективность индекса за счет устранения субъективной компоненты в формировании конечного результата. В-третьих, данные официальной статистики находятся в открытом доступе, что делает индекс абсолютно прозрачным.

7. Разработанная методика индексной оценки доступности апробирована на данных российских регионов за период с 2011 по 2018 г. Результаты апробации свидетельствуют о достаточно сильной степени межрегиональной дифференциации. Лидерами по величине индекса пространственной доступности являются Санкт-Петербург (значение индекса – 0,650), Москва (0,631), Магаданская область (0,594). Замыкают рейтинг республики Северного Кавказа: Дагестан (0,284), Ингушетия (0,287) и Чеченская Республика (0,331).

8. Регионы распределены по уровню интегрального индекса на 4 группы: высокий уровень (уровень доступности выше среднероссийского); средний (уровень выше медианы, но ниже среднероссийского); низкий (уровень выше 75% от среднероссийского, но не более медианы); критический (уровень ниже 75% от среднероссийского). Почти треть субъектов (34 из 82-х) имеют низкий уровень интегрального индекса. При этом четыре из них характеризуются критическим уровнем доступности благ.

9. Корреляционно-регрессионный анализ позволил провести отбор факторов, имеющих статистически значимые связи с интегральным индексом пространственной доступности благ и ресурсов: это удельный вес убыточных организаций, объем выполненных работ по виду экономической деятельности «Строительство», затраты на технологические инновации. Построена экономико-математическая модель влияния выделенных факторов на доступность социально значимых благ и ресурсов в регионах. В рамках полученной модели выявлены положительные и отрицательные факторы и определен их количественный вклад в рост доступ-

ности благ и, как следствие, в снижение тенденций немонетарного неравенства в межрегиональном контексте.

Значимость выводов состоит в возможности практического применения результатов исследования органами государственного и муниципального управления при разработке стратегий и программ социально-экономического развития регионов и конкретизации мероприятий, направленных на повышение доступности социально значимых благ и ресурсов и формирование благоприятной среды для жизнедеятельности граждан.

3.3. Качество трудовой жизни трудоспособного населения Вологодской области

В самом простом варианте толкования качество трудовой жизни (КТЖ) может пониматься как частный пример, элемент более общего понятия «качество жизни». В современных экономических и социальных науках категория «качество жизни» включает в себя практически все основные процессы жизнедеятельности, в том числе и такие компоненты, как условия труда и удовлетворенность трудом. В данном исследовании под качеством трудовой жизни понимается совокупность условий организации труда, обеспечивающих физическое, умственное и социальное благополучие работника, способствующее наиболее полной реализации его трудового потенциала¹⁶⁰. Для анализа КТЖ используются наборы показателей, получаемых на основе статистической информации и социологических опросов.

Общую информацию об участии населения трудоспособного возраста в трудовых отношениях дают показатели занятости, уровень которой в Российской Федерации остается достаточно высоким – 65,5% (табл. 3.19). При стабильных показателях этого индикатора в целом по стране и округу (СЗФО – 68,2%) в Вологодской области наблюдаем тенденцию его снижения за десятилетний период – с 64,9% в 2005 г. до 62,7% в 2017 г.

По данным федерального статистического наблюдения 2018 года, порядка 70% занятых в экономике россиян вполне удовлетворены надежностью работы; в 39 субъектах уровень удовлетворенности выше среднероссийского, а в 43 – ниже. Вологодская область по данному аспекту КТЖ входит в число аутсайдеров (62 место из 82) (табл. 3.20).

Одним из компонентов качества трудовой жизни является оплата труда, которая оказывает непосредственное влияние на производительность труда. Заработную плату четверти работающих (26%) нельзя назвать адекватной, поскольку она ниже 2/3 медианы почасового заработка (табл. 3.21). В этой группе значительную долю составляет женское занятое население (32%), что свидетельствует о гендерных перекосах в политике организаций.

Следует отметить, что уровень средней заработной платы работников в Вологодской области ниже, чем по РФ и СЗФО (31 651 руб. против 39 167 руб. и

¹⁶⁰ Ивановская А.Л. Анализ и оценка качества трудовой жизни районов Вологодской области в 2017 году // Экономика и предпринимательство. 2019. № 4 (105). С. 552–557.

Таблица 3.19. Показатели занятости в РФ, %

Территория	Уровень занятости, %			Неполная занятость, тыс. чел.		
	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.
Российская Федерация	61,3	62,7	65,5	87,6	132,3	55,6
Северо-Западный федеральный округ	65,1	66,6	68,2	4,6	10,3	4,0
Вологодская область	64,9	64,5	68,2	0,7	0,7	0,6

Источник: составлено по данным Росстата.

Таблица 3.20. Удовлетворенность надежностью работы 2018 год*
(% от числа лиц в возрасте 15 лет и более, занятых в экономике – работающих)

Регион	Вполне удовлетворены	Не вполне удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Затруднились ответить	Ранг
г. Севастополь	85,6	13,4	0,9	0,0	1
Магаданская область	83,3	14,3	1,6	0,9	2
Республика Калмыкия	80,1	18,3	1,6	0,0	3
Республика Тыва	79,7	19,1	1,2	0,0	4
Тульская область	78,4	21,0	0,6	0,0	5
...	...	...	...	...	...
Вологодская область	65,6	31,1	3,3	0,0	62
...	...	...	...	...	...
Томская область	59,9	29,0	11,1	0,0	78
Амурская область	58,0	38,6	3,1	0,3	79
Чувашская Республика	57,7	33,2	9,1	0,0	80
Тамбовская область	56,1	35,0	8,8	0,0	81
Астраханская область	54,5	43,6	1,9	0,0	82
СПРАВОЧНО: Российская Федерация	70,1	26,4	3,3	0,2	-

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 5-ти – с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области. Ранжировано по варианту «вполне удовлетворены».
Источник: Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

44 450 руб. соответственно). Данные о наличии большой доли низкооплачиваемых работников не дают оснований говорить о высоком качестве трудовой жизни на популяционном уровне.

Согласно статистическим данным, в среднем по России только 39% занятых в экономике вполне удовлетворены имеющимся заработком; в 51 субъекте данный показатель ниже среднероссийского уровня. Вологодская область, где отмечается одно из наиболее низких значений удовлетворенности зарплатой, занимает 78 место (табл. 3.22).

**Таблица 3.21. Доля занятых с низким уровнем заработной платы
(ниже 2/3 медианы почасового заработка), %**

Категории работников	2009 г.	2015 г.	2017 г.
Всего	29,0	27,3	26,4
Мужчины	19,5	20,7	20,0
Женщины	36,5	32,9	31,9

Источник: Выборочные обследования организаций (без субъектов малого предпринимательства).
URL: https://www.gks.ru/labour_force?print=1

**Таблица 3.22. Удовлетворенность заработком 2018 год*,
(% от числа лиц в возрасте 15 лет и более, занятых в экономике – работающих)**

Регион	Вполне удовлетворены	Не вполне удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Затруднились ответить	Ранг
г. Севастополь	60,7	37,3	2,0	0,0	1
Чеченская Республика	58,9	39,0	2,1	0,0	2
Республика Калмыкия	56,8	39,3	3,9	0,0	3
Калининградская область	56,0	36,2	7,8	0,0	4
г. Санкт-Петербург	54,8	39,7	5,5	0,0	5
...	...	...	...	...	...
Вологодская область	24,8	58,1	17,0	0,0	78
Республика Марий Эл	23,7	64,0	12,4	0,0	79
Республика Северная Осетия-Алания	23,3	57,1	19,6	0,0	80
Ивановская область	22,9	58,1	19,1	0,0	81
Республика Адыгея	19,5	63,6	17,0	0,0	82
СПРАВОЧНО: Российская Федерация	38,9	49,6	11,3	0,1	-

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 5-ти – с наихудшими значениями показателя.
Ранжировано по варианту «вполне удовлетворены».
Источник: Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам.
Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

Особое место в концепции КТЖ занимают условия и организация труда. Неудовлетворительное состояние охраны труда и низкий уровень безопасности на рабочем месте¹⁶¹ требуют повышенного внимания в целях обеспечения сохранности и работоспособности персонала. Согласно данным федерального статисти-

¹⁶¹ По данным статистики, в 2015 г. в России на 100 000 работников приходится 6 смертельных несчастных случаев на производстве, что больше показателя некоторых стран ЕС в несколько раз. В период с 2014 по 2018 г. количество пострадавших и погибших работников в результате производственного травматизма составило более 140 тыс. чел. <https://www.centrattek.ru/info/statistika-proizvod-travmatizm-po-miru-rossija/>

ческого наблюдения 2018 г., в среднем по России почти 74% занятых в экономике вполне удовлетворены условиями труда на предприятиях; только в 26 субъектах уровень удовлетворенности ниже 70%. Вологодская область входит в число аутсайдеров (69 место из 82), однако позиции региона по данному аспекту КТЖ несколько лучше, чем по заработку (табл. 3.23).

Важный компонент качества трудовой жизни – психологический климат в организации. Как показывают результаты федерального статистического наблюдения 2018 года, в среднем по России около 29% занятых в экономике не испытывают на работе нервного напряжения и стрессов; основная доля занятых (52%) иногда проходит через подобные ощущения. В Вологодской области отмечается одно из худших значений по данному аспекту КТЖ (81 место из 82) (табл. 3.24).

Низкий уровень удовлетворенности работающего населения Вологодской области отмечен и по ряду других направлений трудовой деятельности (табл. 3.25). Относительно лучше ситуация обстоит с показателем «моральное удовлетворение» (6-е и 47-е места в рейтинге среди субъектов СЗФО и РФ соответственно).

Таким образом, в Вологодской области практически по всем аспектам качества трудовой жизни оценки удовлетворенности работающего населения более низкие по сравнению с аналогичными данными в субъектах СЗФО и

Таблица 3.23. Удовлетворенность условиями труда 2018 год*,
(% от числа лиц в возрасте 15 лет и более, занятых в экономике – работающих)

Регион	Вполне удовлетворены	Не вполне удовлетворены	Совсем не удовлетворены	Затрудились ответить	Ранг
г. Москва	85,8	12,3	1,2	0,7	1
Республика Калмыкия	84,0	14,5	1,4	0,0	2
Республика Ингушетия	83,7	16,1	0,2	0,0	3
Тульская область	83,6	15,6	0,8	0,0	4
Еврейская авт. область	82,9	14,9	2,3	0,0	5
...	...	...	...	...	...
Вологодская область	66,0	29,2	4,8	0,0	69
...	...	...	...	...	...
Новосибирская область	64,0	34,0	2,0	0,0	78
Чувашская Республика	63,6	30,7	5,7	0,0	79
Томская область	62,2	33,9	3,8	0,0	80
Алтайский край	61,1	34,2	4,7	0,0	81
Республика Адыгея	57,1	38,8	4,1	0,0	82
СПРАВОЧНО: Российская Федерация	73,8	23,6	2,5	0,1	-

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 5-ти – с наихудшими значениями показателя. Ранжировано по варианту «вполне удовлетворены».

Источник: Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

России в целом. Причем в регионе качество трудовой жизни работников осложняется проблемами материального порядка, здоровья и профессиональной подготовки.

Таблица 3.24. Доля лиц, испытывающих на основной работе нервное напряжение и стрессы, 2018 год* (% от числа лиц в возрасте 15 лет и более, занятых в экономике – работающих)

Регион	Постоянно испытываю	Испытываю иногда	Не испытываю	Ранг
Чукотский авт. Округ	7,8	33,3	58,9	1
Оренбургская область	18,0	38,0	44,0	2
Республика Тыва	13,0	45,1	42,0	3
Воронежская область	10,2	48,8	41,0	4
Республика Дагестан	13,1	46,0	40,9	5
...	...	...	...	...
Хабаровский край	27,3	53,0	19,7	78
Тюменская область	21,1	60,3	18,3	79
Республика Коми	36,5	46,1	17,4	80
Вологодская область	36,8	46,0	17,2	81
Сахалинская область	23,9	60,6	15,5	82
СПРАВОЧНО: Российская Федерация	19,5	51,9	28,6	-

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 5-ти – с наихудшими значениями показателя. Ранжировано по варианту «вполне удовлетворены».
Источник: Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

Таблица 3.25. Рейтинг Вологодской области по различным аспектам удовлетворенности работой в 2018 г.* (% от числа лиц, занятых в экономике, в возрасте от 15 лет и старше)

Показатель	Рейтинг среди регионов СЗФО	Рейтинг среди регионов РФ
Удовлетворенность заработком	11	78
Удовлетворенность выполняемыми обязанностями	10	64
Удовлетворенность режимом работы	11	78
Удовлетворенность условиями работы	11	69
Удовлетворенность расстоянием до работы	11	75
Профессиональная удовлетворенность	8	60
Моральное удовлетворение от работы	6	47

*Ранжировано по варианту «вполне удовлетворены».
Источник: Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

Качество трудовой жизни трудоспособного населения Вологодской области: социологический срез. Поскольку КТЖ относится к субъективно-

объективным категориям, зависящим от восприятия, эмоциональной оценки, уровня интеллектуальной зрелости¹⁶², то при его изучении широко используются субъективный подход и методы эмпирических социологических исследований.

Индексы (частные и сводный) удовлетворенности качеством трудовой жизни населения – показатели, характеризующие состояние сбалансированности между требованиями работников к аспектам трудовой жизни и субъективной оценкой реализации этих требований на рабочем месте. Методика вычисления индексов основана на агрегировании показателей субъективной оценки удовлетворенности аспектами трудовой жизни¹⁶³. Предполагается алгоритм действий, состоящий из ряда последовательных шагов.

Первый шаг – сбор данных (посредством социологических опросов трудоспособного и/или работающего населения) в соответствии с оценочной системой из 17 индикаторов, которые качественно характеризуют 8 наиболее важных аспектов качества трудовой жизни (табл. 3.26).

Второй шаг – унификация полученных данных. Уровень удовлетворенности респондента тем или иным аспектом его трудовой жизни оценивается нечетным числом ответов (в нашем случае – пятью); им присваивается числовое значение от -2 до +2:

- наибольшая удовлетворенность (ответ «Удовлетворен2») оценивается в +2 балла;
- промежуточный уровень удовлетворенности («Скорее удовлетворен») оценивается в +1 балл;
- нейтральный уровень («Не могу сказать, удовлетворен или нет») оценивается в 0 баллов;
- промежуточный уровень неудовлетворенности («Скорее не удовлетворен») оценивается в -1 балл;
- наибольшая неудовлетворенность («Не удовлетворен») оценивается в -2 балла.

Уровень удовлетворенности аспектом «Устойчивость занятости» (УЗ), измеряемый вопросом «Случались ли с Вами за последние 12 месяцев следующие события – Ваша работа стала менее надежной, возникла угроза потерять рабочее место?», оценивался следующим образом: при ответе «Да» присваивается -2 балла, при ответе «Нет» – +2 балла, при ответе «Затрудняюсь ответить» – 0 баллов.

Третий шаг – вычисление частных индексов удовлетворенности аспектами КТЖ на основе унифицированных ответов. Для расчетов используется среднеа-

¹⁶² Егорова Е.Г. Социальные индикаторы качества трудовой жизни в структуре управленческих решений организации: автореф. дис. ... к.с.н.: 22.00.03. СПб., 2008. 20 с.

¹⁶³ Источник данных: социологический опрос «Качество трудового потенциала Вологодской области», проведенный в 2018 году. Объем выборки – 1500 человек. Опрос прошел в городах Вологде и Череповце, в городских и сельских территориях Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского районов. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Способ сбора эмпирических данных: индивидуальное раздаточное анкетирование. Ошибка выборки не превышала 3%.

Таблица 3.26 Перечень индикаторов для оценки субъективного качества трудовой жизни (КТЖ)

Аспект КТЖ (его условное обозначение)	Индивидуальные индикаторы*	Условное обозначение	Потребности
Оплата труда (ОТ)	1. Справедливость начисления зарплаты	ОТ1	физиологические потребности
	2. Размер оплаты труда	ОТ2	
	3. Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	ОТ3	
	4. Сложившаяся система стимулирования работников	ОТ4	
Условия и организация труда (УО)	1. Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	УО1	потребности в безопасности
	2. Техническая оснащенность рабочего места	УО2	
	3. Возможность участия в принятии управленческих решений	УО3	
	4. Работа профсоюзной либо иной рабочей организации	УО4	
Использование и развитие человеческого потенциала (ЧП)	1. Возможности повышения квалификации	ЧП1	познавательные потребности и потребности в самореализации
	2. Содержание своей работы	ЧП2	
	3. Творческий характер труда	ЧП3	
Возможности для карьерного роста (К)	1. Возможности карьерного роста	К1	
Устойчивость занятости (УЗ)	1. Ваша работа стала менее надежной, возникла угроза потерять рабочее место**	УЗ1	потребности в принадлежности (любви, уважении)
Психологический климат в трудовом коллективе (ПК)	1. Психологическая обстановка в коллективе	ПК1	
	2. Отношения с руководством организации	ПК2	
Взаимодействие с общим жизненным пространством (Ж)	1. Возможность сочетать трудовые и семейные обязанности	Ж1	потребности в самооценке
Социальная значимость труда (СЗ)	1. Возможность принести своим трудом пользу обществу	СЗ1	потребности в самореализации
* Формулировка вопроса: «Удовлетворены ли Вы лично следующими сторонами Вашей рабочей жизни?»			
** Формулировка вопроса: «Случались ли с Вами за последние 12 месяцев следующие события?»			

рифметическая величина. Например, расчет частного индекса удовлетворенности оплатой труда (Иот) выполняется по следующей формуле:

$$И_{от_i} = \frac{OT1_i + OT2_i + OT3_i + OT4_i}{4}, \quad (3.6)$$

где $И_{от_i}$ – частный индекс удовлетворенности аспектом КТЖ (в данном случае оплатой труда) i -го респондента (характеризует уровень удовлетворенности i -го респондента оплатой труда); $OT1_i \dots OT4_i$ – унифицированные оценки индикаторов оплаты труда, характеризующих уровень удовлетворенности ими у i -го респондента; 4 – число индикаторов аспекта КТЖ (для каждого аспекта указано в таблице 3.25).

Четвертый шаг – вычисление сводного индекса удовлетворенности качеством трудовой жизни (Иктж) на основе унифицированных ответов. Для расчетов используется среднеарифметическая величина. Вычисление выполняется по следующей формуле:

$$И_{ктж} = \frac{\sum_1^4 OT_i + \sum_1^4 УО_i + \sum_1^3 ЧП_i + K_i + УЗ_i + \sum_1^2 ПК_i + Ж_i + СЗ_i}{17}, \quad (3.7)$$

$И_{ктж}$ – сводный индекс удовлетворенности КТЖ; $\sum OT_i$ – сумма оценок удовлетворенности i -го респондента по индивидуальным индикаторам оплаты труда; $\sum УО_i$ – сумма оценок удовлетворенности i -ого респондента по индивидуальным индикаторам условий и организации труда; $\sum ЧП_i$ – сумма оценок удовлетворенности i -ого респондента по индивидуальным индикаторам использования и развития человеческого потенциала; K_i – оценка удовлетворенности i -ого респондента по индивидуальному индикатору возможностей для карьерного роста; $УЗ_i$ – оценка удовлетворенности i -ого респондента по индивидуальному индикатору устойчивости занятости; $\sum ПК_i$ – сумма оценок удовлетворенности i -ого респондента по индивидуальным индикаторам психологического климата; $Ж_i$ – оценка удовлетворенности i -ого респондента индивидуальным индикатором взаимодействия с общим жизненным пространством; $СЗ_i$ – оценка удовлетворенности i -ого респондента по индивидуальному индикатору социальной значимости труда; 17 – общее количество индивидуальных индикаторов качества трудовой жизни.

Все расчеты можно выполнить в программном пакете SPSS.

Пятый шаг – интерпретация данных. Частные и сводный индексы удовлетворенности КТЖ изменяются в интервале от +2 до -2 (с нулевым нейтральным уровнем). Среднее значение (0) свидетельствует о преобладании среди трудоспособного населения региона нейтральных оценок всего качества трудовой жизни и/или отдельных его аспектов, т.е. о балансе количества людей, удовлетворенных и неудовлетворенных ими.

Систематическое измерение индексов удовлетворенности КТЖ на уровне предприятий, отраслей и регионов обеспечит возможность проведения сопоставлений полученных оценок и определения тех факторов и составляющих КТЖ, которые являются конкурентными преимуществами.

Результаты оценки качества трудовой жизни трудоспособного населения Вологодской области, 2018 год. *Оплата труда.* Основной источник дохода трудоспособного населения – заработная плата по основному месту работы (71%). Значим вклад случайных заработков (19%) и пособий (11%). Такие источники, как доход от ценных бумаг и от использования иных активов (сдача в аренду жилья и проч.), имеются лишь у 2–3% респондентов (рис. 3.6). Столь высокая роль вложений собственного ресурса, т.е. рабочей силы, наряду с практически полным отсутствием «независимых» источников дохода лишний раз подчеркивает «подчиненное» положение населения, его высокую зависимость от неподконтрольных ему факторов.

Одновременно ни по одному из аспектов оплаты труда респонденты не демонстрируют однозначно высокой субъективной удовлетворенности: справедливостью начисления зарплаты удовлетворены 41%, размером оплаты труда – 37%, полнотой социального пакета – 41%, системой стимулирования – 35%. При этом более трети респондентов в принципе не могут обозначить свое отношение (34, 34, 35 и 37% соответственно). Можно говорить о сдерживаемом (контролируемом) приспособлении к существующей оплате труда, что в некотором смысле свидетельствует о слабо выраженном ощущении материального благосостояния и социальной защищенности, а также скрывает риски массового «недовольства».

Условия и организация труда. Трудоспособное население в большинстве своем удовлетворено санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда (49%), технической оснащённостью рабочего места (53%) и содержанием своей работы (53%; табл. 3.27).

Рисунок 3.6. Источники дохода за последние полгода
(% от числа тех, кто работает)

Таблица 3.27. Удовлетворенность сторонами трудовой жизни, связанными с условиями и организацией труда (% от числа тех, кто работает)

Аспект трудовой жизни	Уровень удовлетворенности		
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	Не могу сказать
Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	49	18	33
Техническая оснащенность рабочего места	53	16	31
Содержание своей работы	53	15	32
Возможность участия в принятии управленческих решений	32	27	41
Работа профсоюзной либо иной рабочей организации	31	28	42

Не зафиксировано однозначной позиции в отношении удовлетворенности от возможности участия в управлении (более 40% респондентов затруднились ответить). Аналогично оценивается и удовлетворенность работой профсоюзов – 42% не смогли определиться, удовлетворены они или нет. Это может говорить как об отдаленности работников от административных вопросов, так и об отсутствии значимых проблем в социально-трудовых отношениях и о соблюдении работодателями прав работников, социальных гарантий и иных льгот.

Использование и развитие человеческого потенциала. Более половины опрошенных заявляют о соответствии профессии их призванию (52%) и отмечают, что имеющаяся подготовка соответствует предъявляемым к ним требованиям (41%). Каждый четвертый респондент (27%) указывает на возможность выполнения более квалифицированной работы (табл. 3.28). При этом за последний год большая часть работников (76%) не повышала свою квалификацию.

Среди причин, ограничивающих реализацию в труде имеющейся подготовки, работники чаще всего отмечают материальные (низкая оплата труда – 14%, неэффективное стимулирование – 11%) и организационные (неблагоприятные условия труда – 10%) аспекты, а также отсутствие интереса к работе (12,5%). Практически не оказывают заметного влияния на трудовую деятельность работников психологические аспекты (плохие взаимоотношения с руководством – 3%, напряженная атмосфера в коллективе – 3%), уровень профессиональной подготовки (недостаток сопутствующих навыков – 5%) и степень включенности в принятие решений (невозможность влиять на управление предприятием – 6%).

Возможности для карьерного роста. Произошедшие в своем должностном положении изменения трудоспособное население оценивает весьма оптимистично (табл. 3.29): в краткосрочном периоде (за последние полгода) оно чаще говорит об отсутствии каких-либо изменений (60%); в долгосрочном (за последние пять лет) – указывает как на отсутствие изменений (40%), так и на улучшение должностного положения (34%).

Таблица 3.28. Распределение ответов на вопросы об использовании и развитии человеческого потенциала (% от числа тех, кто работает)

Вопрос	Ответ
Соответствует ли Ваша профессия (основная работа) Вашему призванию?	
Да	52
Нет	21
Затрудняюсь ответить	27
В какой мере Ваша квалификация соответствует выполняемой Вами работе?	
Моя квалификация соответствует требованиям, предъявляемым работой (чтобы выполнять более квалифицированную работу, нужно подучиться)	41
Моя квалификация выше, чем требует от меня работа, могу выполнять и более квалифицированную работу	27
Моя квалификация ниже, чем это требуется работой	6,5
Не знаю, трудно сказать	26
Повышали ли Вы свою квалификацию за последние 12 месяцев?	
Да	24
Нет	76

Таблица 3.29. Оценка изменения должностного положения (% от числа тех, кто работает)

Изменение	За последние пять лет	По сравнению с прошлым годом	За последние шесть месяцев
Улучшилось	34	21	17
Ухудшилось	12	12	10,5
Осталось без изменения	39,5	54	60
Затрудняюсь ответить	14,5	13	13

Однако высокого уровня удовлетворенности в отношении возможностей для карьерного роста не наблюдается: 38% респондентов удовлетворены имеющимися возможностями, а 39% – не дают однозначной оценки (табл. 3.30).

Устойчивость занятости. Несмотря на весьма высокие оценки условий труда и возможностей для реализации в профессии, многие работники (74%) несколько раз за свою трудовую жизнь меняли место работы (рис. 3.7).

Основная причина смены места работы – «материальный вопрос» (низкая зарплата – 56%); также вескими внешними причинами называются плохие условия труда (22%) и сокращение штатов (14,5%). Кроме того, многие работники (23%) в качестве причины смены места работы отмечают личные обстоятельства. В настоящее время большая часть опрошенных (71%) демонстрирует уверенность в отношении своей занятости и не выражает опасений по поводу потери работы;

Таблица 3.30. Удовлетворенность сторонами трудовой жизни, связанными с возможностями для карьерного роста (% от числа тех, кто работает)

Аспект трудовой жизни	Уровень удовлетворенности		
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	Не могу сказать
Возможности повышения квалификации	40	22	37
Возможности карьерного роста	38	39	24

Рисунок 3.7. Способы устройства на работу (% от числа тех, кто работает)

оставшиеся респонденты возможные причины потери работы видят в неустойчивом экономическом положении предприятия (11%) и ухудшении состояния здоровья (7%). Многие работники в качестве наиболее заметного изменения в своей занятости за последние 12 месяцев указывают на менее интересное наполнение работы (26%).

В деле устройства на работу трудоспособное население ориентируется прежде всего на близкие контакты – дружеские и родственные связи (51,4%). Порядка трети опрошенных проявляют самостоятельность в данном вопросе, прибегая к помощи рекламных объявлений, кадровых агентств и к сайтам поиска вакансий (32,5%); каждый десятый обращается за помощью в государственную службу занятости (12%).

Психологический климат в трудовом коллективе. Преобладание удовлетворительных оценок психологической обстановки в коллективе (58%) и отношений с руководством организации (56%) свидетельствует о наличии в большинстве слу-

чаев качественного взаимодействия между сотрудниками и об оптимальном стиле управления, используемом руководством учреждений.

Взаимодействие с общим жизненным пространством. Указываемая респондентами продолжительность рабочего дня и рабочей недели соответствует нормам трудового законодательства. Основная доля опрошенных (85%) отмечает отсутствие переработок и дополнительной нагрузки; 15% работников говорят о выполнении части рабочих заданий «на дому». Главная причина «домашней переработки» кроется в особенностях профессии (сферы науки, образования, финансов) – 44%, влияют также непредвиденные рабочие ситуации (17%). Однако только 45% работников удовлетворены возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности (еще 37% затруднились с оценкой), что отчасти может свидетельствовать о наличии «скрытой» усталости от трудового ритма и невозможности полноценно расслабиться в течение трудовой недели.

Социальная значимость труда. Порядка половины трудоспособного населения региона (46%) удовлетворены тем, какую пользу их труд приносит обществу; 38% – не дают определенной оценки социальной значимости своего труда, что может снижать стремление работников эффективно реализовывать свой трудовой потенциал.

Сводный индекс субъективного качества трудовой жизни составил 0,254 ед. Такое значение индекса показывает, что более половины респондентов удовлетворены качеством трудовой жизни. Значения частных индексов КТЖ, в том числе в территориальном разрезе, представлены на рисунке 3.8. и в таблице 3.31. Все частные индексы принимают положительные значения, а следовательно, трудоспособное население Вологодской области в большинстве своем удовлетворено составляю-

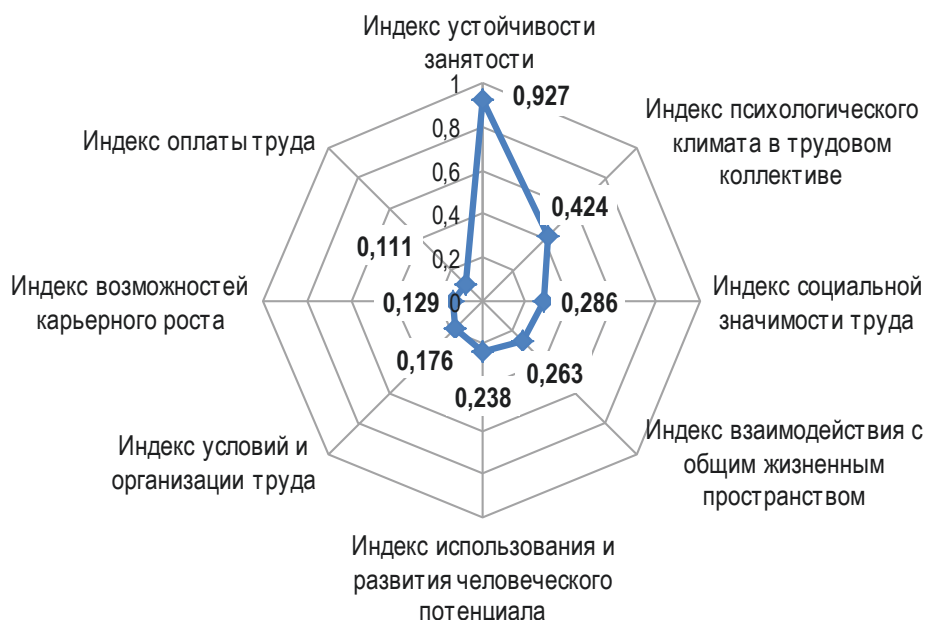

Рисунок 3.8. Частные индексы удовлетворенности КТЖ населения Вологодской области, 2018 год

Таблица 3.31. Значения частных индексов и индивидуальных индикаторов КТЖ трудоспособного населения Вологодской области, 2018 год

Компоненты ИКТЖ	Вологда	Череповец	Районы	ОБЛАСТЬ
Субиндексы КТЖ				
Индекс оплаты труда	0,212	0,084	0,067	0,111
Индекс условий и организации труда	0,198	0,139	0,187	0,176
Индекс использования и развития человеческого потенциала	0,256	0,262	0,210	0,238
Индекс возможностей карьерного роста	0,135	0,144	0,115	0,129
Индекс устойчивости занятости	0,938	0,941	0,910	0,927
Индекс психологического климата в трудовом коллективе	0,541	0,482	0,314	0,424
Индекс взаимодействия с общим жизненным пространством	0,364	0,207	0,240	0,263
Индекс социальной значимости труда	0,357	0,342	0,205	0,286
Интегральный (обобщающий) индекс удовлетворенности КТЖ				
Индекс удовлетворенности качеством трудовой жизни	0,311	0,252	0,220	0,254

щими качества трудовой жизни, которые были включены в анализ. Оценки жителей г. Вологды существенно выше по сравнению с оценками жителей г. Череповца и муниципальных районов региона. Наибольшие значения имеют частные индексы устойчивости занятости (0,927) и психологического климата в организации (0,424), а наименьшие – частные индексы оплаты труда (0,111), возможностей для карьерного роста (0,129), условий и организации труда (0,176). Следовательно, можно предположить наличие на предприятиях Вологодской области проблем административного взаимодействия и в организации систем оплаты труда, а также плохих условий труда.

В положительной зоне восприятия качественных характеристик трудовой жизни преобладает население с такими социально-демографическими характеристиками, как средний рабочий возраст 25–49 лет, наличие официальных семейных отношений и детей (рис. 3.9). Большую удовлетворенность качеством трудовой жизни показывают женщины, хотя они обычно имеют «менее выгодные» условия труда, заработную плату и другие рабочие привилегии по сравнению с мужчинами. То есть низкая оценка женщинами аспектов своего труда не влечет за собой негативных последствий в части снижения удовлетворенности трудом, как у мужчин. Это явление получило название «парадокс удовлетворенности работой в зависимости от пола» – ситуация, когда женщины более удовлетворены своей работой, хотя сталкиваются с менее благоприятными условиями труда, карьерными перспективами и оплатой труда¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Westover J.H. The job satisfaction-gender paradox revisited: A cross-national look at gender differences in job satisfaction, 1989-2005 // Journal of Global Responsibility. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 263–277.

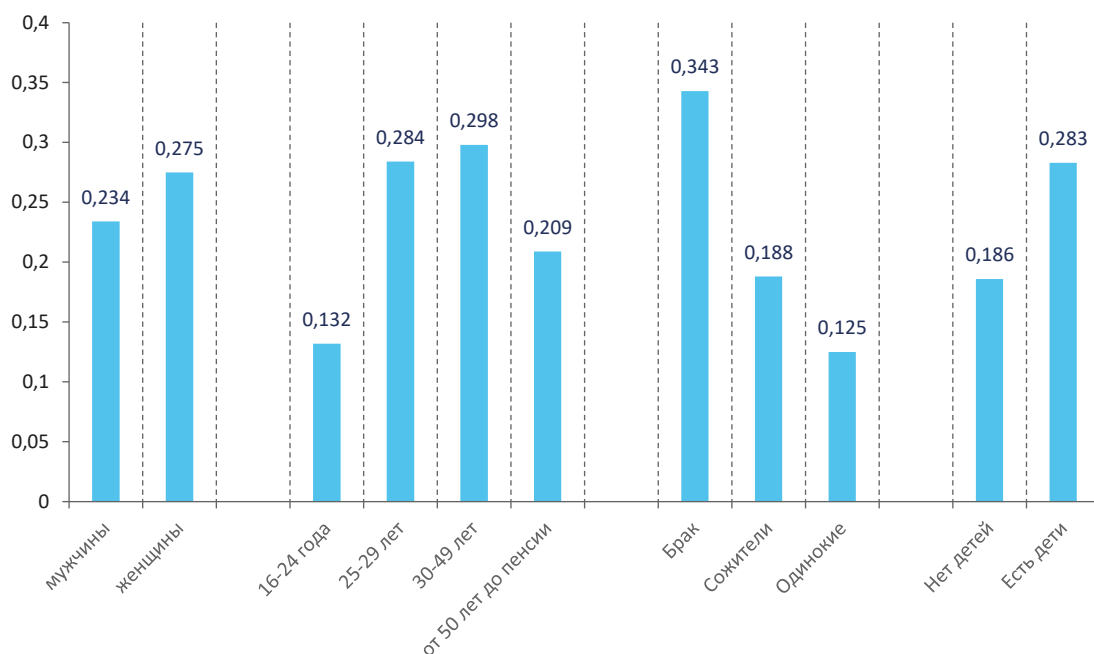

Рисунок 3.9. Сводный индекс удовлетворенности КТЖ трудоспособного населения Вологодской области в разрезе социально-демографических характеристик, 2018 год

Таблица 3.32. Индексы удовлетворенности КТЖ трудоспособного населения Вологодской области в зависимости от формы собственности предприятия, 2018 год

Индекс	Госуд. / муницип. предприятие (ГУП и т.д.)	Акционерное общество	Тов-во любой формы (ООО и т.д.)	Произв. кооператив	Индивид. / частное предприятие	НКО
Индекс оплаты труда	0,215	0,261	0,095	-0,110	0,084	-0,422
Индекс условий и организации труда	0,328	0,304	0,139	0,000	0,220	-0,234
Индекс использования и развития человеческого потенциала	0,426	0,439	0,235	0,057	0,223	-0,042
Индекс карьерного роста	0,241	0,284	0,089	-0,146	0,137	-0,375
Индекс устойчивости занятости	1,201	1,314	1,290	1,268	1,206	0,500
Индекс психологического климата в трудовом коллективе	0,608	0,557	0,600	0,463	0,538	0,281
Индекс взаимодействия с общим жизненным пространством	0,483	0,335	0,257	0,268	0,347	-0,125
Индекс социальной значимости труда	0,505	0,419	0,294	0,146	0,325	0,250
Индекс удовлетворенности качеством трудовой жизни	0,418	0,414	0,281	0,129	0,293	-0,114

Удовлетворенность качеством трудовой жизни существенно выше у работников государственных и муниципальных предприятий и в организациях с акционерной формой собственности (табл. 3.32). Несколько ниже значения индексов в частных предприятиях и в товариществах; самый низкий уровень удовлетво-

ренности большинством аспектов трудовой жизни демонстрируют работники некоммерческих организаций региона, что, вероятно, связано с особенностями социально-трудовых отношений, величиной трудового коллектива, содержанием работы и т.п.

Наибольшую удовлетворенность качеством трудовой жизни и ее компонентами отмечают жители области, осуществляющие трудовую деятельность в соответствии со своими склонностями, способностями и призванием (табл. 3.33). Следовательно, профессиональное призвание является метамотиватором трудовой деятельности.

Удовлетворенность качеством трудовой жизни существенно выше у работников, дающих высокие оценки своего материального положения и покупательных возможностей (рис. 3.10).

Удовлетворенность качеством трудовой жизни существенно выше у работников, занятых только на основной работе (рис. 3.11), что говорит о значимости организации полноценных и качественных условий трудовой жизни на одном рабочем месте.

Выявлено, что качество трудового потенциала и уровень реализации в трудовой деятельности качественных характеристик жителей г. Вологды значительно коррелируют с удовлетворенностью качеством трудовой жизни: в группе респондентов с преобладающими положительными оценками КТЖ выше индексы качества трудового потенциала и уровень реализации качественных характеристик работников в труде (табл. 3.34).

Таблица 3.33. Индексы удовлетворенности КТЖ трудоспособного населения Вологодской области в зависимости от соответствия профессии (основной работы) склонностям, способностям и призванию

Индекс	Соответствие профессии склонностям и способностям			Соответствие профессии призванию		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Индекс оплаты труда	0,374	-0,347	-0,059	0,411	-0,324	-0,016
Индекс условий и организации труда	0,459	-0,241	0,007	0,489	-0,190	0,039
Индекс использования и развития человеческого потенциала	0,583	-0,271	0,060	0,616	-0,193	0,093
Индекс возможностей карьерного роста	0,422	-0,384	-0,052	0,470	-0,318	-0,048
Индекс устойчивости занятости	1,400	0,788	1,003	1,440	0,802	1,029
Индекс психологического климата в трудовом коллективе	0,771	0,152	0,301	0,785	0,229	0,334
Индекс взаимодействия с общим жизненным пространством	0,590	-0,091	0,055	0,629	-0,074	0,099
Индекс социальной значимости труда	0,643	-0,061	0,027	0,654	0,008	0,096
Индекс удовлетворенности качеством трудовой жизни (итоговый)	0,570	-0,154	0,094	0,601	-0,104	0,130

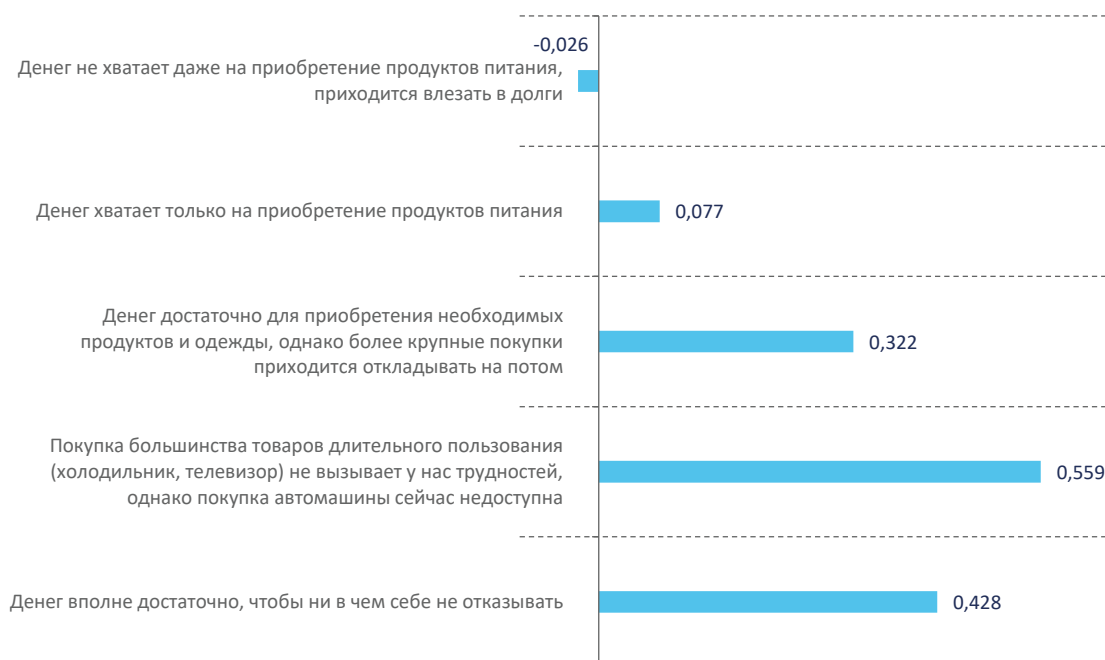

Рисунок 3.10. Сводный индекс удовлетворенности КТЖ трудоспособного населения Вологодской области в зависимости от материального положения, 2018 год

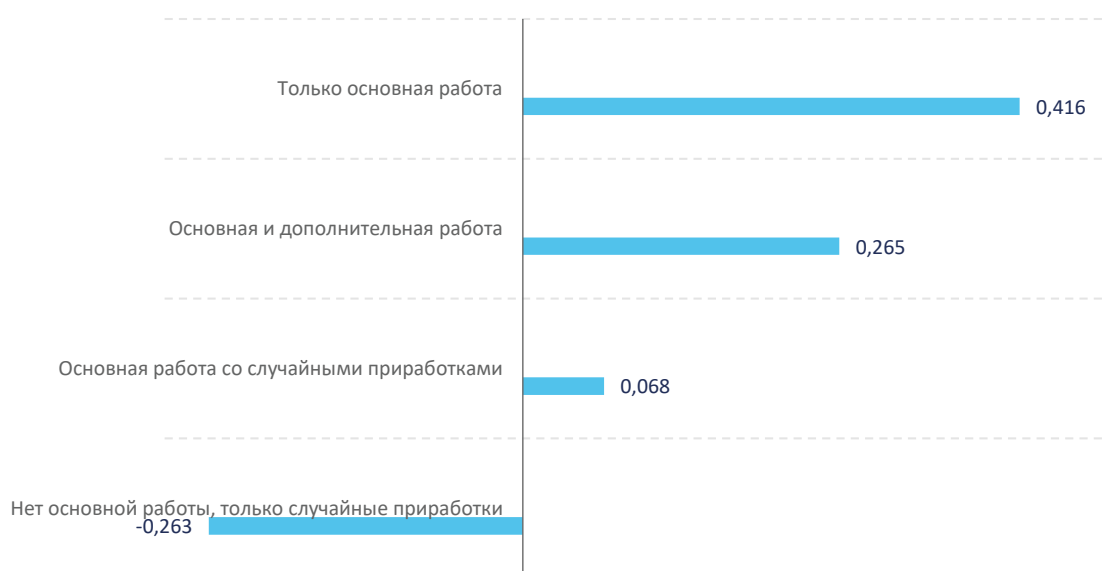

Рисунок 3.11. Сводный индекс удовлетворенности КТЖ трудоспособного населения Вологодской области в зависимости от характеристики занятости, 2018 год

Таблица 3.34. Качество трудового потенциала и уровень реализации в трудовой деятельности качественных характеристик жителей г. Вологды в зависимости от сводного индекса удовлетворенности КТЖ

Группы респондентов по значениям индекса КТЖ	Качественные характеристики трудового потенциала (индексы)								
	Физическое здоровье	Психическое здоровье	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Коммуникабельность	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении	Индекс качества трудового потенциала
Положительные оценки (уровень выше 0)	0,754	0,817	0,618	0,570	0,760	0,711	0,795	0,663	0,780
Нейтральные оценки (равно 0)	0,747	0,772	0,604	0,553	0,722	0,678	0,754	0,662	0,755
Отрицательные оценки (уровень ниже 0)	0,693	0,739	0,568	0,545	0,707	0,618	0,716	0,591	0,710
Группы респондентов по значениям индекса КТЖ	Уровень реализации качественных характеристик трудового потенциала (индексы)								
	Физическое здоровье	Психическое здоровье	Когнитивный потенциал	Творческий потенциал	Коммуникабельность	Культурный уровень	Нравственный уровень	Потребность в достижении	
Положительные оценки (уровень выше 0)	0,843	0,847	0,834	0,752	0,853	0,833	0,841	0,781	
Нейтральные оценки (равно 0)	0,582	0,589	0,558	0,500	0,589	0,568	0,558	0,495	
Отрицательные оценки (уровень ниже 0)	0,798	0,775	0,712	0,604	0,778	0,744	0,753	0,641	

Стоит помнить, что работник, оценивая качество своей трудовой жизни посредством соотнесения личных потребностей в труде с возможностями их реализации на рабочем месте, определяет предпочтительность данной работы, степень приверженности (преданности) организации, уровень своего трудового участия. Работодатель, региональные и федеральные административные органы, формирующие и регулирующие трудовую политику, могут использовать оценку КТЖ с целью определения эффективности применяемых ими методов управления, своевременного выявления противоречий кадровой политики, слабых мест в организации труда и других аспектах, связанных с персоналом, и на этой основе сбалансировать интересы работников и работодателей и рационализировать социально-трудовые отношения.

Таким образом, по итогам исследования качества трудовой жизни на выборке трудоспособного населения Вологодской области выявлены следующие негативные аспекты КТЖ: неудовлетворительный уровень оплаты труда, проблемы в

организации системы оплаты труда, проблемы административного взаимодействия, невысокая мотивационная составляющая труда, недооценка социальной значимости труда и личностной ценности работника. Необходимо подчеркнуть, что данные аспекты характеризуют региональную ситуацию и отражают хотя и значимые, но общие (усредненные) проблемы (так сказать, «среднюю температуру по больнице»). Выявленные проблемные аспекты качества КТЖ – это следствие системных недостатков «социальных институтов, регулирующих отношения труда, капитала и государства» (в частности, дифференциация зарплаты по отраслям, проблемы социального страхования, противоречия в вопросах собственности на результаты труда)¹⁶⁵. Соответственно, необходима работа по улучшению отмеченных аспектов качества трудовой жизни на локальном, региональном и федеральном уровнях.

Кроме того, проведенный анализ показал, что с наиболее высокими оценками удовлетворенности КТЖ соотносятся занятость в государственных и муниципальных предприятиях и в организациях с акционерной формой собственности, работа в соответствии со склонностями, способностями и призванием; высокие самооценки материального положения и покупательных возможностей. Установлено, что качество трудового потенциала и уровень реализации в трудовой деятельности качественных характеристик работников выше у тех из них, кто имеет более высокие значения индексов удовлетворенности КТЖ.

Интегральный показатель «качество трудовой жизни» (частный и сводный индексы удовлетворенности КТЖ) может рассматриваться как инструмент управления, позволяющий получить положительные экономические результаты от внедрения различных социальных практик, отвечающих потребностям работников. Соответственно, категория «качество трудовой жизни» должна учитываться при реализации Нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости» (2018–2024 г.). Наряду с этим, представляется важным внести субъективную оценку качества трудовой жизни в СОУТ (специальную оценку условий труда) в качестве индикатора эффективности деятельности работодателей и в показателе мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти на местах.

¹⁶⁵ Качество трудового потенциала в регионах России / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Г.Н. Волкова, Л.А. Мигранова // Народонаселение. 2012. № 3. С. 111–127.

4. НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕРРИТОРИЙ

4.1. Инфраструктурная доступность образовательных услуг в России

Современная образовательная сеть в постсоветский период (1990-е и начало 2000-х гг.) формировалась преимущественно под задачи выживания, а позднее (2010-е годы) – под решение проблем ее финансовой оптимизации и повышения качества образования, что привело к появлению проблем низкой доступности качественных образовательных услуг для широких масс населения¹⁶⁶.

Д.Л. Константиновский и др. выделяют несколько барьеров, затрудняющих получение образования для основной массы населения: социокультурный (образование, сфера занятости, должность родителей); территориальный (тип поселения, удаленность образовательной организации от места проживания, затраты времени на дорогу к школе); экономический (доход семьи, явная или латентная платность обучения); институциональный (механизмы отбора при поступлении, выбора школы, класса, профилирующих предметов и т.д.); информационный (информированность родителей и обучающихся о видах школ и качестве образования в них); мотивационный (демотивированность агентов к получению образовательных услуг и информации о них)¹⁶⁷.

Наиболее критический сегмент доступности российского образования – это инфраструктурная доступность. По данным НИУ ВШЭ, в 2001 г. 37% зданий российских школ требовали капитального ремонта; 5% – находились в аварийном состоянии¹⁶⁸. В 2020 г. эти показатели несколько улучшились (11 и 0,7% соответственно), но проблемы инфраструктурной доступности до конца так и не были преодолены¹⁶⁹.

По оценкам ученых, проблемы инфраструктурной доступности провоцируют неравномерность образовательного пространства, что в свою очередь приводит

¹⁶⁶ Курбатова М.В., Донова И.В., Кранзеева Е.А. Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития // Terra Economicus. 2021. №19(1). С. 109–123. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-123

¹⁶⁷ Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения / Д.Л. Константиновский, Д.Ю. Куракин, Я.М. Рощина, В.С. Вахштайн // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 186–202.

¹⁶⁸ Индикаторы образования: 2020 : стат. сб.. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 496 с.

¹⁶⁹ По данным Министерства просвещения РФ.

Таблица 4.1. Распределение регионов по признакам благоустройства общеобразовательных школ, расположенных на их территориях

Доля школ с разными видами благоустройств	Школы оборудованы водопроводом			Школы оборудованы водоотведением (канализацией)		
	2016	2019	2019 к 2016, +/-	2016	2019	2019 к 2016, +/-
< 90 %	38	29	-9	38	30	-8
90–100 %	46	51	5	46	50	16
100%	1	5	4	1	5	4
Источник: данные Росстата.						

к концентрации необходимых ресурсов в ограниченной части регионов, формированию системы «победителей и проигравших», оттоку человеческого капитала с периферии в центр и дерегионализации образовательной политики в целом¹⁷⁰. Так, в 2016 г. лишь в одном российском регионе (Липецкой области) 100% общеобразовательных школ имели водопровод и канализацию; в 2019 г. к нему присоединились Воронежская, Вологодская, Тамбовская области и Санкт-Петербург. Несмотря на это, в подавляющей части регионов подобные условия созданы далеко не во всех школах (табл. 4.1).

Менее обеспеченными при этом остаются образовательные организации в сельской местности. В 2020 г. водопроводом, канализацией и центральным отоплением не были оборудованы 14% сельских школ (в городах – 4%). Доступ к высокоскоростному Интернету (100 Мбит/сек и выше) не имели 87% школ (в городах – 78%); 12% зданий школ требовало капитального ремонта (в городах – 10%), а 0,9% – находились в аварийном состоянии (в городах – 0,4%)¹⁷¹.

Как результат, в экономически развитых регионах население имеет возможность пользоваться современной образовательной инфраструктурой (новые благоустроенные здания), а в дотационных регионах значителен уровень износа и аварийности зданий и оборудования образовательных организаций, что негативно отражается на результатах обучения. «Материальная инфраструктура школьных зданий в сельской местности существенно ограничивает возможности сельских школьников по сравнению с городскими»¹⁷².

В последние годы сформировалось новое измерение инфраструктурного неравенства, источником которого являются сами образовательные институты, а в российских условиях формируются механизмы отчуждения от образования¹⁷³. В частности, появляются школы с высоким репутационным статусом («лидеры»),

¹⁷⁰ Курбатова М.В., Донова И.В., Кранзеева Е.А. Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития // Terra Economicus. 2021. № 19 (1). С. 109–123. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-123

¹⁷¹ По данным Министерства просвещения РФ.

¹⁷² Двенадцать решений для нового образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 105 с.

¹⁷³ Степанова И.Н., Калачева Е.В. Отчуждение в образовании // Вестник Курганского государственного университета. 2018. №1 (48). С. 85-87.

которые привлекают детей финансово и социально успешных родителей, и школы с низким репутационным статусом («аутсайдеры»), которые доступны всем остальным¹⁷⁴. По мнению И.С. Аглицкого, отличительными чертами «школ-лидеров» являются сравнительно меньшая наполняемость классов и степень усталости учителя на уроке, а также более развитая инфраструктура¹⁷⁵. «Школы-лидеры» имеют больше технических возможностей, поэтому лучше чувствуют себя в цифровой среде. Возможности остальных крайне лимитированы, поэтому к цифровизации они часто оказываются не готовы. Об этом говорят данные онлайн-опроса, проведенного в Вологодской области в 2020 г. Учителя оценивают готовность обычных (46%) и коррекционных (33%) школ к работе в дистанционном режиме намного ниже, чем гимназий, лицеев и школ с углубленным изучением отдельных предметов (66%).

Проблемы инфраструктурной доступности во многом связаны с результатами образовательной оптимизации, под которой обычно понимается процесс изменения структуры сети учебных заведений, состава ее элементов, статуса организаций и форм их участия в управлении с целью повышения эффективности функционирования образования¹⁷⁶. О.Н. Смолин отмечает, что термин «образовательная оптимизация» в отечественном социально-политическом контексте постсоветского периода по содержанию близок к «ликвидации школ», «сокращению образовательных организаций» и «экономии бюджетных средств». Саму концепцию оптимизации образовательной сети этот автор рассматривает как идею, «способную увеличить неравенство возможностей граждан в сфере образования и тем самым нанести ему вред»¹⁷⁷.

Политика оптимизации сети общеобразовательных учреждений, начатая в 2010 г., была направлена на сокращение числа убыточных для государственного бюджета малокомплектных и небольших по размерам школ, которые либо полностью закрывались, либо присоединялись к крупным образовательным организациям. В результате за 19 лет (2000–2019) в 20 субъектах РФ (23%) школьная сеть сократилась на 20–30%; в 41 регионе (49%) – на 40–50% и еще в 15 регионах (18%) – более чем наполовину¹⁷⁸. В основном эти процессы затронули сельскую местность.

В 2019 году Министерство просвещения РФ официально объявило, что уже не ставит перед регионами задачу оптимизации сети сельских школ¹⁷⁹. Однако по-

¹⁷⁴ Высоцкая А.В., Филипова А.Г. Образовательное неравенство в школе: от интерпретации понятия к детерминирующим факторам // Социальные исследования. 2018. №2. С. 1–17.

¹⁷⁵ Аглицкий И. Бремя и благо частной школы // Независимая газета. 2020. 17 сент. № 202. URL: https://www.ng.ru/vision/2020-09-16/8_7965_vision.html

¹⁷⁶ Ломакина Т.Ю., Сергеева М. Г. Инновационная деятельность в профессиональном образовании. Курск, 2011. 284 с.

¹⁷⁷ Смолин О.Н. Образование. Политика. Закон. Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России. М.: Культурная революция, 2010. 968 с.

¹⁷⁸ По данным Росстата.

¹⁷⁹ Минпросвещения не ставит перед регионами задачу оптимизации сельских школ. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6268330>

следствия данной политики до сих пор определяют повестку дня в российском образовании, что главным образом касается дефицита мест в школах и перехода все большего числа детей на режим обучения в две смены. Более того, частью образовательной реальности стало новое явление – обучение в третью смену (что запрещено п. 10.4 СанПиН 2.4.2.2821–10). Национальный проект «Образование» (появившийся на свет в 2019 г.) даже ставит задачу полной ликвидации третьей смены в школах, но этот ориентир до сих пор не достигнут¹⁸⁰. В 2019/20 учебном году во вторую смену обучались 2,1 млн. российских школьников (в 2013 г. – 1,8 млн.), в третью смену – 22 тыс. (в 2013 г. – 18 тыс.)¹⁸¹.

Ход оптимизации показывает, что в ряде регионов (таких как республики Алтай, Бурятия, Дагестан) было достаточно лишь незначительно сократить образовательную сеть (на 10–30%), чтобы более четверти школьников перешли на вторую-третью смену (табл. 4.2). В республиках Тыва и Чеченская подобные же результаты оптимизации вызвали куда более весомые последствия (там во вторую смену обучается более трети контингента школ). Эксперты считают, что, помимо прочего, политика оптимизации привела к фактическому вымиранию российской деревни, поскольку школы – это зачастую едва ли не единственный культурный центр в сельской местности¹⁸².

С нашей точки зрения еще одним следствием оптимизационных мероприятий стал кадровый дефицит в сельских школах¹⁸³. По данным Министерства просвещения РФ, в 2019 г. на селе работали 846,3 тыс. учителей (в 2016 г. – 854,2 тыс.). Большую часть (58%) составляют работники в возрасте старше 45 лет; доля молодых специалистов не достигает и 10%¹⁸⁴. По данным социологического исследования Общероссийского народного фронта и Фонда «Национальные ресурсы образования» (2019 г.), о нехватке педагогов в своих образовательных организациях говорят 54% учителей сельских школ (против 50% в городских школах)¹⁸⁵. С учетом задачи нацпроекта «Образование» по созданию к 2024 г. 24,6 тыс. новых мест в общеобразовательных организациях, расположенных в сельской местности и поселках городского типа, обозначенная проблема кадрового дефицита должна найти свое решение.

Для оценки состояния образовательной инфраструктуры в регионах мы выделили четыре показателя: 1) наличие у школ водопровода; 2) наличие водоотведения (канализации); 3) наличие центрального отопления; 4) доступность школ

¹⁸⁰ Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 7–25. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1

¹⁸¹ По данным Министерства просвещения Российской Федерации.

¹⁸² Бутузова Л. Вымирание по плану. Вслед за больницами в деревнях закрывают школы // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/society/03-07-2018/vymiranie-po-planu-vsled-za-bolnitsami-v-derevnyah-zakryvayut-shkoly>

¹⁸³ Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.

¹⁸⁴ По данным Министерства просвещения РФ.

¹⁸⁵ Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Мониторинг экономики образования. 2020. Вып. 18. С. 1–17.

Таблица 4.2. Доля школьников, обучающихся в разные смены в образовательных организациях регионов с разными последствиями оптимизации, в %

Территория	1 смена	2 смена	3 смена	Территория	1 смена	2 смена	3 смена
Регионы с незначительными последствиями оптимизации (за 2000–2019 гг. сеть школ сократилась менее чем на 10%)				Регионы со значительными последствиями оптимизации (за 2000–2019 гг. сеть школ сократилась на 40–50%)			
Санкт-Петербург	100,0	0,0	0,0	Кемеровская область	81,7	18,3	0,0
Кабардино-Балкарская Республика	90,0	10,0	0,0	Кировская область	81,1	18,9	0,0
Карачаево-Черкесская Республика	87,3	12,7	0,0	Костромская область	85,7	14,3	0,0
Республика Ингушетия	74,7	25,3	0,0	Красноярский край	84,3	15,7	0,0
Республика Саха	81,9	18,1	0,0	Курская область	91,4	8,6	0,0
Республика Тыва	64,4	32,4	3,2	Мурманская область	96,7	3,3	0,0
Чеченская Республика	60,4	35,2	4,3	Ненецкий АО	92,5	7,5	0,0
Регионы со средними последствиями оптимизации (за 2000–2019 гг. сеть школ сократилась на 20–30%)				Нижегородская область	89,7	10,3	0,0
Камчатский край	89,0	11,0	0,0	Новосибирская область	78,1	21,9	0,0
Краснодарский край	76,3	23,7	0,0	Оренбургская область	89,1	10,9	0,0
Ленинградская область	98,8	1,2	0,0	Орловская область	84,7	15,3	0,0
Магаданская область	83,5	16,5	0,0	Пермский край	76,6	23,4	0,0
Московская область	93,4	6,6	0,0	Республика Карелия	96,2	3,8	0,0
Приморский край	81,7	18,3	0,0	Республика Коми	90,0	10,0	0,0
Республика Адыгея	84,4	15,6	0,0	Республика Марий Эл	86,8	13,2	0,0
Республика Алтай	73,8	26,2	0,0	Республика Татарстан	90,3	9,7	0,0
Республика Бурятия	74,4	23,9	1,6	Республика Хакасия	85,5	14,5	0,0
Республика Дагестан	69,8	28,8	1,4	Ростовская область	84,6	15,4	0,0
Республика Калмыкия	96,3	3,7	0,0	Саратовская область	91,5	8,5	0,0
Республика Северная Осетия – Алания	93,4	6,6	0,0	Смоленская область	89,1	10,9	0,0
Самарская область	90,4	9,6	0,0	Томская область	73,0	27,0	0,0
Сахалинская область	83,0	17,0	0,0	Тульская область	98,9	1,1	0,0
Свердловская область	81,3	18,7	0,0	Удмуртская Республика	79,4	20,6	0,0

Территория	1 смена	2 смена	3 смена	Территория	1 смена	2 смена	3 смена
Ставропольский край	83,6	16,4	0,0	Ульяновская область	95,5	4,5	0,0
Хабаровский край	91,8	8,2	0,0	Челябинская область	81,0	19,0	0,0
Ханты-Мансийский АО	78,2	21,8	0,0	Чувашская Республика	94,4	5,6	0,0
Чукотский АО	95,2	4,8	0,0	Ярославская область	88,5	11,5	0,0
Ямало-Ненецкий АО	83,8	16,2	0,0	Регионы с катастрофическими последствиями оптимизации (за 2000–2019 гг. сеть школ сократилась более чем на 50%)			
Регионы со значительными последствиями оптимизации (за 2000–2019 гг. сеть школ сократилась на 40–50%)			Алтайский край	82,4	17,6	0,0	
Амурская область	78,8	21,2	0,0	Вологодская область	84,1	15,9	0,0
Архангельская область	91,7	8,3	0,0	г. Москва	100,0	0,0	0,0
Астраханская область	81,9	18,1	0,0	Курганская область	79,5	20,5	0,0
Белгородская область	97,3	2,7	0,0	Липецкая область	88,8	11,2	0,0
Брянская область	91,9	8,1	0,0	Новгородская область	96,6	3,4	0,0
Владимирская область	88,5	11,5	0,0	Омская область	83,0	17,0	0,0
Волгоградская область	91,5	8,5	0,0	Пензенская область	96,0	4,0	0,0
Воронежская область	90,6	9,4	0,0	Псковская область	87,9	12,1	0,0
Еврейская автономная область	86,8	13,2	0,0	Республика Башкортостан	90,4	9,6	0,0
Забайкальский край	77,7	22,3	0,0	Республика Мордовия	97,6	2,4	0,0
Ивановская область	89,6	10,4	0,0	Рязанская область	95,5	4,2	0,3
Иркутская область	80,3	19,7	0,0	Тамбовская область	95,2	4,8	0,0
Калининградская область	86,9	13,1	0,0	Тверская область	91,1	8,9	0,0
Калужская область	93,5	6,5	0,0	Тюменская область	86,8	13,2	0,0
Источник: рассчитано авторами по данным Росстата и Министерства Просвещения РФ.							

для маломобильных групп населения. Каждый показатель мы стандартизировали на оптимальный индикатор – число зданий, отведенных для общеобразовательных школ. В итоге мы должны получить четыре коэффициента, значения которых располагаются в диапазоне от нуля до единицы (где 0 – это отсутствие в школах региона соответствующих условий, а 1 – наличие соответствующих условий у всех без исключения школ в регионе). В рамках научных обобщений полученные дан-

ные агрегировались в интегральный индекс инфраструктурной обеспеченности (I_x) путем умножения коэффициентов друг на друга.

Расчеты были выполнены авторами с применением показателей статистики Министерства просвещения РФ (форма «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности общеобразовательной организации») за 2019 год. В ходе расчетов был получен ряд индексов I_x в диапазоне от 0,99 (Москва) до 0,04 (Республика Тыва и Ненецкий автономный округ).

В рамках анализа индексный ряд был разбит на четыре группы с одинаковым интервалом значений:

- 1) территории с высоким уровнем I_x (выше 0,75);
- 2) территории с уровнем I_x выше среднего (0,5–0,75);
- 3) территории с уровнем I_x ниже среднего (0,25–0,5);
- 4) территории с низким уровнем I_x (ниже 0,25).

В ходе исследования была построена матрица, в которой регионы с разной инфраструктурной доступностью образовательных услуг сгруппированы по уровню социально-экономического развития (табл. 4.3).

В группу территорий с высоким уровнем индекса в ходе расчета были отнесены только 3 региона: Москва ($I_x = 0,99$), Санкт-Петербург ($I_x = 0,82$), Ханты-Мансийский АО ($I_x = 0,80$). Таким образом, благоприятные условия для доступности образовательной инфраструктуры сложились главным образом в наиболее экономически развитых регионах страны. Для справки: ни один из регионов со средним и низким уровнем социально экономического развития (для определения этой группы использовались данные рейтинга РИА за 2019 год¹⁸⁶) не входит в эту группу.

В группу территорий, где уровень развития I_x выше или ниже среднего, попала основная часть регионов (61%) с неодинаковым уровнем социально-экономического развития.

В состав группы территорий с низким уровнем развития I_x вошли 16 регионов, а также субъекты РФ с разным уровнем развития экономики и социальной сферы. Однако половина из них – это наиболее бедные регионы. Так, минимальные показатели индекса I_x зарегистрированы в национальных республиках – Саха ($I_x = 0,08$), Калмыкия ($I_x = 0,06$), Дагестан ($I_x = 0,05$), Тыва ($I_x = 0,04$), в Ненецком автономном округе ($I_x = 0,04$) и Забайкальском крае ($I_x = 0,06$). На этих территориях часть детей не имеет возможности воспользоваться коммунальными удобствами во время нахождения в школе. Например, в Республике Тыва около 60% зданий образовательных организаций не оборудованы водопроводом и не имеют канализации. Помещения некоторых школ в зимнее время не отапливаются (в Республике Тыва таких школ 37%)¹⁸⁷. Это говорит о том, что благоустройство в общем образовании зависит прежде всего от доходов регионального бюджета, а не от помощи из федерального центра.

Таким образом, инфраструктурная доступность образовательных услуг для населения регионов России не только разная, но и находится в прямой зависимости от социально-экономического положения территории.

¹⁸⁶ Рейтинг социально-экономического положения регионов. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.htm>

¹⁸⁷ По данным Министерства просвещения Российской Федерации.

Таблица 4.3. Инфраструктурная доступность образования в регионах с разным уровнем социально-экономического развития (по итогам 2019 г.)

Рейтинг РИА – 2019*	Индекс инфраструктурной доступности**			
	Высокий уровень (выше 0,75)	Уровень выше среднего (0,5-0,75)	Уровень ниже среднего (0,25-0,5)	Низкий уровень (ниже 0,25)
С высоким уровнем социально-экономического развития (первые 30 регионов в рейтинге)	г. Москва (0,99) Санкт-Петербург (0,82) Ханты-Мансийский АО (0,80)	Московская область (0,72) Ленинградская область (0,55) Тюменская область (0,71) Ростовская область (0,58) Воронежская область (0,55) Липецкая область (0,73) Калужская область (0,59) Ставропольский край (0,53)	Республика Татарстан (0,42) Ямало-Ненецкий АО (0,32) Свердловская область (0,39) Краснодарский край (0,37) Самарская область (0,33) Красноярский край (0,26) Р. Башкортостан (0,37) Пермский край (0,39) Челябинская область (0,33) Белгородская область (0,35) Сахалинская область (0,36) Кемеровская область (0,35) Новосибирская область (0,37) Оренбургская область (0,44) Волгоградская область (0,44)	Нижегородская область (0,21) Иркутская область (0,13) Тульская область (0,19) Вологодская область (0,17)
Со средним уровнем социально-экономического развития			Саратовская область (0,37) Курская область (0,27) Мурманская область (0,38) Калининградская область (0,28) Удмуртская Р. (0,29) Р. Крым (0,28) Хабаровский край (0,48) Рязанская область (0,37) Астраханская область (0,30) Ульяновская область (0,50) Томская область (0,31) Чувашская Р. (0,49) Тамбовская область (0,45)	Приморский край (0,22) Омская область (0,22) Р. Саха (0,08) Ярославская область (0,13) Владимирская область (0,25) Р. Коми (0,24) Алтайский край (0,24) Тверская область (0,20) Архангельская область (0,10) Брянская область (0,25) Амурская область (0,21) Кировская область (0,12)
С низким уровнем социально-экономического развития (последние 30 регионов в рейтинге)		Пензенская область (0,55) Чеченская Р. (0,52) Р. Хакасия (0,52) Кабардино-Балкарская Р. (0,52)	Смоленская область (0,33) Ивановская область (0,39) Новгородская область (0,29) Севастополь (0,29) Р. Марий Эл (0,39) Костромская область (0,29) Курганская область (0,29) Камчатский край (0,37) Чукотский АО (0,30) Р. Алтай (0,34) Еврейская АО (0,39)	Республика Дагестан (0,05) Ненецкий АО (0,04) Р. Мордовия (0,25) Орловская область (0,23) Р. Карелия (0,10) Забайкальский край (0,06) Р. Адыгея (0,20) Р. Бурятия (0,19) Псковская область (0,16) Магаданская область (0,18) Р. Северная Осетия (0,23) Р. Калмыкия (0,06) Карачаево-Черкесская Р. (0,18) Р. Ингушетия (0,19) Р. Тыва (0,04)
Источники: * Рейтинг социально-экономического положения регионов. URL: https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html ; ** расчеты, выполненные авторами с применением показателей статистики Министерства просвещения РФ (форма «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности общеобразовательной организации за 2019 год»).				

4.2. Реализация принципа достойной оплаты труда педагогических работников школ в регионах России

Создание условий для достойной жизни работников образовательных организаций с недавних пор стало мерилом эффективности государственного управления. Педагогическая профессия – традиционно одна из самых низкооплачиваемых на рынке труда мировых держав. По данным Организации экономического сотрудничества (ОЭСР), в ряде экономически развитых стран (таких как Австралия, Франция, Великобритания и др.) заработная плата учителей школ не превышает даже полутора объемов минимальной оплаты труда занятого населения (МПОТ)¹⁸⁸. Результаты проекта Global Teacher Status Index 2018 (проводится фондом Varkey) говорят о том, что государственные затраты на оплату труда работников школ в Гане, Индии и Уганде не превышают 10 тыс. долларов США в год на человека, тогда как в США доходят до 60 тыс. долларов¹⁸⁹. В ряде государств (например, в Филиппинах) представители педагогического сообщества массово оказываются перед лицом проблем кредиторской задолженности¹⁹⁰.

Все это говорит об актуальности вопросов обеспечения финансового благополучия рассматриваемой категории работников. По словам Э. Голдсмит, финансовое благополучие – это степень экономической безопасности и достатка человека или семьи, которые защищают домашние хозяйства от повседневных финансовых рисков, таких как безработица, болезнь, банкротство и бедность¹⁹¹. К. Шогрен рассматривает финансовое благополучие как ключевой аспект социальной жизни и психического состояния личности, а также как важное условие развития положительных форм ее организационного поведения и профессиональных качеств¹⁹². Некоторые экономисты прослеживают связь между отсутствием финансового благополучия граждан и силой воздействия стрессовых ситуаций¹⁹³.

С данным понятием тесно связана категория «достойная оплата труда», под которой мы понимаем средство обеспечения финансового благополучия и достойной жизни граждан как состояния комплексной реализации их биологических, социальных и духовных потребностей. По определению Международной организации труда (МОТ) порогом достойной оплаты труда являет-

¹⁸⁸ Education at a Glance 2015. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2015_eag-2015-en#page1 (дата обращения: 24.05.2021).

¹⁸⁹ Global Teacher Status Index 2018 Report. URL: <https://www.varkeyfoundation.org/media/4867/gts-index-13-11-2018.pdf> (дата обращения: 09.09.2020).

¹⁹⁰ Ferrer J.C. Caught in a Debt Trap? An Analysis of the Financial Well-Being of Teachers in the Philippines // *The Normal Lights*. 2017. No. 11(2). P. 297–324.

¹⁹¹ Goldsmith E.B. *Resource Management for Individual and Family*. New York: Pearson, 2000. 463 p.

¹⁹² Shogren K.A. The Role of Positive Psychology Constructs in Predicting Life Satisfaction in Adolescents with and Without Cognitive Disabilities: An Exploratory Study // *The Journal of Positive Psychology*. 2006. No. 1. P. 37–52.

¹⁹³ Prawitz A.D. et al. InCharge Financial Distress/Financial Well-Being Scale: Development, Administration, and Score Interpretation // *Journal of Financial Counseling and Planning*. 2006. No. 17(1). P. 34–90.

ся значение минимальной заработной платы, ратифицированное на уровне отдельных государств¹⁹⁴.

В то же время П.Б. Зарате считает, что жизнь современных педагогов сложно оценивать в категориях финансового благополучия. По ее словам, учителя часто «испытывают огромный стресс из-за того, что боятся будущих финансовых проблем»¹⁹⁵. Подобные проблемы возникают потому, что оплата труда учителей в большинстве стран имеет тенденцию к снижению по сравнению с другими профессиями¹⁹⁶. В отдельных случаях социальное положение педагогов близко к «самому низкому общественному классу, поскольку они получают только стартовую зарплату»¹⁹⁷.

В свою очередь многие специалисты связывают финансовое благополучие учителей с результативностью государственной политики. Ф. Хамиди и Б. Мохамеди, например, считают, что залогом эффективности в образовании является процесс «переосмысления заработной платы учителей и корректировка ее значений в соответствии с доходами других профессиональных групп (даже если итоговые результаты подобной корректировки будут составлять финансовое бремя для государства)»¹⁹⁸. А.Л. Синица пишет о том, что «качественное образование подразумевает и достойную оплату за труд педагогических работников; любовь к детям и профессии выступает мощным стимулом, и, когда он подкреплен достойной оплатой труда, это выводит систему образования на принципиально новый уровень»¹⁹⁹. По словам Дж. Феррера, «никакие ресурсы и новаторские реформы в образовании не могут заменить армию квалифицированных и преданных своему делу учителей, одним из условий жизни которых является финансовое благополучие»²⁰⁰.

Проблемы финансового благополучия педагогов и достойной оплаты труда актуальны и для национальной образовательной системы России. В начале 2000-х годов заработная плата российских педагогов не достигала даже 60% от средней

¹⁹⁴ Пути решения проблемы низкой оплаты труда. Документ о политике ЕФПРОО в отношении низкой оплаты труда. URL: http://www.fppk.ru/text/low_zp_problem.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

¹⁹⁵ Zarate P.B. Lifestyle and Financial Management of Public School Teachers // *Liceo Journal of Higher Education Research*. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 203–215.

¹⁹⁶ Nickell S.J., Quintini G. The Consequences of The Decline in Public Sector Pay in Britain: A Little Bit of Evidence // *The Economic Journal*. 2002. No. 112. P. 107–118; Hanushek A., Rivkin S. Pay, Working Conditions, and Teacher Quality // *The Future of Children*. 2007. No. 17(1). P. 69–86. doi: <https://doi.org/10.1353/foc.2007.0002>.

¹⁹⁷ Ferrer J.C. Caught in a Debt Trap? An Analysis of the Financial Well-Being of Teachers in the Philippines // *The Normal Lights*. 2017. No. 11(2). P. 297–324.

¹⁹⁸ Hamidi F., Mohamadi B. Teachers' Quality of Work Life in Secondary Schools // *International Journal of Vocational and Technical Education*. 2012. Vol. 4(1). P. 1–5.

¹⁹⁹ Синица А.Л. Межрегиональные различия в оплате труда: педагогические работники в муниципальных школах // *Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика*. 2019. № 1. С. 26–49.

²⁰⁰ Ferrer J.C. Caught in a Debt Trap? An Analysis of the Financial Well-Being of Teachers in the Philippines // *The Normal Lights*. 2017. No. 11(2). P. 297–324.

заработной платы по экономике в целом²⁰¹. По данным Росстата, в 2013 г. в таких регионах, как Алтайский и Забайкальский край, республики Адыгея, Дагестан, Калмыкия, Тыва и Чеченская, более 1/10 от численности работников образования получали заработную плату на уровне МРОТ и ниже (минимальный размер оплаты труда в то время составлял 5 тыс. рублей в месяц). В.В. Моисеев в рамках обобщения этой ситуации отмечает: «Такие зарплаты оставляют молодого школьного учителя у черты бедности, то есть на грани физиологического выживания»²⁰². На этом фоне крайне показательными явились неудовлетворительные результаты участия российских школьников в международном исследовании PISA-2012, которое оценивает качество образовательной подготовки несовершеннолетних граждан (38-е место среди стран мира по естественнонаучной грамотности, 34-е – по математической грамотности и 42-е – по читательской грамотности)²⁰³.

7 мая 2012 г. был издан Указ Президента Российской Федерации № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», который предписывал Правительству РФ «обеспечить доведение в 2012 году средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования до средней заработной платы в соответствующем регионе»²⁰⁴. В 2013 г. эта задача была полностью выполнена в 61-м (из 83-х) субъекте Российской Федерации, а в 2015 г. – уже в 100% регионов. Майский указ (здесь и далее, упоминая этот документ, мы будем иметь в виду Указ Президента РФ от 7.05.2012 № 597) определил ориентиры для улучшения финансового благосостояния представителей учительской профессии не только на краткосрочную, но и на долгосрочную перспективу. Так, в 2017 г. показатель «сохранение роста заработной платы педагогов общего образования в размере 100% от среднего уровня по экономике региона» переключался в государственную программу «Развитие образования»²⁰⁵. Е.М. Аврамова и Д.М. Логинов оценивают реализацию майского указа как шаг к «вхождению российского учительства в состав среднего класса»²⁰⁶.

В то же время достижение целевого показателя майского указа в российских регионах отличается рядом парадоксов. Во-первых, как отмечают Т.Л. Клячко и Г.С. Токарева, результаты повышения оплаты труда педагогических работников

²⁰¹ Синица А.Л. Межрегиональные различия в оплате труда: педагогические работники в муниципальных школах // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2019. № 1. С. 26-49.

²⁰² Моисеев В.В. Государственная политика оплаты труда педагогов // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 28–33.

²⁰³ Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // Проблемы развития территории. 2019. № 4(102). С. 7–25. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.4.102.1>.

²⁰⁴ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597. URL: <http://base.garant.ru/70170950/#ixzz6XXS22XEs> (дата обращения: 09.09.2020).

²⁰⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 24.05.2021).

²⁰⁶ Аврамова Е.М., Логинов Д.М. О социально-экономическом значении повышения оплаты труда учителей // Экономика региона. 2016. № 4. С. 1135–1145.

нельзя рассматривать однозначно, поскольку благополучатели расценивают эти действия власти как «акт справедливости», компенсацию того, что они и так заслуживают, а не как улучшение условий труда, которое само по себе должно мотивировать к более эффективной работе²⁰⁷. Во-вторых, по мнению Н.Г. Типенко, в образовании распределение оплаты труда между различными категориями работников отличается крайней неравномерностью²⁰⁸. По существу, в плане финансирования нет «среднего учителя», который получает среднюю заработную плату. Труд одних учителей (в основном молодых специалистов) оплачивается крайне низко, других (доминирующая часть специалистов с большим стажем работы) – достаточно высоко. При этом достойный заработок сопровождается критическим увеличением трудовой нагрузки преподавателей. Данные всероссийских опросов показывают, что 60% учителей российских школ работают более чем на одну ставку, при этом около 14% работают даже на две ставки²⁰⁹.

Итак, достижение целевого показателя майского указа (средний уровень заработной платы по экономике региона) связано с увеличением оплаты труда не всех без исключения работников школы, а лишь определенной части педагогов. «Еще один распространенный способ изобразить хорошую среднюю цифру по заработной плате – записать завучей на полставки как учителей, но их высокую зарплату считать в общем котле как учительскую»²¹⁰. В 2018 г. межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель» выступил с обращением к высшим органам власти, а также заинтересованным ведомствам, в котором заявил, что высокие отчетные значения оплаты труда в образовании «достигаются за счет непедагогических работников, совместителей, а главным образом – за счет увеличения рабочего времени»²¹¹. Свою роль в этом сыграла и нерегулярность трансфертов и субвенций для решения задач майского указа со стороны федерального центра, что спровоцировало рост дефицита бюджетов регионов, накопление ими кредитов, а также имитационное поведение²¹².

Перечисленные явления в профессиональной жизни педагогов также подтверждаются данными социологических замеров, которые были проведены в Вологодской области в 2020 г. в ходе онлайн-опроса представителей учительского сообщества (N=1500). Согласно им, лишь 14% педагогов удовлетворены размерами оплаты своего труда. Собственный заработок считают соответствующим трудовому вкладу только 13%. Более трети (35%) учителей полагают, что денег, полученных ими

²⁰⁷ Клячко Т.Л., Токарева Г.С. Заработная плата учителей: ожидания и достигнутые результаты // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 199–216.

²⁰⁸ Типенко Н.Г. Заработная плата в общем образовании в 2013 г.: межрегиональный анализ, тенденции и перспективы // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 148–168.

²⁰⁹ Клячко Т.Л., Семионова Е.А., Токарева Г.С. Труд и заработная плата учителей – что изменилось? // Экономическое развитие России. 2018. № 11. С. 46–62.

²¹⁰ Нехлебова Н. Усреднение заело // Огонёк. 2018. № 4. С. 16.

²¹¹ Кампания за достойную оплату труда учителя: требования профсоюза. URL: <https://pedagog-prof.org/kampanii/kampaniya-za-dostojnuyu-oplatu-truda-uchitelya-trebovaniya-profsoyuza> (дата обращения: 09.09.2020).

²¹² Нехлебова Н. Усреднение заело // Огонёк. 2018. № 4. С. 16.

за работу, хватает в лучшем случае только на приобретение продуктов питания²¹³. Это не позволяет говорить о финансовом благополучии данной профессиональной группы, если ориентироваться на критерии, определенные в трудах И. Влаева и А. Эллиота (они считают, что финансовое благополучие определяется возможностью человека покупать ненужные вещи и жить своей жизнью)²¹⁴.

Таким образом, выполнение майского указа оказалось в институциональной ловушке «средней по региону» (по выражению Н.Г. Типенко)²¹⁵. Содержание этой ловушки хорошо отражает официальное разъяснение, которое предоставило Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации на своем сайте: «... повышение зарплат... не означает, что такой уровень будет у всех, – это средний уровень зарплат»²¹⁶. Инициированное майским указом увеличение не гарантирует улучшение качества жизни всех педагогов без исключения, поскольку в итоге увеличивается размер заработной платы, а не ставка, выплачиваемая за выполнение нормы труда²¹⁷. Поэтому проблемы их финансового благополучия так и не были до конца решены. За период 2013–2019 гг. доля учителей, получающих заработную плату на уровне МРОТ и ниже, в 31 российском регионе (среди них Липецкая, Псковская, Саратовская, Тамбовская области и др.) не уменьшилась, а увеличилась.

Каким образом описанная выше ситуация сосуществует с фактом доведения заработной платы педагогов до среднего уровня по региону? Ответ достаточно прост. Рост заработной платы имеет место, но касается небольшой группы работников образовательных организаций (которые давно работают в школе и занимают более одной ставки). Подобная модель неравномерного распределения фонда оплаты труда (ФОТ) стала нормой далеко не сразу. По данным Росстата, по итогам 2013 года («стартового» для выполнения задач майского указа) в четырех регионах, которые смогли достичь целевого показателя увеличения учительских доходов, вообще не было педагогических работников, которые бы получали заработную плату ниже или соответствующую МРОТ. Однако в 2019 г. таким регионом оказался всего один субъект Российской Федерации (Мурманская область)²¹⁸.

Неоднозначное влияние неравномерности в распределении фонда оплаты труда на благополучие и трудовой потенциал российских учителей подчер-

²¹³ Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30.

²¹⁴ Vlaev I., Elliott A. Financial Well-Being Components // Social Indicators Research. 2014. Vol. 118. No. 3. P. 1103–1123.

²¹⁵ Типенко Н.Г. Ловушка «средней по региону» // Вести образования. 2019. 26 июня. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/6/26/economics/8210-lovushka_sredney_po_regionu (дата обращения: 09.09.2020).

²¹⁶ Нехлебова Н. Усреднение заело // Огонёк. 2018. № 4. С. 16.

²¹⁷ Типенко Н.Г. Ловушка «средней по региону» // Вести образования. 2019. 26 июня. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/6/26/economics/8210-lovushka_sredney_po_regionu (дата обращения: 09.09.2020).

²¹⁸ Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30

квивают в своих работах многие исследователи (Е.М. Авраамова, Т.Л. Клячко, Д.М. Логинов, Е.А. Полушкина, Е.А. Семионова, Г.С. Токарева и Н.Г. Типенко). Реже, однако, можно встретить научные методики оценки результативности эффекта увеличения заработной платы педагогов в рамках целеполагания майского указа. В частности, Л.А. Карасева и А.А. Охрименко предлагают расчет «коэффициента опережения», который определяет степень достижения целевого показателя роста заработной платы в образовании, ориентируясь на тот уровень, который сложился до начала реализации соответствующих решений²¹⁹. Таким образом, коэффициент представляет собой процентное отношение номинальных значений текущего уровня средней заработной платы педагогов к аналогичному значению за базовый период (под ним понимается 2013 год), которое делится на процентное отношение средней заработной платы работников по полному кругу организаций в текущем году к аналогичному показателю за базовый период. Значения коэффициента располагаются на оси координат, где показатели выше 1 означают объективное выполнение майского указа, а все, что меньше 1, – невыполнение.

С нашей точки зрения результаты апробации данной методики хорошо демонстрируют зависимость роста доходов педагогов от экономической конъюнктуры и поведения агентов на рынке труда (то есть от тех факторов, которые в основном влияют на динамику значений оплаты труда в отраслях народного хозяйства). Однако коэффициент опережения мало отражает финансовое благополучие и качество жизни педагогов как специфической профессиональной группы, поскольку не учитывает влияние ловушки «среднего значения» (неравномерность распределения фонда оплаты труда в образовании). Поэтому использовать данный коэффициент целесообразно исключительно в контексте оценки эффективности управленческих решений на местах²²⁰.

В этой связи была поставлена цель оценить объективную степень реализации принципа достойной оплаты труда педагогических работников российских школ на уровне отдельных регионов. В исследовании были учтены темпы роста заработной платы учителей, целевого и начального (базового) уровней выполнения майского указа, а также особенностей распределения фонда оплаты труда в образовательных организациях регионов. Исходя из теоретических посылов Международной организации труда, мы полагаем, что границей достойного заработка следует считать минимальный размер оплаты труда (МРОТ). Таким образом, МРОТ – это своеобразная «точка отсчета» формирования элементарных условий достойной жизни для работников²²¹.

²¹⁹ Карасева Л.А., Охрименко А.А. Оплата труда педагогических работников в регионах Крайнего Севера России: экономико-статистический анализ // Вопросы статистики. 2020. № 27 (3). С. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-81-93>

²²⁰ Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: [10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30)

²²¹ Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: [10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30](https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30)

Для достижения цели исследования мы модифицировали методику расчета коэффициента опережения (разработанную Л.А. Карасевой и А.А. Охрименко) для апробации на примере заработной платы педагогических работников общеобразовательных школ всех форм собственности, проживающих и работающих на отдельных территориях. Мы предлагаем корректировать значения коэффициента на вес региона, отражающий один из возможных статусов: а) территория обеспечивает реальное выполнение майского указа (достойную зарплату получают учителя всех категорий); б) территория выполняет майский указ формально (за счет неравномерного распределения ФОТ).

Таким образом, модифицированный коэффициент опережения ($K_{\text{мод}}$) будет рассчитываться по следующей формуле:

$$K_{\text{мод}} = \frac{\frac{f_1^{\text{обп}}}{f_0^{\text{обп}}} \times 100\%}{\frac{f_1}{f_0} \times 100\%} \times k_x, \quad (4.1)$$

где $f_1^{\text{обп}}$ – средняя заработная плата учителей в регионе в текущем году;

$f_0^{\text{обп}}$ – средняя заработная плата учителей в регионе в базовом году;

f_1 – средняя заработная плата наемных работников по полному кругу организаций в целом по экономике региона в текущем году (целевой показатель);

f_0 – средняя заработная плата наемных работников по полному кругу организаций в целом по экономике региона в базовом году (целевой показатель);

k_x – весовой коэффициент.

Для определения значений весового коэффициента мы построили матрицу, сравнив в ней положение российских регионов по двум признакам: степени достижения значений целевого показателя майского указа Президента Российской Федерации и доле работников образовательных организаций, получающих заработную плату на уровне МРОТ и ниже. Подобные матрицы были построены нами на несколько лет в промежутке с 2013 по 2019 г. Уровень представительства в регионах учителей, чей труд оплачивается на уровне МРОТ и ниже, определен путем кластеризации соответствующих значений методом k-средних²²².

В результате мы получили несколько кластеров, объединяющих разное количество территорий. В регионах, принадлежащих кластерам AD и BD, увеличение размеров оплаты труда преподавателей общеобразовательных школ затрагивает все категории работников. Достижение целевого показателя майского указа на этих территориях не сопровождается существенным разрывом в оплате труда отдельных категорий педагогов. Поэтому улучшение финансового благополучия касается всех педагогических работников. За период 2013–2019 гг. в России число таких регионов, несмотря на то что формально показатели майского указа выполняются практически повсеместно, снизилось с четырех до одного.

²²² Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30

В регионах, вошедших в кластеры АЕ, АF, АG, ВЕ, ВF, ВG, доведение заработной платы педагогов до начисленной среднемесячной заработной платы по полному кругу организаций в целом по экономике региона, наоборот, затронуло не всех учителей общеобразовательных школ. Это произошло по причине того, что заработная плата учителей этих территорий пока не обеспечивает им финансового благополучия и достойную жизнь. Следовательно, достижение показателей майского указа Президента РФ здесь связано с заметным повышением зарплат только части учителей. В кластерах АЕ и ВЕ представительство педагогов с заработной платой на уровне не выше МРОТ является максимально низким, в кластерах АG и ВG – максимально высоким. За 2013–2019 гг. из благополучного кластера AD в менее благополучный АЕ переместился ряд регионов (среди которых Ненецкий АО и ХМАО – Югра). Заметное улучшение обстановки произошло лишь в Мурманской области – единственной, которая в 2019 г. вошла в кластер AD.

В регионах кластеров группы С целевой показатель майского указа так и не был достигнут. В 2013–2019 гг. наполнение этого кластера снизилось, но сюда вошли некоторые регионы из групп А и В, в частности Сахалинская область и Камчатский край. Отметим, что данное перемещение может указывать не только на снижение доходов учителей в денежном выражении, но и на несоответствие роста выплат динамике средней заработной платы наемных работников полного круга организаций (то есть на отставание от роста среднего уровня по региону).

В рамках расчетов регионам, отнесенным к тому или иному кластеру, назначается определенный вес. Вес региона отражает равномерность распределения на его территории фонда оплаты труда педагогических работников школ. Если в регионе не сформированы условия для достойной оплаты труда учителей (часть из них получает заработную плату в размере МРОТ и ниже), но при этом достигнут целевой показатель майских указов, то это свидетельствует о том, что его достижение происходит за счет перераспределения ФОТ в пользу небольшой группы работников. Таким территориям присваивается наименьший весовой коэффициент в интервале от 0,1 до 0,6 (с шагом 0,1). Весовые коэффициенты в интервале от 0,7 до 0,9 присваиваются регионам, в которых не было достигнуто значение майского указа, но имеются признаки неравномерного распределения ФОТ (кластеры СЕ, СF, СG). Всем регионам, на территории которых учителя получают заработную плату выше уровня МРОТ (кластеры AD, BD, CD), присваивается весовой коэффициент, равный 1 (поскольку перераспределение фонда оплаты труда в этом случае не используется для достижения целевого ориентира майского указа)²²³.

Таким образом, коэффициент опережения будет корректировать вес региона в зависимости от того, какая ситуация с распределением ФОТ сложилась на рассматриваемой территории. Если достижение/недостижение целевых показателей майского указа не сопровождается значительным разрывом в оплате труда отдельных категорий педагогов, то коэффициент не изменится. Если такой разрыв имеется, то расчетный показатель снизится. В меньшей мере корректировка

²²³ Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30

в расчетах коснется регионов, которые не достигли целевых показателей в начислениях (поскольку здесь формируется более объективная картина распределения ФОТ); в большей мере – тех субъектов Российской Федерации, в которых формальное достижение цели майского указа сопряжено с наличием работников школ, имеющих доходы, которые нельзя назвать достойными для жизни²²⁴.

Мы провели расчеты модифицированного коэффициента опережения по всем субъектам Российской Федерации (кроме Республики Крым и г. Севастополя) за 2015, 2017 и 2019 гг. В качестве базового был выбран 2013 год, как «стартовый» для выполнения майского указа, поэтому расчеты по нему не проводились (табл. 4.4).

Получившийся массив данных показывает, что в 2015 г. реальное выполнение майского указа (увеличение заработной платы до 100% от средних значений по региону касается всех работников) было обеспечено в семи (из 83-х) российских регионах (с коэффициентом опережения на уровне 1 или выше). Причем за три года произошло сокращение этой группы: в 2017 г. – до 0, а в 2019 г. – до трех регионов. За период 2015–2019 гг. ни одна из территорий не улучшила значения модифицированного коэффициента опережения.

В 2019 г. целый ряд территорий (в их числе Липецкая, Орловская, Псковская, Ростовская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская и Тверская области, республики Карачаево-Черкесская и Северная Осетия – Алания, Ставропольский край и др.) не смогли обеспечить выполнение майского указа по достойной оплате труда всех учителей школ. Это произошло, поскольку в данных регионах определенная часть педагогов (от 26% в Ставропольском крае до 42% в Тверской области) получает заработную плату на уровне МРОТ и ниже. При этом число таких территорий растет: в 2015 г. – 3, в 2017 г. – 13, в 2019 г. – 11 регионов.

В исследовании мы сравнили результаты расчетов с возможностями применения коэффициента опережения в немодифицированном виде (без учета параметра, отвечающего за равномерность распределения ФОТ среди учителей). В данном случае количество регионов с благоприятными условиями ($K \geq 1$) существенно больше: в 2015 г. – 81 (с учетом модифицированного коэффициента – 7), в 2017 г. – 5 (с учетом модифицированного коэффициента – 0), в 2019 г. – 59 (с учетом модифицированного коэффициента – 3). Это говорит о значительном количестве территорий, в которых планомерное увеличение доходов педагогов до 100% от среднего уровня начисленной заработной платы по полному кругу организаций в экономике региона хотя и имеет место, но является простой формальностью и не создает условий для достойной жизни всех без исключения категорий учителей²²⁵.

Из этого следует необходимость реформирования существующей системы оплаты труда учителей, но на этот раз с четким определением критериев (чего сейчас, к сожалению, нет). Ориентиром может служить модель «Всё включено». Для этого,

²²⁴ Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30

²²⁵ Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30

**Таблица 4.4. Динамика модифицированного коэффициента опережения
по регионам России с 2015 по 2019 год**

Регион	Год			Регион	Год			Регион	Год		
	2015	2017	2019		2015	2017	2019		2015	2017	2019
Сахалинская область	0,31	0,89	1,15	Калужская область	0,31	0,26	0,31	Курская область	0,32	0,27	0,20
Камчатский край	0,36	0,93	1,00	Республика Карелия	0,33	0,27	0,31	Новгородская область	0,32	0,26	0,20
Приморский край	0,34	0,28	1,00	Красноярский край	0,34	0,28	0,31	Рязанская область	0,21	0,18	0,20
Чукотский автономный округ	1,14	0,30	0,97	Оренбургская область	0,33	0,28	0,31	Самарская область	0,31	0,17	0,20
Республика Бурятия	0,35	0,28	0,95	г. Санкт-Петербург	0,31	0,28	0,31	Ульяновская область	0,22	0,19	0,20
Магаданская область	0,32	0,84	0,95	Тульская область	0,98	0,77	0,31	Республика Хакасия	0,35	0,27	0,20
Мурманская область	1,07	0,87	0,95	Свердловская область	0,34	0,28	0,30	Чувашская Республика	0,31	0,26	0,20
Новосибирская область	1,06	0,80	0,91	Архангельская область	0,35	0,26	0,29	Ярославская область	0,32	0,27	0,20
Омская область	0,33	0,28	0,90	Иркутская область	0,32	0,26	0,29	Республика Дагестан	0,89	0,64	0,12
Амурская область	0,34	0,18	0,89	Пермский край	0,34	0,26	0,29	Республика Адыгея	0,12	0,20	0,11
Еврейская автономная область	1,00	0,83	0,89	Республика Алтай	0,23	0,17	0,29	Астраханская область	0,44	0,35	0,11
Забайкальский край	0,33	0,17	0,89	Республика Башкортостан	0,31	0,17	0,29	Владимирская область	0,10	0,18	0,11
Томская область	0,34	0,28	0,89	Республика Коми	0,34	0,26	0,29	Ивановская область	0,22	0,09	0,11
Республика Саха (Якутия)	0,32	0,26	0,87	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1,06	0,26	0,29	Костромская область	0,11	0,09	0,11
Хабаровский край	0,29	0,25	0,78	Ямало-Ненецкий автономный округ	1,05	0,27	0,29	Республика Марий Эл	0,21	0,09	0,11
Кемеровская область – Кузбасс	0,32	0,17	0,61	Курганская область	0,11	0,08	0,28	Чеченская Республика	0,37	0,10	0,11
г. Москва	0,32	0,29	0,38	Ненецкий автономный округ	1,13	0,28	0,28	Карачаево-Черкесская Республика	0,11	0,09	0,10
Алтайский край	0,10	0,10	0,35	Республика Ингушетия	0,24	0,20	0,22	Липецкая область	0,31	0,09	0,10
Московская область	0,34	0,30	0,35	Белгородская область	0,31	0,27	0,21	Орловская область	0,10	0,18	0,10
Республика Калмыкия	0,23	0,20	0,34	Волгоградская область	0,33	0,18	0,21	Псковская область	0,20	0,09	0,10

Ленинградская область	0,35	0,29	0,33	Кировская область	0,23	0,18	0,21	Ростовская область	0,11	0,09	0,10
Челябинская область	0,22	0,30	0,33	Краснодарский край	0,34	0,28	0,21	Саратовская область	0,35	0,19	0,10
Вологодская область	0,23	0,18	0,32	Республика Мордовия	0,22	0,19	0,21	Республика Северная Осетия – Алания	0,12	0,09	0,10
Калининградская область	0,33	0,29	0,32	Нижегородская область	0,22	0,28	0,21	Смоленская область	0,32	0,18	0,10
Республика Тыва	0,24	0,31	0,32	Пензенская область	0,34	0,18	0,21	Ставропольский край	0,21	0,08	0,10
Тюменская область	0,31	0,29	0,32	Республика Татарстан	0,31	0,27	0,21	Тамбовская область	0,32	0,18	0,10
Удмуртская Республика	0,33	0,27	0,32	Воронежская область	0,33	0,27	0,20	Тверская область	0,31	0,09	0,10
Брянская область	0,32	0,18	0,31	Кабардино-Балкарская Республика	0,33	0,17	0,20				
Источники: Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30; рассчитано авторами.											

по нашему мнению, не потребуются внедрять новые правила, а необходимо лишь «донастроить» имеющиеся параметры с учетом накопленного опыта реализации гибких практик управления организационным поведением работников школ. Важно, чтобы в модернизированной системе оплаты труда педагогов был использован новый принцип: увеличение не среднего значения размеров оплаты труда учителей, а минимального оклада. Это фиксированная часть заработной платы, которая сейчас составляет примерно 30% от всего фонда оплаты труда²²⁶. Только в этом случае можно будет избежать ловушки «среднего значения по региону».

Кроме того, необходимо, чтобы актуальная задача введения достойной оплаты труда учителей не была обойдена вниманием в важных для страны стратегических документах. К сожалению, проблемы финансового благополучия педагогов не нашли своего отражения ни в Указе Президента от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», ни в сформированном на его основе национальном проекте «Образование». В нацпроекте представление об успешном педагоге сведено к образу специалиста, постоянно повышающего свою квалификацию, а не работника, получающего достойную плату за свой труд.

Апробация авторской методики оценки условий, созданных в регионе для достойной оплаты труда педагогов школ, показала, что она может стать частью мониторинга выполнения «майских указов» Президента РФ и национальных проектов.

²²⁶ Лежнева Л. Окладно выходит: базовые ставки для педагогов хотят увеличить вдвое // Известия. 2020. 24 января. URL: <https://iz.ru/967574/liubov-lezhneva/okladno-vykhodit-bazovye-stavki-dlia-pedagogov-khotiat-velichit-vdvoe> (дата обращения: 10.09.2020).

4.3. Новый эпидемиологический вызов и его уроки для российского образования

В 2020 году перед экономикой, социальной сферой и системой образования в частности встал новый (эпидемиологический) вызов, связанный с необходимостью такой организации процесса обучения, которая бы способствовала сдерживанию распространения коронавирусной инфекции.

Вызовы пандемии для экономики и общества. Пандемия коронавируса (COVID-19), объявленная Всемирной организацией здравоохранения 12 марта 2020 г., внесла значительные коррективы в жизнь населения на всей планете. В частности, Всемирный банк выделяет ряд критических последствий пандемии для мировой экономики. Это снижение экономической, финансовой и деловой активности из-за закрытия границ и остановки производств, обрушение цен на энергоносители и т.д. Ничуть не меньшие потери пережила и отечественная экономика, в которой пострадали финансовая сфера, обрабатывающая промышленность, транспорт, торговля. Более чем на 6% выросла безработица. Подобные же эффекты пандемия принесла для социальной сферы жизнедеятельности (табл. 4.5).

Всемирный банк характеризует мировое экономическое развитие после марта 2020 г. как «глубокая общемировая рецессия». Она проявляется в критическом снижении макроэкономических показателей. Специалистами банка прогнозируется, что к концу 2020 г. совокупный валовой внутренний продукт всех стран мира сократится более чем на 5% в сравнении с прошлым годом (в РФ – на 6%). Наиболее серьезные последствия этого снижения проявятся в странах Европы (табл. 4.6).

По данным опроса представителей российского бизнеса, проведенного Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), распространение коронавируса нанесло очень сильный урон российской экономике, особенно сфере общественного питания, туризма, торговли и сфере обслуживания населения²²⁷.

Кризис затронул и экономическое поведение домохозяйств. Согласно данным всероссийского опроса население страны и их семьи во время эпидемии почувствовали снижение личных доходов, поэтому стали чаще экономить на покупках и делать запасы продуктов питания. Подобная ситуация характерна и для отдельных регионов, что подтверждают данные социологического опроса ВолНЦ РАН. Наряду с перечисленными выше явлениями, у жителей Вологодской области стало меньше возможностей для реализации кредитных операций и накопления (что негативно отразилось на финансовой сфере) (табл. 4.7).

Экономический кризис и ситуация, связанная с ограничениями свободы передвижений, неоднозначно отразились и на настроениях населения. По данным ВЦИОМ, в апреле 2020 г. своей жизнью полностью удовлетворены 47% россиян. По данным ВолНЦ РАН, в этот же период 67% жителей Вологодской области характеризовали свое состояние как «прекрасное и нормальное», а 27% – испытывали «напряжение, раздражение, страх и тоску». Отметим, что в современном мире подобная ситуация вовсе не выходит за рамки нормы жизни. Так, Ульрих Бек, отец

²²⁷ Всероссийский опрос индивидуальных предпринимателей и собственников малого и среднего бизнеса проведен НАФИ 28 марта – 3 апреля 2020 г. Опрошено 1508 руководящих сотрудников предприятий в 8 федеральных округах России.

Таблица 4.5. Последствия пандемии COVID-19 для стран мира

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	
Для мировой экономики	Самая глубокая общемировая рецессия за последние 80 лет: сокращение мирового ВВП на 11,2% в апреле 2020 года (по итогам 2020 г. планируется сокращение на 5,2%) Снижение уровня экономической активности стран во всех крупных экономиках, включая Китай, страны Еврозоны, США и Японию Обрушение цен на нефть (на 65% в период с января по апрель 2020 г.) Масштабное сокращение объемов розничной торговли и производства Снижение подушевых доходов населения Резкое ограничение потребления и инвестиций; резкое падение рынка акций Ограничения предложения рабочей силы Нарушение стабильного функционирования финансовых и товарных рынков, мировой торговли, цепочек поставок, туристического бизнеса
Для экономики России и ее отраслей	Сокращение ВВП: на 12,1% в апреле и на 10,9% в мае (к аналогичному периоду прошлого года) Сокращение обрабатывающих отраслей и добычи полезных ископаемых (в апреле 2020 г. на 3,2% к аналогичному периоду прошлого года) Транспортный сектор пострадал в результате падения объемов торговли (сокращение составило 6% к аналогичному периоду прошлого года в апреле и 9,5% к аналогичному периоду прошлого года в мае) Снижение деловой активности (в апреле 2020 г. индексы PMI снизились до рекордно низких уровней по сравнению с другими странами и периодами) Сокращение доходов бюджета и ослабление рубля; ухудшение качества активов в банковском секторе в сегментах крупных корпоративных предприятий, МСП и розничных заемщиков
СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	
Для общества	Рост безработицы (этот показатель вырос до 5,8% в апреле и до 6,4% в августе 2020 г.) и ухудшение благосостояния домохозяйств Дискриминация в вопросах получения медицинской помощи пожилых людей и лиц с ОВЗ Широкое внедрение режима самоизоляции в связи с распространением COVID-19 способствует росту случаев насилия, впервые совершенных против женщин и детей Проблема продовольственной безопасности пожилых людей Цифровой разрыв, который может повлиять на способность пожилых людей пользоваться услугами телемедицины или совершать покупки в Интернете Игнорирование проблемы распространения COVID-19 среди мигрантов Прерывание образовательного процесса в школах, колледжах и вузах
Источники: Global Economic Prospects. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33748/9781464815539.pdf; Доклад Всемирного банка об экономике России № 43. Россия: рецессия и рост во время пандемии. URL: http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-july5.pdf	

Таблица 4.6. Динамика валового внутреннего продукта в 2017–2020 гг.: текущие значения и прогноз Всемирного банка (в % к предыдущему году)

Страна	2017	2018	2019	2020 (прогноз)	2021 (прогноз)
Во всем мире	3,3	3,0	2,4	-5,2	4,2
США	2,4	2,9	2,3	-6,1	4,0
Еврозона	2,5	1,9	1,2	-9,1	4,5
Япония	2,2	0,3	0,7	-6,1	2,5
Россия	1,8	2,5	1,3	-6,0	2,7

Источники: Global Economic Prospects. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33748/9781464815539.pdf>; Доклад Всемирного банка об экономике России № 43. Россия: рецессия и рост во время пандемии. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf>

Таблица 4.7. Последствия пандемии коронавируса для населения России и ее регионов: данные соцопросов, в %

Вариант ответа	РФ	Вологодская область
Снижение доходов	42	41,4
Стали больше экономить, меньше покупать	36	54,3
Стали больше проводить времени в соцсетях; освоили/стали более активно пользоваться интернет-магазинами	11	13,1
Стали делать запасы продуктов питания	10	38,2
Сократили зарплату	6	-
Потеряли работу	5	14,1
Пришлось работать из дома; перешли на удаленную работу	4	12,1
Стало больше свободного времени	-	22,6
Стали больше откладывать, вкладывать, открыли банковский счет	-	8,1
Проблемы со здоровьем	-	1,4
Не изменили образ жизни	30	-
Другое	-	4,4

Источник: Всероссийский опрос Фонда «Общественное мнение» среди населения в возрасте 18 лет и старше. Период опроса: 19 марта — 20 сентября 2020 года. Метод опроса: телефонный опрос. Ежедневный расчет на суммарной выборке 900 респондентов за три последних дня (статистическая погрешность для данных по РФ не превышала 4,2%); онлайн-опрос ФГБУН ВолНЦ РАН «Коронавирус и общество» (апрель 2020 г.; N=953).

теории общества риска, считал, что в ходе индустриализации социальная реальность характеризуется непредсказуемостью, а социум сам становится генератором рисков, угроз и вызовов. Из-за этого действия членов общества становятся спонтанными, настроения – апатичными, а жизненные идеалы начинают тяготеть к ценностям «общества потребления».

Вызовы пандемии для образования. Специалисты Всемирного банка подчеркивают особую роль в пандемийной ситуации института образования, который

может предоставить эффективный ответ на сложившийся кризис, сформировав фундамент для развития «навыков будущего»²²⁸.

В чем состоит природа этого кризиса? В 2007 году в «Докладе о мировом развитии»²²⁹ были выделены четыре вызова времени, которые требуют модернизации образования (демографический, функциональный, фундаментальный и экономический). Со временем перечень этих вызовов изменялся, и в 2020 г. он пополнился необходимостью осуществлять образовательный процесс без ущерба здоровью детей и взрослых (что предполагает исключение близких контактов и нахождение больших групп в одном помещении). В настоящее время преодоление старых и новых вызовов многим видится в развитии института образовательной цифровизации, предполагающей масштабное внедрение в процесс обучения цифровых технологий, оцифровку образовательных ресурсов и переход на онлайн-обучение и т.д.

Каким образом национальные системы образования справляются с этим вызовом? Здесь стоит говорить как минимум о двух новых трендах. Первый из них – это нарушение образовательного процесса. Большинство (75%, или 188 стран из 252-х) на период борьбы с COVID-19 закрыли образовательные организации, чтобы избежать рисков совместного нахождения детей и взрослых. По оценкам ЮНЕСКО этот шаг затронул 91% обучающихся во всем мире. В одних странах закрытие прошло в масштабах всего государства, в других странах (среди них США, Канада, Россия) – на региональном уровне.

Второй новый тренд – это временный переход образования на дистанционное обучение. В условиях закрытия образовательных структур часть государств (например, Япония) приостановили образовательный процесс и объявили каникулы для детей. Вторая часть (53 государства, среди которых Россия) решили организовывать обучение посредством дистанционных технологий в домашних условиях. В качестве таких дистанционных технологий рассматривается образовательный контент на радио и телевидении, самообразование и интернет. Начиная с марта 2020 г., страны, закрывшие на период борьбы с коронавирусом школы, использовали все вышеперечисленные варианты с упором на онлайн-обучение.

В России в марте 2020 г. вышли два законодательных акта, предусматривающие реализацию образовательного процесса в организациях общего, профессионального и высшего образования исключительно посредством дистанционных технологий (до особых распоряжений):

1) Временный порядок сопровождения реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, образовательных программ среднего профессионального образования и дополнительных общеобразовательных программ с применением электронного обучения

²²⁸ Россия: рецессия и рост во время пандемии. Специальный раздел: Образование. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/422411595320502159/text/Russia-Recession-and-Growth-Under-the-Shadow-of-a-Pandemic.txt> (дата обращения: 23.11.2020).

²²⁹ Доклад о мировом развитии (ДМР) 2007: Проблемы молодого поколения в контексте развития / Всемирный банк. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2007.pdf>

и дистанционных образовательных технологий» (утв. приказом Минпросвещения РФ от 17 марта 2020 года №103);

2) Приказ Минобрнауки России от 14 марта 2020 г. №397 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации».

Помимо этого большинство стран развернули в интернете национальные образовательные платформы, позволяющие педагогам обмениваться с обучающимися учебным материалом, заданиями. Данные материалы содержат образовательный аудио-, видео- и текстовый контент, который обеспечивает качественный ход онлайн-занятий (табл. 4.8). При этом ряд стран мира ограничил количество таких платформ одной централизованной (она обычно учреждается национальным образовательным ведомством). Другие страны (например, Россия) обеспечили многообразие платформ (как государственных, так и частных), чем вызвали путаницу при их использовании.

Всемирный банк, проанализировав ход дистанционного обучения в первые месяцы после объявления пандемии COVID-19, пришел к выводу о том, что страны, в которых цифровизация образования до этого не была развита, столкнулись

Таблица 4.8. Примеры национальных платформ дистанционного обучения

Страна	Наименование платформы
Российская Федерация	Edu portal. https://edu.gov.ru/distance Russian e-school. https://resh.edu.ru/ Worldskills. https://50plus.worldskills.ru/#intro
Дания	Learning portal by the MInistry of Education. emu.dk
Франция	Ma classe à la maison. https://www.cned.fr/scolaire Maison Lumni. https://www.france.tv/france-4/la-maison-lumni/
Исландия	Ministry of Education webpage. https://www.government.is/topics/education/q-a-about-school-restrictions-due-to-covid-19/
Италия	INDIRE webinars. http://www.indire.it/la-rete-di-avanguardia-educativa-a-supporto-dellemergenza-sanitaria/ Nuovo Coronavirus webpage. https://www.istruzione.it/coronavirus/index.html
Испания	Educlan. https://www.rtve.es/educlan/ INTEF. https://intef.es/recursos-educativos/ Procomún. http://procomun.educalab.es/es
Швеция	Skolahemma. https://www.skolahemma.se/
Швейцария	Website of the State Secretariat for Education, Research and Innovation and the Swiss Conference of Cantonal Ministers of Education. Eduport.ch
Великобритания	DfE Online Education Resources. https://www.gov.uk/guidance/remote-education-during-coronavirus-covid-19
Источник: National learning platforms and tools. URL: https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/nationalresponses#ARAB%20STATES	

с рядом трудностей (они в докладе «Удаленное обучение и COVID-19» именуются «неудачами»). Выводы доклада содержат следующие положения:

1. Немногие национальные системы образования обладают хорошим техническим обеспечением для реализации онлайн-обучения.

2. Переход на дистанционное обучение требует огромных финансовых затрат, но в мировом сообществе не выработано достаточного опыта для определения объемов и механизмов финансирования системы онлайн-обучения.

3. Низкий уровень поддержки нового института со стороны педагогического сообщества, поскольку процессы преподавания в классе и удаленно значительно отличаются друг от друга.

4. Опасения по поводу справедливости: высок риск социального расслоения и образовательной кастомизации, поскольку основные преимущества получают наиболее опытные и обеспеченные агенты.

5. Недостаток опыта взаимодействия агентов в новой среде и благоприятных условий обучения на дому может привести к низким образовательным результатам.

6. Некоторые предметы, школьные мероприятия сложно перевести в онлайн-формат.

7. Дополнительная нагрузка на родителей, которые плохо подготовлены к тому, чтобы осуществлять эффективную поддержку детей во время обучения на дому.

8. Перенос образования в онлайн-среду неоднозначно воздействует на здоровье обучающихся²³⁰.

Таким образом, реализация дистанционного обучения сопровождалась рядом проблем, которые касаются не конкретного участника образовательных отношений, а каждого в отдельности (педагогов, обучающихся, их родителей, административных работников).

Необходимо отметить, что в России, несмотря на внезапность перехода на дистанционное обучение, были предприняты шаги, позволившие предотвратить коллапс системы образования, избежать эффектов «вынужденного прерывания образовательного процесса», а также потери лага времени для формирования у детей необходимых знаний и навыков. Так, в ходе благотворительной акции «Помоги учиться дома» была закрыта некоторая потребность домохозяйств в технике; запуск образовательных платформ (в том числе для организации онлайн-обучения), проведение в штатном режиме образовательных процедур – ЕГЭ и приемной кампании в колледжи и вузы (хотя имели место предложения отказаться от проведения ЕГЭ в 2020 году и зачислять абитуриентов в вузы на основе школьных оценок или собственных экзаменов вузов).

Однако не в последнюю очередь проблемы переходного периода, характерные для большинства стран, коснулись и российского образования. Это подтверждают результаты мониторинга СМИ, проведенного в апреле 2020 г. (табл. 4.9).

НИУ «Высшая школа экономики» в своем исследовании выделяет главным образом наличие технического комплекса проблем в реализации в России дистан-

²³⁰ Remote Learning and COVID-19. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/266811584657843186/pdf/Rapid-Response-Briefing-Note-Remote-Learning-and-COVID-19-Outbreak.pdf> (дата обращения: 24.11.2020).

Таблица 4.9. Мнения в СМИ о проблемах, связанных с дистанционным обучением школьников в условиях распространения в России новой коронавирусной инфекции

Тип проблем	В чем состоит?	Источник информации
Технические	Частые сбои в работе образовательных онлайн-платформ. Крайняя загруженность онлайн-платформ, поскольку для дистанционного обучения школы выбирают одни и те же ресурсы (из-за чего появляются сбои). В частности, при большом наплыве пользователей начинает «подвисать» платформа Zoom	Матвиенко назвала невозможным полный переход на дистанционное обучение. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ea6db3d9a794799b93c6204
	Интерфейс и функционал онлайн-платформ «недружелюбен» к пользователям, «прикрепляются» тесты, презентации, а в итоге информация деформируется, половина не открывается»	Дистанционное обучение – удобно или кошмар? Мнение учеников, родителей, учителей. URL: https://lubertsyriamo.ru/article/381899/distantionnoe-obuchenie-udobno-ili-koshmar-mnenie-uchenikov-roditelej-uchitelej.xl
	Отсутствие / дефицит в некоторых домохозяйствах необходимой техники и интернет-подключения, из-за чего учителям приходится давать и проверять задания по телефону и смс-сообщениям	«Это просто дурдом»: родители новосибирских школьников жалуются на массовые сбои с дистанционным обучением. URL: https://sib.fm/news/2020/04/06/eto-prosto-durdorm-roditeli-novosibirskih-shkolnikov-zhaluyutsya-na-massovye-sboi-s-distantionnym-obucheniem
	Невозможность для учителей качественно проводить устный опрос обучающихся, из-за чего «страдают предметы, где важно четкое знание теории»	Вирус и дети. Не у всех есть дома компьютеры для дистанционного обучения. URL: https://www.idelreal.org/a/30502658.html
Организационные	Организация онлайн-обучения полностью переложена на школы и родителей, нет единой методологии	Эксперт: Дистанционное обучение полностью переложено на родителей, как, впрочем, и спасение экономики. URL: https://www.rosbalt.ru/piter/2020/04/07/1836931.html
	Нерешенность вопроса оплаты за обучение в онлайн-режиме (если школьник обучается не в государственной, а в частной школе)	Дистанционное обучение школьников во время коронавируса. Когда можно не платить. URL: https://tayga.info/153947
	В ряде регионов администрация школ не оплачивает доступ в Интернет для педагогов, что влечет немалые расходы у не так уж и богатой профессиональной группы	Вирус и дети. Не у всех есть дома компьютеры для дистанционного обучения. URL: https://www.idelreal.org/a/30502658.html
	Критический рост трудозатрат педагогов. В частности, у них возникает «двойная нагрузка», связанная с адаптацией учебного материала под онлайн-формат	Учителя российских школ делятся приемами работы в условиях дистанционного образования. URL: http://www.ug.ru/article/1169
Социокультурные	Снижение образовательной мотивации у школьников в рамках онлан-обучения	Исследование: школьники на удаленке тратят меньше времени на учебу. URL: https://ria.ru/20200407/1569666356.html
Источник: данные мониторинга федеральных СМИ.		

ционных форм обучения в период эпидемии: «зависание» видеоплатформ (47%); сложность подключения больших групп к видеотрансляции (43%); недостаток у детей необходимых компетенций, чтобы справиться с интернет-подключением (39%); низкая скорость интернета (35%)²³¹ и т.д.

Нельзя отрицать, что наличие проблем «переходного периода» в некотором роде связано с давно обсуждаемыми в науке «парадоксами» образовательной цифровизации. Это процесс приведения системы образования в соответствие с

²³¹ Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с.

требованиями цифровой экономики, который, согласно модели SAMR, включает в себе четыре этапа: замещение традиционных образовательных технологий цифровыми; улучшение функциональности новых инструментов; изменение функциональности новых инструментов и преобразование функциональности новых инструментов. По мнению экспертов, российское образование находится пока на фазе рутинного использования цифровых технологий и не перешло к инновационному осмыслению этих процессов²³².

Многие отмечают, что эпидемиологическая ситуация способствовала «принуждению» к цифровизации общества по «революционной модели», т.е. без переходных периодов и транзакционных издержек на поддержание деятельности соответствующего института. Это привело к развитию онлайн-торговли, онлайн-банкинга и удаленной занятости. Подобное же можно сказать и о ситуации, сложившейся в образовании. Если в федеральном проекте «Цифровое образование» были запланированы планомерные шаги по достижению целей перехода образования на «цифровые рельсы» (эволюционная цифровизация), то в период пандемии все стороны образовательного процесса были вынуждены использовать цифровые технологии, чтобы выполнять возложенные на них обязательства.

В этой связи далее мы будем рассматривать ситуацию, связанную с переходом на дистанционное обучение, как апробацию в экспериментальном режиме модели цифровой образовательной революции. Этот эксперимент, к слову, не закончился с началом нового учебного года и, согласно планам Министерства просвещения РФ, будет продолжен в IV квартале 2020 г. на примере ряда пилотных регионов. С этой точки зрения исследовательский интерес представляет готовность образования в регионе к подобным вызовам времени.

Переход на дистанционное обучение в регионе: по данным социологических измерений. Эмпирические исследования, посвященные переходу образования на дистанционное обучение в период эпидемии коронавируса (как в России, так и во всем мире), проходят регулярно, начиная с марта 2020 г. В основном это социологические замеры, в рамках которых источниками информации выступают разные образовательные агенты – обучающиеся, их родители, педагоги. С учетом специфики организации полевых исследований в период эпидемии практически все опросы проводятся в онлайн-формате (табл. 4.10).

В апреле – мае 2020 г. Вологодским научным центром РАН был проведен опрос с помощью заполнения анкетных онлайн-форм представителей учительского сообщества Вологодской области. В нем приняли участие 270 респондентов (генеральная совокупность – 8,6 тыс. чел.). Из них 94% женщин и 6% мужчин; 55% опрошенных проживают и работают в школах города Вологды; 30% – в школах города Череповца; 15% – в школах районных центров и сельских поселений (в выборку вошли Вологодский, Грязовецкий, Великоустюгский, Нюксенский, Кичменгско-Городецкий, Харовский, Бабушкинский, Вытегорский, Тотемский районы области). Среднее профессиональное образование имеют 8% респондентов, высшее об-

²³² Головчин М.А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 59–75. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75

Таблица 4.10. Исследования, посвященные переходу на дистанционное обучение

Наименование проекта	Организация	Период
Опрос представителей педагогических профсоюзов (93 представителя из 67 стран мира)	Education International	Март – апрель 2020 г.
Мониторинг готовности учителей к организации обучения школьников в дистанционном режиме в преддверии эпидемии коронавируса	ЭНО ИПЭИ РАНХиГС	Конец 2019 г.
Онлайн-опрос учителей российских школ (3,5 тыс. чел.)	Образовательный ресурс «Учи.ру»	Март 2020 г.
Опрос российских педагогов (1100 учителей школ и преподавателей вузов)	Аналитический центр НАФИ	Март 2020 г.
Исследование проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации в условиях карантина и режима самоизоляции	НИУ «Высшая школа экономики»	Апрель 2020 г.
Онлайн-опрос учителей российских школ (29 тыс. чел.)	Общественный народный фронт	Апрель 2020 г.
Социологический онлайн-опрос родителей школьников Республики Башкортостан (1765 чел.)	Башкирский филиал ФНИСЦ РАН	Апрель 2020 г.
Опрос преподавателей и студентов российских вузов (проведен в 77 образовательных организациях)	Финансовый университет при Правительстве РФ	Апрель – май 2020 г.
Онлайн-опрос представителей учительского сообщества Вологодской области (172 чел.)	Вологодский научный центр РАН	Апрель – май 2020 г.

разование – 90%, 2% – обладатели ученой степени. Высшую профессиональную категорию имеют 47% опрошенных, первую – 19%, не имеют категории – 34%. У 12% опрошенных общий стаж работы составляет менее 3-х лет, у 38 % – до 20 лет, а 50 % – более 20 лет; 74% респондентов работают в обычных общеобразовательных школах, 1% – в коррекционных школах и школах с инклюзивным обучением, 25% – в образовательных центрах, лицеях, гимназиях и школах с углубленным изучением отдельных предметов. Доверительный интервал выборки – 5%. В дальнейших умозаключениях мы будем опираться на данные опроса.

Материалы проведенного исследования дают основания говорить о том, что основная часть (59%) учительского сообщества принимает цифровизацию как идею широкого внедрения новейших технологий в отечественное образование, что несколько расходится с представлением о педагогах как строгих приверженцах образовательных традиций (табл. 4.11). Впрочем, сторонниками этого концепта чаще становятся молодые учителя (72%), чем их старшие коллеги по работе (58%). Правда, большая часть (64%) тех, кто положительно относится к цифровым нововведениям в образовании, не стремится моментально внедрять передовой опыт в профессию, ограничиваясь проявлением интереса к инновациям. Это создает серьезный риск имитации соответствующих процессов.

Заметная часть учителей (41%) считает, что цифровое обучение не только актуально в новой эпидемиологической обстановке, но и не потеряет свою важность в будущем (после снятия карантинных мер). Впрочем, к этой точке зрения более

**Таблица 4.11. Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к широкому внедрению цифровых технологий
в образовательный процесс?» (в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	Всего по опросу	По территориям			По стажу работы, лет		
		Вологда	Череповец	Районы	до 3-х	3–20	более 20
Положительно	58,5	59,7	59,8	51,3	71,9	64,1	51,1
Отрицательно	14,8	13,4	18,3	12,8	6,3	12,6	18,5
Затрудняюсь ответить	26,7	26,9	21,9	35,9	21,8	23,3	30,4
Источник: здесь и далее представлены данные опроса учителей школ Вологодской области (ФГБУН ВолНЦ РАН; 2020; N=270).							

**Таблица 4.12. Распределение ответов на вопрос
«Согласны ли Вы с тем, что в будущем цифровое обучение будет очень
востребовано?» (в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	Всего по опросу	По территории			По стажу работы, лет		
		Вологда	Череповец	Районы	до 3-х лет	3–20 лет	более 20 лет
Да; скорее да, чем нет	40,7	43,0	39,0	35,9	56,3	45,6	33,3
Нет; скорее нет, чем да	25,9	23,5	31,8	23,1	25,0	26,2	25,9
Затрудняюсь ответить	33,4	33,5	29,0	41,0	18,7	28,2	40,6

склонны также молодые специалисты (56%; табл. 4.12). Судя по материалам, собранным образовательным порталом «Учи.ру», учителя хорошо понимают преимущества дистанционного образования, такие как возможность сделать урок интересным и привлекательным для ученика (93%), повысить мотивацию и успеваемость детей (84 и 58% соответственно), экономя время за счет автоматизации отслеживания успеваемости (65%)²³³.

Нормы, возникающие в рамках тотальной «оцифровки» образовательных процессов, пока не создают эффективных и надежных образцов агентского поведения из-за неготовности к ним²³⁴. Причем причины неготовности зачастую лежат не только в технической, но и в институциональной плоскости, а точнее в отсутствии необходимого цифрового опыта у образовательных агентов. По данным общероссийских опросов, в общем образовании подобный опыт имеет не более 40% учителей школ в нашей стране²³⁵.

²³³ Тостихина А. Объединяющий дистант // Дети в информационном обществе. 2020. №32. С. 31–45.

²³⁴ Головчин М.А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 59–75. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75

²³⁵ Тарасова Н.В., Пестрикова С.М. Как влияет сейчас и повлияет в перспективе перевод образовательного процесса в дистанционный режим на образовательные результаты. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza> (дата обращения: 18.11.2020).

Это подтверждают и социологические данные, полученные по Вологодской области. Так, до массового обращения школ к дистанционному формату обучения в связи с пандемией нового коронавируса менее четверти учителей, согласно их ответам, никогда не использовали в своей профессиональной деятельности онлайн-ресурсы для проведения занятий и организации внеучебных мероприятий (рис. 4.1). Оставшаяся часть прибегала к такому виду занятий, но периодически (в зависимости от ситуации).

Несмотря на вовлеченность большинства педагогов в работу с инновациями, переход на дистанционное обучение в связи с «закрытием школ» в марте 2020 г. оказался настоящей неожиданностью для образовательных организаций, поскольку они не в полной мере были готовы к использованию новых технологий, организации открытых онлайн-курсов и проведению занятий удаленно (табл. 4.13). Более

Рисунок 4.1. Удельный вес учителей, использовавших до апреля 2020 года образовательные онлайн-ресурсы в своей профессиональной деятельности (в % от числа опрошенных)

Примечание. При ответе на вопрос допускался выбор более чем одного варианта ответа.

Таблица 4.13. Распределение ответов на вопрос «Насколько Ваша школа готова к осуществлению процесса обучения в дистанционном формате?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Всего по опросу	По территории			По месту работы		
		Вологда	Череповец	Районы	Обычная общеобразовательная школа	Элитные школы (гимназии, лицеи и т.д.)	Коррекционная школа и школы с инклюзивным обучением
Вполне готова; скорее готова	52,6	57,1	61,0	18,0	46,2	65,9	33,4
Скорее не готова; совсем не готова	44,8	42,3	34,2	76,9	51,3	31,1	66,6
Затрудняюсь ответить	2,6	0,8	5,0	5,1	2,5	3,0	0,0

подготовленными оказались элитные школы (лицеи, гимназии, школы с углубленным изучением отдельных предметов). В этой связи существует риск того, что в выигрыше от цифровизации останутся только «лидеры», что углубит уровень кастомизации в образовании и сократит доступность соответствующих услуг для населения.

По мнению 98% учителей Вологодской области, реализация дистанционного обучения сопровождалась рядом проблем разной природы и силы воздействия. Эти проблемы примерно в равной степени коснулись обучающихся и их родителей, Последним, в частности, в рамках новой эпидемиологической ситуации пришлось на дому выполнять многие функции педагогов. Проблемные моменты непосредственно у представителей учительского корпуса также были отмечены большим количеством респондентов (84%). Судя по оценкам педагогов, менее пострадавшими сторонами в этом случае являются школьная администрация и непедagogические работники, в функционал которых не входит проведение учебных занятий (табл. 4.14). Причем в территориальном разрезе прослеживается единодушие в этих оценках.

Ситуация, сложившаяся в системе образования на фоне пандемии, отразилась на оценках профессионального поведения учителей: среди тех, кто заявил об ухудшении своего настроения, 27% высказались о желании сменить работу на другую, не связанную с образованием.

В чем же, по мнению учителей, состоят проблемы, выявленные на первых этапах реализации обучения школьников в дистанционном формате (апрель–май 2020 г.)? К наиболее значимому барьеру реализации онлайн-обучения около половины опрошенных (45%) отнесли недостаточные техническую подготовленность семей школьников и обеспеченность специальной компьютерной техникой, необходимой для онлайн-связи (микрофон, веб-камера, динамики и т.п.). Во всех территориях эти проблемы были наиболее обсуждаемыми и заняли первые места в рейтинге проблем (табл. 4.15).

Таковыми же проблемами стали, по оценкам педагогов, следующие:

– недостаточная обеспеченность необходимыми техническими устройствами самих учителей школ (эти ответы коррелируют с оценками частоты использования цифровых продуктов в профессиональной деятельности);

Таблица 4.14. Распределение ответов на вопрос «Каких участников образовательных отношений затрагивают проблемы, связанные с переходом школ на дистанционное обучение?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Всего по опросу	По территории		
		Вологда	Череповец	Районы
Родители школьников	96,7	99,3	93,9	92,3
Обучающиеся	93,3	96,6	89,0	89,7
Учителя	84,4	89,9	74,4	84,6
Администрация школ	73,7	79,9	62,2	74,4
Иные работники школ	50,7	49,7	51,2	48,7
Примечание. При ответе на вопрос допускался выбор более чем одного варианта ответа.				

Таблица 4.15. Распределение ответов на вопрос «В чем состоят проблемы, связанные с переходом школ на дистанционное обучение»? (в % от числа опрошенных)

Ответ	Всего по опросу		Вологда		Череповец		Районы	
	в %	ранг	в %	ранг	в %	ранг	в %	ранг
Недостаточная обеспеченность необходимой компьютерной техникой в семьях школьников	48,9	1	46,3	1	48,8	1	59,0	1
Недостаточная обеспеченность необходимыми техническими устройствами учительского корпуса	34,1	2	36,9	3	22,0	5	48,7	2
Низкая мотивация, недисциплинированность учащихся, неумение обучаться дистанционно	33,7	3	28,9	5	42,7	2	33,3	3
Некоторые уроки очень сложно проводить в дистанционном режиме	32,2	4	32,9	4	36,6	3	20,5	5
Отсутствие подобного опыта у учительского корпуса	29,3	5	37,6	2	20,7	6	15,4	6
Психологически трудно работать в дистанционном формате	22,6	6	24,2	6	23,2	4	15,4	6
Некоторые ученики не имеют доступа к интернету дома	18,1	7	15,4	8	20,7	6	23,1	4
Недостаток у учителей необходимых ИТ-компетенций	15,2	8	18,1	7	12,2	9	10,3	7
Устаревшая техника	13,3	9	13,4	9	14,6	7	10,3	7
Недостаток административно-методической поддержки	13,0	10	12,1	10	13,4	8	15,4	6
Низкое качество интернет-подключения в школе	11,1	11	9,4	12	8,5	10	23,1	4
Отсутствие дополнительного материального стимулирования	11,1	12	10,1	11	14,6	7	7,7	8
Слабые коммуникации с родителями	3,0	13	3,4	13	2,4	11	2,6	9
Примечание. При ответе на вопрос допускался выбор более одного варианта ответа.								

- низкая образовательная мотивация обучающихся;
- практическая невозможность проводить в онлайн-формате некоторые уроки (главным образом гуманитарные дисциплины по мнению более 30% опрошенных).

Данные оценки указывают на возможные «провалы» нового образовательно-го формата в будущем при сохранении влияния целого комплекса разнородных факторов – технических, организационных и социокультурных. Все участники образовательных отношений (домохозяйства, работники школ) в равной степени оказались не готовы к данной ситуации.

Примечательно, что только 11% учителей отмечают проблему материального стимулирования нового для себя вида работ и отсутствие оплаты «двойной нагруз-

ки», связанной с адаптацией учебного материала под онлайн-формат, что, скорее всего, связано с тем, что большинство профессионалов не воспринимают это как дополнительные трудовые обязанности. Также, несмотря на усиление изоляции домохозяйств, организация дистанционного обучения практически не затронула сферу коммуникаций учителей с родителями школьников.

Вместе с тем степень важности ряда проблем не является одинаковой для отдельных групп учительского сообщества. Например, для учителей школ г. Вологды сравнительно более значимым барьером в организации нового формата обучения послужило отсутствие необходимого для работы в цифровой среде опыта (в Вологде 72% учителей используют цифровые технологии в организации уроков, тогда как в Череповце – 82%). Эта проблема также более актуальна для педагогов-стажистов (34%). Для сравнения: в группе молодых специалистов данный аспект выделили только 22%.

Учителя, работающие в сельских районах, чаще (23%) остальных отмечают низкое качество или полное отсутствие интернет-соединения в школах и в домах у обучающихся, что в комплексе с отсутствием в домохозяйствах необходимой техники часто сводит организацию онлайн-уроков на нет. Впрочем, слабая оснащенность оборудованием является значимой проблемой для учителей Вологды (37%) и сельских районов (49%), но не Череповца (22%), в котором учителя, по всей видимости, оказались в более благоприятной ситуации при проведении онлайн-уроков на дому.

Мотивационные проблемы касаются не только обучающихся, но и педагогов. В частности, трудности первого этапа дистанционного обучения неоднозначно отразились на стремлении учителей работать с новыми цифровыми образовательными технологиями в своей профессии. Так, переход на новый формат обучения не сформировал планы на использование новейших ресурсов у педагогов, которые ранее не имели цифрового опыта. В группах учителей, ранее использовавших в различных целях цифровые продукты, удельный вес желающих прибегать к ним снова (после отмены «Временного порядка...») уже не превышает 80%. Это говорит о том, что проблемы дистанционного обучения на первых этапах его реализации были настолько серьезны, что скорее «отпугнули» часть учителей от эксплуатации новейших онлайн-ресурсов (табл. 4.16).

Таблица 4.16. Распространение планов на дальнейшее использование образовательных онлайн-ресурсов (в % от числа опрошенных)

	Планы по применению цифровых технологий					
	Для проведения новаторских учебных занятий	Для организации внеучебных мероприятий	Для работы с детьми с ОВЗ	Для организации контроля за знаниями	Для профессионального общения с коллегами	Для оперативного общения с родителями
Среди тех, кто ранее использовал	72,2	70,4	77,8	73,5	68,4	74,8
Среди тех, кто ранее не использовал	55,6	52,9	50,0	56,8	63,2	62,1

Стоит отметить, что факторы цифровизации, оказывающие влияние на систему образования, имеют разную природу: техническую (отсутствие возможностей подключиться к онлайн-связи, что дезорганизует работу учителя), эмоциональную (психологическое неприятие дистанционного формата работы, что вызывает дискомфорт и понижение социального самочувствия) и социокультурную (педагог не чувствует отдачи от учеников, последние используют ситуацию отсутствия прямого воздействия учителя для проявлений оппортунизма, что сводит эффект обучения на нет). Это говорит о необходимости комплексного характера рассмотрения проблем онлайн-образования (а не только его технологического аспекта).

Как показывают данные социологического исследования, работа образовательных организаций в «удаленном» формате во время борьбы с угрозами коронавирусной инфекции проходила неодинаково. Весь комплекс проблем (технических, методологических, организационных) затронул жизнь школы. Высшему образованию удалось преодолеть эти трудности, поскольку в стенах вузов сформирован опыт подобной работы. Видится, что в дальнейшем развитие образовательной цифровизации может столкнуться с препятствиями на пути ее распространения именно в общем образовании. Многие школы без продуманной стратегии цифровизации могут оказаться в числе «отстающих». В этой связи нас заинтересовал вопрос влияния рисков цифровизации на кадровый потенциал общеобразовательных школ.

С одной стороны, ситуация внезапного перевода системы образования в удаленный формат так или иначе выявила неготовность образовательных организаций всех уровней к резкому изменению правил, что выразилось в наличии целого комплекса проблем, которыми сопровождалась реализация этого формата: технических, методических, социокультурных, проблем устойчивости в профессии (табл. 4.17).

С другой стороны, система образования показала достаточную прочность: сложная ситуация, несмотря на свою непредсказуемость, не привела к коллапсу в образовании; оперативно были созданы условия для того, чтобы обучающиеся не упустили лаг времени для формирования знаний, умений, навыков; чтобы были обеспечены необходимые условия для дальнейшего обучения в очном формате; в штатном режиме проведены образовательные процедуры.

Вместе с тем фундаментом прочности системы образования в этой непростой ситуации стала самоотдача учительского корпуса, его стремление к организации достойного обучения. Данные проведенного в Вологодской области опроса говорят, что педагогическое сообщество в целом проявляет лояльное отношение к институту образовательной цифровизации и понимает перспективы его развития. Подобное отношение можно использовать в качестве инструмента сглаживания адаптационных проблем цифровизации. С нашей точки зрения в дальнейшем планировании цифровизации следует учесть, что учительство в целом лояльно относится к идее новаторского обновления образовательного процесса за счет внедрения информационных устройств (41% вологодских педагогов считают, что в будущем цифровое обучение будет востребовано). Однако гибкость к новейшим технологиям может серьезно подорвать спорная и опрометчивая управленческая практика.

Как мы считаем, «эксперимент» с временным массовым переходом на дистанционное образования в дни пандемии показал, что без необходимой организаци-

**Таблица 4.17. Риски дистанционного обучения
в период пандемии COVID-19 для образования**

Группа рисков	Проявления	
	в мире	в России
Сетевые (инфраструктурные)	Заккрытие школ, простой помещений	Заккрытие школ, простой помещений
Технические	Отсутствие необходимой для работы в интернете техники (компьютеров, модемов и т.д.)	Отсутствие техники в малообеспеченных семьях Слабость технической поддержки и размещенных в интернете вспомогательных материалов
Фундаментальные	Вызваны парадоксами цифровизации: принципиально невозможно ряд предметов полностью перенести в цифровую форму; снижение уровня взаимодействия в системе «педагог – обучающийся» и возможностей контроля за знаниями; образовательная кастомизация и неравенство возможностей; слабая защита личных данных детей в сети и т.п.	
Методологические	Отсутствие среди педагогов поддержки института цифровизации	Отсутствие у педагогов опыта работы с цифровыми технологиями
Социокультурные (мотивационные)	Неготовность родителей расширять «зону образовательной ответственности», перенимать социализирующие функции образования	Неготовность детей к работе в новых условиях: оппортунизм, низкая образовательная мотивация и т.д.
Кадровые	Пока не обобщены	Снижение личностно-профессиональной устойчивости педагогов
В отношении здоровья	Неоднозначное влияние цифровых технологий на физическое и психическое здоровье детей	Отсутствие санитарных норм по работе с цифровым оборудованием в образовательных организациях
Когнитивные	В связи с переходом на дистанционное обучение ряд детей фактически окажутся в условиях полного отсутствия обучения, что негативно отразится на уровне их знаний	

онной и методологической подготовки победа «цифровой революции» в образовании не будет обеспечена. Причем роль основного ограничителя в данном случае будут играть именно образовательные агенты, устойчивость которых подрывается пока что необдуманной политикой цифровизации.

Моменты, которые в дальнейшем стоит предусмотреть, прежде всего касаются поддержки учителей, удаленная работа которых в апреле – мае 2020 г. оказалась без должного технического, организационного и методологического сопровождения. Важной является отработка единой концепции проведения дистанционного формата обучения, которая бы учитывала устойчивость педагога в своей профессии, а также факторы, непосредственно формирующие ее. Это касается как объективных, средовых, инфраструктурных, технических сторон вопроса (таких как обеспеченность учительства необходимыми устройствами), так и субъективных моментов. При этом обычные для агентов формы обучения нежелательно полностью заменять виртуальными, а необходимо интегрировать последние в сложившуюся образовательную традицию. Подобные меры следует предусмотреть непосредственно сейчас, учитывая рекомендации Роспотребнадзора российским школам по подготовке к обучению в дистанционном режиме с нового учебного года.

5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

5.1. Национально-культурные аспекты региональной дифференциации

Россия – многонациональное многоконфессиональное государство. Субъекты Российской Федерации не только демонстрируют глубокую дифференциацию по ключевым показателям социально-экономического развития, уровня и качества жизни населения, но и представляют собой широкий спектр социокультурного, национального и религиозного разнообразия²³⁶. Прочность общегражданской идентичности при этнокультурном многообразии становится крайне важным конкурентным преимуществом, определяющим будущее положение и статус государств и наций в современном мире. Культурное и этническое многообразие, традиции и обычаи народов России дают дополнительный импульс для развития. Ряд фундаментальных международных научных проектов, проведённых крупными исследователями в XX в., твёрдо установил связь между указанными компонентами – социокультурным, в самом широком смысле слова, с одной стороны, и социально-экономическим – с другой. Следовательно, имеет рациональные основания гипотеза о наличии связи между социально-экономическим развитием территорий и спецификой сложившегося в их рамках социокультурного контекста. Вместе с тем это условие выполняется в том случае, если удаётся минимизировать множество рисков, с которыми сопряжено культурное многообразие. Современная социокультурная и этнополитическая ситуация в Российской Федерации представляет собой систему проблем и противоречий разного уровня, остроты и сложности, разрешить которые призвана государственная политика. Последняя не сводится только к политике в области межэтнических отношений. Она носит системный характер, сопрягаясь с культурной, демографической, миграционной политикой. Сюда же относится весь комплекс мер, ориентированных на развитие человеческого потенциала.

В данном разделе приводится анализ специфики и разнообразия субъектов РФ по уровню и условиям реализации социально-культурного потенциала с опорой на 3 базовых критерия: этнические предпосылки, возможности и перспективы к объединению в интересах сохранения культурной идентичности, административно-территориальные условия сохранения национально-культурного потенциала.

²³⁶ Гражданское общество в контексте развития российского социума / В.А. Ильин [и др.] // Российское общество: трансформация в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений): монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. Гл. 5. С. 303–392.

Цель этого исследования – анализ условий реализации социально-культурного потенциала регионов РФ, выявление территориальных особенностей и различий в его уровне и степени реализации.

Социально-культурный потенциал понимается авторами как совокупность институциональных предпосылок, укоренённых в национально-культурных особенностях населения, определяющих успех или, напротив, упадок в социально-экономическом развитии территорий его проживания. Поскольку это потенциал, то есть «возможность», мы понимаем, что он может быть реализован, а может быть и оставлен без внимания. Тогда мы скажем, что потенциал есть, но он не используется в должной мере.

Теоретические основы

Внимание культурным ценностям и установкам как фактору, способствующему или, напротив, препятствующему развитию и прогрессу, стало общепринятым благодаря взглядам ряда крупнейших социологов. Так, А. де Токвиль полагал, что работоспособность американской политической системы основывалась на культурных предпосылках. М. Вебер объяснял подъём капитализма прежде всего культурными факторами, берущими начало в религии. После расцвета этой культурной проблематики в 1940–1950-е гг. интерес к ней вернулся в 1990-х годах²³⁷. Фактически появилась новая парадигма развития с опорой на культуру. По-видимому, наиболее точная характеристика той роли, которую культура играет в развитии человечества, принадлежит Д.П. Мойнихэну: «...именно культура, а не политика определяет успех того или иного общества. В свою очередь, либерал полагает, что политика способна преобразовывать культуру и ограждать ее от самой себя»²³⁸. Гарвардская академия международных и региональных исследований развернула под руководством Л. Харрисона специальный проект, призванный ответить, до какой степени культурные факторы предопределяют экономическое и политическое развитие. И если такое действительно происходит, каким путем устраняются или преобразуются культурные преграды, тормозящие прогресс?²³⁹

Прежде чем подступить к этим вопросам, следует разобраться с терминами. Под словом «прогресс» понимается движение к экономическому развитию и материальному благосостоянию, социально-экономическому равенству и политической демократии. Термин «культура», как известно, в различных дисциплинах и разных контекстах имеет самые разнообразные значения. Зачастую его используют в отношении интеллектуальных, музыкальных, художественных и литературных достижений общества – всего того, что называется «высокой культурой». Вме-

²³⁷ Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. Chicago: Free Press, 1958. 205 p.

²³⁸ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000.) М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.

²³⁹ Липсетт С.М., Ленц Г.С. Коррупция, культура и рынки // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.

сте с тем антропологи, и в первую очередь, как представляется, К. Гирц, понимают культуру как «всестороннюю дескрипцию», с помощью которой описываются все стороны жизни общества: его ценности, практики, символы, институты и взаимоотношения между людьми. Но в данном исследовании нас интересует лишь то, каким образом культура воздействует на социальное развитие; ведь если она охватывает всё, то объяснить что-либо с ее помощью просто невозможно²⁴⁰. Поэтому мы определяем культуру в таких сугубо субъективных терминах, как ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества. Вместе с тем культура является фактором социально-экономического развития в двух измерениях. Во-первых, в концептуальном; во-вторых, в инфраструктурном, это развитие туризма и индустрии культуры. Однако культура не может объяснить всё. Вряд ли стоит говорить о «культурном проклятье», нельзя находить в «природе» источник постоянных неудач и бесконечно расписываться в собственной несостоятельности. Можно привести аналогию с тем, как люди находят объяснение своих индивидуальных недостатков и слабостей особенностями происхождения, «корнями». Так, русский поэт А.С. Пушкин вспоминал о своём эфиопском предке, когда оправдывал темперамент и волокитство²⁴¹. В действительности же политическая воля и разумная система социальных стимулов, наказаний и поощрений помогает формировать современные институты, лепить любые желаемые формы поведения и взаимодействия.

Палитра национальностей и многообразие социально-культурных контекстов РФ

Существование различий в уровне социально-культурного потенциала регионов РФ можно предположить, понимая этническое многообразие населяющих её народов. Данные о национальном составе России определяются благодаря письменному опросу населения в ходе всероссийских переписей населения. Население России, согласно переписи населения 2010 года, представлено 7-ю народами с численностью населения более 1 миллиона человек. Помимо русских это татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы и армяне (табл. 5.1).

Наибольшая численность населения у русских. Русских в России проживает 111 016 896 человек, что составляет 77,71% населения страны или 80,90% от числа указавших национальность. Далее следуют: татары – 5 310 649 человек (3,72% от числа всех, 3,87% от числа указавших национальность) и украинцы – 1 927 988 человек или 1,35% от числа всех, 1,41 % от числа указавших национальность. По сравнению с переписью населения 2002 года численность русских уменьшилась на 4 872 211 человек или на 4,20 %. Численность татар и украинцев также сократилась на 243 952 (4,39%) и 1 014 973 (34,49%) соответственно.

Из народов, население которых составляло более 1 млн. человек на 2010 год, уменьшение численности произошло у всех, кроме чеченцев и армян. Численность населения чеченцев увеличилась на 71107 человек (5,23%), армян – на 51897 (4,59%).

Всего же в России проживают представители более 180 национальностей (этнических групп). Это настолько разные народы, что, характеризуя самобытность

²⁴⁰ Верещака Т.В., Лютый А.А. Природное и культурное наследие: возможности исследования и картографирование наследия России. М.: Институт Наследия, 2003. 155 с.

²⁴¹ Крылов К. Кто такие русские? // Вопросы национализма. 2013. №4(16). 19–39.

**Таблица 5.1. Динамика населения РФ / РСФСР
в разрезе этнической принадлежности**

Этническая группа	Перепись 1926 года		Перепись 1959 года		Перепись 1989 года		Перепись 2002 года		Перепись 2010 года	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%,	Человек	%	Человек	%
Русские	72 374 283	78,10	97 863 579	83,30	119 865 469	81,50	115 889 107	80,60	111 016 896	80,90
Татары	2 926 053	3,20	4 074 253	3,50	5 522 096	3,80	5 554 601	3,90	5 310 649	3,90
Украинцы	6 870 976	7,40	3 359 083	2,90	4 362 872	3,00	2 942 961	2,00	1 927 888	1,40
Башкиры	738 861	0,80	953 801	0,81	1 345 273	0,92	1 673 389	1,16	1 584 554	1,15
Чуваши	1 112 478	1,20	1 436 218	1,22	1 773 645	1,21	1 637 094	1,14	1 435 872	1,05
Чеченцы	318 361	0,34	261 311	0,22	898 999	0,61	1 360 253	0,95	1 431 360	1,04
Армяне	183 785	0,20	255 978	0,22	532 390	0,36	1 132 033	0,79	1 182 388	0,86
Аварцы	178 263	0,19	249 529	0,21	544 016	0,37	814 473	0,57	912 090	0,66
Мордва	1 306 798	1,41	1 211 105	1,03	1 072 939	0,73	843 350	0,59	744 237	0,54
Казахи	136 501	0,15	382 431	0,33	635 865	0,43	653 962	0,46	647 732	0,47
Азербайджанцы	24 335	0,03	70 947	0,06	335 889	0,23	621 840	0,43	603 070	0,44
Даргинцы	125 759	0,14	152 563	0,13	353 348	0,24	510 156	0,35	589 386	0,43
Удмурты	503 970	0,54	615 640	0,52	714 883	0,49	636 906	0,45	552 299	0,40
Марийцы	427 874	0,46	498 066	0,42	643 698	0,44	604 298	0,42	547 605	0,40
Осетины	157 280	0,17	247 834	0,21	402 275	0,27	514 875	0,36	528 515	0,38
Белорусы	607 845	0,66	843 985	0,72	1 206 222	0,82	807 970	0,56	521 443	0,38
Кабардинцы	139 864	0,15	200 634	0,17	386 055	0,26	519 958	0,36	516 826	0,38
Кумыки	94 509	0,10	132 896	0,11	277 163	0,19	422 409	0,29	503 060	0,37

Источник: по данным переписи населения.

таких республик, как Тыва и Дагестан, ряд комментаторов используют термин «нероссийская Россия». Объединяет их глубокая взаимная экономическая интеграция и встроенность в единый социально-культурный контекст страны. Прежде всего своего рода цементом, связывающим столь этнически и культурно разнородные группы, является русский язык. Например, жители республики Тыва, зная русский язык, практически повсеместно общаются на родном тувинском²⁴². Все документы оформляются на русском языке, обучение в школах, работа в государственных учреждениях проходит на русском языке. Не стоит называть это принуждением, поскольку знание русского языка хотя бы потенциально позволяет жителям передвигаться по всей территории страны, претендовать на места в социальных и карьерных лифтах. Такая самобытная Республика, как Дагестан, где русский язык является основным, представляет скорее исключение: надписей на каком-либо другом языке в общественных местах в этом регионе практически нет. Объяснение этому весьма простое – в отличие, скажем, от Татарстана или Тувы,

²⁴² GRIPHON (Красников Г.) (2014) Тыва. Совсем нероссийская Россия // «Живой журнал» borkhers. Запись от 1 января (<https://griphon.livejournal.com/232449.html>).

**Таблица 5.2. Доля граждан, положительно оценивающих
состояние межнациональных отношений*, в %**

Регионы	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Минимальные значения				
г. Санкт-Петербург	44,2	65,5	60,6	60,9
Республика Тыва	69,7	66,3	70,2	67,9
г. Москва	40,7	53,5	60,3	68,1
Новгородская область	64,3	64,4	70,5	68,7
Ханты-Мансийский АО – Югра	46,2	52,7	62,7	68,8
Камчатский край	63	68,1	67,9	69,2
Республика Северная Осетия – Алания	58,3	82	80,6	69,2
Ленинградская область	53,3	71,6	70,9	69,5
Ставропольский край	49,9	60,4	61,4	70,1
Тверская область	61,4	70,2	68,8	71,1
Максимальные значения				
Чукотский АО	83,2	85,2	87,4	88
Республика Бурятия	87,4	89,5	87	88,5
Республика Татарстан	87,8	89,2	88,5	88,5
Чеченская Республика	93	93,2	85	89,9
Республика Башкортостан	84,9	88,2	88,2	90
Чувашская Республика	88,3	90,3	89,2	90,7
Республика Мордовия	92,5	94,1	93,2	91,4
Республика Ингушетия	85,8	87,4	89,4	91,6
Республика Марий Эл	86,9	91,3	91	91,9
Республика Хакасия	85,2	92,6	87,3	93,5
*Ранжировано по данным 2017 г. Источник: данные ЕМИСС.				

где проживает один народ с одним языком (и все вывески на этот язык можно продублировать), в Дагестане живёт масса различных народов с разными языками. Даргинцы, лезгины, аварцы, кумыки, ногайцы – вот неполный, но убедительный список населяющих Дагестан народностей. Русский язык является здесь универсальным. Поскольку, если бы был выбран один из малых языков, это привело бы их носителей в более привилегированное положение перед остальными, что могло впоследствии создать социальный взрыв²⁴³.

О состоянии межнациональных отношений мало достоверной информации. Согласно данным опроса жителей субъектов РФ, анти-лидерами по качеству межэтнических отношений являются города Москва и Санкт-Петербург, моноэтническая Республика Тыва и ряд других регионов (табл. 5.2).

²⁴³ GRIPHON (Красников Г.) (2014) Тыва. Совсем нероссийская Россия // «Живой журнал» borkhers. Запись от 1 января (<https://griphon.livejournal.com/232449.html>)..

Наиболее благополучными, если верить оценкам граждан, стали большинство национальных республик, причём как относительно моноэтнические (Чеченская Республика), так и те, где доля русского населения значительно выше.

Несмотря на существование национальных республик и автономных округов, пределы расселения народов в России не совпадают с границами национально-территориальных образований. В большинстве субъектов Федерации, носящих этническое название, так называемые «титulyные» народы не составляют большинства населения. Рядом исследователей даже предпринимается попытка выделить этнически-специфичные субъекты РФ по доле русского населения. Например, перечислим регионы, где удельный вес русскоязычного населения менее 30%. Это Чувашия (25,8), Северная Осетия (20,6), Дагестан (3,6), Кабардино-Балкария (22,5), Калмыкия (29,6), Тыва (16,1), Чечня (1,9), Ингушетия (0,8). Однако зачастую большая часть титульного народа, давшего название субъекту Федерации, расселена вне своего территориального образования. Например, за пределами своих республик живут 67% мордвы, 64% татар, 48% марийцев, 46% чувашей, 39% бурят и т.д. В Еврейской автономной области проживает лишь 2,3 тыс. евреев, то есть в процентном отношении столько же, сколько во всей России. В Ханты-Мансийском автономном округе ханты и манси составляют менее 2% от общей численности населения. В Северо-Кавказских республиках вследствие вооруженных конфликтов и оттока русскоязычного населения коренное население значительно преобладает, но и оно не замкнуто в пределах своих национально-территориальных образований. Так, в Чечне проживает 77% чеченцев, в Ингушетии – 70% ингушей. Дагестан же представляет собой регион фантастического этнокультурного многообразия.

Существует как минимум три основания актуальности проблемы сохранения социально-культурного потенциала в современной России. Во-первых, в любом многонациональном государстве, в том числе российском, этнические группы стремятся к самоидентификации, особенно в сфере языка, литературы, искусства и культуры. Идет активный поиск форм и способов сохранения идентичности. Во-вторых, в соответствии со сложившимся административно-территориальным устройством далеко не все населяющие Россию коренные этносы имеют национально-территориальные образования: из 180 российских этносов их имеют лишь порядка 30, и в связи с укрупнением субъектов федерации это число сокращается. В-третьих, история создания советского и российского государства, формирование его внешних границ, союзническая политика оказали большое воздействие на этнический состав населения. Склонность и способность к объединению в целях решения общей насущной проблемы – это важнейшее условие успеха представителей различных этнических групп в условиях многонационального государства. В РФ существуют законодательные механизмы сохранения и преумножения историко-культурного наследия народов – национально-культурная автономия. Это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, националь-

ной культуры. Институт национально-культурной автономии (НКА) будучи экстерриториальным общественным формированием не только создаёт условия для сохранения национальной самоидентификации, но и способствует интеграции различных национальных культур, делая многонациональность необходимым элементом сохранения целостности России²⁴⁴. Набор функций НКА достаточно широк, он включает в себя и те, которые связаны с развитием отраслевой инфраструктуры. Ряд принципиальных поправок, внесённых в Федеральный закон № 185-ФЗ в 2013 году²⁴⁵, предоставляет НКА право создавать негосударственные (общественные) учреждения национальной культуры: театры, культурные центры, музеи, библиотеки, клубы, студии, архивы и другие учреждения культуры; организовывать творческие союзы, коллективы профессионального и самодеятельного искусства, кружки по изучению национального культурного наследия, достижений национальной культуры; проводить массовые мероприятия в области национальной культуры (фестивали, конкурсы, смотры, выставки), содействовать организации национального краеведения. Более того, расширены возможности по привлечению дополнительных финансовых средств на реализацию этой деятельности.

По данным Минюста, в РФ созданы и функционируют десятки и сотни НКА, и перечень выполняемых ими задач широк. Но предметом критики закона «О национально-культурной автономии» со стороны русских националистов остаётся то, что подобные объединения могут создавать все, кроме русских. С одной стороны, это кажется логичным, ведь это народ, составляющий абсолютное большинство населения, однако по ряду причин он «проигрывает» прежде всего по демографическим критериям, поэтому имеет все основания для поддержки. Многочисленные и нашумевшие примеры ущемления прав русских в рамках межнациональных конфликтов свидетельствуют о том, что положение русского народа весьма шатко²⁴⁶. Проблема усугубляется и слабой склонностью русских к объединению в защите своей идентичности и самобытности. Нередко это объясняют тем, что русские по определению не способны консолидироваться, создавать ассоциации. Для объяснения этого феномена выдвигаются самые разные версии. Часто звучит аргумент: «это не в крови», якобы русский народ изначально несёт в себе фундаментальные изъяны. Однако имеются и другие точки зрения. Русские слишком многочисленны, поэтому комплекс жертвы, уязвимость у них отсутствует, тогда как малочисленные народы, напротив, имеют понимание, что только совместно они

²⁴⁴ Федеральный закон «О национально-культурной автономии»: новые правовые аспекты // Материалы «круглого стола». 22 апреля 2010 года. М.: Издание Государственной Думы. 2011. 96 с.

²⁴⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 02.07.2013 № 185-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. ст. 3477.

²⁴⁶ Кургузов В.Л. Триптих: культура и культурный потенциал в проблемном поле процессов глобализации // Монологи о культуре: Избр.: в 2-х томах. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2012. Т.1: Теория и история культуры. С. 405–495.

могут добиться успеха, особенно в чужеродной среде. Русскому народу свойственно доверие государству, уважение к нему и даже его романтизация. Действительно, зачем адаптироваться в «своём» государстве? Русские не обладают навыками и склонностями к элиминации нелояльных элементов, представителей общности. Анализ этих гипотез выходит за рамки рассматриваемой проблематики, однако сам факт обесценивания социально-культурного потенциала в современных российских условиях сложно отрицать.

Риски асимметричности федеративного устройства для сохранения социально-культурного потенциала

Федеративное устройство России было формализовано в январе 1918 года, вскоре после установления республиканской формы правления. Оно сменило собой унитарное государственное устройство Российской империи. Российская Федерация, согласно статье 5 Конституции 1993 года, состоит из равноправных субъектов Российской Федерации. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты федерации между собой равноправны. Российскую Федерацию составляют республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа, являющиеся субъектами федерации. Только Российская Федерация вправе обеспечивать целостность и неприкосновенность своей территории, следовательно, целостность и неприкосновенность всех входящих в ее состав территориальных единиц. В качестве конституционной основы федеративного устройства Российской Федерации закреплены такие принципы, как государственная целостность; единство системы государственной власти; разграничение предметов ведения полномочий между органами государственной власти Федерации и органами государственной власти ее субъектов; равноправие и самоопределение народов Российской Федерации.

Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации равноправны между собой. Закрепляя принцип равноправия всех субъектов Российской Федерации, Конституция в качестве одного из важнейших принципов устанавливает принцип единого и равного гражданства Российской Федерации, независимо от оснований его приобретения, а каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и имеет равные обязанности, предусмотренные Конституцией РФ.

Важнейшее значение для нормального функционирования российского федерализма имеет принцип установления единого государственного языка на всей территории Российской Федерации, коим является русский язык. Свои государственные языки могут устанавливать и республики. Они используются наряду с государственным языком Российской Федерации в органах государственной власти, органах местного самоуправления и государственных учреждениях этих республик. Вместе с тем Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития и гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Российский федерализм обладает целым рядом специфических особенностей, отличающих его от федерализма в других странах. Прежде всего, Россия была в историческом плане провозглашена федерацией, а не создана путем объединения самостоятельных государств. Следовательно, Россия может быть отнесена к конституционной Федерации, поскольку она создана на основе Конституции, в которой закреплена политическая самостоятельность отдельных территорий, предоставленная общефедеральной властью.

С самого начала своего образования Россия представляла собой не конституционно-договорную (как США или Швейцария), а конституционно-правовую федерацию. Россия, в отличие от абсолютного большинства других федераций, создавалась как федерация асимметричная с различными видами субъектов Федерации, созданными как по национально-территориальному (21 республика-государство, 10 автономных округов и 1 автономная область), так и по территориальному признаку (6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения). Субъекты Федерации с самого начала не обладали правом выхода из ее состава, но статус субъекта Федерации по согласованию с общефедеральными органами власти и на основании специального конституционного закона мог быть изменен. Конституция РФ предусмотрела возможность вступления новых субъектов в состав Российской Федерации.

Асимметричность составляет на сегодняшний день острую проблему. В экспертном поле есть две противоборствующие позиции. Идут активные дискуссии между защитниками сложившегося порядка административно-территориального деления и теми, кто называет его несправедливым. Одни утверждают, что деление на экономически ориентированные на самодостаточность и «равноправие» регионы перспективно для раскола России. И тому есть исторические примеры. В сравнимой с Башкортостаном по индустриальной обеспеченности Свердловской области «региональный сепаратизм» в 1990-е развился настолько, что руководство региона начало печатать собственную валюту, чего не наблюдалось даже в Татарстане, который имеет куда большие предпосылки самостоятельности. Вот как объясняет свою позицию представитель этого идеологического крыла: «...лобби говорят о якобы несправедливости различного статуса субъектов РФ, я удивлен: неужели они сами не видят, насколько антипатриотична такая постановка вопроса? Суверенитет Екатеринбурга означал бы полный развал России! Означал бы, что уже сами русские разделяются. Какой может быть там суверенитет? И вообще автономия? Правильно, никаких, хоть и, как видим, подумывали на тему. А для Башкирии, напротив, автономия – естественное и разумное состояние, именно как залог лояльности башкир России и просто нормальной жизнедеятельности региона»²⁴⁷. Другая позиция заключается в том, что асимметричность порождает неравенство возможностей, причём ничем не регламентированное. Существуют национальные республики и с другой стороны – области и края. Республики всегда национальные, то есть нерусские. У республик другие возможности, чем у областей, в Конституции это не прописано, а просто фиксируются разные наиме-

²⁴⁷ Сепаратизм: русская версия // Эксперт-Урал. 2012. № 46 (534).

нования субъектов (области, края, республики). Нельзя сравнить лоббистские возможности руководства Татарстана и Псковской области. Апологеты этой позиции уверены, что необходимо уравнивание прав всех субъектов РФ по следующей модели. Не отнимая прав у национальных республик, следует предоставить больше прав областям. Они также говорят об упразднении получившего распространение понятия титульной нации (например, Татарстан, по их мнению, должен называться Татарской землёй). Так, Татарстан, который на сегодняшний день во многом потерял в своей «особости», тем не менее долгое время получал преимущества, пользовался привилегиями бюджетного федерализма, большая, чем в других субъектах РФ, часть бюджетных доходов «оседала» в регионе. Слышатся голоса и о необходимости институционализировать это равенство, в частности заменить невнятный сейчас Совет Федерации сенатом, где представительство республик будет обеспечиваться по американской модели (по 2 представителя от региона); в республиках прекратить дискриминацию русского населения. Там, где есть проблема квот, целесообразно установить национальные квоты в соответствии со структурой населения, тем самым распределив властные места в соответствии с объективной пропорцией, как это делается в других странах с аналогичными этническими конфигурациями, например в Ливане. Там, где это невозможно, как в Дагестане, решение можно принять на основе выборов. Не отвергая сохранение территориального единства России, необходимо провести ревизию отношений между центром и республиками. Часто говорится о несправедливом перераспределении бюджетных средств между регионами. Субсидирование республик не следует рассматривать как проблему саму по себе, но оно должно производиться в обмен на сближение, так как надо «подтягивать» регионы до общего уровня, поставив их финансовую обеспеченность в жёсткую зависимость от уровня достигаемых успехов или хотя бы усилий. На сегодняшний день бюджеты большинства субъектов РФ, а именно 72 единицы, – дотационны²⁴⁸. Впрочем, это в сложившихся условиях бюджетного федерализма не может удивлять. Однако важно оценить масштаб дотационности. Республика Татарстан входит в узкую группу бездотационных регионов. В ряде регионов (республики Алтай, Дагестан, Ингушетия, Тыва, Чеченская Республика, Камчатский край) доля дотаций из федерального бюджета превышает 40% объёма собственных доходов консолидированного бюджета субъекта РФ за два из трех последних отчётных финансовых лет. Это ситуация отражает непродуктивность сложившейся модели бюджетного федерализма для обеспечения равенства регионов России в сохранении и реализации социально-культурного потенциала и социально-экономического развития.

Культурный туризм как источник и средство реализации социально-культурного потенциала территорий

Как оценить глубину реализации социально-культурного потенциала территории? Один из простых, но принципиально верных индикаторов – развитие туризма в регионе. Минкультуры России публикует рейтинг развития туризма в субъектах Российской Федерации, в который входят 85 регионов. Ранее в рамках

²⁴⁸ Приказ Минфина России от 15 ноября 2019 г. № 1032 // ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/news/1304783/#ixzz6HL9OkM4T>

Международного культурного форума в Санкт-Петербурге впервые были награждены победители рейтинга в двух номинациях: «Регионы – лидеры Российского туризма» и «10 лучших регионов по темпам развития туризма». Регионами-лидерами российского туризма признаны Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан и Краснодарский край²⁴⁹. В список ведущих субъектов по темпам развития туризма вошли Калужская, Вологодская, Свердловская, Московская, Тульская, Ярославская, Нижегородская, Калининградская и Новгородская области, а также Алтайский край. Регионы оценивались по системе показателей, специально разработанной Минкультуры России совместно с экспертным и бизнес-сообществом, а также Московским государственным университетом. В целях объективной оценки деятельности регионов в сфере туризма система показателей включила такие критерии, как состояние туристской инфраструктуры, обеспеченность средствами размещения, эффективность управления, экономические механизмы стимулирования развития туризма, привлечение инвестиций и реализация инвестиционных проектов, развитие транспортной инфраструктуры, продвижение региональных туристских продуктов, наличие туристских информационных центров, участие региона в российских и международных выставках, разработка и продвижение туристских брендов и турпродуктов и др. Рейтинг составлен в рамках исполнения Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на период до 2020 года и носит официальный характер. Однако потенциал может пониматься и как принципиальная перспективность территории для развития туризма, то есть наличие ряда уникальных (особенности исторического развития, уникальные культурные условия, национальная кухня, наличие артефактов) или сравнительных преимуществ (благоприятный климат, богатая и интересная природная среда). С этих позиций весьма перспективны регионы Кавказа, республики Тыва и Калмыкия, Курская область. Однако развитие туризма в этих регионах отстаёт судя по официальным оценкам, по показателям развития туризма республика Тыва, попав в категорию регионов со «средним развитием туризма», занимала одну из худших позиций в списке (показатель – 24; 80 место в рейтинге субъектов РФ), то есть ниже, чем Республика Калмыкия (24,9; 78 место), но выше, чем Республика Ингушетия (22,8; 81 место).

Часто руководители самих республик сетуют на неразвитость инфраструктуры как звено порочной цепи: нет инфраструктуры – есть необходимость инвестиций – значит, развитие туризма затратно и нецелесообразно. Для развития туризма необходима инфраструктура, но туризм готовы развивать только там, где развита инфраструктура. Парадокс также в том, что именно в республиках, которые мы называем «отсталыми», «бедными» и «депрессивными», потенциал для развития туризма высок. Например, Республика Тыва богата на событийные мероприятия и фестивали: это международный фестиваль горлового пения (например, в Каахемском районе проходит фестиваль «Верховье»), праздник животноводов «Надым», фестивали и конкурсы по конным скачкам, национальной борьбе, достижениям

²⁴⁹ Рейтинг субъектов Российской Федерации по развитию туризма // Официальный сайт Министерства культуры РФ. URL: <https://www.mkrf.ru/press/news/rejting-subektov-rossijskoy-federatsii-po-razvitiyu20171006160552/>

чабанов, международный фестиваль старообрядческой культуры. Наконец, звучат предложения сделать Красноярский экономический форум «Сибирским», благодаря чему он будет «кочевать» по «столицам» разных регионов и возникнет стимул подтягивать состояние инфраструктуры к некоему желаемому уровню.

Приносят ли культурно-массовые мероприятия с национально-культурным оттенком средства в бюджет? Скорее наоборот. Бюджетные средства направляются на поддержание и подпитку культурной идентичности. Источником финансирования культурных мероприятий выступают средства бюджета муниципальных образований. Спонсорские, добровольные, имущественные взносы и пожертвования, иные источники предусмотрены законодательством РФ, но на деле составляют минимальную долю в обеспечении подобных мероприятий. Финансирование мероприятий осуществляется в пределах предусмотренных лимитов бюджетных обязательств на соответствующий финансовый год по направлениям расходов, предусмотренных настоящим порядком и нормами расходования средств на материальное обеспечение участников мероприятий.

В целом социально-культурный потенциал может рассматриваться как самостоятельная ценность, стоящая выше экономического успеха и материального благополучия, и как сила, грамотное управление которой позволяет добиться социально-экономического процветания. В последнем случае значение имеют природные способности этнических групп решать насущные проблемы общин, объединяться для решения актуальных задач повседневной жизни, а также культурный и природно-географический потенциал, создающий перспективы для развития туризма. Государственная политика должна заключаться в том, чтобы направить «энергию» народов, имманентно присущую им, в правильное русло, а имеющиеся недостатки и слабые места – нивелировать адекватными стимулами. Проведённый нами анализ позволил выявить комплекс серьёзных институциональных проблем современной России, которые препятствуют сбережению и реализации социально-культурного потенциала территорий в контексте культурно-этнического разнообразия России. Среди них особое место занимает существующая система федеративного устройства страны, создающая предпосылки для неравенства субъектов РФ в реализации базовых прав жителей регионов.

5.2. Проблемы развития инфраструктуры социально-культурного назначения в современной России

Происходящие в сфере культуры изменения говорят о состоянии отрасли, ее проблемах и перспективах развития, определяют культурную и досуговую активность населения, ценностные ориентации и мотивацию потребителей, отражают направленность и стили процессов потребления общественных благ. В период, вызванный пандемией коронавируса, трансформации общества и культурные ценности выступили в качестве средства поддержки коммуникации в социуме, фактором укрепления психологического состояния населения. Поэтому изучение

тенденций в развитии сферы культуры и ее инфраструктуры получает все большую популярность.

Период исследования определен наличием исходных статистических и социологических данных и представляет собой временной промежуток с 2000 по 2019 год; в некоторых случаях используются данные за три последних года или, при наличии статистики, динамический ряд продлевается до 2020 года.

Информационной базой исследования послужили публикации отечественных и зарубежных ученых по теме исследования, нормативно-правовые акты Российской Федерации, данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат), Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), сборники статистических данных Министерства культуры РФ, Фонда кино, филиала Российской книжной палаты, ФГУП ИТАР-ТАСС, ТАСС. Использованы ведомственная статистика и годовые отчеты по результатам деятельности Департамента культуры и охраны культурного наследия Вологодской области. Применение комплекса научных методов анализа обусловило достижение конечных результатов работы.

Полученные данные и результаты исследования могут быть использованы федеральными и областными органами власти и управления при выработке управленческих решений, составлении стратегических программ развития, для распределения бюджетных средств, определения статуса регионов; будут полезны при составлении практико-ориентированных учебных курсов по региональной экономике, экономическим, общественным и гуманитарным дисциплинам.

Для реализации цели и поставленных в исследовании задач в данном параграфе нами рассматривается развитие сферы культуры на примере Российской Федерации, Северо-Западного федерального округа и Вологодской области.

Под социально-культурной инфраструктурой можно понимать совокупность институтов, видов деятельности и предприятий социально-культурной сферы, которые обеспечивают комплексное воспроизводство сил человека, удовлетворяют его личные, общественные и духовные потребности через предоставление услуг в социальной и культурной сфере²⁵⁰. Показатели обеспеченности различными учреждениями культуры отражают фактическую возможность населения участвовать в культурно-массовых мероприятиях той территории, на которой оно проживает. Если ориентироваться на Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД), статистика по отрасли предоставляется в разделе «Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта»²⁵¹. Согласно методике Росстата, данный вид экономической деятельности включает в себя деятельность библиотек, музеев и выставок, зрелищных предприятий, клубных учреждений, парков культуры и отдыха, ботанических садов и зоопарков, телевидения и радиовещания.

²⁵⁰ Долженкова М.И., Мурзина О.Б. Некоторые тенденции развития социально-культурной инфраструктуры постиндустриального города // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 96–102.

²⁵¹ ОКВЭДы для организаций досуга. URL: <https://xn--b1aeqp1f.xn--p1ai/qa/okvedy-dlya-organizatsii-dosuga.html> (дата обращения: 20.08.2021).

В последние два десятка лет наблюдается сокращение числа учреждений социально-культурной инфраструктуры. Отдельные исследователи в начале 2000-х годов прогнозировали их сокращение на 60% при условии сохранения наметившихся негативных тенденций²⁵². По состоянию на начало 2020 года в России насчитывалось 42,4 тыс. учреждений культурно-досугового типа, тогда как в начале 2000-х годов было 54,2 тыс. учреждений. Таким образом, за прошедшее десятилетие (2000–2020 гг.) число культурно-досуговых учреждений сократилось на 22%. За 2000–2017 гг., общедоступных библиотек стало меньше на 26% (с 51 тыс. до 37,4 тыс.), число цирков убавилось на 8% (с 64 до 59). Намного серьезнее дела обстоят в киноиндустрии: при востребованности услуги количество кинозалов уменьшилось более чем на 10 тыс. единиц – с 15,4 до 5,1 тыс. или на 66%, и это с учетом реализуемой Фондом кино программы по открытию кинотеатров в малых городах²⁵³. За этот же период на 17% выросло число профессиональных театров, число музеев – на 30% (табл. 5.3). Тенденция в развитии учреждений культуры, выразившаяся в том, что число театров и музеев заметно росло, а количество учреждений культурно-досугового типа оставалось примерно на том же уровне, при общем сокращении числа общедоступных библиотек, цирков, киноустановок, – скорее всего, продолжится и в дальнейшем.

Увеличение интереса к культурной сфере выразилось в росте посещаемости её учреждений. Наиболее посещаемыми в России являются музеи – 877 посещений на 1 тыс. человек в 2019 году. Чуть менее востребованы кинотеатры – 200 просмотров на 1 тыс. человек за 2019 год. Посещаемость театров за 2012 год составила 109 зрителей на 1 тыс. человек населения России. Для зоопарков аналогичный показатель постепенно увеличивался, но, тем не менее, посещаемость в 2019 году по-прежнему составила около 80 зрителей на 1000 человек. Число цирков за последние десять лет демонстрирует незначительную положительную динамику (прирост 10%), при этом количество зрителей сократилось (на 34%). Динамика посещаемости театров, музеев, зоопарков в 2000–2019 гг. вполне соответствует изменению их числа: рост числа заведений сопровождался ростом их посещаемости, чего нельзя сказать о кинотеатрах. По данным отчетов Фонда кино «Российская киноиндустрия», которые собираются с 2015 года, существенное сокращение числа киноустановок сопровождалось ростом в 2000–2019 гг. посещаемости киносеансов с 300 до 500 зрителей на 1000 человек – более чем в 1,5 раза²⁵⁴. Такое сокращение числа киноустановок можно объяснить несколькими моментами. Во-первых, необходима замена устаревшего оборудования на современное, что требует затрат, поэтому многие

²⁵² Шубин Ю. А. Местное самоуправление социально-культурной сферой как институт гражданского общества: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00. URL: <http://www.dissercat.com/content/mestnoe-samoupravlenie-sotsialno-kulturnoi-sferoi-kakinstitut-grazhdansko-go-obshchestva> (дата обращения: 16.03.2020).

²⁵³ Анализ рынка кинотеатров России. URL: https://businessstat.ru/analytics /issledovanie_rynka_kinoteatrov_moskvy/ (дата обращения: 20.05.2021).

²⁵⁴ Российская киноиндустрия 2017: сборник / Фонд кино. URL: <https://www.inter-media.ru/uploads/RK-2017.pdf>; Российская киноиндустрия 2018: сборник / Фонд кино. URL: http://resources.fond-kino.ru/eais/docs/Russian_Film_Industry_2018.pdf; Российская киноиндустрия 2019: сборник / Фонд кино. URL: https://resources.fond-kino.ru/eais/docs/2019_RK_brief.pdf.

**Таблица 5.3. Количество заведений культурной сферы на начало года
(Российская Федерация)**

Наименование заведения	2000	2010	2017	2018	2019	Темпы прироста 2019 к 2000, %
Профессиональные театры	547	604	649	657	671	23
Численность зрителей:						
всего, млн. человек	30,8	31,0	39,6	40,8	41,0	33
в среднем на 1000 человек населения	210	217	269	278	280	33
Цирки	62	68	66	60	68	10
Численность зрителей:						
всего, млн. человек	8,6	11,3	5,8	4,9	5,8	-32
в среднем на 1000 человек населения	59	79	39	33	39	-34
Музеи	2047	2578	2742	2809	2861	40
Число посещений музеев:						
всего, млн. чел.	73,2	81,0	117,4	113,8	128,7	75
в среднем на 1000 человек населения	499	567	800	775	877	75
Учреждения культурно-досугового типа, тыс.	54,8	46,6	42,5	42,8	42,7	-22
Число зоопарков	20	29	31	32	32	60
Число посещений зоопарков:						
всего, млн. чел.	6,4	9,5	8,5	11,5	12,3	92
в среднем на 1000 человек населения	44	67	58	79	84	90
Общедоступные библиотеки, тыс.	51,2	46,1	37,4	37,1	37,0	-28
Библиотечный фонд:						
всего, млн. экз.	1027	923	818	810	802	-21
в среднем на 1000 человек населения, экз.	7017	6460	5570	5519	5461	-22
Кинозалы	15400	4100	5003	5492	5597	-63
Сеансы, тыс.	н.д.	н.д.	9,5	10	10,5	10
Зрители, тыс. чел.	н.д.	н.д.	213,5	200	219,4	2,7
Источник: составлено авторами по: сб-ки / Росстат; отчеты «Российская киноиндустрия» / Фонд кино. URL: https://www.intermedia.ru/uploads/RK-2017.pdf ; http://resources.fond-ino.ru/eais/docs/Russian_Film_Industry_2018.pdf ; https://resources.fond-ino.ru/eais/docs/2019_RK_brief.pdf						

кинотеатры перестают вести деятельность без обновления. Во-вторых, все еще популярное видеопиратство и появление большого количества онлайн-кинотеатров позволяют населению получать услуги в домашних условиях, что приводит к снижению интереса к просмотру фильмов вне дома. С учетом роста цен на кинопросмотры (средняя цена за билет около 271,5 рубля²⁵⁵) особенно киноновинок в

²⁵⁵ Итоги кинопроката Российской Федерации за 1 квартал 2021 года. URL: <https://ekinobilet.fond-kino.ru/news/detail/itogi-kinoprokata-rossijskoj-federacii-v-i-polugodii-2021-goda/> (дата обращения: 30.08.2021)

Таблица 5.4. Количество посещений культурно-массовых мероприятий

Территория	2018	2019	2020	Темп прироста 2020 к 2018, %
Российская Федерация	94765.427	101077.248	4713.456	-95
СЗФО	7007,475	7375,337	3242,473	-54
Респ. Карелия	221.935	253.275	112.402	-49
Респ. Коми	710.001	717.887	241.591	-66
Архангельская обл.	1 292.409	1 323.438	512.955	-60
Вологодская обл.	1 613.534	1 717.24	616.523	-62
Калининградская обл.	203.204	137.08	31.276	-85
Ленинградская обл.	788.054	923.802	387.059	-51
Мурманская обл.	403.784	375.769	101.422	-75
Новгородская обл.	1 385.387	1 582.168	1 134.553	-18
Псковская обл.	389.167	344.678	104.692	-73
Источник: ЕМИСС https://fedstat.ru/indicator/60188				

современных кинотеатрах, жителям сел такие просмотры становятся недоступны, отчасти даже физически, т.к. в селах очень редко имеются кинотеатры. В-третьих, свой отпечаток на кинопрокат наложила пандемия коронавирусной инфекции, укрепив позиции онлайн-кинотеатров и видеопиратства. Доступность для населения услуг современного цифрового кинопоказа выросла по сравнению с уровнем 2015 года на 10% (с 60,2 до 70%)²⁵⁶.

Судя по данным за 2018–2019 гг., количество посещений культурно-массовых мероприятий остается практически без изменений, но все же наблюдается незначительная положительная динамика. В 2020 году в связи с ограничениями из-за пандемии коронавируса падение показателя по стране было более значительное, чем по СЗФО и Вологодской области, что может быть связано с запретом на проведение культурно-массовых мероприятий, закрытием организаций и изменением мотивационных установок населения (озабоченность здоровьем, страх неизвестного и возможность получения услуг не выходя из дома, посредством телевидения и интернета (табл. 5.4). В большей степени люди перестали посещать культурно-массовые мероприятия в Калининградской, Мурманской и Псковской областях (падение показателя более чем на 70%). Но незначительный рост посещений в период до 2020-го года дает надежду на положительные изменения для сферы культуры и повышение интереса к культурным мероприятиям со стороны населения.

Следует обратить внимание на такую тенденцию, как рост трат в домашних хозяйствах на культурные услуги (табл. 5.5). В Вологодской области отмечено также увеличение доли расходов на культуру и досуг, что открывает всё больше возможностей для накопления культурного капитала, более качественной организации

²⁵⁶ Российская киноиндустрия-2019: сборник / Фонд кино. URL: https://resources.fond-kino.ru/eais/docs/2019_RK_brief.pdf

**Таблица 5.5. Доля потребительских расходов домашних хозяйств
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; в %)**

Потребительские расходы на услуги учреждений культуры	2000	2010	2017	2018	2019	Темп прироста 2019 к 2000, %
Российская Федерация	Н.д.	2,8	3,6	3,9	4,4	209
Вологодская область	0,4	2,1	3,6	4,2	4,3	330

свободного времени населения. С 2017 года показатель области практически совпадает с общероссийским. Все же следует отметить, что высокие потребительские расходы населения по другим статьям не позволяют выделить для удовлетворения культурных потребностей большую долю финансов, но данную тенденцию стоит рассматривать как положительную.

Согласно данным опросов общественного мнения, проводимых Вологодским научным центром РАН в рамках изучения социокультурных характеристик Вологодской области, более 80% её жителей удовлетворены обеспеченностью своего населённого пункта услугами, причем существует разница в степени удовлетворенности между жителями крупных городов (Вологда, Череповец) и районов: жители первых оценивают обеспеченность значительно выше (на 40%). Самыми популярными местами социально-культурной инфраструктуры являются парки отдыха и городские праздники, кинотеатры²⁵⁷.

Готовность и возможности людей тратить материальные средства на свое культурное обогащение, повышение культурного капитала можно проследить по участию населения в мероприятиях культурных учреждений, проводимых на платной основе. Как показывает данные, в последние годы наблюдается тенденция к снижению доли населения, принимающего в них участие, что также объяснимо локдауном и закрытием учреждений культурно-досугового типа (табл. 5.6).

Кроме того, в таблице 5.7 можно проследить снижение общего числа общедоступных библиотек. С 2000 по 2017 г. оно уменьшилось более чем на 13 тыс. (до 37,4 тыс. библиотек). Теперь их число снижается не только в городах (с 51,2 до 37,4 тыс.; на 26%), но и в селах, в которых библиотеки зачастую выступают в качестве единственного представителя инфраструктуры социально-культурной сферы (с 12,9 до 9,7 тыс.; на 25%)²⁵⁸. Библиотечный фонд России также продолжает сокращаться: на конец 2000 года он составлял 1027 млн. экземпляров, на конец 2017 года – 818 млн. экземпляров, т.е. за 7 лет сократился более чем на 200 млн. экз. или на 21%.

Очевидно, что общее количество зарегистрированных пользователей библиотек остается примерно на одном уровне (табл. 5.8). С появлением в 2017 году новой формы услуг – сложный поиск информации в сети Интернет – введена новая

²⁵⁷ Данные регионального опроса населения «Социокультурный портрет населения – 2019», проведенного ФГБУН ВолНЦ.

²⁵⁸ Статистика культуры – 2016: стат. сб. / Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm.

Таблица 5.6. Удельный вес населения, участвующего в платных культурно-досуговых мероприятиях, проводимых государственными (муниципальными) учреждениями культуры

Территория	2017	2018	2019	2020	Темп прироста 2020 к 2017, %
Российская Федерация	72,37	64,75	69,09	21,93	-70
СЗФО	58,64	54,03	56,12	21,57	-63
Респ. Карелия	55,39	35,65	41,32	16,62	-70
Респ. Коми	82,29	84,44	86,47	27,70	-66
Архангельская обл.	118,69	116,33	120,28	40,84	-66
Вологодская обл.	144,73	137,12	147,64	48,51	-66
Калининградская обл.	28,84	20,43	13,68	3,25	-89
Ленинградская обл.	50,11	43,45	49,99	15,45	-69
Мурманская обл.	47,89	53,58	50,23	12,96	-73
Новгородская обл.	256,25	234,70	268,78	174,08	-32
Псковская обл.	69,38	61,14	54,74	15,24	-78
Ненецкий а.о.	83,64	80,98	60,95	22,14	-74
г. Санкт-Петербург	8,74	108,20	7,40	2,13	-76
Источник: ЕМИСС https://fedstat.ru/indicator/43955					

Таблица 5.7. Показатели деятельности библиотечной системы в 2000–2019 годах (Российская Федерация)

Вид учреждения	2000	2010	2017	2018	2019	Темп прироста 2019 к 2000, %
Общедоступные библиотеки, тыс.	51,2	46,1	37,4	37,1	37,0	74
Библиотечный фонд, млн. экз.	1027	923	818	810	802	79
Количество зарегистрированных пользователей, тыс. чел.	49929	55971	50483	50700	50404	174
Источник: Статистика культуры – 2016: стат. сб. / Росстат; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm						

категория получателя этой услуги – удаленный пользователь²⁵⁹. Остановить снижение количества библиотек, библиотечных фондов и положительно повлиять на динамику численности зарегистрированных пользователей позволило широкое распространение сети Интернет, в том числе и в сельской местности. Местному населению была предоставлена возможность переключаться на более удобный

²⁵⁹ Учет удаленных пользователей в общедоступных библиотеках Ленинградской области: методические рекомендации / сост. О.Г. Куприянова, отв. за вып. Л.К. Блюдова; ГКУК «Ленинградская областная универсальная научная библиотека». СПб., 2018. 10 с.

**Таблица 5.8. Выпуск книг и брошюр, журналов и газет
в Российской Федерации в 2000–2019 гг.**

Показатель	2000	2010	2017	2018	2019	Темп прироста 2019 к 2000, %
Книги и брошюры						
Выпущено – всего, печатных единиц	59543	121738	117359	116915	115171	93
Годовой тираж – всего, тыс. экз.	471192	653843	471459	432336	435136	-8
Журналы и другие периодические издания (включая сборники и бюллетени, выходящие периодически)						
Выпущено, изданий	3570	7049	8032	7678	7507	110
Годовой тираж, тыс. экз.	606556	1848055	1228590	1055221	957011	58
Газеты						
Выпущено, изданий	5758	9659	9542	8984	8503	48
Годовой тираж, тыс. экз.	7138919	9525633	6722708	6069285	5457035	-24

(с точки зрения минимизации затрат времени на получение необходимой информации) вариант получения информации – электронный. Мы считаем крайне важным в эпоху цифровых технологий использование информационного пространства для поиска и привлечения потенциального потребителя услуг культуры.

Хотя население страны может и не пользоваться услугами библиотеки, но одной из форм организации его свободного времени является чтение книг, журналов и газет. Состояние современного печатного дела в целом по стране отражено в таблице 5.9. Все печатные издания призваны удовлетворять информационные потребности населения через создание сети информации, что способствует накоплению им интеллектуального и инновационного ресурса. В последние годы происходит увеличение количества печатной продукции, в том числе журналов. И если количество печатных единиц у книг увеличивается, то в целом мы наблюдаем тенденцию к сокращению книжных тиражей. Это также можно объяснить переходом населения на электронный формат получения данного вида услуг.

Отмечается рост в сегмент цифровых книг (например, аналитики отметили увеличение количества пользователей электронной библиотеки MyBook по подпискам составил более 150%²⁶⁰). Именно электронные и аудиокниги послужили драйвером для книжного рынка. Рост, что является подтверждением потребности населения в цифровых услугах библиотек. Также при увеличении количества газетных изданий наблюдается сокращение их годового тиража. Все большее число жителей следят за новостями используя альтернативные способы получения информации, в том числе позволяющие не только пассивно следить за событиями, но и принимать в них активное участие. Например, Смолева Е.О. говорит об ак-

²⁶⁰ Самый высокий рост показали подписные книжные сервисы. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12263/> (дата обращения: 20.08.2021).

Таблица 5.9. Выпуск газет на 1000 человек населения в Российской Федерации, регионах и СЗФО в 2017–2019 гг. (разовый тираж; экземпляров)

Федеральный округ	Место, занимаемое в РФ в 2019г.	2017	2018	2019	Темп прироста 2019 к 2017, %
Российская Федерация		1196	1073	955	-20
Центральный	1	1950	1672	1575	-19
Южный	6	651	549	448	-31
Северо-Кавказский	8	228	189	192	-15
Приволжский	3	1121	1081	959	-14
Уральский	5	828	727	611	-26
Сибирский	4	662	670	626	-5
Дальневосточный	7	549	556	272	-50
Северо-Западный	2	1920	1717	1441	-24
Республика Карелия	9	2191	1909	1520	-30
Республика Коми	19	1172	1097	928	-20
Ненецкий автономный округ	21	762	797	869	14
Архангельская область	6	2265	2428	1729	-23
Вологодская область	10	1060	1093	1396	31
Калининградская область	33	1118	772	653	-41
Ленинградская область	72	405	312	259	-36
Мурманская область	35	598	540	629	5
Новгородская область	8	1630	1845	1546	-5
Псковская область	27	1060	1287	726	-31
г. Санкт-Петербург	4	3123	2645	2206	-29
Источник: сост. авторами на основе данных филиала Российской книжной палаты, ФГУП ИТАР-ТАСС, ТАСС.					

тивности пользователей групп ВК по проблемам городской среды в онлайн-формате, одна из задач которых в том числе информирование населения о проблемах города. По данным исследования самой многочисленной группой в социальной сети ВКонтакте является «Вологда в порядке», в которой зарегистрировано 11767 участников, это 4% от общей численности вологжан²⁶¹.

По данным Роскомнадзора большая часть средств массовой информации (СМИ) в стране – печатные издания²⁶². В регионах шире других представлен такой вид медиаресурсов, как газеты, поэтому целесообразно более глубоко проанализировать именно его. Пресса в регионах динамично развивается, интерес к мест-

²⁶¹ Смолева Е.О. Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Проблемы развития территории. 2021. Т.28. № 2. С. 90–107.

²⁶² Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Новости. URL: <https://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).

ным новостям определяет жизнеспособность этого источника информации. Данные издания консолидируют население, развивают экономический и культурный потенциал городов, стимулируют агломерацию региона. Именно через этот печатный источник происходит информационное включение гражданского общества в жизнь муниципальных органов власти. Лидерами рейтинга по выпуску газет являются Центральный, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа. В этих регионах темпы сворачивания печати периодической продукции можно назвать средними. В Сибирском федеральном округе в 2017–2019 гг. выпуск газет осуществлялся с незначительными потерями, тогда как в Дальневосточном он сократился более чем в 2 раза. Вологодской области удалось нарастить (на 30 %) выпуск самых распространенных средств массовой информации. Здесь официально зарегистрировано 21 печатное издание, но только одно является полностью государственным, остальные издаются с привлечением частных инвестиций. Привлечение в данную сферу частного бизнеса заметно оживило ситуацию и позволило расширить печатный рынок, тем самым способствуя сохранению печатного дела в области²⁶³. Направленность изданий весьма разнообразна и покрывает большой спектр потребностей населения: издаются информационно-новостные газеты, корпоративные журналы, туристические брошюры, рекламные буклеты и пр. В последнее время исследователями отмечается тренд на издание бесплатной периодики – её доля в общем количестве издательской продукции растет²⁶⁴. Широкий круг изданий покрывает информационные потребности местного населения. В русле современных тенденций периодические издания также уходят в онлайн, по данным Mediascope, Digital-версии популярных печатных изданий демонстрируют рост²⁶⁵.

Одними из самых популярных способов удовлетворения культурных потребностей являются телевидение и радио. В 2018 году завершилась федеральная целевая программа «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы», направленная на обновление существующей сети наземного вещания, переход на современные цифровые технологии и развитие информационного пространства России. Согласно данным за 2019 год средний показатель охвата населения РФ вещанием наземного эфирного цифрового телевидения выше 98% (табл. 5.10). На сегодняшний момент во всех 85 субъектах Российской Федерации осуществляется цифровое эфирное теле- и радиовещание. Максимальные значения показателей зафиксированы в Санкт-Петербурге и Калининградской области (по 100%); в Псковской области охвачено услугами 99,9% населения.

²⁶³ Перечень наименований, зарегистрированных СМИ // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/> (дата посещения: 20.08.2021)

²⁶⁴ Газеты в системе медиакommunikации городов-миллионников. Контент-аналитическое исследование / Г.В. Денисова, Л.Г. Свитич, О.В. Смирнова, М.В. Шкондин, Т.В. Яковлева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 4. С.118-141.

²⁶⁵ Медиапотребление россиян: цифры и тенденции: URL: https://mediascope.net/upload/iblock/65c/Everest_Mediascope_060518.pdf (дата обращения: 13.09.2021).

**Таблица 5.10. Охват населения теле- и радиовещанием
в Российской Федерации, регионах и СЗФО в 2017–2019 гг.
(в % от общей численности населения субъекта)**

Федеральный округ	Имеют возможность принимать одну телевизионную программу цифрового эфирного телевещания			Имеют возможность принимать радиопрограммы (Радио России)		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Российская Федерация	97,4	98,6	98,6	82,5	83,9	84,9
Центральный	99,5	99,6	99,6	88,6	88,6	92,5
Южный	96,3	98,1	98,0	65,9	72,7	67,9
Северо-Кавказский	98,2	98,1	98,2	80,1	80,0	79,6
Приволжский	98,0	98,5	98,5	82,2	82,6	83,6
Уральский	94,0	98,2	98,6	81,8	85,1	85,0
Сибирский	96,9	97,3	97,4	82,2	84,1	84,6
Дальневосточный	89,5	97,5	97,6	75,6	79,3	82,7
Северо-Западный	98,5	99,0	98,8	90,7	90,6	91,3
Республика Карелия	97,1	97,0	96,9	73,0	80,8	80,8
Республика Коми	98,0	97,5	97,2	72,4	72,5	72,3
Ненецкий автономный округ	96,1	96,5	96,6	18,0	56,6	56,2
Архангельская область	96,7	97,9	97,0	87,1	78,5	84,4
Вологодская область	97,6	97,6	98,6	86,4	86,4	82,6
Калининградская область	100	100	100	94,9	94,9	95,0
Ленинградская область	98,2	98,2	96,3	98,9	98,9	96,3
Мурманская область	92,3	99,2	99,3	76,7	77,1	92,9
Новгородская область	98,7	98,6	99,0	70,3	70,2	70,4
Псковская область	99,3	99,2	99,9	79,8	79,8	80,2
г. Санкт-Петербург	100	100	100	100	100	100
Источник: сост. авторами на основе данных Минцифры России.						

В целом средние по федеральным округам показатели охвата телевещанием находятся примерно на одном уровне, но наблюдается сильный разброс показателя охвата радиовещанием. Возможность принимать, например, радиостанцию «Радио России» (самый большой охват по стране) на уровне ниже 80% имеется в Северо-Кавказском и Южном ФО, Республике Коми, Новгородской области и Ненецком автономном округе. Хотя в целом показатель демонстрирует положительную динамику, но отсутствие доступа к радио более чем у 20% населения вызывает беспокойство и говорит о разрыве в качестве предоставляемых услуг. Одной из возможных причин этого могут выступать тяжелые климатические и географические условия в некоторых округах, попавших в данный список.

При переходе на «цифровое вещание» особо остро стоит вопрос о будущем региональных и муниципальных телеканалов, так как для них не предусмотрено

**Таблица 5.11. Количество пользователей единого портала
в сфере популяризации культурного наследия и традиций народов России
«Культура.РФ» (culture.ru), млн. чел.**

	2018	2019	2020	Темп прироста 2020 к 2018, %
РФ	15294,7	27100,6	68500	348
Источник: ЕМИСС https://fedstat.ru/indicator/60188				

место в федеральных мультиплексах – комплексе утвержденных теле- и радиоканалов обязательных для доступа на всей территории РФ. Это ограничивает доступ населения к местным новостям. Чтобы учитывалась неравномерность развития регионального и городского телевидения, потребовались такие изменения в вещании, которые позволяли бы транслировать местный телевизионный и радиопродукт в отведенные для этих целей федеральными каналами часы. В Вологодской области доступ к новостям региона осуществлён на телеканале²⁶⁶ Россия-24.

Отличительной особенностью последнего времени становится также проникновение в жизнь частных домохозяйств ОТТ-технологий, доступ к которым можно получить через Интернет посредством телефона, планшета, компьютера или телевизора, поддерживающего технологию SMART-TV. По данным Mediascope, в 2018 году семь из 10 человек для просмотра ТВ пользуются Интернетом. Ежегодно доля пользователей телевизионных каналов на мобильных устройствах увеличивается на 20%²⁶⁷, и, таким образом, основным драйвером роста телеаудитории становится мобильный интернет.

Одной из современных тенденций выступают высокие темпы цифровизации учреждений культурной сферы. Это прослеживается во всей социально-культурной инфраструктуре начиная с 2000-х годов. В ведомственной статистике появляется раздел о представленности институтов культуры в сети Интернет. Информация о предоставляемых услугах аккумулируется на едином портале «Культура.РФ» в сфере популяризации культурного наследия и традиций народов России – бесплатной цифровой платформе для учреждений культуры и организаторов культурных мероприятий, запущенной для всех регионов (табл. 5.11). Платформа предоставляет интернет-аудитории доступ к мероприятиям в любом из 85 субъектов РФ из любой точки страны. Это значительно расширяет возможности социально-культурной инфраструктуры.

Количество пользователей портала ежедневно увеличивается; в качестве куратора выступает Министерство культуры Российской Федерации²⁶⁸, по данным которого половина учреждений социально-культурной инфраструктуры имеют собственный сайт и представляют электронные версии традиционных видов информации, а также ведут электронные базы. И все же возможности Интернета ис-

²⁶⁶ Вести Вологды. URL: <https://xn--35-dlcmp7ch.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.09.2021).

²⁶⁷ Медиапотребление россиян: цифры и тенденции – 2019: отчет. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/65c/Everest_Mediascope_060518.pdf (дата обращения: 13.09.2021).

²⁶⁸ Культура.рф. URL: <https://www.culture.ru/> (дата обращения: 23.08.2021).

пользуются лишь частично: не применяются технологии анимации, виртуальной реальности, мультимедиа, интерактивные экскурсии в режиме реального времени. Подобные формы подачи информации и организация сопутствующих мероприятий, таких как тренинги и курсы для посетителей, может привлечь широкий круг новых пользователей социально-культурной инфраструктуры.

Таким образом, наиболее существенные изменения инфраструктуры социально-культурного назначения связаны с использованием возможностей Интернета и цифровых технологий. Падение интереса населения в одних областях привело к его увеличению в других. При этом наблюдается снижение количества и посещаемости платных культурно-досуговых мероприятий в государственных и муниципальных учреждениях, что может выступать в качестве маркера снижения собственных доходов домашних хозяйств и, как следствие, ассортимента и качества предоставляемых социально-культурными учреждениями услуг. По-прежнему прослеживается выраженный интерес к мероприятиям в музеях как в целом по стране, так и в Вологодской области. Абсолютно все институты культурной сферы получили увеличение аудитории в период пандемии за счет привлечения ресурсов Интернета (онлайн-кинотеатры, платформы услуг, собственные сайты, группы в социальных сетях).

Для развития сферы культуры и ее инфраструктуры необходимы конкретные меры со стороны органов власти по обеспечению доступности культурных благ, особенно в районах, по облегчению финансовых возможностей доступа к платным услугам социально-культурной инфраструктуры или расширению предоставления бесплатных услуг, возможно, за счет привлечения частных инвестиций. В перспективе использование возможностей Интернета в своей деятельности позволит учреждениям культуры увеличить число посетителей, количество и качество предоставляемых услуг. На необходимость разработки новых форм подачи традиционной информации указывают и последние данные за 2020 год.

5.3. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов

Современный мир стоит на пороге четвертой промышленной революции, основой которой являются новые цифровые, биологические, физические и другие виды технологий. В связи с этим в научном и общественном дискурсе все чаще используются термины, тем или иным образом характеризующие влияние новых цифровых технологий на экономику и общество. Более чем за двадцатилетнюю историю использования терминов «интернет-экономика» и «цифровая экономика» и их производных они всё ещё не обрели четких очертаний, что, тем не менее, не мешает их широкому употреблению в бизнес-среде, СМИ, научных публикациях и других источниках²⁶⁹. Действительно, довольно сложно очертить и сделать общепринятыми границы того, что претерпева-

²⁶⁹ Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. Как посчитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией // ЭКО. 2020. № 2. С. 8–36. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-8-36

ет постоянные изменения. Стремительное развитие современных цифровых технологий не позволяет четко «стабилизировать» проявления их влияния на экономику и общество: если в начальный период основное значение имел непосредственный доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), то сейчас, когда Интернет и другие средства ИКТ превратились в неотъемлемую часть повседневной жизни большинства населения планеты, всё актуальнее становится вопрос, как производятся и для каких целей используются данные технологии.

Безусловно, внедрение цифровых технологий проходит неодинаково в различных регионах мира, странах и внутри них, что связано и со стратегией развития, и техническими возможностями, и восприимчивостью населения к происходящим изменениям. Неравенство в доступе населения к цифровым услугам и в различных возможностях их использования, обусловленное множеством причин от материальных до наличия навыков и мотивации, ставит во главу угла новые и малоизученные аспекты социального неравенства, может явиться причиной социальной эксклюзии целых социально-демографических групп из процессов цифрового развития. Это порождает новые исследовательские задачи, которым и посвящена данная часть монографии. Об этом говорится и в многочисленных зарубежных и отечественных научных работах²⁷⁰. «Лидеры» научных исследований в данном направлении в России – представители научной школы НИУ «Высшая школа экономики», предложившие методический инструментарий оценки вклада интернет-экономики²⁷¹ в ВВП, композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России²⁷², и другие методики. Они дали старт статистическому изучению циф-

²⁷⁰ Дубинина М.Г. Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах Российской Федерации // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 3. С. 368–399. DOI: 10.33873/2686-6706.2019.14-3.368-399; Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10; Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университет. Серия 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72; Nieminen H. Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, 2016, vol. 31 (1), pp. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>; Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 2018, vol. 35, pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>; Ragnedda M., Kreitem H. The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2018, vol. 4, pp. 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1

²⁷¹ Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. Approaches to defining and measuring Russia's internet economy. *Foresight and STI Governance*, 2017, vol. 11, pp. 55–65. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.55.65

²⁷² Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Сухарева Н.А. Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. 2018. № 25 (4). С. 75–87.

ровой экономики в России²⁷³ и акцентируют внимание на том, что происходящие в обществе изменения в контексте перехода к цифровой экономике пока еще недостаточно изучены и требуют разработки и использования новых показателей, подходов и методик. Это предопределило актуальность проводимого исследования.

Целью исследования стало применение трехуровневой модели цифрового неравенства для оценки различий первого уровня среди населения стран мира и регионов России. Для достижения цели были поставлены и реализованы следующие задачи: рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению цифрового неравенства; проанализированы тенденции цифрового развития в мире, развитых и развивающихся странах, России; проведена оценка масштабов неравномерности по проникновению и использованию Интернета в странах мира и российских регионах; изучаемые объекты сгруппированы по уровням цифрового развития.

Научная новизна заключается в оценке масштабов и динамики цифрового неравенства первого уровня среди населения на страновом и региональном уровнях, в группировке стран мира и российских регионов по доле пользователей Интернета и применению мобильных устройств для выхода в Интернет.

В исследовании для реализации цели и задач использован комплекс научных методов, в частности сравнительный анализ, статистический анализ, социологические методы. Теоретической базой являются научные работы, в которых изучаются вопросы становления, развития и методов оценки цифровой экономики и цифрового неравенства.

Для измерения глобальных тенденций цифрового развития применяются данные о числе пользователей Интернета, абонентов стационарных и мобильных телефонов, подписок на интернет, в том числе мобильный, публикуемые Международным союзом электросвязи (далее – МСЭ), поскольку они достаточны для отражения общей ситуации с их распространением. Для собственно оценки масштабов цифрового неравенства первого уровня рассмотрены данные о доле населения, использующего Интернет.

Для измерения применен коэффициент вариации, его значения позволяют оценить наличие и масштаб различий между регионами, странами по тому или иному показателю в следующих границах:

- < 17% – совокупность абсолютно однородная;
- 17–33% – совокупность достаточно однородная;
- 35–40% – совокупность недостаточно однородная;
- 40–60% – совокупность значительно неоднородная;
- 60% – совокупность абсолютно неоднородная.

²⁷³ С 2017 года в сотрудничестве с Росстатом НИУ ВШЭ выпускает сборники показателей, которые и легли в основу данного исследования: Информационное общество в Российской Федерации. 2018: стат. сб. / М.А. Сабельникова [и др.]; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018; Информационное общество в Российской Федерации. 2019: стат. сб. / М. А. Сабельникова [и др.]; Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019.

С целью изучения распределения стран по проникновению Интернета использована группировка статистических данных с закрытыми интервалами и определены три его уровня: выше среднего, средний и ниже среднего.

Период исследования в каждом случае ограничивается доступностью статистических данных. Для международных данных это 2001–2019 годы, в Российской Федерации сбор большей части показателей (за исключением наблюдений МСЭ в отношении пользователей Интернета, куда входили практически все страны мира) был начат позже, нежели в мировой статистике, – в 2013 году (анализируется до 2018 года). Для российских регионов доступная информация собрана по 2016, 2017, 2018 годам.

Информационной базой исследования послужили официальные данные Международного союза электросвязи, сборники статистических показателей, издаваемые совместно Росстатом и НИУ «Высшая школа экономики»: «Индикаторы цифровой экономики», «Информационное общество в Российской Федерации» и «Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации».

Современные исследователи цифрового неравенства сходятся, во-первых, во мнении о необходимости его изучения и создания методических основ для его оценки, во-вторых, в том, что оно имеет дифференцированную структуру.

Изначально подход к анализу цифрового неравенства рассматривался преимущественно в географическом дискурсе, между странами, имеющими и не имеющими доступ к внедрению информационно-коммуникационных услуг, условно богатыми и бедными²⁷⁴. Однако практически сразу научное сообщество пришло к мнению, что данные процессы более многогранны и не основываются только на доступе к ИКТ, в связи с этим стали выделять несколько уровней цифрового неравенства. В 2001 году Э. Харгитай предложил теорию двух видов цифрового неравенства: первый показывает неравные шансы в доступе к использованию ИКТ, второй характеризуется непосредственно различиями в специфике использования интернета. Предполагалось, что второй вид неравенства возможен при более распространенном проникновении ИКТ в повседневную жизнь людей²⁷⁵.

Это легло в основу изучения цифрового неравенства со стороны различных областей знания – социологии, экономики, политологии, медиа-среды, маркетинга²⁷⁶. И зарубежные, и отечественные исследователи рассматривали различные факторы неравного доступа к ИКТ и их использо-

²⁷⁴ Norris P. The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>; Attewell P. The first and second digital divides. *Sociology of Education*, 2001, vol. 74 (3), pp. 252–259.

²⁷⁵ Hargittai E. Second-level Digital Divide: Mapping Differences in People's Online Skills. 2001. Available at: <https://arxiv.org/abs/cs/0109068>; DiMaggio P., Hargittai E. From the «digital divide» to «digital inequality»: Studying Internet use as penetration increases. *Working Papers from Princeton University*, 2001, no. 47.

²⁷⁶ Вартанова Е.Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah. 5.2018.812

вания, связанные с различиями в доходе²⁷⁷, уровне образования²⁷⁸, возрасте²⁷⁹, гендере²⁸⁰ и т. д.

В настоящее время разрабатывается теория трех уровней цифрового неравенства, ставшая основой для комплексного изучения цифрового раскола именно с позиции человека²⁸¹ [4; 21; 22]. Согласно ей цифровой раскол может проявляться на трех основных уровнях: 1) уровне доступа населения к интернету и другим ИКТ; 2) уровне цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном применении цифровых технологий в профессиональной и частной жизни.

Не обращаясь к такой терминологии, но рассматривая такие же характеристики цифровой стратификации общества, исследователи из Ульяновска О.В. Шиняева, О.В. Полетаева, О.М. Слепова²⁸² осуществляют поиск эффективных практик адаптации населения к ней, изучают мотивацию населения адаптироваться к изменениям для повышения собственной эффективности в эпоху цифровизации.

После изучения богатого опыта публикаций по тематике цифрового неравенства мы остаемся солидарны с позициями современных исследователей о многогранности и комплексности данного явления, необходимости построения

²⁷⁷ Вершинская О.Н. Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? // ВИПЕРСОН. Публикации. Эксклюзив. 2011. URL: <http://viperson.ru/articles/olga-vershinskaya-tsifrovoy-raskol-novyy-vid-ekonomicheskogo-neravenstva>; Положихина М.А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2. С. 119–141.

²⁷⁸ Alam S.S., Abdullah Z., Ahsan N. Cyber café usage in Malaysia: An exploratory study. *Journal of Internet Banking and Commerce*, 2009, vol. 14 (1), pp. 1–13; Avila A. Underdeveloped ICT areas in Sub-Saharan Africa. *Informatica Economica*, 2009, vol. 13 (2), pp. 136–146; Шиняева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>.

²⁷⁹ Israelashvili M., Kim T., Bukobz G. Adolescents' over-use of the cyber world – Internet addiction or identity exploration? *Journal of Adolescence*, 2012, no. 35 (2), pp. 417–424.

²⁸⁰ Смирнова О.В. Феминизация Интернета: тенденции и прогнозы // Медиаскоп. 2009. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/феминизация-интернета-тенденции-и-прогнозы>; Davaki K. The Underlying Causes of the Digital Gender Gap and Possible Solutions for Enhanced Digital Inclusion of Women and Girls. 2018. 53 p. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU\(2018\)604940_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOL_STU(2018)604940_EN.pdf)

²⁸¹ Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72; Ragnedda M. The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities. UK Routledge. 2017. 128 p.; Routledge; Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 2018, no 35, pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>

²⁸² Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>

эффективных методик для его измерения. Наше исследование базируется на трехуровневой модели цифрового неравенства, получившей широкое распространение в зарубежных работах (один из ярких представителей направления – Massimo Ragnedda) и развивающейся в России (научная школа НИУ ВШЭ – М.Ю. Архипова, В.П. Сиротин; МГУ им. Ломоносова – А.А. Гладкова; Казанский федеральный университет – В.З. Гарифуллин; Ульяновский государственный университет – А.Р. Сафиуллин, О.А. Моисеева; Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН – Д.А. Гайнанов, Т.Ф. Шарифьянов).

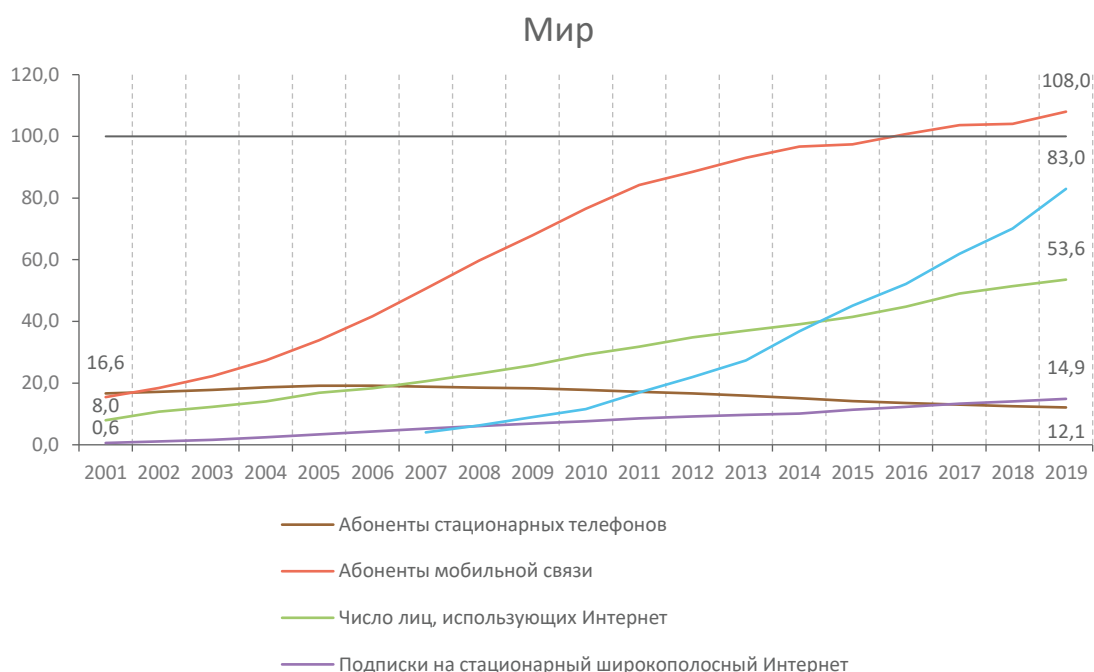
Речь пойдет по большей части о первом уровне неравенства – по доступности и использованию ИКТ населением; частично затронуты данные о причинах неиспользования сети Интернет в домашних хозяйствах. Второй и третий уровень неравенства, а именно характеристики развития цифровых компетенций и преимуществ, получаемых активными пользователями, глубоко и качественно могут быть изучены только при наличии существенной и, желательно, имеющей мониторинговый характер базы данных социологических исследований. По мнению ряда ученых, именно отсутствие таких данных является ограничивающим фактором для комплексных исследований цифрового раскола [4]. Углубленное изучение второго и третьего уровней цифрового неравенства на примере населения конкретного региона (а именно поселенческий, социально-демографический, социально-экономический и другие аспекты) составляет перспективу нашей дальнейшей работы.

Оценка цифрового неравенства в мире

В целом глобальные тенденции развития ИКТ в мире можно охарактеризовать стремлением к мобильности: повсеместно число абонентов стационарных телефонов снижается, мобильных телефонов – стремительно растет. В среднем по странам мира число абонентов мобильной связи с 2016 года превышает 100 единиц на 100 человек, то есть часть населения нуждается в доступе к мобильной сети более чем с одного устройства (в период 2001–2019 гг. значение выросло в 7 раз, ежегодный темп прироста 36,7% в год; рис. 5.1).

История появления и использования интернета берет начало в 60-х гг. XX века, однако, до того как он стал спутником среднестатистического человека, прошло не более 30 лет. О значительном массовом индивидуальном пользовании всемирной сетью можно говорить с конца 1990-х – начала 2000-х гг., именно тогда МСЭ и начал вести мониторинг доли пользователей. После этого проникновение интернета в повседневную жизнь и бизнес-процессы идет существенными темпами, однако потенциал для роста еще имеется: по предварительным оценкам МСЭ, в 2019 году интернетом пользовался каждый второй житель Земли (или 53,6 человека из 100). Здесь прослеживается та же тенденция – мобильный интернет более распространен, чем стационарный (в 2019 году активные подписки на мобильный интернет в 5,5 раза превышали число подписок на стационарный, в каждом случае речь идет о широкополосном интернете со скоростью передачи данных 256 Кбит в секунду и выше)²⁸³.

²⁸³ Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

**Рисунок 5.1. Глобальные тенденции в цифровом развитии
(в среднем по странам мира; количество в расчете на 100 жителей)**

Здесь и далее количество абонентов мобильной сотовой связи с доступом для передачи данных (например, интернет) по широкополосной скорости передачи в прямом канале (здесь и далее определяется как большее или равное 256 Кбит/сек).

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Направленность тенденций использования ИКТ развитых и развивающихся стран схожа (рис. 5.2, 5.3), однако разными остаются масштабы.

В развитых странах все показатели были выше и на начальном этапе массового индивидуального (в личных целях) использования интернета (с начала 2000-х гг.), в настоящее время эта ситуация сохраняется. Количество пользователей мобильной сети стало превышать численность населения уже в 2007 году, за период 2001–2019 гг. – значение показателя выросло в 2,7 раза, или на 14,4% ежегодно (рис. 5.2). В развитых странах более 86% населения пользуется интернетом, мобильный широкополосный интернет более востребован, чем стационарный (в 2019 году число подписок на мобильный интернет превышает число подписок на стационарный в 3,4 раза). Это говорит о том, что пользователи стремятся обеспечить постоянный доступ к сети независимо от места нахождения.

В отношении развивающихся стран можно говорить о еще более существенных темпах роста, особенно в последние годы. В начале 2000-х гг. позиции развитых и развивающихся государств оказались различными: в первых вовлеченность населения была весьма высока (вероятно, это связано с достаточным для введения новшеств уровнем жизни и образования населения), в последних –

Рисунок 5.2. Тенденции в цифровом развитии развитых стран (в среднем по развитым странам; количество в расчете на 100 жителей)

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

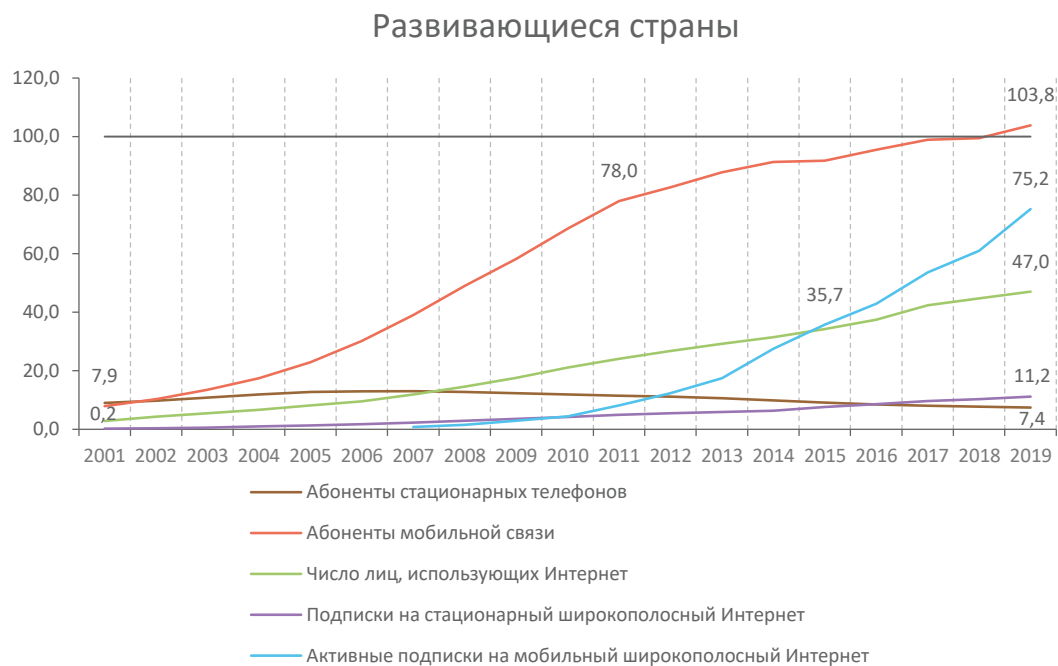

Рисунок 5.3. Тенденции в цифровом развитии развивающихся стран (в среднем по развивающимся странам; количество в расчете на 100 жителей)

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

минимальна (рис. 5.3). Однако темпы проникновения интернета в развивающихся странах значительно выше. Так, за 2001–2019 гг. число мобильных абонентов выросло в 13 раз, или на 69% в среднем ежегодно. Интернетом пользуется каждый второй житель развивающихся стран, среди них 75 из 100 человек – мобильным и только 11 из 100 – стационарным.

В России подробная статистика о внедрении цифровых технологий в повседневную жизнь людей начала собираться значительно позже, данные публикуются с 2013 года. За шестилетний период можно проследить те же тенденции, что происходили в мире: снижение числа абонентов стационарных телефонов и рост пользователей мобильной сети и широкополосного интернета (рис. 5.4). Практически по всем показателям Россия в тенденциях цифрового развития более близка к развитым странам, исключение составляет незначительное (по сравнению с лидерами цифрового развития) число абонентов мобильной сети.

Благодаря статистическим замерам Международного союза электросвязи, можно оценить масштабы цифрового неравенства первого уровня в мире. Доля пользователей интернета увеличивается повсеместно: в среднем по миру она выросла в период 2002–2019 гг. на 43,6 п. п., в развивающихся странах – на 42,6 п. п., в развитых – на 52 п. п. (рис. 5.5). В России доля пользователей интернета также стремительно возрастала – на 76 п. п. в исследуемый период.

Для цифрового развития Российской Федерации 2010 год является переломным, именно с этого момента доля интернет-пользователей стала превышать среднемировой уровень. Если до 2009 года по включенности населения в пользование интер-

**Рисунок 5.4. Тенденции в цифровом развитии России
(количество в расчете на 100 жителей)**

Источник: Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники.

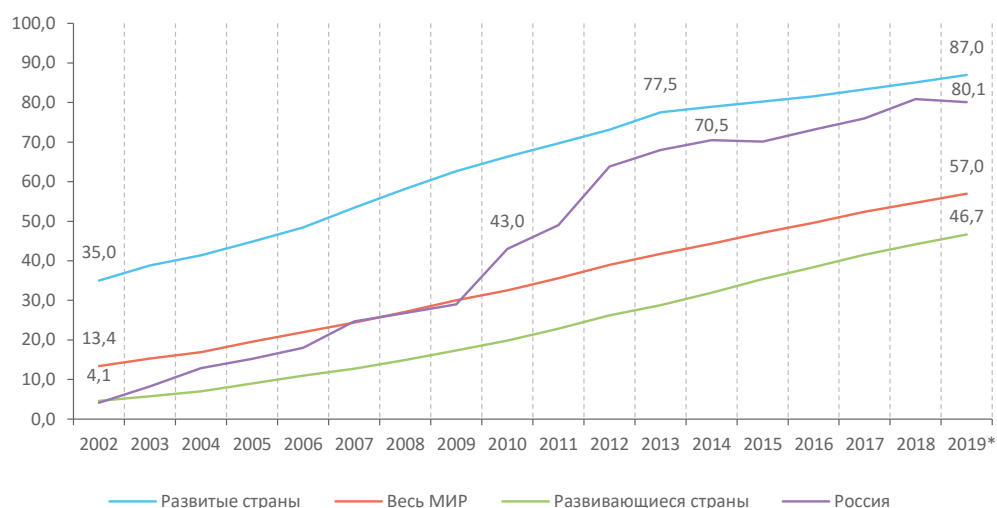

Рисунок 5.5. Доля лиц, использующих интернет, %

*2019 год – предварительные оценки.

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи.

URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

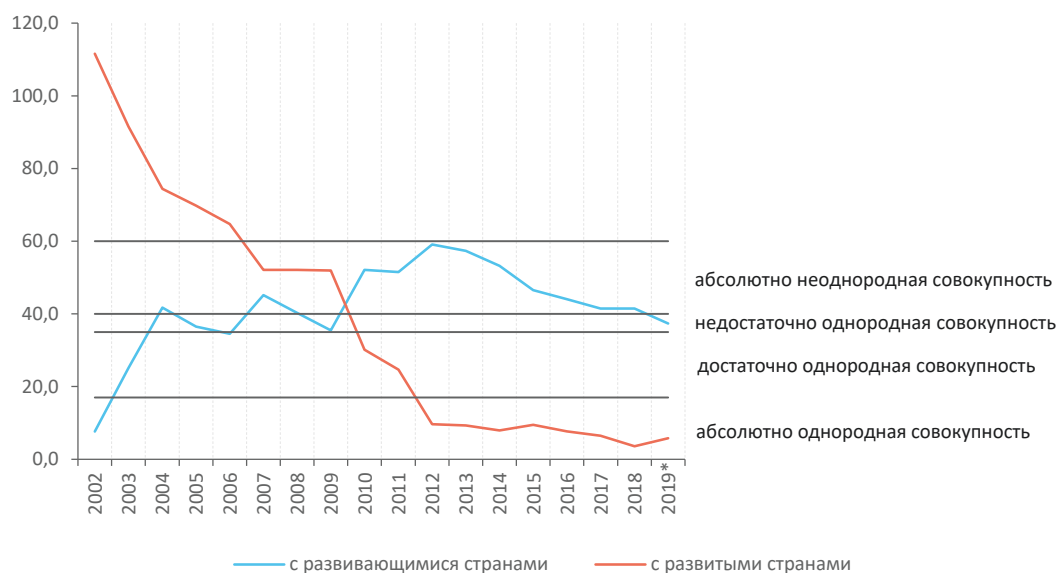

Рисунок 5.6. Динамика коэффициента вариации по показателю «Доля лиц, использующих интернет» между Россией, развитыми и развивающимися странами мира, %

*2019 год – предварительные оценки.

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи.

URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

нетом Россия была более близка к развивающимся странам, то с 2010 года – к развитым (рис. 5.6). На данный момент по вовлеченности населения в использование всемирной паутины она практически не отличается от развитых стран мира.

**Таблица 5.12. Вариация показателя
«Доля лиц, использующих интернет» по странам мира, %**

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Темп прироста, 2017 к 2000, %
Максимальное значение	58,6	87,0	95,8	96,4	96,9	96,9	98,2	98,3	99,0	100,0	70,6
Минимальное значение	0,0059	0,0652	0,2500	0,7000	0,8000	0,9000	0,9900	1,0837	1,1771	1,3089	221 раз
Коэффициент вариации	146,1	107,5	78,6	73,4	70,2	67,7	63,1	58,5	56,1	50,8	-65,2
Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx											

Масштабы цифрового неравенства первого уровня в мире снижаются. При изучении показателя доли лиц, использующих интернет, выяснено, что коэффициент вариации стал меньше более чем на 65%. Однако совокупность стран мира по проникновению интернета остается неоднородной, в 2017 году значения колеблются от минимального в Восточной Африке, Эритрее (1,3%) до максимального в Кувейте (100%; табл. 5.12).

Для того чтобы понять, как протекают процессы цифровизации в мире, страны были сгруппированы по трем уровням проникновения интернета, проанализировано изменение положения России в предложенной классификации.

За весь период в пятерку государств с наибольшей долей интернет-пользователей входили страны Европы, включая территории Великобритании за ее пределами (например, Бермудские острова, Фолклендские острова). Ряд карликовых европейских стран (Андорра, Люксембург, Лихтенштейн) попали в группу лидеров из-за небольшой численности населения (табл. 5.13). С 2016 года их ряды пополняют страны Персидского залива, основу экономики которых составляет нефтедобыча, Бахрейн и Кувейт, а также Катар, где добыча нефти и газа сделала его первой страной по размеру ВВП на душу населения в мире.

Что касается группы стран с наименьшими долями интернет-пользователей, то и здесь также наблюдается определенная стабильность. На протяжении последних 18 лет замыкают рейтинг страны Африки, ситуация в них остается практически неизменной, проникновение интернета – минимальным.

Исходя из группировки государств также прослеживаются значительные темпы вхождения интернета в жизнь российских граждан: если в начале 2000-х гг. Россия входила, наряду с африканскими странами, в группу с уровнем проникновения ниже среднего (в 2000 году только 2% населения пользовались интернетом), то уже в 2010 году переместилась на средний уровень, а в 2012-м – вошла в пятерку лидеров внутри данной группы, затем стала развиваться такими же темпами, как и развитые страны. На данный момент она входит в группу государств с уровнем пользования всемирной сетью выше среднего.

Таблица 5.13. Россия в группировке стран мира по показателю «Доля лиц, использующих Интернет»*

Уровень	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Выше среднего	Норвегия Канада Сан-Марино Новая Зеландия Швейцария	Исландия Швеция Дания Норвегия Нидерланды	Исландия Норвегия Нидерланды Люксембург Швеция	Исландия Норвегия Швеция Нидерланды Дания	Исландия Норвегия Швеция Дания Андорра Россия	Исландия Норвегия Дания Андорра Лихтенштейн Россия	Исландия Андорра Норвегия Лихтенштейн Люксембург Россия	Исландия Люксембург Лихтенштейн Бахрейн Андорра Россия	Кувейт Исландия Лихтенштейн Катар Люксембург Россия
Средний	Финляндия Лихтенштейн Сингапур Остров Вознесения Австрия	Гренландия Гонконг Китай Бельгия Монако Словакия	Гренландия Мальта Сент-Китс и Невис Польша Хорватия Литва Россия	Сент-Китс и Невис Россия Польша Хорватия Казахстан	Тринидад и Тобаго Антигуа и Барбуда Казахстан Польша Португалия	Саудовская Аравия Аргентина Португалия Малайзия Греция	Уругвай Французская Полинезия Венесуэла Пуэрто-Рико Албания	Армения Доминиканская Республика Иордания Италия Палестина	Палестина Гватемала Босния и Герцеговина Армения Турция
Ниже среднего	Россия Судан Сомали Либерия Эфиопия Республика Конго	Россия Нигер Эфиопия Сьерра-Леоне Восточный Тимор Мьянма	Эфиопия Конго Эритрея Сьерра-Леоне Мьянма	Эритрея Бурунди Сомали Конго	Эритрея Бурунди Сомали Конго	Эритрея Бурунди Сомали Чад	Гвинея-Бисау Чад Нигер Сомали Эритрея	Нигер Центрально-африканская Республика Гвинея-Бисау Бурунди Сомали Эритрея	Центрально-африканская Республика Гвинея-Бисау Бурунди Сомали Эритрея

* Группировка проведена автором по данным о 207 странах мира, публикуемым МСЭ, в каждой группе показано по 5 стран и Россия. Страны выше среднего и среднего уровня профанированы по убыванию, как страны с наибольшими долями лиц, пользующихся интернетом. Страны по уровню ниже среднего – по возрастанию, как страны с наименьшими долями лиц, пользующихся интернетом. Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Оценка цифрового неравенства среди российских регионов

Для российских регионов характерно наличие диспропорций в развитии по самым различным аспектам. Данная проблематика успешно изучается в рамках региональной экономики. Основные причины неравенств заключаются в целом комплексе естественных и искусственных факторов и условий. Исходя из этого возникает предположение, что и в процессах использования ИКТ обнаруживается асимметрия. При проверке данной гипотезы нами анализировались материалы статистических сборников, издаваемых Росстатом совместно с НИУ ВШЭ, что позволило изучить дифференциацию субъектов Российской Федерации по доле домохозяйств, имеющих доступ в интернет (в среднем, без уточнения стационарный или мобильный), и доле населения, использующего мобильные устройства, включая смартфоны и другие гаджеты, для выхода в сеть. Анализ этих данных помогает оценить и масштабы цифрового неравенства первого уровня в стране, а также косвенно отследить, насколько население соответствует мировым трендам, связанным с преобладанием мобильного интернета над стационарным.

Стоит отметить, что расчет показателей вариации позволяет судить о конвергенции регионов как в среднем по проникновению интернета, так и по использованию его с мобильных устройств (коэффициент вариации в обоих случаях свидетельствует об абсолютной и достаточной однородности регионов, табл. 5.14).

Вместе с тем, если рассмотреть значения показателей, картина представляется несколько иной. Так, например, в Чеченской Республике в 2018 году только каж-

**Таблица 5.14. Вариации показателей по использованию
интернета в регионах России, %**

Показатель	2016	2017	2018	Темп прироста, 2018 к 2016, %
Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет				
Максимальное значение	88,6	88,1	87,4	-1,4
Минимальное значение	61,6	62,1	50,2	-18,5
Коэффициент вариации	7,6	7,4	10,0	31,6
Доля использования мобильных устройств (мобильных телефонов или смартфонов, устройств для чтения электронных книг и др.) для выхода в сеть Интернет				
Максимальное значение	70,5	79,3	Н.д.	12,5
Минимальное значение	22	37	Н.д.	68,2
Коэффициент вариации	22,2	16,2	Н.д.	-27,0
Источники: расчеты автора; Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники.				

**Таблица 5.15. Группировка регионов России по доле домашних хозяйств,
имеющих доступ к сети Интернет***

Уровень	2016	2017	2018
Выше среднего	г. Санкт-Петербург Чукотский автономный округ Магаданская область Республика Ингушетия Калининградская область	Республика Северная Осетия – Алания г. Санкт-Петербург Магаданская область Республика Ингушетия Республика Тыва	Республика Бурятия г. Санкт-Петербург Республика Алтай Тюменская область Республика Северная Осетия – Алания
Средний	Тульская область Республика Карелия Московская область Камчатский край Воронежская область	Краснодарский край Приморский край Сахалинская область Калининградская область Республика Калмыкия	Оренбургская область Республика Карелия Тамбовская область Иркутская область Челябинская область
Ниже среднего	Нижегородская область Вологодская область Рязанская область Томская область Республика Бурятия	Республика Мордовия Ярославская область Чувашская Республика Ульяновская область Кировская область	Республика Калмыкия Чукотский автономный округ Республика Дагестан Республика Тыва Чеченская Республика
*Группировка проведена авторами по данным о 85 субъектах РФ, в каждой группе показано по 5 регионов. Ранжировано: выше среднего и средний уровень – по убыванию, регионы с наибольшими долями лиц, пользующихся интернетом; уровень ниже среднего – по возрастанию, регионы с наименьшими долями лиц, пользующихся интернетом. Источник: Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники.			

дый второй имел доступ в сеть (50,2%, табл. 5.15), что соответствует уровню развивающихся стран, а в регионе с высоким уровнем проникновения – Республике Бурятия – зафиксировано значение на уровне развитых стран – более 87%.

В данном случае группировку регионов сложно увязать с тенденциями их социально-экономического развития, так как лидеры и аутсайдеры меняются, не

всегда отражается рост числа пользователей. Наоборот, в ряде регионов зафиксировано значительное снижение (не соответствующее увеличению численности населения, что могло бы сказаться на относительных показателях). Среди них Республика Дагестан и Чеченская Республика (где зафиксировано снижение показателя на 17 и 25 п. п. в 2018 году по сравнению с 2017 годом соответственно), республики Саха, Тыва, Калмыкия, Краснодарский край (потерявшие от 15 до 30 п. п. в доле интернет-пользователей). Причинами таких тенденций могут быть как неточности статического учета, так и инфраструктурные аспекты (к примеру, невыгодные условия пользования стационарным интернетом и отсутствие возможности для пользования или низкое качество мобильного интернета).

Схожая ситуация прослеживается и в отношении использования мобильных устройств. Вариация незначительная и на доступных данных за 2016 и 2017 годы имеет тенденцию к сокращению, вместе с тем значения показателя колеблются от 37% в Орловской области до 79% в Магаданской (табл. 5.16). В целом использование мобильных устройств в российских регионах менее распространено, нежели в среднем по миру и даже по развивающимся странам.

Таким образом, цифровое развитие российских регионов проходит неравномерно: одни из них имеют уровень развития, сопоставимый только с развивающимися странами мира, другие уже превысили уровень развитых стран. Это вновь обнажает проблемы дифференциации российских регионов по комплексу характеристик. Наложение на этот срез личностных (индивидуальных) и средовых (региональных) детерминант позволит изучить поселенческие (город/село),

Таблица 5.16. Группировка регионов России по доле использования мобильных устройств (мобильных телефонов или смартфонов, устройств для чтения электронных книг и др.) для выхода в сеть Интернет*

Уровень	2016	2017
Выше среднего	Чукотский автономный округ Магаданская область г. Москва Республика Татарстан Республика Саха (Якутия)	Магаданская область Республика Саха (Якутия) Карачаево-Черкесская Республика Мурманская область г. Москва
Средний	Краснодарский край Тюменская область Калининградская область Амурская область Свердловская область	Республика Ингушетия Московская область Республика Алтай Тюменская область Хабаровский край
Ниже среднего	Калужская область Костромская область Республика Мордовия Самарская область Республика Бурятия	Иркутская область Ульяновская область Ярославская область Красноярский край Орловская область

*Группировка проведена авторами по данным о 85 субъектах РФ, в каждой группе показано по 5 регионов. Ранжировано: выше среднего и средний уровень – по убыванию, регионы с наибольшими долями лиц, пользующихся интернетом; уровень ниже среднего – по возрастанию, регионы с наименьшими долями лиц, пользующихся интернетом.

Источник: Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники.

социально-демографические, социально-экономические аспекты цифрового неравенства. Причинами цифрового неравенства становятся недостаточная развитость инфраструктуры, социально-культурные особенности регионов, различия в уровне жизни и наличии цифровых компетенций населения. Подробно эту информацию предполагается изучить в дальнейшем при оценке второго и третьего уровней неравенства.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Выявлено, что, несмотря на значительное снижение дифференциации стран мира по проникновению интернета, в мире присутствует цифровое неравенство первого уровня и его масштабы велики. Многие страны и целые регионы мира не имеют доступа к интернету, это одно из новейших проявлений социального неравенства. Так, на протяжении последних 18 лет практически неизменной остается ситуация с интернетизацией Африки (за исключением Египта, ЮАР и Марокко), где доля пользователей не превышает и 2% населения. Страны с высокой вовлеченностью жителей в пользование интернетом представлены преимущественно европейскими государствами, с 2016 года их ряды начинают пополнять и нефтедобывающие страны Персидского залива, что подтверждает важность экономической детерминанты цифрового развития (по крайней мере его инфраструктурной составляющей).

При сравнении трендов цифровизации в развитых и развивающихся странах сделан вывод об их единой направленности: это активные темпы проникновения интернета, переориентация на беспроводную связь и интернет. Безусловно, в развитых странах ИКТ используются более активно, однако для развивающихся государств характерны стремительные темпы роста показателя доступа к сети.

Выявлено, что Россия также демонстрирует существенный прирост доли интернет-пользователей: уже в 2010 году был превышен среднемировой уровень, и если в начале 2000-х годов она входила в группу стран с уровнем ниже среднего наряду со странами Африки и по темпам роста информатизации приближалась к развивающимся странам, то с 2010 года сблизилась с развитыми.

Расчет вариации среди российских регионов не показывает разительных отличий в отношении использования интернета их населением. Вместе с тем можно констатировать наличие элементов цифрового разрыва первого уровня: в одних регионах интернетом пользуется только каждый второй, в других – только каждый восьмой-девятый человек. Есть территории, где вовсе происходит снижение доли интернет-пользователей.

Отстают российские регионы и по темпам внедрения мобильного интернета: в 31 регионе доля выходов в сеть через мобильные телефоны и другие гаджеты не превышает 52%, еще в 39-ти – 65%. При этом беспроводной интернет более доступен в материальном аспекте (средняя стоимость мобильных устройств снижается, их покупка обходится дешевле, чем покупка персонального компьютера, предложения мобильных операторов также являются более выгодными для мобильного интернета, нежели доступ через стационарный компьютер/ноутбук). Основная проблема лежит в технической плоскости: например, для сельских жителей намного доступнее с экономической точки зрения мобильная сеть, но в некоторых

районах доступа к ней либо нет, либо он затруднен из-за низкого качества соединения. Это может стать фактором их исключения из цифровой среды и, более того, проявления социальной эксклюзии.

Результаты проведенного исследования послужат основой для дальнейшего изучения цифрового неравенства населения в рамках трехуровневой модели на примере России и внутри отдельного региона (Вологодской области), в частности предполагается изучение различий в поселениях (крупные города, составляющие два противоположных полюса развития региона – деловая и культурная столица и промышленный центр, муниципальные образования, сельские территории), а также различий, детерминируемых возрастом, полом, уровнем образования и дохода, социокультурными характеристиками пользователя ИКТ и цифровыми услугами. Тема исследования мультидисциплинарная, она привлекает внимание специалистов как из медиасферы, СМИ, философии, филологии, так и экономики, социологии и др. Результаты проведенного и будущих исследований по данной тематике находятся на стыке региональной экономики (изучение факторов регионального развития, в том числе социокультурных) и социологии (изучение адаптации, мотивации и изменения поведения населения в связи с распространением цифровых услуг). Материалы представляют собой актуальную информационную базу по оценке цифрового разрыва среди населения в мире и России, которая может быть использована в качестве основы для проведения исследований цифрового развития, в рамках преподавания в высшей школе и как основа для принятия управленческих решений, разработки стратегических программ региональными и федеральными органами власти по снижению всех без исключения проявлений социального неравенства населения, в том числе при реализации национального проекта «Цифровая экономика».

6. СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

6.1. Социальные инновации: сущность и роль в воспроизводстве человеческого капитала и устойчивом развитии территорий

Современный период мирового развития многими специалистами рассматривается как эпоха постВВП, при этом экономику как систему предлагается оценивать не по показателям ВВП, а по «достижению принятых ею социально-экономических целей»²⁸⁴, основной из которых является повышение качества жизни населения. Данный подход согласуется с концепцией инклюзивного социально-экономического развития, основные положения которой касаются ориентации на принципы равенства возможностей и справедливости при вовлеченности населения в экономические процессы и обеспечении равного доступа к благам²⁸⁵. В настоящее время проблемы, связанные с демографическим развитием, социально-экономическим неравенством, экологией, трансформацией трудовых отношений и т.д., приводят к кризису традиционных методов и форм управления. Зачастую это связывается с возникновением т.н. «провалов» рынка и государства, когда рыночный механизм оказывается не в состоянии обеспечить Парето-оптимальное распределение ресурсов, а государство неспособно обеспечить эффективное распределение ресурсов и доходов в соответствии с представлениями о справедливости в обществе²⁸⁶. В связи с этим актуальным является поиск новых возможностей эффективного ответа общества и государства на стоящие перед ними вызовы национального и территориального развития. Одним из таких инструментов в мировой практике выступают социальные инновации.

Истоки социальной ориентированности инноваций восходят к работам Р. Оуэна, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др. Несмотря на то, что активное развитие теории и практики в сфере социальных инноваций происходит в течение последних тридцати лет, их эволюция имеет достаточно давнюю историю. Те или иные социальные нововведения, призванные улучшить жизнь людей, предпринима-

²⁸⁴ Klein J-L., Tremblay P-A. The social economy: a springboard for local development projects? // In: Bouchard M.J. Innovation and the social economy. The Québec experience. Toronto: University of Toronto Press, 2013. – pp. 229-250.

²⁸⁵ All on Board: Making Inclusive Growth Happen. Paris: OECD, 2014. 198 p.

²⁸⁶ Atkinson A.B., Stiglitz J.E. Lectures on Public Economics. Updated Edition. Princeton: Princeton University Press, 2015. 568 p.

лись во всех странах мира в разные эпохи. Однако возникновение самого понятия относится к началу XVIII в., а его развитие происходило в политическом и социальном направлениях²⁸⁷. С одной стороны, социальные инновации связывались с новшествами, которые приводят к социализму²⁸⁸, с другой – рассматривались как возможные решения важных для общества социальных проблем²⁸⁹. Чуть позже У. Саргантом был введен термин «социальный инноватор» в отношении людей, проводящих социальные перемены²⁹⁰.

В качестве экономического термин «социальная инновация» начали употреблять во второй половине XX в. П. Друкер и М. Янг. В XX в. вопросы социальных инноваций стали рассматриваться с позиций социального предпринимательства, которое, однако, также нельзя было назвать новым явлением. Опыт социального предпринимательства активно накапливался примерно с 1970–1980-х годов, проявившись почти одновременно в разных точках мира с разными экономическими и социальными условиями.

Впоследствии социальные инновации рассматривались под разным углом в зависимости от существующего политического, социального и экономического контекста и научного направления. К примеру, в первой половине XX в. они интерпретировались сквозь призму социальных изобретений, «не относящихся к механическим и не являющихся открытиями в естественных науках»²⁹¹. В контексте построения государства всеобщего благосостояния и в соответствии с периодами расцвета движений эмансипации, общинного развития территорий, социальной и солидарной экономики под социальными инновациями подразумевались новые модели участия, управления и самоуправления²⁹².

В современном мире социальные инновации являются предметом исследований многих научных групп и некоммерческих организаций, а также выступают в качестве отдельного направления государственной политики. При этом используются различные трактовки данного термина. Управление социальных инноваций и гражданского участия Белого дома США рассматривает их как «инновации, которые помогут достичь более быстрого и устойчивого прогресса ... в решении наших социальных проблем»²⁹³. Обобщенная трактовка социальных инноваций дается в публикациях ЕС: «Новые идеи, которые удовлетворяют социальные по-

²⁸⁷ Moulart F. et al. *Social Innovation as a Trigger for Transformations – The Role of Research*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 110 p.

²⁸⁸ Godin B. *Social Innovation: Utopias of Innovation from c.1830 to the Present / Project on the intellectual history of innovation*. Montreal: INRS, 2012. 52 p. (6)

²⁸⁹ Moulart F. et al. *Social Innovation as a Trigger for Transformations – The Role of Research*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 110 p.

²⁹⁰ Sargent W. *Social Innovators and Their Schemes*. – Charleston: Nabu Press, 2010. 502 p.

²⁹¹ Ogburn W.F., Nimkoff M.F. *Sociology*. Boston: Houghton Mifflin Co, 1940. 953 p.

²⁹² Moulart F. et al. *Social Innovation as a Trigger for Transformations – The Role of Research*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 110 p.

²⁹³ Social Innovation Fund // Office of Social Innovation and Civic Participation. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/eop/sicp/initiatives/social-innovation-fund> (accessed: 12.08.2021)

требности, создают социальные отношения и способствуют развитию новых форм сотрудничества»²⁹⁴. В одном из проектов Евросоюза TEPsIE отмечается, что социальные инновации должны быть новыми для тех условий, в которых они появляются, удовлетворять те или иные социальные потребности, быть реализованными, преобразовывать социальные отношения и вовлекать благополучателей в процесс своего развития²⁹⁵.

Определения, даваемые социальным инновациям различными специалистами, достаточно разнообразны (табл. 6.1). Общим является акцент на удовлетворении общественных потребностей, решении тех или иных социальных задач. При этом в одних работах уделяется большее внимание процессу, в других – результатам социальных инноваций, в третьих – их отличиям от других видов инноваций.

Ф. Уэсли выделила шесть различных научных школ, которые формируют социальные инновации как научную область: социальное предпринимательство, теория инноваций, устойчивое развитие и социально-экологическая трансформация, институциональное предпринимательство, социально-технические сдвиги, многомасштабные и межмасштабные взаимодействия, социальная экономика²⁹⁶.

В отечественной литературе можно встретить труды еще советских ученых²⁹⁷, в той или иной степени затрагивающих вопросы изучения социальных нововведений²⁹⁸ в условиях социалистической действительности. В самом общем виде под ними понимались качественно новые образования, структуры, механизмы общественного производства, общества в целом либо их подсистемы²⁹⁹. Позднее Бестужев-Лада обосновал научный подход к пониманию сущности социальных инноваций³⁰⁰, который позволял отделить их не только от технологических новшеств, но и от экономических, медицинских, экологических и т.д. Это достигалось за счет выделения собственно «социологической» (отношения людей как членов определенных групп и институтов) и примыкающей к ней проблематики в каждой из сфер жизне-

²⁹⁴ European Commission «Annual Growth Survey» // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (accessed: 12.08.2021).

²⁹⁵ Social innovation theory and research: a guide for researchers. A deliverable of the project: «The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe» (TEPSIE). European Commission – 7th Framework Programme. Brussels: European Commission, DG Research, 2014. 52 p.

²⁹⁶ Westley F. Social Innovation and Resilience: How One Enhances the Other // Stanford Social Innovation Review. 2013. Summer. Pp 6–8.

²⁹⁷ Бестужев-Лада И.В. Социальный прогноз и социальное нововведение // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 86–92; Лапин Н.И., Пригожин А.И. Социальные инновации – новое направление в организационной психологии на Западе // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 5. С. 159–166; Социальные факторы нововведений в организациях / под. ред. Н.И. Лапина. М.: ВНИИСИ, 1980. 580 с.

²⁹⁸ Нам бы хотелось подчеркнуть использование русского слова «нововведение», поскольку в настоящее время активно употребляется термин «инновация».

²⁹⁹ Лапин Н.И., Пригожин А.И., Сазонов Б.В., Толстой В.С. Нововведения в организациях (общая часть исследовательской программы) // Структура инновационного процесса. М., 1981. С. 5–21.

³⁰⁰ Бестужев-Лада И.В. Социальный прогноз и социальное нововведение // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 86–92.

**Таблица 6.1. Некоторые определения понятия «социальные инновации»
в зарубежной научной мысли и практике**

Автор	Социальные инновации – это ...
OECD, 2000	Концептуальные, технологические или продуктовые изменения, организационные изменения и изменения в финансировании, а также связанные с новыми отношениями заинтересованных сторон и территорий. Социальная инновация ищет новые ответы на социальные проблемы путем: - выявления и предоставления новых услуг, повышающих качество жизни отдельных лиц и общин; - выявления и внедрения новых интеграционных процессов на рынке труда, новых компетенций, новых рабочих мест и новых форм участия в качестве различных элементов, каждый из которых способствует улучшению положения отдельных лиц в рабочей силе.
Phills et al, 2008	Новое решение социальной проблемы, которое является более эффективным, действенным, устойчивым или справедливым, чем существующие решения, и для которого создаваемая ценность относится в первую очередь к обществу в целом, а не к частным лицам.
Murray et al, 2010	Новые идеи (продукты, услуги и модели), которые одновременно удовлетворяют социальные потребности и создают новые социальные отношения или сотрудничества.
BEPA, 2010	Инновации, которые являются социальными как по своим целям, так и по средствам. В частности, мы определяем социальные инновации как новые идеи (продукты, услуги и модели), которые одновременно удовлетворяют социальные потребности (более эффективно, чем альтернативы) и создают новые социальные отношения и сотрудничество. Это инновации, которые не только полезны для общества, но и повышают способность общества действовать.
SIX, 2010	Процесс разработки, развития и развития новых идей, которые работают для удовлетворения насущных неудовлетворенных потребностей.
Martinelli, 2012	В отличие от других более узких понятий инновационной деятельности, характеризуется следующими особенностями: - способствует удовлетворению человеческих потребностей, которые в противном случае были бы проигнорированы; - способствует расширению прав и возможностей отдельных лиц и групп; - способствует изменению социальных отношений.
O'Byrne et al, 2014	Успешная реализация таких видов деятельности, как идеи, практика или объекты, посредством новых форм сотрудничества и партнерства, которые оказывают позитивное воздействие на общество путем улучшения предоставления общественных благ.
Nicholls & Ziegler, 2015	Разработка и реализация новых идей и решений (продуктов, услуг, моделей, способов предоставления, процессов) на различных социально-структурных уровнях, которые целенаправленно стремятся изменить властные отношения и улучшить человеческие возможности, а также процессы, посредством которых эти решения осуществляются.
Domanski D., Howaldt J., Kaletka C., 2019	Новое сочетание и / или новая конфигурация социальных практик в определенных областях деятельности или социальных контекстах, намеренно инициированных определенными субъектами или группами субъектов с целью лучшего удовлетворения или ответа на потребности и проблемы, чем это возможно на основе устоявшихся практик.

Источники: составлено по: About, London: Social Innovation eXchange // SIX. 2010. URL: <http://www.socialinnovationexchange.org/about> (accessed: 20.08.2021); Domanski D., Howaldt J., Kaletka C. A comprehensive concept of social innovation and its implications for the local context – on the growing importance of social innovation ecosystems and infrastructures // European Planning Studies. 2019. Vol. 28 (3). Pp. 454–474. DOI: 10.1080/09654313.2019.1639397; Hubert A., Bonifacio M., Konings J. Empowering people, driving change: Social innovation in the European Union // BEPA Report: Bureau of European Policy Advisers, 2010. URL: http://ec.europa.eu/bepa/pdf/publications_pdf/social_innovation.pdf (accessed: 20.11.2020); LEED Forum on Social Innovation // OECD. Paris: OECD, 2000. URL: http://www.oecd.org/document/21/0,3343,en_2649_34417_44255253_1_1_1_1,00.html (accessed: 20.08.2021); Martinelli F. Social Innovation or Social Exclusion? Innovating Social Services in the Context of a Retrenching Welfare State / In: Franz H.-W., Hochgerner J., Howaldt J. (Eds.). Challenge Social Innovation. Berlin: Springer-Verlag. 2012. Pp. 169–180; Murray R, Caulier-Grice J., Mulgan G. The Open Book of Social Innovation. London: Young Foundation, 2010. 224 p.; Nicholls A., Ziegler R. An extended social grid model for the study of marginalization processes and social innovation // CRESSI Working Papers. 2015. № 2. 24 p.; O'byrne L., Miller M., Douse C., Venkatesh R., Kapuc, N. Social Innovation in the Public Sector: The Case of Seoul Metropolitan Government // Journal of Economic and Social Studies. 2014. Vol. 4(1). Pp. 53–71; Sandu S., Anghel I. Social innovation and innovation performance in the European Union // Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica. 2016. № 18 (1). Pp. 57–70.

деятельности. В качестве типичных примеров социальных нововведений того времени назывались: социалистическое соревнование, прописка на право проживания, добровольные народные дружины и т.д. В то же время вопросы внедрения инновационных практик активно рассматривались и на микроуровне в рамках планирования социального развития производственных коллективов³⁰¹.

Период социально-экономических потрясений конца XX в. характеризуется угасанием интереса к тематике социальных инноваций и кризисом общественных наук в целом на постсоветском пространстве. С начала 2000-х гг. теория социальных инноваций в России получила развитие в контексте самых разнообразных научных дисциплин, что наложило отпечаток на понимание сущности рассматриваемого явления. В отличие от определений социальных инноваций, датируемых советским временем, в условиях становления рыночных отношений в стране произошло смещение акцента в сторону человека и его потребностей (табл. 6.2). При этом сами социальные инновации находились вне исследовательского фокуса, а обращение к ним носило в основном прикладной характер (как к универсальному инструменту решения различных проблем). Не случайно именно в этот период стали появляться публикации, в которых значимость социальных инноваций в социально-экономической жизни страны ставилась под сомнение³⁰².

Бурное развитие тематики социальных инноваций в зарубежных странах в начале XXI в. вкупе с негативными последствиями глобального финансово-экономического кризиса способствовали активному развитию данного направления в России. С 2010-х гг. наблюдается заметное «углубление» проводимых исследований в направлении непосредственного изучения концепции социальных инноваций (а также социального предпринимательства и социальной экономики в целом). Наибольшее отражение это находит в русле экономической теории³⁰³.

Применительно к общественному сектору назначение социальных инноваций связывается прежде всего с преодолением провалов государства и его институциональной среды, а также с воспроизводством общественных благ и обеспечением их надлежащего качества. При этом ключевая роль в данных процессах отводится государственным предприятиям, механизмам государственно-частного партнерства и социальным предпринимателям³⁰⁴, что противопоставляется зарубежным подходам, где к реализации функций системы

³⁰¹ Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975. 200 с.

³⁰² Гусейнов Р.М., Семенихина В.А. Банальности «социальных инноваций» // Философия хозяйства. 2009. № 6 (66). С. 238–247.

³⁰³ Ахметзянов Ф.З. Реализация социальных инноваций в современной российской экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2013. 24 с.; Веретенникова А.Ю., Паникарова С.В. Жизненный цикл социальных инноваций в общественном секторе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 7. С. 118–121.

³⁰⁴ Веретенникова А.Ю., Кац И.С. Институты социально-инновационного развития общественного сектора // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. 2015. № 3 (18). С. 6–18.

**Таблица 6.2. Некоторые определения понятия «социальные инновации»
в российской научной мысли**

Автор	Социальные инновации – это ...
Лапин Н.И. и др., 1981	Качественно новые образования, структуры, механизмы общественного производства, общества в целом либо их подсистемы
Цой Л.Н., 2001	Процессы, в результате которых происходят существенные и необратимые изменения во взаимодействии между людьми, группами, что способствует формированию новых связей и отношений между ними, направленных на удовлетворение новых духовных и интеллектуальных потребностей, новых норм, порождению организаций и связей более высокого уровня развития
Власенкова Е.А., 2006	Создание и внедрение различного вида новшеств, порождающих значимые изменения в социальной сфере, удовлетворяющих потребности человека и общества, обеспечивающих вместе с тем экономическое развитие
Дроганова Е.В., 2006	Изменения в социальной сфере, базирующиеся на практических фундаментальных научных знаниях, направленные на улучшение качества жизни населения страны, обладающие сильной зависимостью от групповых и личных качеств пользователей и не всегда требующие нового технического оснащения
Царев А.С., 2011	Сложный социальный процесс введения, освоения и интеграции новых элементов в различных сферах общественной жизни, результатом которого становятся существенные и необратимые изменения в системе социальных отношений и взаимодействий
Ахметзянов Ф.З., 2013	Результат реализации контрактных отношений, которые имеют форму продукта или процесса, обладающих качественными преимуществами в процессе воспроизводства, обеспечивающих присвоение агентами транзакций дополнительной по сравнению с предшествующим продуктом или процессом социальной ценности, а также формирование положительного внешнего эффекта, что обуславливает в отличие от экономических инноваций их неконкурентность, неуниверсальность, некоммерциализуемость, безопасность и технологичность
Веретенникова А.Ю., Кац И.С., 2015	Нововведения в социальной и культурной сфере общества, направленные на удовлетворение социальных потребностей индивидов и приносящие социальный эффект
Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К., 2017	Новые комбинации ресурсов в социальном пространстве, меняющие институциональный контекст и стимулирующие эффективное решение общественных проблем
Источники: составлено по: Ахметзянов Ф.З. Реализация социальных инноваций в современной российской экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2013. 24 с.; Веретенникова А.Ю., Кац И.С. Институты социально-инновационного развития общественного сектора // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. 2015. № 3 (18). С. 6–18; Власенкова Е.А. Управление социальными инновациями и роль муниципальных банков в их реализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2006. 24 с.; Дроганова Е.В. Социальные инновации и механизмы их реализации в системе здравоохранения: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2006. 22 с.; Нововведения в организациях (общая часть исследовательской программы) / Лапин Н.И., Пригожин А.И., Сазонов Б.В., Толстой В.С. // Структура инновационного процесса. М., 1981. С. 5–21; Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Институциональный атлас социальных инноваций // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 80–96; Царев А.С. Социальные стереотипы и социальные инновации в системе деструктивных общественных отношений: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саранск, 2011. 23 с.; Цой Л.Н. Практическая конфликтология. Книга первая. М.: Глобус, 2001. 233 с.	

управления социальными инновациями привлекается максимально полный спектр участников³⁰⁵.

Отличительной особенностью современного периода развития российской науки является динамизм воззрений на сущность социальных инноваций. Это

³⁰⁵ Кузнецова Ю. Социальные инновации: прогнозирование, планирование, организация, координация, контроль // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 10. С. 77–83.

приводит к постоянному обновлению имеющихся знаний, появлению новых теорий и концепций, в результате чего не происходит формирования устоявшихся теоретических «конструкций». Сложившаяся ситуация может быть обусловлена не только влиянием зарубежных исследований, но и многогранностью рассматриваемого феномена и возможностью его изучения с различных позиций. Дальнейшее развитие теоретических положений в области социальных инноваций во многом зависит от осмысления накопленного опыта.

Следует отметить, что как в России, так и за рубежом подчеркивается коллаборативный характер социальных инноваций, выражающийся не только в процессе их создания, но и в необходимости формирования эффективного диалога между органами власти, бизнес-структурами и гражданским обществом в вопросах их развития. Социальные инновации возникают в разных секторах (государственном, частном, некоммерческом и т.д.) и в своем воплощении могут принимать различные формы и масштабы: от социальных инновационных проектов на уровне индивидов и организаций до преобразований в социально-экономических системах государств, от различных продуктов и услуг до бизнес-моделей, платформ, рынков и т.д.

Несмотря на растущую популярность и создание различных моделей, исследовательское поле социальных инноваций слабо концептуализировано. Большая часть публикаций по социальным инновациям в значительной степени относятся к исследованиям в области управления, экономики, политики и политологии, урбанистики, социологии и социальной антропологии. Сам термин иногда используется взаимозаменяемо с различными понятиями, такими как социальное предпринимательство и социальное предприятие. Однако последние часто характеризуются как составляющие более широкого концепта социальных инноваций³⁰⁶.

Таким образом, существует множество трактовок рассматриваемого феномена, которые имеют как некоторые общие аспекты (например, ориентация на социальные цели), так и различия, обусловленные спецификой определенной научной области либо практики управления. Не случайно в результате такого разнообразия точек зрения социальные инновации иногда представляют как «квазиконцепцию»³⁰⁷. В то же время отмечается, что с позиции теории она все еще остается недостаточно развитой, а понимание сущности и перспектив социальных инноваций осуществляется, в первую очередь, исходя из практики и основанных на ней размышлениях³⁰⁸.

Как показывают практика и научные исследования, роль социальных инноваций в региональном развитии достаточно высока. Социальные инновации значи-

³⁰⁶ Nicholls A., Murdock A. *Social Innovation. Blurring Boundaries to Reconfigure Markets*. New York: Palgrave Macmillan. 2012. 321 p.

³⁰⁷ Jenson J. *Social Innovation: Redesigning the Welfare Diamond* / In: Nicholls A., Simon J., Gabriel M., Whelan C. (Eds.). *New Frontiers in Social Innovation Research*. Palgrave Macmillan: Basingstoke, 2015. Pp. 89-106.

³⁰⁸ Mulgan G. *Social innovation theories: Can theory catch up with practice?* / In: H.-W. Franz, J. Hochgerner, J. Howaldt (Eds.). *Challenge social innovation*. Berlin: Springer-Verlag, 2012. Pp. 19-42.

тельно влияют на развитие территории, обеспечивая занятость, доходы населения и развитие предпринимательства, а также стимулируя местную экономику³⁰⁹. При этом социальные инновации в контексте территориального развития направлены на местное развитие общин и микрорайонов и включение социально изолированных групп в различные сферы жизни общества.

Вклад социальных инноваций в развитие территорий достаточно многогранен. Они способствуют обеспечению занятости многих социально уязвимых категорий населения, снижению неравенства, повышению гражданского участия, возрождению городов и сельских районов, решению экологических проблем³¹⁰ и т.д.

Социальные инновации способствуют расширению доступа к тем или иным услугам³¹¹, поскольку вследствие неравномерности территориального развития отдельные группы населения могут быть подвержены риску социальной эксклюзии и уязвимости. К примеру, «Система Забота» – первая в России круглосуточная многофункциональная служба социального сопровождения, основная цель которой состоит в оказании социальной помощи инвалидам и пожилым людям (социальный эффект). Проект представляет собой реализованную на базе сотовой связи систему, которая позволяет предоставлять широкий спектр услуг от юридических и информационных консультаций до решения реальных бытовых и социальных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди и инвалиды. Кроме того, функционирование проекта дает возможность снизить бюджетные затраты на стационарное обслуживание, снижение числа непрофильных вызовов скорой помощи и немотивированных вызовов социальных работников (экономический эффект)³¹².

Социальные инновации вносят вклад в обеспечение занятости многих социально уязвимых категорий населения. Так, проект «Социальный бизнес: женщины» (Германия) оказывает поддержку женщинам, которые прервали свою трудовую деятельность, например, в целях ухода за детьми или лицами, находящимися на иждивении, для возвращения на рынок труда (социальный и экономический эффект). Он предлагает специализированные меры по наставничеству и профессиональной подготовке для женщин, которые хотят найти работу или работать на себя. Во втором случае проект поддерживает стартапы с помощью микрокредитов и предлагает дополнительную помощь в обучении и наставничестве в течение первых трех лет (экономический эффект)³¹³.

³⁰⁹ Klein J-L., Tremblay P-A. The social economy: a springboard for local development projects? / In: Bouchard M.J. Innovation and the social economy. The Québec experience. Toronto: University of Toronto Press, 2013. Pp. 229–250.

³¹⁰ Соловьева Т.С. Влияние социальных инноваций на региональное развитие: концептуальные положения // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3 (36). С. 81–88. DOI:10.21499/2078-4023-2018--3-91-88.

³¹¹ Социальные инновации повышения доступности социальных услуг в условиях территориальной дифференциации / под общ. ред. Т.В. Морозовой, Г.Б. Козыревой. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. 172 с.

³¹² О компании / Служба социального сопровождения «Система Забота». URL: <http://www.mobidok.ru/o-kompanii/> (дата обращения: 19.08.2021).

³¹³ Der Idee / Social business: women. URL: <http://www.social-business-women.com/> (accessed: 19.08.2021).

Снижение неравенства населения выступает значимым направлением реализации социальных инноваций. В частности, проект «Гражданский журнал» (Дания) помогает органам власти координировать помощь малоимущим слоям населения между различными государственными и частными структурами. Разработанная онлайн-система собирает и координирует всю необходимую информацию о каждом гражданине в личном журнале, открытом для доступа как граждан, так и поставщиков услуг в целях получения оперативной информации о предпринятых и планируемых формах поддержки. Данный проект способствует развитию человекоориентированного подхода в государственном управлении, повышению адресности социальной помощи населению (социальный и политический эффект) и эффективности расходования бюджетных средств (экономический эффект)³¹⁴.

Социальное предпринимательство как один из проводников социальных инноваций также вносит значительный вклад в развитие территорий. Помимо очевидного социального эффекта, проявляющегося в решении социальных проблем (социальный эффект), социальное предпринимательство имеет и экономические результаты, выражающиеся в повышении уровня занятости, поступлений в региональные бюджеты и использования ресурсного потенциала территорий, снижении бюджетной нагрузки и т.д. (экономический эффект).

Социальные инновации в контексте развития корпоративной социальной ответственности (КСО) также оказывают влияние на развитие социально-экономических систем. С изменением отношения к социальной ответственности и благотворительности, вследствие того что традиционная социальная сфера (образование, здравоохранение, культура и др.) становится значимым фактором экономического роста, бизнес-организации рассматривают КСО как важную часть корпоративной политики. Кроме того, в настоящее время активно развивается сектор корпоративных социальных инноваций (КСИ) как переходной формы между бизнес-инновациями и социальными инновациями. КСИ используют рыночные решения в интересах создания возможностей для прибыльного бизнеса, в то же время направленные на решение социальных и экологических проблем³¹⁵.

Влияние на развитие территорий социальных инноваций, инициируемых некоммерческим сектором, особенно социально ориентированными некоммерческими организациями, также весьма существенно. Они играют важную роль в предоставлении социальных услуг, обеспечении занятости, повышении гражданского участия, возрождении городов и сельских районов, снижении неравенства населения и т.д. Проект «Fryshuset» (Швеция) представляет собой некоммерческую организацию, основная цель которой заключается в повышении активности населения для построения устойчивого общества. При этом организация реализует ряд отдельных социальных проектов, направленных на предоставление

³¹⁴ Projekter / Socialt Udviklingscenter. URL: <http://www.sus.dk/projekter> (accessed: 19.08.2021).

³¹⁵ Popoli P. Corporate Social Innovation in Comparison with Corporate Social Responsibility: Integration, Development or Replacement? // International Business Research. 2017. Vol. 10 (10). Pp. 148–155. DOI: 10.5539/ibr.v10n10p148

помощи в области образования, правопорядка, развития физкультуры и спорта, занятости и др. К примеру, проект «Мирная улица» ориентирован на молодежь, имеющую опыт употребления наркотиков и привлечения к уголовной ответственности, и способствует снижению риска рецидивов (социальный эффект), а также на экономию возможных социальных расходов на здравоохранение, реабилитацию, содержание в тюрьме и др. (экономический эффект)³¹⁶.

Кроме того, социальные инновации могут способствовать созданию и трансформации социальных структур и институтов, развитию взаимодействия между отдельными элементами социально-экономической системы, напрямую воздействуя на повышение эффективности ее функционирования. С учетом существующих проблем социальные инновации играют важную роль в обеспечении устойчивости развития, поскольку без внедрения инноваций (в т.ч. и социальных) региональные системы постепенно утратят свою устойчивость, станут более уязвимыми³¹⁷. Важным аспектом влияния социальных инноваций на развитие территорий является ориентация на вовлечение населения, особенно тех его групп населения, которые подвержены риску социальной эксклюзии, как непосредственно в реализацию проектов социальных инноваций, так и в другие виды деятельности, способствуя расширению возможностей гражданского участия, что необходимо для устойчивого развития как местных сообществ, так и регионов в целом.

Поскольку социальные инновации зачастую тесно связаны с развитием технологий и технологическими инновациями, косвенно они способствуют развитию региональных инновационных систем (РИС) в целом (экономический эффект). Это подтверждается тезисом о взаимообусловленности социального и инновационного развития современной экономики³¹⁸.

Таким образом, разработка и распространение социальных инноваций может способствовать следующим позитивным изменениям в развитии территорий.

1. Социальные эффекты:

- удовлетворение социальных потребностей и решение социальных и экологических проблем, в т.ч. тех, которые возникают из-за «провалов рынка» и «провалов государства»;
- снижение социальной эксклюзии;
- повышение качества жизни населения;
- развитие социальной предпринимательской активности и социальной ответственности бизнеса;
- повышение качества человеческого капитала;
- создание новых социальных отношений и моделей сотрудничества и т.д.

³¹⁶ About Fryshuset / Fryshuset. URL: <http://fryshuset.se/in-english> (accessed: 19.08.2021).

³¹⁷ Moore M., Westley F., Tjornbo O., Holroyd C. The loop, the lens, and the lesson: using resilience theory to examine public policy and social innovation / In: A. Nicholls, A. Murdock, eds. Social innovation: blurring boundaries to reconfigure markets // New York: Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 114–136.

³¹⁸ Князев Ю. О взаимообусловленности инновационного и социального развития // Общество и экономика. 2017. №12. С. 10–23.

2. Экономические эффекты:

- создание новых рабочих мест и производство товаров и услуг;
- развитие региональных инновационных систем;
- мобилизация ресурсов и связей для решения локальных территориальных потребностей;
- повышение уровня занятости населения;
- достижение целей инклюзивного экономического роста и социально ориентированной экономики;
- вклад в ВРП;
- повышение устойчивости территорий и т.д.

3. Политические эффекты:

- развитие институтов гражданского общества;
- развитие гражданской, в т.ч. социальной, активности и местных сообществ;
- создание локальных и пространственно распределенных управленческих структур;
- снижение социальной напряженности;
- формирование привлекательного имиджа территорий и т.д.

На основании вышесказанного представляется возможным предложить следующую концептуальную модель влияния социальных инноваций на развитие региона (рис. 6.1).

Социальные инновации – относительно новое явление³¹⁹ для российской действительности и их потенциал в настоящее время используется далеко не в полную силу по причине существования различных административных, финансовых, законодательных, ментальных барьеров³²⁰. Однако развитие социальных инноваций могло бы способствовать как эволюции гражданского общества, так и решению многих региональных проблем. Кроме того, это способствовало бы достижению многих целей и задач, поставленных в Указе Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года № 204³²¹.

Для развития социальных инноваций необходимо создание определенных благоприятных институциональных, организационно-экономических и социальных условий. Однако в России в настоящее время отсутствует нормативно-правовая база, регулирующая отдельные направления развития социальных инноваций, в т.ч. касающаяся социального предпринимательства. Необходимо развитие партнерских отношений между бизнесом, органами власти, гражданским обществом и иными стейкхолдерами в целях достижения устойчивых результатов внедрения и продвижения

³¹⁹ Соловьева Т.С., Попов А.В. Социальные инновации в сфере занятости: региональный аспект // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2015. № 2. С. 65–84.

³²⁰ Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития / Соловьева Т.С., Попов А.В., Каро-Гонсалес А., Хуа Ли // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 2. С. 52–68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4

³²¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ №204 от 07.05.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 19.11.2020).

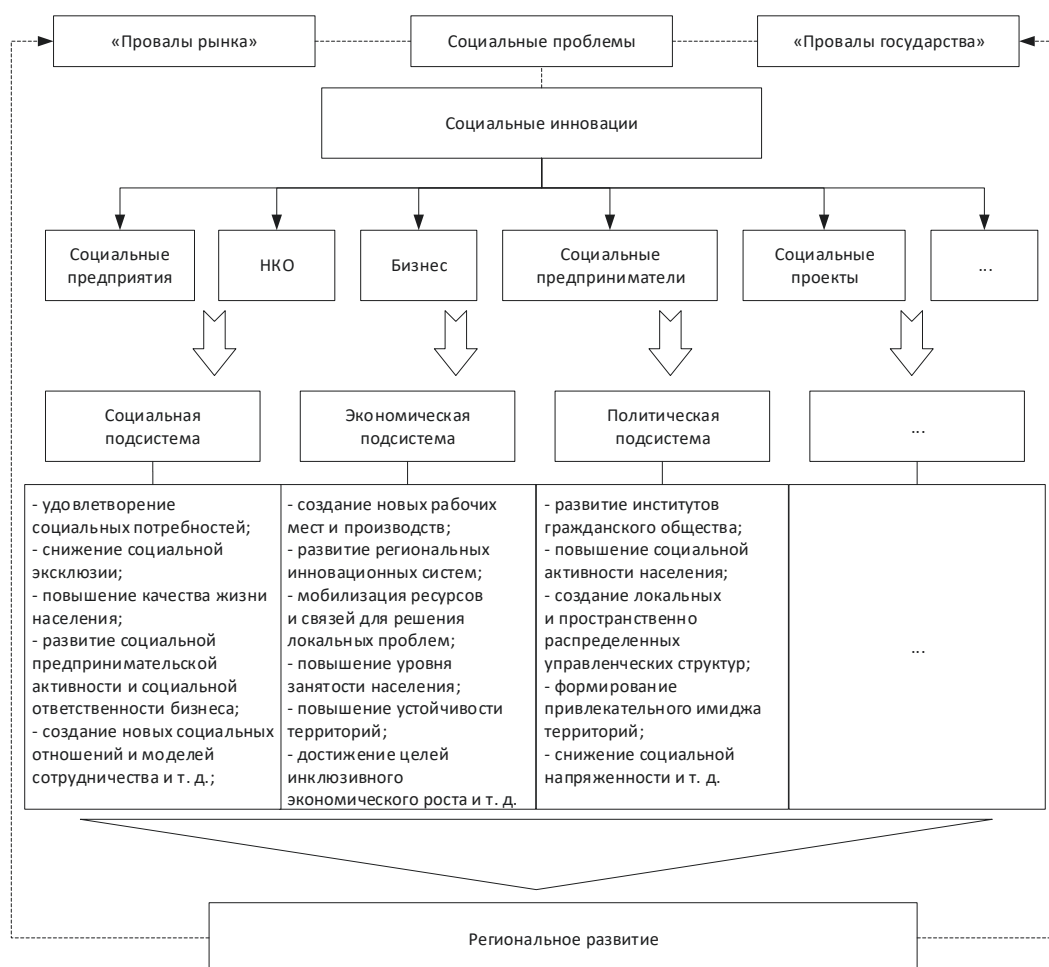

Рисунок 6.1. Концептуальная модель влияния социальных инноваций на региональное развитие

Источник: Соловьева Т.С. Влияние социальных инноваций на региональное развитие: концептуальные положения // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3 (36). С. 81–88.
DOI: 10.21499/2078-4023-2018--3-91-88. (87)

социальных инноваций. Большое значение при этом имеют информационные технологии, которые, с одной стороны, во многих случаях являются неотъемлемой частью социальных инноваций в отношении расширения инновационных технических возможностей для решения социальных проблем, а с другой – основой социального управления в различных сферах жизнедеятельности.

Еще одним важным аспектом продвижения социальных инноваций выступает развитие местных сообществ, активизация социальной активности населения в целях решения локальных проблем, в том числе участие граждан в проектах социальных инноваций. В данном случае речь идет как о непосредственном участии населения в разработке и реализации социальных инновационных проектов на различных стадиях, так и о косвенном содействии (информированность заинте-

ресованных сторон, повышение осведомленности об имеющихся проблемах, участие в различных кампаниях в поддержку социальных инноваций и т.д.). В этой связи вовлеченность граждан в социальные инновационные проекты способствует развитию структур гражданского общества, более четкой идентификации территориальных проблем, расширению участия населения в практике территориального управления и т.д.

Важность внедрения социальных инноваций признается многими специалистами. Еще П. Друкер отмечал, что «мы нуждаемся в социальных инновациях больше, чем в технологических»³²². Это обусловлено их многоаспектной природой и широкой сферой применения. Как показывает практика, спектр воздействия социальных инноваций достаточно широк: от новых моделей ухода за детьми, пожилыми и инвалидами до решения вопросов устойчивого потребления, доступности образования, экологических проблем, энергосбережения и т.д. Реализация социальных инноваций оказывает позитивное влияние на развитие всех компонент социально-экономических систем (экономической, социальной, экологической и т.д.)³²³. Не случайно все чаще социальные инновации рассматриваются как важная составляющая устойчивого развития³²⁴.

Таким образом, социальные инновации являются одним из эффективных инструментов развития территорий. С точки зрения социальных проблем они учитывают и проблематику устойчивого развития, при этом большое внимание уделяется устойчивым системным изменениям посредством трансформации общественных отношений за счет взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами, оказывая непосредственное влияние на повышение функциональности и эффективности социальной системы. Важным направлением является совершенствование теории и методологии исследования социальных инноваций, особенно на региональном и муниципальном уровнях. Разработка эффективных управленческих механизмов развития и продвижения социальных инноваций позволит оперативно реагировать на традиционные и новые социальные вызовы, что будет способствовать повышению устойчивости территориального развития и социальной ориентированности экономики регионов.

6.2. Потенциал развития социальных инноваций в регионах России

Усиление инновационной составляющей экономики в современных условиях является движущей силой устойчивого социально-экономического развития. Все более значимым становится осуществление инновационной деятельности на региональ-

³²² Drucker P.F. Landmarks of Tomorrow. New York: Harper and Brothers, 1957. 270 p.

³²³ Соловьева Т.С. Влияние социальных инноваций на региональное развитие: концептуальные положения // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3(36). С. 81–88. DOI:10.21499/2078-4023-2018--3-91-88

³²⁴ Millard J. How social innovation underpins sustainable development. In: J. Howaldt, C. Kaletka, and A. Schröder, eds. Atlas of Social Innovation. Dortmund: Sozialforschungsstelle, 2018. Pp. 40–43.

ном уровне, что определяется, с одной стороны, важностью наращивания собственного потенциала регионов, а с другой – природой инноваций, поскольку создание и передача новых знаний концентрируется в рамках конкретной территории³²⁵. Скорость протекания инновационных процессов во многом зависит от функционирования региональных инновационных подсистем, развитие которых, в свою очередь, определяет состояние инновационной системы страны в целом. Однако, как показывают исследования, в данной сфере существуют проблемные аспекты, связанные с неэффективным использованием ресурсов, невысокой инновационной активностью, недостаточным развитием инфраструктуры и кадрового потенциала, отсутствием системного взаимодействия между основными субъектами³²⁶ и т.д.

Во многих странах в число современных трендов инновационной политики и устойчивого развития входит стимулирование социальных инноваций³²⁷. Так, в США были созданы Управление социальных инноваций и гражданского участия (Office of Social Innovation and Civic Participation) и Фонд социальных инноваций (Social Innovation Fund), деятельность которых направлена на содействие реализации социальных инноваций. В Европе социальные инновации стали одним из ключевых элементов стратегии развития ЕС «Европа 2020». В российской практике, напротив, приоритет отдается технологическим инновациям, а поддержка социальных нововведений только вскользь упоминается в Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г.

В отечественном академическом сообществе отмечается аналогичная ситуация. В частности, исследования региональных инновационных подсистем не затрагивают тематику социальных инноваций. В то же время социальные инновации вносят вклад в устойчивое развитие территорий и воспроизводство человеческого капитала, способствуя повышению качества жизни населения, решению проблем в сфере занятости, экологии, образования, здравоохранения, локального экономического развития³²⁸ и т.д. В связи с этим в структуре региональной инновационной подсистемы представляется актуальным выделить соответствующую социально-инновационную подсистему³²⁹, где происходит процесс разработки

³²⁵ Земцов С., Барина В. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к умной специализации // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-65-81

³²⁶ Рудская И.А. Оценка эффективности региональной инновационной системы России по стадиям инновационного процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. 2017. № 11–3. С. 23–34. DOI: 15688/jvolsu10.2017.3.4; Соловьева Т.С. Развитие экосистем социальных инноваций в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. 2019. № 7–3. С. 42–50. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.5

³²⁷ Fostering Innovation to Address Social Challenges. OECD Workshop proceedings. Paris, OECD, 2011. 99 p.

³²⁸ Edwards-Schachter M.E., Matti C.E., Alcántara E. Fostering quality of life through social innovation: A living lab methodology study case. Review of Policy Research, 2012, no. 29–6, pp. 672–692. DOI: 10.1111/j.1541-1338.2012.00588.x; Repo P., Matschoss K. Social innovation for sustainability challenges. Sustainability, 2020, no. 12–1. DOI: 10.3390/su12010319

³²⁹ Соловьева Т.С. Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // Вестник НГИЭИ. 2019. № 3 (94). С. 84–93.

и реализации социальных инноваций. Данную подсистему предлагается определять с точки зрения экосистемного подхода как экосистему, представляющую собой совокупность субъектов региональной экономики (аналог биоценоза в природе) и коллаборативной среды, в рамках которой происходит их взаимодействие на основе обмена различными видами ресурсов по вопросам воспроизводства социальных инноваций (аналог биотопа)³³⁰. В сравнении с традиционными системами в этом случае подчеркивается значимость межсекторального сотрудничества, поскольку социальные инновации не существуют обособленно от государства и общества, они требуют поддержки и скоординированных действий различных экономических субъектов (органов власти, бизнес-структур, гражданского общества, научно-образовательных организаций, социальных предпринимателей, посреднических организаций и т.д.).

Несмотря на растущую популярность и теоретическое осмысление феномена социальных инноваций, его исследовательское поле слабо концептуализировано. Сам термин иногда используется взаимозаменяемо с различными понятиями, такими как социальное предпринимательство и социальное предприятие. Однако последние часто характеризуются как составляющие более широкого концепта социальных инноваций³³¹. В самом общем виде социальные инновации представляют собой новые идеи (продукты, услуги, модели и др.), которые удовлетворяют социальные потребности, создают социальные отношения и способствуют развитию новых форм сотрудничества³³².

Проведенный ранее анализ научного дискурса по рассматриваемой проблематике позволил выявить следующие проблемы: методические сложности исследования социальных инноваций, в т.ч. среды их развития; дефицит эмпирических исследований, связанный с отсутствием статистического учета социальных инноваций и социального предпринимательства как одного из их основных проводников; несовершенство нормативно-правового обеспечения их развития; невысокая социальная активность населения; низкая информированность органов власти о возможностях социальных инноваций для достижения целей регионального развития³³³ и др.

Потенциал развития социальных инноваций как возможностей и условий для их разработки и реализации в рамках данного исследования предлагается оценить на основе анализа развития выделенных ранее региональных социально-инновационных экосистем, поскольку, с одной стороны, он предполагает изучение среды

³³⁰ Соловьева Т.С. Оценка развития региональных социально-инновационных экосистем в субъектах Северо-Западного федерального округа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 3. С. 80–90. DOI: 10.18721/JE.13306

³³¹ Huybrechts B., Nicholls A. Social Entrepreneurship: definitions, drivers and challenges. Volkmann C.K., Tokarski K.O., Ernst K. (Eds.). Social entrepreneurship and social business. An introduction and discussion with case studies. Wiesbaden, Springer, 2012, pp. 31–48. DOI: 10.1007/978-3-8349-7093-0_2

³³² Guide to social innovation. Luxemburg, Publications of the European Union, 2013. 72 p.

³³³ Соловьева Т.С. Развитие экосистем социальных инноваций в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. 2019. № 7–3. С. 42–50. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.5

для их воспроизводства (биотопа), с другой – оценку взаимодействия различных субъектов-акторов, включающихся в процесс развития социальных инноваций (биоценоза). В то же время в связи с недостатком эмпирических данных оценить развитие социально-инновационных экосистем, в т.ч. на региональном уровне, достаточно затруднительно, поэтому немногочисленные работы подобного рода зачастую носят теоретический характер или ограничиваются описанием конкретных кейсов и общей ситуации³³⁴. Комплексные региональные сравнительные исследования, основанные не на социологических данных, почти не встречаются. С учетом важности изучения и практической реализации социальных инноваций в настоящей работе предпринята попытка оценки развития региональных социально-инновационных экосистем на базе разработанной авторами методики.

В соответствии с принятым ранее подходом в структуре региональной социально-инновационной экосистемы (далее — РСИЭ) выделяются среда для развития социальных инноваций и взаимодействующие по вопросам их развития субъекты региональной экономики. В этой связи каждый из обозначенных компонентов будет оцениваться отдельно друг от друга, что предполагает расчет интегральных индексов развития среды для реализации социальных инноваций (ИРС) и потенциала взаимодействия субъектов региональной экономики (ИПВ).

При определении содержательного наполнения первого показателя мы ориентировались на трактовку региональных инновационных систем (РИС) в интерпретации одного из основателей данной теории – Ф. Кука. Так, в качестве элементов РИС, характеризующих условия развития инноваций, он обозначал структуры, осуществляющие «инфраструктурное обеспечение, финансирование инновационных проектов, их рыночную экспертизу и политическую поддержку»³³⁵. Помимо этого, Ф. Кук уделял большое внимание социальным факторам инновационной динамики, в т.ч. процессам обучения и культуре сотрудничества³³⁶. В результате в составе ИРС нами выделены четыре субиндекса, состоящие из 12 показателей, имеющих одинаковый вес и характеризующих экономическую, инфраструктурную, институциональную и социально-культурную среду развития социальных инноваций. Для обоснования предложенного набора параметров мы обратились к схожим исследованиям (например, методика EIU³³⁷) и постарались адаптировать используемый инструментарий к особенностям российской действительности.

³³⁴ Carayannis E.G., Grigoroudis E., Stamati D., Valvi T. Social business model innovation: A Quadruple/Quintuple helix-based social innovation ecosystem. *IEEE Transactions on Engineering*, 2019, pp. 1–14. DOI: 10.1109/TEM.2019.2914408; Domanski D. Developing the social innovation ecosystem of the Vienna Region. *ZSI Discussion Paper*, 2018, no. 37. 28 p.

³³⁵ Cooke P. Regional innovation systems: Competitive regulation in the New Europe. *Geoforum*, 1992, no. 23, pp. 365–382. DOI: 10.1016/0016-7185(92)90048-9

³³⁶ Cooke P., Uranga M., Etxebarria G. Regional innovation systems: Institutional and organizational dimensions. *Research Policy*, 1997, no. 26, pp. 475–491. DOI: 10.1016/S0048-7333(97)00025-5

³³⁷ ECONOMIST. URL: <https://www.essmart-global.com/wp-content/uploads/2016/12/2016.09.29-Economist-Social-Innovation-Index.pdf> (дата обращения: 23.08.2021).

Также в силу ограниченности информационной базы для оценки взаимодействия субъектов региональной экономики по вопросам развития социальных инноваций (ИПВ) представляется возможным использование индикаторов, в той или иной мере определяющих потенциал развития данного сотрудничества в контексте государственно-частного партнерства, кластерного взаимодействия, объединения граждан для решения социальных задач и общественных коммуникаций.

Поскольку выбранные частные показатели по своей природе являются разнородными, производится их унификация в соответствии с балльно-рейтинговой шкалой. Состав индикаторов и шкала измерения представлены на табл. 6.3.

Таблица 6.3. Показатели оценки развития РСИЭ

Показатели	Шкала измерения
Оценка среды развития социальных инноваций	
Экономические условия	
Наличие в регионе финансовых инструментов поддержки (налоговых льгот, субсидирования и др.) для социальных предпринимателей	0 баллов – нет 1 балл – есть субсидии на возмещение различных затрат или налоговые льготы 2 балла – есть субсидии и налоговые льготы 3 балла – наличие иных инструментов, кроме субсидий и налоговых льгот
Наличие в регионе венчурного капитала, бизнес-ангелов (за исключением общероссийских)	0 баллов – нет 1 балл – есть
Наличие в регионе конкурсных программ и региональных грантов для социальных предпринимателей / социальных инноваторов	0 баллов – нет 1 балл – есть конкурсы или региональные гранты 2 балла – есть конкурсы и региональные гранты
Институциональные условия	
Наличие законодательства, регламентирующего реализацию и поддержку социальных инноваций в регионе	0 баллов – нет 1 балл – есть общие (стратегии, концепции и т.д.) НПА, в которых регламентируется поддержка 2 балла – есть отдельный НПА, регламентирующий реализацию и поддержку социальных инноваций в регионе
Наличие законодательства, регламентирующего реализацию и поддержку социального предпринимательства в регионе	0 баллов – нет 1 балл – есть субсидии на возмещение различных затрат или налоговые льготы 2 балла – есть субсидии и налоговые льготы 3 балла – наличие иных инструментов, кроме субсидий и налоговых льгот
Ведение реестра / банка социальных предпринимателей и социальных предприятий региона	0 баллов – нет 1 балл – есть реестр поставщиков социальных услуг, куда частично входят социальные предприниматели 2 балла – есть реестр / каталог социальных предпринимателей
Инфраструктурные условия	
Наличие в регионе центров инноваций социальной сферы	0 баллов – нет 1 балл – есть
Наличие иных региональных институтов развития, оказывающих поддержку социальным предпринимателям и инноваторами (бизнес-инкубаторы, фонды и т.д.)	0 баллов – нет 1 балл – есть в региональном центре 2 балла – есть в региональном центре и районах–городах субъекта РФ
Место, занимаемое регионом по доле домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в общем числе домохозяйств	1 балл – с 56 по 82 2 балла – с 29 по 55 3 балла – с 1 – по 28

Социально-культурные условия	
Место, занимаемое регионом по доле волонтеров в общей численности населения	1 балл – с 56 по 82 2 балла – с 29 по 55 3 балла – с 1 – по 28
Наличие образовательных программ в сфере социальной инноватики и социального предпринимательства	0 баллов – нет 1 балл – есть краткосрочные образовательные программы 2 балла – есть отдельные дисциплины в рамках освоения образовательных программ вузов, отдельные образовательные программы и профили подготовки в рамках бакалавриата, магистратуры, ДПО
Наличие в регионе научно-образовательных организаций, осуществляющих исследования в области социальных инноваций и социального предпринимательства на систематической основе	0 баллов – нет 1 балл – есть
Оценка потенциала взаимодействия субъектов региональной экономики – акторов социальных инноваций	
Потенциал государственно-частного партнерства	
Место, занимаемое регионом в рейтинге по уровню развития ГЧП	1 балл – с 56 по 82 2 балла – с 29 по 55 3 балла – с 1 – по 28
Потенциал объединения граждан для решения социальных задач	
Место, занимаемое регионом по количеству СО НКО на 10000 чел. населения	1 балл – с 56 по 82 2 балла – с 29 по 55 3 балла – с 1 – по 28
Потенциал кластерного взаимодействия	
Развитие кластеров в регионе	0 баллов – нет 1 балл – есть функциональные кластеры 2 балла – есть кластеры социальной направленности
Потенциал общественной коммуникации	
Систематическое проведение в регионе конференций, форумов и иных мероприятий по тематике социального предпринимательства и социальных инноваций	0 баллов – нет 1 балл – есть

Интегральные индексы и субиндексы рассчитываются путем простого суммирования их значений, поскольку отдельные составляющие признаются равноценными. При этом максимальное значение ИРС может составлять 24 балла, а ИПВ – 9 баллов. Далее производится приведение шкал полученных индикаторов в сопоставимый вид посредством деления значений индексов на эталонную величину (соответствующий максимум). В итоге значения ИРС варьируются в диапазоне [0,1; 1], а ИПВ – [0,2; 1] в силу специфики применяемой балльно-рейтинговой шкалы. На основе полученных данных осуществляется группировка регионов по элементам РСИЭ и последующая их типологизация с использованием матричной модели.

Апробация методики на базе субъектов Северо-Западного федерального округа за 2018 г. показала, что происходит активное развитие РСИЭ рассматриваемых территорий (рис. 6.2).

В целом сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что среда для реализации социальных инноваций в регионах СЗФО развивается достаточно

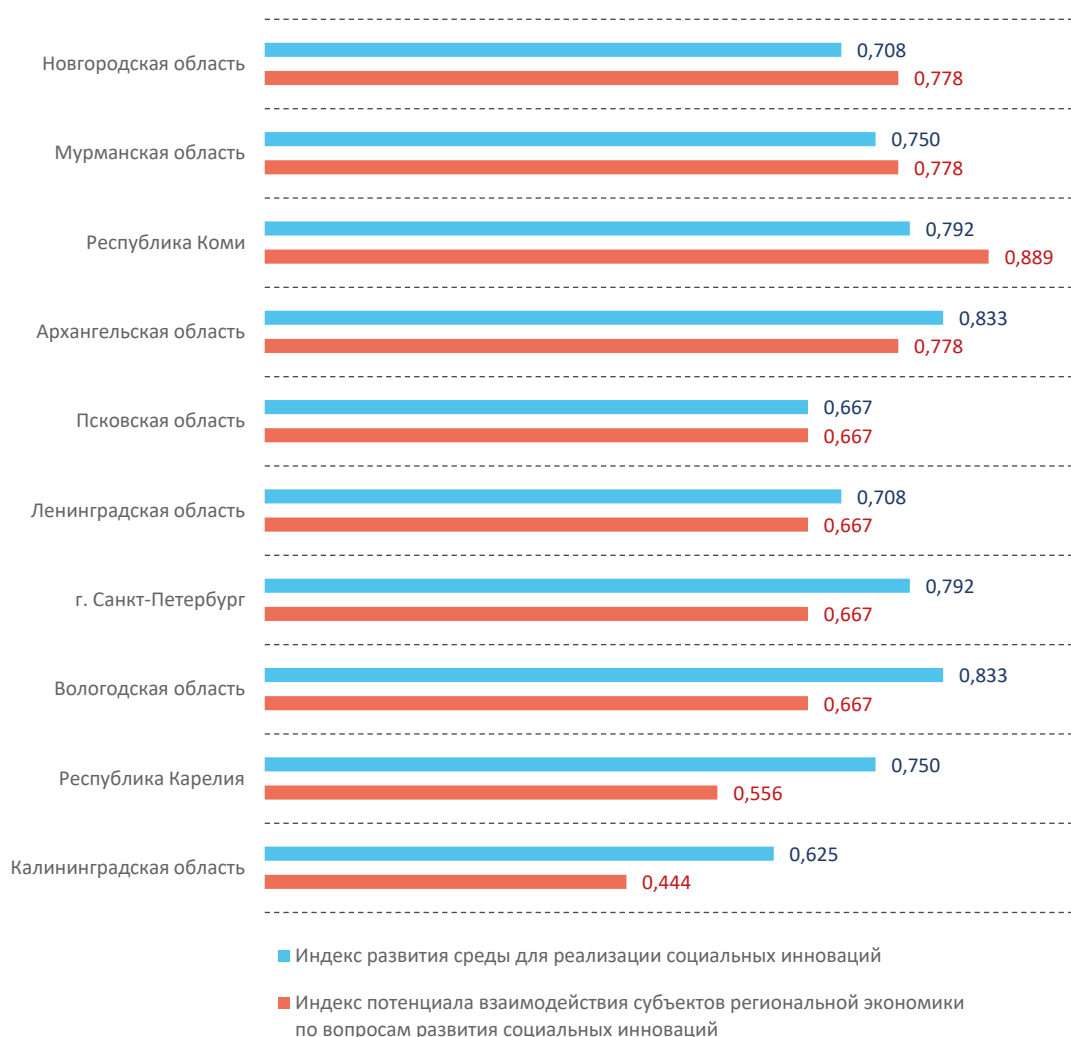

Рисунок 6.2. Оценка развития компонентов РСИЭ регионов СЗФО, 2018 г.

равномерно (разрыв в значениях показателей составляет 0,208 ед.). При этом возможности для взаимодействия субъектов региональной экономики по вопросам развития социальных инноваций более дифференцированы (разрыв в значениях показателей равен 0,445). Кроме того, более чем в половине регионов отмечается неоднородность развития этих двух составляющих РСИЭ, что свидетельствует о наличии определенных проблем в процессе ее становления.

Для более детальной оценки и интерпретации полученных результатов нами выделены три группы территорий: с высокими, средними и низкими значениями соответствующих интегральных индексов. На основе построенных группировок посредством позиционирования регионов в пространстве двумерной матрицы предложена типология субъектов СЗФО по уровню развития РСИЭ (рис. 6.3).

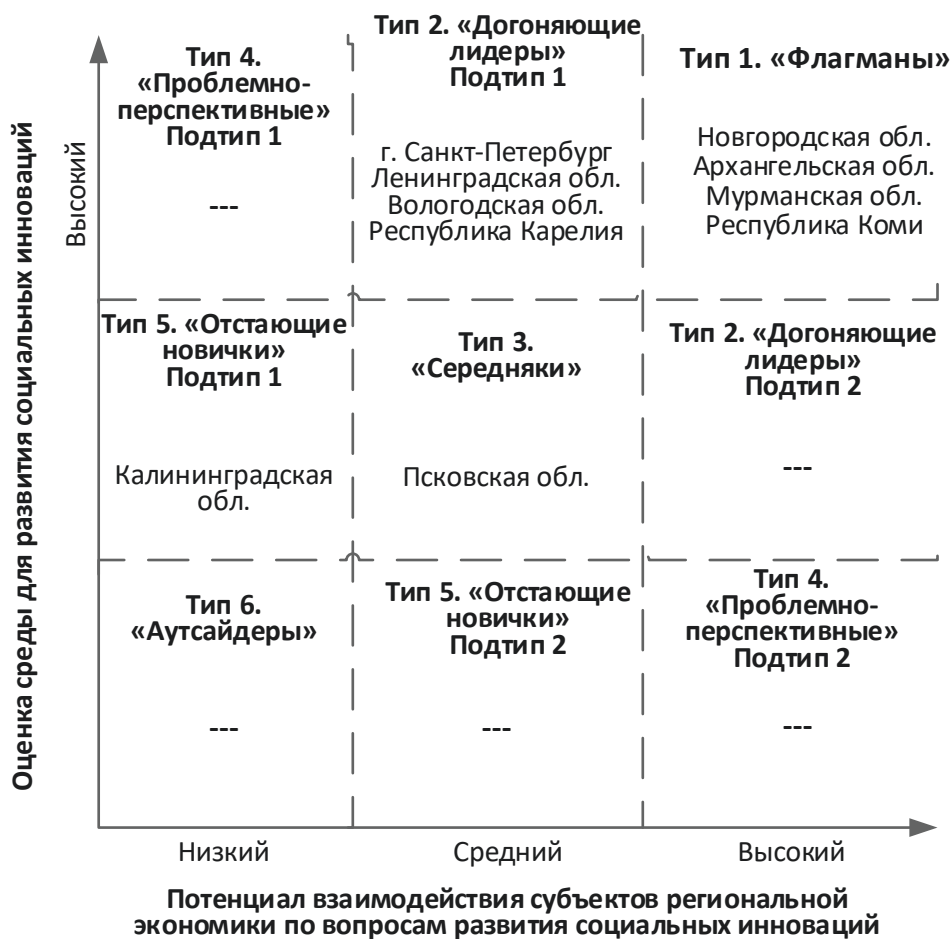

Рисунок 6.3. Типология субъектов СЗФО по уровню развития РСИЭ, 2018 г.

Тип 1. Регионы-лидеры, характеризующиеся высокими значениями обоих компонентов РСИЭ. На 2018 г. в число таких территорий вошли Новгородская, Архангельская и Мурманская области, а также Республика Коми, где формально сформирована достаточно благоприятная среда для развития социальных инноваций и существуют хорошие возможности для взаимодействия основных субъектов экономической деятельности. При этом даже в регионах данного типа отмечаются проблемные аспекты, воздействие на которые может существенно укрепить положение территории. Среди них, прежде всего, можно выделить совершенствование нормативно-правовой базы в области социальных инноваций и социального предпринимательства, развитие венчурного капитала и государственно-частного партнерства.

Тип 2. Территории, где среда для социальных инноваций и потенциал для взаимодействия субъектов региональной экономики несколько рассогласованы в своем развитии. Здесь выделяются два подтипа: регионы с высоким уровнем развития первого компонента и средним уровнем развития второго и наоборот. По результатам за 2018 г. были выявлены только территории первого подтипа, в

число которых вошли г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Вологодская области, Республика Карелия. Данным регионам для улучшения своих позиций необходимо, как и субъектам типа 1, формирование законодательства в сфере социальных инноваций и социального предпринимательства. Кроме того, важно обратить внимание на развитие волонтерства и кластеров социальной направленности.

Тип 3. Регионы, в которых наблюдается средний уровень развития обоих составляющих РСИЭ. По состоянию на 2018 г. к территориям данного типа была отнесена Псковская область, где целесообразно проводить работу в направлении совершенствования нормативно-правового обеспечения и финансовых инструментов развития социальных инноваций и социального предпринимательства, разработки образовательных программ и проведения научных исследований по рассматриваемой проблематике на систематической основе, а также активизации государственно-частного партнерства.

Тип 4. Территории, где отмечается резко рассогласованное развитие компонентов РСИЭ. Выделяются два подтипа: регионы с высоким уровнем развития первого компонента и низким уровнем развития второго и наоборот. По состоянию на 2018 г. таких субъектов в СЗФО не было диагностировано.

Тип 5. Регионы, в которых развитие составляющих РСИЭ умеренно рассогласовано. Выделяются два подтипа: регионы со средним уровнем развития первого компонента и низким уровнем развития второго и наоборот. В 2018 г. в группу регионов первого подтипа вошла Калининградская область, где значимыми аспектами являются становление законодательной базы развития социальных инноваций и социального предпринимательства и активизация мероприятий, посвященных данной тематике, поддержка волонтерства, формирование кластеров социальной направленности. При попадании в эту категорию регионам необходимо существенно стимулировать развитие отстающего компонента, в противном случае возможно разрушение созданного «фундамента» для становления экосистемы и их перемещение в число аутсайдеров.

Тип 6. Регионы, где среда для социальных инноваций и потенциал взаимодействия субъектов региональной экономики находятся на низком уровне развития. Это свидетельствует о том, что там региональная социально-инновационная экосистема, по сути, еще отсутствует. В 2018 г. территорий, относящихся к данному типу, в СЗФО не было зафиксировано.

Таким образом, ситуация в области развития региональных социально-инновационных экосистем субъектов СЗФО в среднем может оцениваться как позитивная. Вместе с тем регионы каждого типа характеризуются наличием ряда барьеров, которые препятствуют дальнейшему развитию РСИЭ. При этом основной проблемой выступает отсутствие нормативно-правовой базы в сфере социальных инноваций. В лучшем случае в стратегических и программных документах регионального развития встречается только упоминание о необходимости поддержки социальных инноваций без указания конкретных мероприятий. То же самое относится и к социальному предпринимательству. Исключение в данном случае составляют г. Санкт-Петербург (Комитетом по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга реализуется программа «Поддержка

социального предпринимательства»), а также Псковская и Архангельская области (в первом регионе сформирован План мероприятий, направленный на развитие социального предпринимательства на 2018–2020 годы, а во втором – Концепция развития социального предпринимательства до 2020 г.).

Региональным институтом развития социальных инноваций и социального предпринимательства являются центры инноваций социальной сферы (ЦИСС), деятельность которых призвана обеспечивать комплексное сопровождение социальных предпринимателей и социально ориентированных НКО. Несмотря на негативные оценки работы данных структур экспертами, отмечающими, что ЦИСС на практике, занимаются в основном обучением, причем в форме однодневных семинаров. Существуют ЦИСС (к примеру, в Омской области, ХМАО-Югра), которые показывают весьма позитивные результаты, и этот опыт целесообразно использовать и в других субъектах РФ. В 2018 г. ЦИСС в половине регионов СЗФО отсутствовали (в 2019 г. они появились в Санкт-Петербурге, Карелии и Калининградской области), что несколько снижает потенциал для развития прежде всего социального предпринимательства.

В отношении финансового обеспечения ЦИСС формально складывается благоприятная ситуация, поскольку у них имеется возможность получения субсидий (грантов) и льготных кредитов, существуют определенные налоговые льготы и передача им бюджетных средств как поставщикам услуг в социальной сфере в виде сертификатов, компенсации затрат и др. В то же время, как показывают исследования, в регионах России, к примеру, в рамках социального предпринимательства качество работы данных механизмов далеко от идеального, и на практике возникают трудности в их использовании³³⁸.

Волонтерство как форма проявления социальной ответственности населения также нуждается в поддержке, так как имеются проблемы, связанные с несовершенством нормативно-правовой базы, ограничениями на получение субсидий для СО НКО и помещений для деятельности, неинформированностью населения о возможностях социального участия и т.д. Кроме того, важно уделять внимание развитию образовательных программ в сфере формирования соответствующих компетенций, особенно в рамках деятельности вузов, и содействовать проведению научных исследований по тематике социальных инноваций и социального предпринимательства с целью выработки научно обоснованных рекомендаций по их стимулированию.

Важнейшим аспектом является налаживание эффективного взаимодействия субъектов региональной экономики по вопросам развития социальных инноваций. В данном случае необходимо совершенствование механизмов государственно-частного партнерства, поскольку, согласно рейтингу его развития по состоянию на 2018 г., семь из десяти регионов СЗФО занимали места от 30 и ниже среди всех субъектов РФ. При этом представляется актуальным и формирование кластеров социальной направленности, так как на 2018 г. таковые были созданы только в

³³⁸ Якимец В.Н., Никовская Л.И. Поддержка социального предпринимательства: оценка механизмов и рейтинг регионов России // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 99–109. DOI: 10.31857/S013216250004962-1

трех регионах: социальный кластер Архангельской области, социальный кластер «Ресурсное обеспечение 100-летия Коми» и медико-реабилитационный кластер Новгородской области. Кроме того, в последнем регионе в 2019 г. было инициировано создание кластера социальной экономики и инноваций. Помимо этого актуальным направлением является систематическое проведение в регионах мероприятий (конференций, форумов и т.д.), которые бы способствовали повышению информированности и взаимодействия различных акторов по вопросам реализации социальных инноваций и развитию социального предпринимательства.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что стимулирование социальных инноваций в целях регионального развития выступает перспективным инструментом государственной политики многих стран мира. Однако в России их эволюция сдерживается несовершенством законодательного, финансового, инфраструктурного обеспечения, невысокой социальной и инновационной активностью населения и т.д. Ситуация усугубляется непроработанностью концепции социальных инноваций в академической науке и ограниченностью информационной базы для изучения данного феномена. Все это актуализирует значимость исследования соответствующего контекста, содействующего реализации социальных инноваций.

6.3. Роль социальных инноваций в решении проблем развития территорий в условиях пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19 оказала значительное воздействие на развитие всех без исключения сфер жизнедеятельности: следствием мер социального дистанцирования и локдауна стали закрытия предприятий, рост безработицы, ухудшение благополучия населения в целом и углубление социального неравенства, перевод многих отраслей в онлайн-режим работы и т.д. Распространение коронавируса поставило под угрозу сохранение имеющихся успехов по достижению целей устойчивого развития. В частности, по оценкам специалистов, в результате непосредственного влияния и последствий пандемии до 130 млн. человек в мире окажутся в крайней нищете, увеличится нагрузка на женщин, усилится гендерное и социально-экономическое неравенство, возрастут риски нехватки продовольствия в ряде стран и риски потери рабочих мест³³⁹ и др. Помимо этого пандемия стала мощным психотравмирующим фактором, провоцирующим рост тревоги, депрессии, алкоголизации, домашнего насилия и суицидального поведения³⁴⁰. В сложившейся ситуации население, органы власти и хозяйствующие субъекты были вынуждены адаптироваться и реагировать на происходящие изменения.

³³⁹ Brief#2: putting the UN framework for socio-economic response to COVID-19 into action: insights. NY: UNDP, 2020. 19 p. URL: <https://www.undp.org/content/dam/undp/library/covid19/Brief2-COVID-19-final-June2020.pdf> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁴⁰ Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 291–308. DOI: 10.38098/iran.sep.2020.18.2.010.

В то же время, несмотря на предпринимаемые правительствами меры, только их усилиями невозможно решить все возникшие проблемы, в результате чего к этому процессу подключились и другие акторы: бизнес, структуры гражданского общества, социальные предприниматели и т.д.

По мнению экспертов, в новых условиях возрастает значение инноваций для социально-экономического развития территорий³⁴¹. Это касается не только инноваций, которые связаны со здоровьем населения, масштабы инвестиций в которые многократно увеличились³⁴², но и нововведений во многих других сферах жизни общества. Учитывая тот факт, что эффективность государственного управления в постпандемический период будет оцениваться в большей степени социальными индикаторами³⁴³, отметим, что особо важная роль в борьбе с пандемией COVID-19 и преодолении ее последствий принадлежит социальным инновациям и социальному предпринимательству, значимость которых в настоящее время только растет³⁴⁴. Основной их миссией выступает решение тех или иных общественных проблем, не случайно социальных предпринимателей и инноваторов называют первыми субъектами, которые отреагировали на проблемы, вызванные пандемией³⁴⁵. В связи с этим рассмотрим роль социальных инноваций в решении проблем развития территорий в условиях пандемии коронавируса, основываясь на анализе научного и практического дискурса в рамках данной тематики.

Как показывает мировой опыт, социальные инновации, в самом общем виде представляющие «новые идеи, которые удовлетворяют социальные потребности, создают социальные отношения и способствуют развитию новых форм сотрудничества»³⁴⁶, успешно справляются с проблемами в сферах здравоохранения, образования, занятости, экологии, социального обеспечения, транспорта и др. Тем самым они вносят значимый вклад в достижение целей устойчивого развития территорий³⁴⁷. Социальные инновации чаще всего реализуются социальными предпринимателями и структурами гражданского общества, однако, в принципе,

³⁴¹ Аганбегян А. Мир после коронавирусной пандемии // Мир перемен. 2021. №1. С. 8–23.

³⁴² COVID-19 R&D Tracker. URL: <https://www.policycuresresearch.org/covid-19-r-d-tracker> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁴³ Панышин Б.Н., Серебряков Д.А. Методологические и методические аспекты оценки социальной и экономической эффективности социальных новшеств // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2020. № 2 (33). С. 7–14. DOI: 10.21777/2587-554X-2020-2-7-14

³⁴⁴ Social economy and the COVID-19 crisis: current and future roles. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=135_135367-031kjiq7v4&title=Social-economy-and-the-COVID-19-crisis-current-and-future-roles (дата обращения: 06.08.2021).

³⁴⁵ Social entrepreneurs are first responders to the COVID-19 crisis. This is why they need support. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/09/social-entrepreneurs-are-first-responders-to-the-covid-19-crisis/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁴⁶ European Commission «Annual Growth Survey». URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (дата обращения: 06.08.2021).

³⁴⁷ Соловьева Т.С. Влияние социальных инноваций на региональное развитие: концептуальные положения // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3 (36). С. 91–88. DOI: 10.21499/2078-4023-2018--3-91-88

Таблица 6.4. Примеры социальных инноваций с технологической составляющей и без, разработанных в период пандемии COVID-19

Основные типы социальных инноваций	Пример
Продукт	UVD Robots (Дания) – роботы для осуществления дезинфекционных работ в медицинских учреждениях с целью снижения риска заражения медицинских работников.
Услуга	Navimize (США) – виртуальная комната ожидания для пациентов. Система уведомляет каждого пациента о точном времени приема, чтобы он мог направиться прямо в кабинет врача, снижая риски для здоровья от ожидания в коридоре медицинской организации.
Организационная форма	Frena la curva (Испания) – гражданская платформа, сообщество, способствующая организации сотрудничества между различными акторами для решения проблем, возникших в период пандемии. Помогает соединить людей, которым нужна помощь, и тех, кто может оказать им поддержку.
Процесс	JD's Robots (Китай) – автономные системы доставки (от медикаментов до предметов первой необходимости), минимизирующие вероятность заражения.
Правила и нормы	Drive-through testing (Южная Корея) – введение стандартов масштабного тестирования на коронавирус с низким уровнем контакта на базе автостоянок и парковок
Источник: составлено по: Balamatsias G. Social Innovation in the times of COVID-19. URL: https://www.socialinnovationacademy.eu/8-social-innovations-for-covid-19/ (accessed: 05.08.2021) с дополнениями автора.	

могут быть инициированы органами власти и бизнес-сообществом. В условиях пандемии COVID-19 социальные инновации стали одним из важных направлений борьбы с преодолением кризиса. В данном случае речь идет как об уже работающих проектах, так и о разработке новых, толчком к которой послужило именно распространение коронавируса, а также о социальных инновациях с использованием технологического компонента и без него. Безусловно, в период пандемии создание новых проектов ввиду социального дистанцирования происходило в значительной степени с использованием информационных и цифровых технологий (табл. 6.4).

Исследования показывают, что пандемия открыла новые возможности для развития цифровых социальных инноваций, в частности цифрового посредничества и предоставления услуг³⁴⁸. Первые решали проблемы взаимодействия акторов, которые ранее не сотрудничали либо в новых условиях не могли его осуществлять. Так, разрабатывались специальные платформы, позволяющие соединить друг с другом высвободившихся в результате закрытия предприятий работников с организациями, которые нуждались в рабочей силе. В отношении цифровых услуг активизировались онлайн-рекрутмент, онлайн-образование и наставничество, причем даже в таких сферах, которые рассматривают личный контакт как необходимость для предоставления услуги (например, религиозная деятельность).

³⁴⁸ Scheidgen K., Aslan Gümüşay A., Günzel-Jensen F., Krlev G., Wolf M. Crises and entrepreneurial opportunities: Digital social innovation in response to physical distancing // Journal of Business Venturing Insights. 2021. Vol. 15. DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00222

Уже существующие проекты также адаптировались к сложившейся ситуации при активном участии интернет-технологий. FoodCycle (Великобритания), специализирующаяся на решении проблем одиночества и обеспечения хорошим питанием нуждающихся, до локдауна предоставляла для них здоровую пищу, приготовленную добровольцами из местного сообщества, одновременно создавая пространство для общения, во время карантина организовала производство продуктов на вынос и онлайн-чат, где добровольцы общались с людьми, которые были изолированы³⁴⁹. Поскольку и до пандемии многие люди, особенно городские жители³⁵⁰, имели невысокую двигательную активность, в данный период стали актуальны проекты, в онлайн-формате помогающие поддерживать физическую форму. Это касается не только фитнес-услуг, йоги и т.д., но и танцевальных занятий и удаленных дискотек (например, The Cares Family³⁵¹).

Социальное предпринимательство как один из основных проводников социальных инноваций внесло значимый вклад в борьбу с коронавирусом. В связи с загруженностью формальных систем здравоохранения социальные предприятия оказали существенный объем медицинской и социальной помощи населению. Так, в Великобритании более 30% всех медицинских услуг по уходу за больными и социальных услуг были предоставлены социальными предприятиями³⁵².

В свою очередь пандемия также оказала на социальное предпринимательство определенное воздействие, которое во многом определялось размером, длительностью и сферой деятельности организации, ее ресурсным потенциалом. Исследования, проведенные во Франции, показали, что самыми уязвимыми стали предприятия, функционирующие менее пяти лет и имеющие в штате менее 10 сотрудников³⁵³. В целом около 60% опрошенных социальных предприятий в Великобритании прогнозировали снижение спроса на их услуги и продукцию³⁵⁴. В качестве основных проблем, с которыми столкнулись социальные предприниматели во время пандемии, можно обозначить: трудности финансового обеспечения деятельности, в частности увеличение расходов на закупку средств индивидуальной защиты; сложности выплат заработной платы сотрудникам и арендной платы; бремя налоговой нагрузки. Социальное дистанцирование и самоизоляция

³⁴⁹ Our impact. URL: <https://www.foodcycle.org.uk/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁵⁰ Соловьева Т.С. Уровень физической активности и мотивированности городского населения к занятиям физической культурой и спортом // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 119–136.

³⁵¹ About us. URL: <https://www.thecaresfamily.org.uk/about> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁵² Social Enterprise and COVID-19. URL: <https://www.socialenterprise.org.uk/wp-content/uploads/2020/05/Social-Enterprise-COVID-19-research-report-2020.pdf> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁵³ Social economy and the COVID-19 crisis: current and future roles. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=135_135367-031kjiq7v4&title=Social-economy-and-the-COVID-19-crisis-current-and-future-roles (дата обращения: 06.08.2021).

³⁵⁴ Social Enterprise and COVID-19. URL: <https://www.socialenterprise.org.uk/wp-content/uploads/2020/05/Social-Enterprise-COVID-19-research-report-2020.pdf> (дата обращения: 06.08.2021).

ограничили возможности деятельности социальных предпринимателей: некоторые организации были вынуждены закрыться/временно приостановить свою работу (предприятия в сфере туризма), вынужденно работать в закрытом режиме (например, учреждения здравоохранения и пансионаты для пожилых людей).

Социальные предприятия по-разному реагировали на происходившие изменения:

- часть из них продолжала функционировать, как и раньше, в связи с ростом спроса на услуги;
- ряд предприятий закрылся;
- некоторым пришлось ограничить спектр своей деятельности с целью обеспечения финансовой устойчивости из-за ограниченности ресурсов, трудностей доступа к государственной поддержке, отсутствия навыков финансового прогнозирования и цифровой коммуникации³⁵⁵;
- еще часть организаций переориентировала бизнес-модели либо модернизировала свою деятельность на время кризисных явлений.

Опрос социальных предпринимателей, проведенный SEUK и Британским Советом в августе – сентябре 2020 г. в различных регионах мира, показал, что в целом организациям удалось адаптироваться к происходившим изменениям (табл. 6.5). Только 2% предприятий в Европе и тропической Африке закрылись, и около 7% – временно приостановили работу.

Рассмотрим различные варианты трансформаций в работе социальных предпринимателей. Во-первых, они адаптировали свои функции под потребности определенных групп населения, особо уязвимых в период пандемии. Так, проект «La Cantine pour tous» (Канада), специализирующийся на производстве здорового питания для детей в школах, поставлял свою продукцию для пожилых людей, находившимся на самоизоляции³⁵⁶. Ряд предприятий в США работали на доставку еды для обучающихся некоторых сельских школ, которые были закрыты из-за коронавируса³⁵⁷.

Во-вторых, по мере роста спроса на определенные товары и услуги социальные предприятия на временной или постоянной основе переориентировались на их производство. К примеру, в Бельгии две организации, которые непосредственно столкнулись с дефицитом средств индивидуальной защиты, в сотрудничестве с еще одним предприятием и при использовании труда волонтеров создали совместное производство многоразовых масок для медицинского персонала³⁵⁸. При этом изготовление шаблонов для пошива масок осуществлялось сотрудниками

³⁵⁵ Social economy and the COVID-19 crisis: current and future roles. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=135_135367-031kjiq7v4&title=Social-economy-and-the-COVID-19-crisis-current-and-future-roles (дата обращения: 06.08.2021).

³⁵⁶ COVID-19. URL: <https://lacantinepourtous.org/services/covid-19/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁵⁷ Policy implications of Coronavirus crisis for rural development. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/policy-implications-of-coronavirus-crisis-for-rural-development-6b9d189a/#figure-d1e543> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁵⁸ Mask coronavirus brussels. URL: <https://www.ecores.eu/project/mask-coronavirus-brussels/> (дата обращения: 06.08.2021).

**Таблица 6.5. Реакция социальных предпринимателей
в условиях пандемии COVID-19 (% от числа опрошенных)**

Вариант ответа	Тропическая Африка	Юго-Восточная Азия	Южная Азия	Европа
Производство (рост объемов) продукции/ предоставление услуг онлайн	44	53	59	57
Производство новых продуктов/предоставление новых услуг	37	43	37	43
Производство продукции/предоставление услуг в сниженном объеме	32	31	25	38
Предоставление новой/дополнительной поддержки, непосредственно ориентированной на тех, кто нуждается в помощи из-за пандемии COVID-19	38	41	45	34
Временное закрытие	9	10	10	5
Закрытие	2	0	0	2
Источник: Darko E., Hashi F.M. Innovation and resilience: A global snapshot of social enterprise responses to Covid-19. London: British Council, 2020. 33 p.				

с Организацией всемирного здравоохранения (ОБЗ) одной из компаний. Аналогичную схему трансформации производства использовали и другие проекты³⁵⁹. В России в качестве примера такой стратегии можно назвать студию лазерной резки «Фотон», которая ранее производила развивающие игрушки, сувениры и элементы декора из дерева. В условиях пандемии компания стала изготавливать трехмерные защитные щитки для лица. Еще один проект – «Мастерская полезных вещей Mir3d» (выпуск изделий из пластика для людей с ОБЗ) стала производить респираторы на 3D-принтере³⁶⁰.

В-третьих, ряд организаций полностью изменили направление своей деятельности. В частности, веломагазин из Бельгии «Bikeworks», организующий велоклубы для людей с ОБЗ, создал службу доставки продуктов питания, медикаментов и других вещей для нуждающихся³⁶¹.

В-четвертых, в целом ускорение процессов цифровизации вследствие пандемии привело к позитивным результатам для некоторых предприятий. Многие проекты перенесли свою деятельность в онлайн-среду посредством открытия собственных интернет-магазинов или размещения своей продукции на круп-

³⁵⁹ Mask Community. URL: <https://www.the-sewing-rooms.co.uk/> (дата обращения: 06.04.2021); Sustainable fashion Made in Italy. URL: <https://shop.progettoquid.com/chi-siamo-moda-etica-made-in-italy/?lang=en> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶⁰ Полонская-Письман Л. Пандемия научила нас ценить жизни собственное здоровье. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2020/04/pandemiya-nauchila-nas-tsenit-zhizn-i-sobstvennoe-zdorove/ (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶¹ 'I hope we don't forget the lessons we're learning now' - Zoe Portlock, Bikeworks. URL: <https://www.pioneerspost.com/business-school/20200417/i-hope-we-don-t-forget-the-lessons-were-learning-now-zoe-portlock-bikeworks> (дата обращения: 06.08.2021).

ных маркетплейсах³⁶². Центр предоставления социально полезных услуг «Душевные люди» (г. Нягань) в условиях невозможности деятельности в традиционном формате разработал модель дистанционных социальных услуг на базе сотовой и Интернет-связи³⁶³. Компания «Сколиолджик.ру» (г. Санкт-Петербург), специализирующаяся на лечении сколиозов, ортезировании и протезировании верхних и нижних конечностей, организовала систему дистанционного изготовления ряда ортопедических изделий, а также онлайн-консультирование специалистов, что привело к выходу проекта на новые рынки³⁶⁴.

Кроме того, возможности технологий и цифровизации стали активнее использоваться в плане привлечения новых клиентов, обмена информацией, привлечения финансирования. Так, краудфандинговая платформа La Bolsa Social (Испания)³⁶⁵ на своей базе создала альянс с частными инвесторами и инвестиционными фондами для поддержки стартапов в области решения проблем, связанных с последствиями COVID-19. Организация «Eneza Education» (Танзания) в допандемический период предоставляла образовательные услуги для детей, не имевших возможности посещать школы. В новых условиях во время закрытия школ она расширила масштабы своей деятельности (в т.ч. в Кении, Руанде и Кот-д'Ивуаре), охватив 2,2 млн. обучающихся, не имевших постоянного доступа к сети Интернет на основе учебных ресурсов³⁶⁶ на базе USSD/SMS. В дистанционном формате работали и многие образовательные проекты в России³⁶⁷. В то же время, как показывают исследования³⁶⁸, в регионах мира, с низким уровнем доступа к Интернету социальные предприниматели не имели возможности перевести свою деятельность в онлайн.

Социальные инновации и социальное предпринимательство, как было показано выше, играют значительную роль в решении многих проблем развития территорий в контексте борьбы с пандемией и преодолении ее последствий. Однако данным проектам пришлось столкнуться с дефицитом финансирования, кадровых ресурсов и клиентов, и, для того чтобы продолжать функционирование, они нуж-

³⁶² Социальные предприниматели теперь представлены на Wildberries. URL: <http://www.nb-fund.ru/press-center/news/sotsialnye-predprinimateli-teper-predstavleny-na-wildberries/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶³ Пандемия: новые возможности для поставщиков социальных услуг в Югре. URL: https://myopenugra.ru/news/society/pandemiya_novye_vozmozhnosti_dlya_postavshchikov_sotsialnykh_uslug_v_yugre/ (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶⁴ Испытание на прочность. Последствия. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4548631> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶⁵ Convocatoria: Inversión de impacto para hacer frente al coronavirus. URL: <https://www.bolsasocial.com/blog/abrimos-convocatoria-inversion-de-impacto-soluciones-contr-el-coronavirus/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶⁶ Category Archive. URL: <https://enezaeducation.com/category/enezas-response-to-covid-19/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶⁷ Все в онлайн! Как социальные предприятия работают во время коронавируса. URL: <http://nb-forum.ru/useful/vse-v-onlain-kak-sotsialnie-predpriyatiya-rabotayut-vo-vremya-koronavirusa/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁶⁸ Darko E., Hashi F.M. Innovation and resilience: A global snapshot of social enterprise responses to COVID-19. London: British Council, 2020. 33 p.

Таблица 6.6. Основные рекомендации Альянса поддержки социальных предпринимателей для различных акторов

Акторы	Основные рекомендации
Посредники	Быть ориентированными на клиентов и сообщество; корректировать направления поддержки для адаптации бизнес-моделей социальных предпринимателей; обмениваться опытом и передовыми практиками; устанавливать взаимовыгодные партнерские отношения; использовать экосистемный подход и создавать коалиции для борьбы с COVID-19.
(Импакт)-инвесторы	Пересмотреть процессы и условия предоставления финансирования; рассмотреть возможности для направления благотворительной поддержки социальным предпринимателям; расширить техническую поддержку; использовать возможности совместного инвестирования для диверсификации рисков; разработать план поддержки на долгосрочную перспективу.
Корпорации (бизнес)	Придерживаться обязательств перед поставщиками; авансировать платежи, рассмотреть возможности повышения гибкости условий контрактов или переноса кредитного риска на корпоративный уровень; налаживать новые партнерские отношения с социальными предприятиями и поддерживать существующих партнеров; инвестировать в наращивание потенциала социальных предприятий за счет ресурсов корпоративного волонтерства.
Спонсоры и филантропы	Расширить поддержку социальных предпринимателей за пределами текущего портфеля инвестиций; ускорить принятие решений о предоставлении финансирования; взять на себя больший риск, чем планировалось; сотрудничать и расширять программы совместного финансирования; поддерживать инновационные и экспериментальные, даже радикальные проекты.
Государственные структуры	Расширить финансирование и поддержание ликвидности социальных предприятий; ускорить принятие решений о предоставлении финансирования; осуществлять финансовую и нефинансовую поддержку организаций-посредников; снимать регуляторные барьеры для участия социальных предпринимателей в получении доступа к финансированию, в т.ч. в программах государственных закупок и контрактов.
Источник: составлено по: COVID-19 Action Agenda Leaders on the Front Line: Why Social Entrepreneurs Are Needed Now More than Ever. URL: http://www3.weforum.org/docs/COVID19_SocEnt_Alliance_Report_2020.pdf (дата обращения: 06.08.2021).	

дались в поддержке. Судя по результатам опроса социальных предпринимателей SEUK и Британским Советом, более чем трети организаций не предоставлялась государственная поддержка в их стране (регионе)³⁶⁹. Негосударственная поддержка оказывалась в основном в форме онлайн-курсов и вебинаров, предоставления грантов и помощи волонтеров.

В апреле 2020 года под эгидой Всемирного экономического форума был создан Альянс поддержки социальных предпринимателей³⁷⁰ в условиях COVID-19. В рамках данной структуры была подготовлена соответствующая Программа действий³⁷¹, определяющая основные посылы для различных акторов в целях оказания всесторонней поддержки социальным предпринимателям (табл. 6.6).

³⁶⁹ Darko E., Hashi F.M. Innovation and resilience: A global snapshot of social enterprise responses to COVID-19. London: British Council, 2020. 33 p.

³⁷⁰ Supporting 90,000 social entrepreneurs on the frontlines of the COVID-19 crisis. URL: <https://www.weforum.org/our-impact/we-are-supporting-90000-social-entrepreneurs-on-the-frontlines-of-the-covid-19-crisis> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁷¹ COVID-19 Action Agenda Leaders on the Front Line: Why Social Entrepreneurs Are Needed Now More than Ever. URL: http://www3.weforum.org/docs/COVID19_SocEnt_Alliance_Report_2020.pdf (дата обращения: 06.08.2021).

Многие структуры (как частные, так и государственные), предоставляющие образовательные, консультационные и иные услуги в сфере социального предпринимательства, перешли на онлайн-формат и оказывали их дистанционно (Social Impact Award, Social Enterprise NL и UK, Центр развития социального предпринимательства РГСУ, ФРСП «Наше будущее» и др.). Правительство Южной Кореи стало поощрять органы власти различного уровня участвовать в льготной программе закупок у социальных предпринимателей³⁷². Кроме того, было решено субсидировать не только выплату заработной платы, но и трансформацию бизнес-моделей социальных предпринимателей, а также часть стоимости их продукции для ее реализации по сниженным ценам на специальной интегрированной рыночной платформе.

Согласно данным опроса РГСУ, проведённого в апреле 2020 г., самыми востребованными мерами поддержки среди российских социальных предпринимателей стали «безвозвратные субсидии, льготная аренда/безвозмездное пользование, снижение налоговых отчислений и отчислений в государственные фонды, привлечение инвесторов, а также информационное и образовательное сопровождение»³⁷³.

Социальным предпринимателям по всему миру предоставлялась поддержка в рамках общих направлений поддержки МСП (гранты и займы, налоговые льготы, информационная поддержка, отсрочка оформления административных документов и т.д.). Создавались и специализированные инструменты. Так, во Франции было создано несколько фондов для упрощения доступа к кредитам, предоставления краткосрочных и среднесрочных кредитов с отсроченным механизмом их погашения³⁷⁴. Активно поддерживалось развитие цифровых платформ для развития сотрудничества между различными субъектами экономики в целях решения социальных проблем, спровоцированных пандемией.

В России многие социальные предприниматели в силу несоответствия их деятельности видам экономической деятельности (ОКВЭД), обозначенным в нормативно-правовых актах, не были включены в категорию МСП, которые получили поддержку от государства³⁷⁵. Те же субъекты, которые попали в данный список, могли получить помощь в плане предоставления кредитных и налоговых каникул, беспроцентных кредитов на заработную плату, а также отсрочку и снижение страховых взносов и арендных платежей и др. Ряд проектов, действующих в формате СО НКО, могли претендовать на некоторые льготы в виде арендных и налоговых

³⁷² Policy response to COVID-19 for SSE enterprises in the Republic of Korea. URL: https://www.ilo.org/global/topics/cooperatives/news/WCMS_742645/lang--en/index.htm (дата обращения: 06.08.2021).

³⁷³ Безвозвратные субсидии, льготная аренда, снижение налогов, привлечение инвесторов. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2617/newsitem/53161> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁷⁴ Social economy and the COVID-19 crisis: current and future roles. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=135_135367-031kjiq7v4&title=Social-economy-and-the-COVID-19-crisis-current-and-future-roles (дата обращения: 06.08.2021).

³⁷⁵ «Социальные предприниматели не должны выпадать из фокуса внимания» – Елена Тополева-Солдунова. URL: <https://www.oprf.ru/ru/press/news/2617/newsitem/55632> (дата обращения: 06.08.2021).

каникул, снижения налоговой нагрузки, предоставления субсидий и грантов, инфраструктурной поддержки³⁷⁶ и т.д.

Крупные российские компании, поддерживающие социальных предпринимателей в рамках корпоративной социальной ответственности, к примеру АО «ОМК», тоже не остались в стороне и продолжили конкурсные программы по выделению грантов для развития проектов³⁷⁷. ФРСП «Наше будущее» также расширил спектр поддержки в плане отсрочки выплат по займам; выдачи грантов наиболее пострадавшим от пандемии социальным предпринимателям на покрытие текущих расходов; скупки продукции с целью последующей благотворительной реализации; антикризисной консалтинговой поддержки³⁷⁸. Краудфандинговая платформа Planeta.ru, в т.ч. для социальных предпринимателей, разрешила открывать сборы на выплату заработной платы и оплаты аренды помещений, для чего была предусмотрена сниженная комиссия³⁷⁹. Крупные компании оказывали поддержку и социальным предпринимателям за рубежом. Так, IKEA в рамках инициативы IKEA Social Entrepreneurship, в период пандемии сохранила объемы заказов от социальных предпринимателей, а во время приостановки производства направила грантовую помощь наиболее пострадавшим проектам³⁸⁰.

Таким образом, социальные инноваторы, в частности социальное предпринимательство, являются весьма значимыми субъектами в преодолении последствий пандемии COVID-19. По мнению экспертов ОЭСР, в долгосрочной перспективе именно социальные предприятия могут «перестроить посткризисную экономику, продвигая инклюзивные и устойчивые экономические модели»³⁸¹. В то же время введенные ограничения существенно повлияли на работу многих проектов и снизили их финансовую устойчивость. Однако социальные предприятия, зачастую работающие при ограниченности ресурсов, характеризуются гибкостью и инновационными подходами в решении разносторонних проблем. Тем не менее они нуждаются в соответствующей поддержке со

³⁷⁶ COVID-2019. Антикризисный план общенационального союза некоммерческих организаций. URL: <https://antivirus.rosnko.ru/> (дата обращения: 06.04.2021).

³⁷⁷ Полонская-Письман Л. Пандемия научила нас ценить жизнь и собственное здоровье. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2020/04/pandemiya-nauchila-nas-tsenit-zhizn-i-sobstvennoe-zdorove/ (дата обращения: 06.08.2021).

³⁷⁸ Фонд «Наше будущее» окажет адресную помощь социальным предпринимателям во время пандемии коронавируса. URL: <http://www.nb-fund.ru/press-center/news/fond-nashe-budushchee-okazhet-adresnuyu-pomoshch-sotsialnym-predprinimateliam-vo-vremya-pandemii-kor/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁷⁹ Planeta.ru поможет малому бизнесу и социальным предпринимателям. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/04/07/planeta-ru-sotspredprinimateli-pomoshh/> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁸⁰ Annual Review FY20 IKEA Social Entrepreneurship. URL: <https://gbl-sc9u2-prd-cdn.azureedge.net/-/media/ikeasocialentrepreneurship/ise-annual-review-fy20.pdf?rev=006d-ce6024d646c38d91d1c17c3f4cf1> (дата обращения: 06.08.2021).

³⁸¹ Social economy and the COVID-19 crisis: current and future roles. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=135_135367-031kjiq7v4&title=Social-economy-and-the-COVID-19-crisis-current-and-future-roles (дата обращения: 06.08.2021).

стороны различных стейкхолдеров. Как показывает мировая практика, спектр оказываемой помощи достаточно широк. Вместе с тем, например в России, ряд социальных предприятий в силу специфики их деятельности выпали из фокуса внимания органов власти, поэтому им необходимо реализовывать мероприятия, направленные, в том числе, непосредственно на поддержку данной категории организаций. Это позволит активизировать реализацию новых проектов и оказать помощь уже функционирующим социальным предприятиям в целях решения проблем развития территорий в условиях пандемии и нивелирования ее влияния на различные сферы жизнедеятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предложенной читателю монографии авторы постарались дать представление о состоянии и тенденциях социального развития в региональном измерении.

В первой главе монографии дан анализ ценностно-мотивационной составляющей самосохранительного поведения населения Вологодской области, тенденций старения населения и его последствий на глобальном и региональном уровнях, тенденций внутренней миграции в России и факторов, оказывающих на них влияние, а также проанализированы миграционные установки и «приживаемость» населения Вологодской области, выявлены возможности управленческого влияния на миграционное поведение внутренних мигрантов. Особое внимание уделено проблеме смертности населения, вносящей основной вклад в естественную убыль. Показано, что главными факторами смертности продолжают выступать болезни системы кровообращения, патологии органов дыхания, хронические заболевания пищеварительной системы, злокачественные новообразования, сахарный диабет и другие системные многофакторные заболевания. Обращение к вышеперечисленным проблемам социального развития страны не случайно, поскольку сохранение населения, его здоровье находятся в числе национальных целей РФ на ближайшую перспективу.

Глобализационные процессы, наблюдаемые в мировой экономике, приводят к интенсификации и пространственным преобразованиям общественных отношений, что отражается на воспроизводстве человеческого капитала. Многочисленные исследования наделяют человеческий капитал главенствующей ролью в социально-экономическом развитии. В свою очередь качество жизни, здоровье, профессиональные навыки и умения, трудовой потенциал, удовлетворенность трудом и ряд других характеристик составляют основу формирования качества человеческого капитала. Этим вопросам и их анализу посвящена вторая глава монографии.

Результаты исследования немонетарного неравенства населения в контексте пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов, в т.ч. комплексного изучения качества трудовой жизни в ракурсе модернизации экономики и общества в России, дающие представление о состоянии качества жизни населения региона, представлены читателю в третьей главе.

В рамках национальной цели «возможности для самореализации и развития талантов» система образования должна создать условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Возможности российского

научно-образовательного пространства на фоне новых глобальных и национальных вызовов показаны в четвертой главе монографии. В ней, в том числе, классифицированы угрозы национальной образовательной системе, которые формирует новый эпидемиологический вызов. Особый интерес в связи с этим представляет анализ эмпирических данных, полученных в ходе социологического онлайн-опроса учителей общеобразовательных школ, посвященного переходу системы образования на дистанционное обучение в период эпидемии коронавируса.

В качестве национальных приоритетов определены повышение культурного уровня населения и вовлеченность его в цифровое пространство. Эти и другие социальные проблемы отражены в пятой главе книги: территориальная дифференциация субъектов РФ с позиций национально-культурных детерминант развития; условия, тенденции и проблемы функционирования и эффективности национально-культурных автономий в современной России; ключевые тенденции культурной жизни и активности населения в контексте современной культурной среды и современного состояния отрасли культуры. Основное внимание уделено развитию цифровых навыков и компетенций населения России, рассмотренных через призму целей использования, причин неиспользования цифровых услуг и сети Интернет, наличия и развитости у граждан страны цифровых умений.

В шестой главе монографии обобщены теоретико-методологические подходы к исследованию социальных инноваций; показаны ключевые факторы их реализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авраамова Е.М., Логинов Д.М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3 (59). С. 13–17.
2. Авраамова Е.М., Логинов Д.М. О социально-экономическом значении повышения оплаты труда учителей // Экономика региона. 2016. № 4. С. 1135–1145.
3. Авраамова Е.М., Логинов Д.М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 24–34.
4. Аганбегян А. Мир после коронавирусной пандемии // Мир перемен. 2021. № 1. С. 8–23.
5. Аглицкий И. Бремя и благо частной школы // Независимая газета. 2000. №202 от 17 сентября. URL: https://www.ng.ru/vision/2020-09-16/8_7965_vision.html (дата обращения: 15.09.2021).
6. Айвазян С.А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения: анализ российской траектории на стыке XX–XXI вв. (1995–2004) // Мир России. 2005. № 1. С. 62–88.
7. Андреев Е.М. Продолжительность жизни в СССР: дифференциальный анализ // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: сб-к / под ред. Е.М. Андреева, А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1979. С. 7–30.
8. Анисимов Р. И. Прекаризированная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S013216250006652-0
9. Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Сухарева Н.А. Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. 2018. № 25 (4). С. 75–87.
10. Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
11. Бестужев-Лада И.В. Социальный прогноз и социальное нововведение // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 86–92.
12. Бизюков П.В. Неустойчивая занятость как форма деградации трудовых отношений // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 1. С. 100–109.

13. Бикеева М.В., Моисеева И.М. Измерение экономического неравенства: проблемы, факты и оценка // Социальная статистика. 2019. № 6. С. 48–56. DOI: 10.21686/2500-3925-2019-6-48-56
14. Бобков В.Н. Характеристики неустойчивости стандартной и нестандартной занятости в современной России // Мир новой экономики. 2018. № 12(3). С. 128–139. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139
15. Бобков В.Н., Матвеева Т.А. Влияние монетарной и немонетарной бедности домохозяйств экономически активного населения на удовлетворенность трудом // Экономика региона. 2014. № 4. С. 93–104. DOI: 10.17059/2014-4-7
16. Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности / В.Н. Бобков, П. Херрманн, И.Б. Колмаков, Е.В. Одинцова // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 4. С. 1061–1075. DOI: 10.17059/2018-4-1
17. Будилов А.П. Внутрirosсийская миграция: дифференциация регионов и ее факторы // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 97–106.
18. Будилов А.П. Основные тренды внутренней миграции населения России // Вопросы территориального развития. 2019. № 4 (49). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28301>
19. Бутузова Л. Вымирание по плану. Вслед за больницами в деревнях закрывают школы // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/society/03-07-2018/vymiranie-po-planu-vsled-za-bolnitsami-v-derevnyah-zakryvayut-shkoly> (дата обращения: 15.09.2021).
20. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 291–308. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.010. (301)
21. Вангородская С.А. Динамика смертности населения Центрального федерального округа от основных классов причин в 2000–2016 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 1. С. 31–39.
22. Вартанова Е.Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.812
23. Василенко П.В. Географические аспекты изучения миграций населения // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2013. № 2. С. 105–111.
24. Васильев К., Рощин С. Дефицит навыков в России: вызовы для системы образования в условиях перехода к инновационной экономике. URL: <https://www.hse.ru/data/2012/10/11/1246974900/20121009-Vasiliev.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).
25. Веретенникова А.Ю., Кац И.С. Институты социально-инновационного развития общественного сектора // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. 2015. № 3 (18). С. 6–18.
26. Веретенникова А.Ю., Паникарова С.В. Жизненный цикл социальных инноваций в общественном секторе // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. Т. 25. № 7. С. 118–121.

27. Верещака Т.В., Лютый А.А. Природное и культурное наследие: возможности исследования и картографирование наследия России. М.: Институт Наследия, 2003. 155 с.

28. Вершинская О.Н. Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? // ВИПЕРСОН. Публикации. Эксклюзив. 2011. URL: <http://viperson.ru/articles/olga-vershinskaya-tsifrovoy-raskol-novyy-vid-ekonomicheskogo-neravenstva> (дата обращения: 15.09.2021).

29. Винник М.В., Абылкаликов М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 1–19.

30. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 239 с.

31. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Тимонин С.А. Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 6–34.

32. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10

33. Высоцкая А.В., Филипова А.Г. Образовательное неравенство в школе: от интерпретации понятия к детерминирующим факторам // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 1–17.

34. Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. Как посчитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией // ЭКО. 2020. № 2. С. 8–36. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-8-36

35. Гапоненко Н.В., Гленн Д.К. Технологии индустрии 4.0: проблемы труда, занятости и безработицы (научный обзор) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 40–47.

36. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.

37. Гимпельсон В.Е. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? М.: ГУ ВШЭ, 2002. 52 с.

38. Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72.

39. Голева О.И. Смертность трудоспособного населения: анализ региональной дифференциации (на примере Приволжского федерального округа) // Медицина труда и промышленная экология. 2017. № 11. С. 30–36.

40. Головчин М.А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 59–75. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75

41. Головчин М.А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 3. С. 15–30. DOI 10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30.

42. Гражданское общество в контексте развития российского социума / В.А. Ильин и др. // Российское общество: трансформация в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений). Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. С. 303–392.

43. Гусейнов Р.М., Семенихина В.А. Банальности «социальных инноваций» // *Философия хозяйства*. 2009. № 6 (66). С. 238–247.
44. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // *Социологические исследования*. 2003. № 6. С. 88–96.
45. Данилова И.А. Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2017. № 5 (57). DOI: 10.21045/2071-5021-2017-57-5-3
46. Двенадцать решений для нового образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 105 с.
47. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 334 с.
48. Газеты в системе медиакommunikации городов-миллионников. Контент-аналитическое исследование / Г.В. Денисова, Л.Г. Свитич, О.В. Смирнова, М.В. Шкондин, Т.В. Яковлева // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология*. 2020. Т. 26. № 4. С. 118–141.
49. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / Л.Н. Овчарова, А.Я. Бурдяк, А.И. Пишняк, Д.О. Попова, Р.И. Попова, А.М. Рудберг. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. 108 с.
50. Долженкова М.И., Мурзина О.Б. Некоторые тенденции развития социально-культурной инфраструктуры постиндустриального города // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. № 2. С. 96–102.
51. Дубинина М.Г. Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах Российской Федерации. Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 3. С. 368–399. DOI: 10.33873/2686-6706.2019.14-3.368-399
52. Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // *Мониторинг экономики образования*. 2020. Вып. 18. С. 1–17.
53. Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // *Вопросы статистики*. 2015. № 7. С. 10–20. (С. 12)
54. Земцов С., Барина В. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к умной специализации // *Вопросы экономики*. 2016. № 10. С. 65–81. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-65-81
55. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 7-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. 264 с.
56. Ивановская А.Л. Анализ и оценка качества трудовой жизни районов Вологодской области в 2017 году // *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 4 (105). С. 552–557.
57. Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 1998. 76 с.
58. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
59. Калачикова О. Н., Будилов А. П. К вопросу об измерении миграционных процессов // *Проблемы развития территории*. 2018. № 4. С. 7–17.

60. Кандрычын С.В., Разводовский Ю.Е. Пространственные закономерности дифференциации уровня смертности от внешних причин // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 127–142.

61. Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения: препринт WP3/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 60 с.

62. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.

63. Карасева Л.А., Охрименко А.А. Оплата труда педагогических работников в регионах Крайнего Севера России: экономико-статистический анализ // Вопросы статистики. 2020. № 27(3). С. 81–93. DOI:10.34023/2313-6383-2020-27-3-81-93.

64. Качество населения / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной. М.: ИСЭПН РАН, 1993. 185 с.

65. Кваша Е.А., Харькова Т.Л. Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения в регионах России в последнее десятилетие // Вопросы статистики. 2011. № 8. С. 26–41.

66. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 29–40.

67. Клячко Т.Л., Семионова Е.А., Токарева Г.С. Труд и заработная плата учителей – что изменилось? // Экономическое развитие России. 2018. № 11. С. 46–62.

68. Клячко Т.Л., Токарева Г.С. Зарплата учителей: ожидания и достигнутые результаты // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 199–216.

69. Князев Ю. О взаимообусловленности инновационного и социального развития // Общество и экономика. 2017. №12. С. 10–23.

70. Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. № 1. С. 5–11.

71. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения / Д.Л. Константиновский, Д.Ю. Куракин, Я.М. Рощина, В.С. Вахштайн // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 186–202.

72. Короленко А.В. Смертность населения регионов России в текущем десятилетии: тенденции, структура и дифференциация показателей // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.7

73. Корчагина И.И. Немонетарное измерение бедности и социальной уязвимости населения России // Народонаселение. 2015. № 1(67). С. 82–94.

74. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. 2019. № 2. С. 51–63. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00015.

75. Коссова Т.В., Коссова Е.В., Шелунцова М.А. Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 1. С. 58–83. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-1-03

76. Крылов К. Кто такие русские? // Вопросы национализма. 2013. №4(16). С. 19–39.

77. Кузнецова Ю. Социальные инновации: прогнозирование, планирование, организация, координация, контроль // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 10. С. 77–83.

78. Кузьмич О.С., Рошин С.Ю. Лучше ли быть здоровым? Экономическая отдача от здоровья в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 12. № 1. С. 29–56.

79. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.

80. Курбатова М.В., Донова И.В., Кранзеева Е.А. Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития // Terra Eeconomicus. 2021. № 19 (1). С. 109–123. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-123

81. Кургузов В.Л. Триптих: культура и культурный потенциал в проблемном поле процессов глобализации // Монологи о культуре. Т. 1: Теория и история культуры. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2012. С. 405–495.

82. Кученкова А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7

83. Ладан Е.А. Методология анализа миграционных процессов // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 47–51.

84. Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975. 200 с.

85. Лапин Н.И., Пригожин А.И. Социальные инновации – новое направление в организационной психологии на Западе // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 5. С. 159–166.

86. Нововведения в организациях (общая часть исследовательской программы) / Н.И. Лапин, А.И. Пригожин, Б.В. Сазонов, В.С. Толстой // Структура инновационного процесса. М., 1981. С. 5–21.

87. Лапина Т.А., Коржова О.С. Динамика видов нестандартной занятости в Омской области в 2010–2015 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 4 (60). С. 162–171.

88. Лежнина Ю. Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17 (2). С. 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222

89. Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 7–25. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1

90. Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.

91. Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. Мониторинг качества рудового потенциала: 20 лет региональных исследований / под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 192 с.

92. Леонидова Т.В., Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Здоровье молодого поколения в контексте модернизации территории // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 47–56.

93. Ломакина Т.Ю., Сергеева М. Г. Инновационная деятельность в профессиональном образовании. Курск, 2011. 284 с.
94. Максимов С.А., Табакаев М.В., Артамонова Г.В. Группировка регионов Российской Федерации по соотношению фактической и смоделированной (по социально-экономическим показателям) сердечно-сосудистой смертности // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 2 (54). DOI: 10.21045/2071-5021-2017-54-2-2
95. Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал НЭА. 2015. № 3 (27). С. 109–138.
96. Мареева С.В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 65–74.
97. Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 102–118.
98. Мигранова Л.А., Ульянов В.В. Методические подходы к оценке качества жизни населения в регионах // Народонаселение. 2017. № 3. С. 116–129. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-9
99. Моисеев В.В. Государственная политика оплаты труда педагогов // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 28–33.
100. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 15 (117). Июнь / под ред. В.С. Гуревича, С.М. Дробышевского, А.В. Колесникова, В.А. Мау, С.Г. Синельникова-Мурылева. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_15-117_June.pdf (дата обращения: 15.09.2021).
101. Морев М.В., Шматова Ю.Е. Территориальные особенности распространности самоубийств в Российской Федерации // Вопросы территориального развития. 2015. № 1 (21). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1469> (дата обращения: 15.09.2021).
102. Неклюдова Н.П. Социально-экономические факторы внутренней трудовой миграции в России // Экономика и предпринимательство. 2013. № 11 (40). С. 721–724.
103. Нехлебова Н. Усреднение заело // Огонёк. 2018. № 4. С. 16.
104. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Тип. Министерства внутренних дел, 1916. 208 с.
105. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Февраль 2020 / В. Павлюшина, Е. Хейфец, Е. Музыченко, А. Зубов // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения: 29.06.2021).
106. Паньшин Б.Н., Серебряков Д.А. Методологические и методические аспекты оценки социальной и экономической эффективности социальных новшеств // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2020. № 2 (33). С. 7–14. DOI: 10.21777/2587-554X-2020-2-7-14.
107. Пишняк А.И., Надеждина Е.В. Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 2. С. 221–238. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-221-238>
108. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Самозанятость на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 36 (3). С. 18–29. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29

109. Полонская-Письман Л. Пандемия научила нас ценить жизнь и собственное здоровье. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2020/04/pandemiya-nauchilas-tsenit-zhizn-i-sobstvennoe-zdorove/ (дата обращения: 06.08.2021).
110. Попов А.В. Особенности и закономерности трансформации занятости в России и странах мира // Human Progress. 2019. Т. 5. № 7. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_7/Popov.pdf DOI: 10.34709/ IM.157.10 (дата обращения: 15.09.2021).
111. Попов А.В. Динамика соответствия качества трудового потенциала требованиям рабочих мест (на материалах Вологодской области) // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 4. С. 1089–1100.
112. Попов А.В. Основные тенденции и особенности занятости населения в современной России // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28767>. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.3 (дата обращения: 15.09.2021).
113. Попов А.В. Работники стандартной и нестандартной форм занятости на региональном рынке труда // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2189> (дата обращения: 15.09.2021).
114. Попов А.В. Трудовой потенциал России: оценка и инструменты повышения уровня реализации. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 181 с.
115. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 228–242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13
116. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Северные регионы России: уровень и структура смертности населения // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 77–100. DOI: 10.15372/REG20170404
117. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
118. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с.
119. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. 170 с.
120. Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Подольная М. А. Динамика смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения арктического/приарктического региона России в 1999–2014 годах // Экология человека. 2017. № 9. С. 48–58.
121. Качество трудового потенциала в регионах России / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Г.Н. Волкова, Л.А. Мигранова // Народонаселение. 2012. № 3. С. 111–127.
122. Рожкова К.В., Рошин С.Ю. Вознаграждается ли знание иностранного языка на российском рынке труда? // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 122–141.
123. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 512 с.
124. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М.: ЦСР-НИУ ВШЭ, 2017. 148 с.

125. Россошанский А.И. Качество жизни населения: вопросы оценки и инструменты повышения / под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 143 с.
126. Рошин С.Ю., Разумова Т.О. Вторичная занятость в России: моделирование предложения труда. М.: EERC, 2002. 72 с.
127. Рудская И.А. Оценка эффективности региональной инновационной системы России по стадиям инновационного процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. 2017. № 11-3. С. 23–34. DOI: 15688/jvolsu10.2017.3.4
128. Рыбаковский Л.Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 56–63.
129. Сабгайда Т.П. Методология предотвратимой смертности для анализа региональных особенностей здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 4 (16). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/247/30/> (дата обращения: 15.09.2021).
130. Сеница А.Л. Межрегиональные различия в оплате труда: педагогические работники в муниципальных школах // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2019. № 1. С. 26–49.
131. Смертность от внешних причин в России с середины XX века. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. 448 с.
132. Смолева Е.О. Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 28. № 2. С. 90–107.
133. Смолин О.Н. Образование. Политика. Закон. Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России. М.: Культурная революция, 2010. 968 с.
134. Соловьева Т.С. Влияние социальных инноваций на региональное развитие: концептуальные положения // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3 (36). С. 81–88. DOI: 10.21499/2078-4023-2018--3-91-88
135. Соловьева Т.С. Оценка развития региональных социально-инновационных экосистем в субъектах Северо-Западного федерального округа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 3. С. 80–90. DOI: 10.18721/JE.13306 (82)
136. Соловьева Т.С. Развитие экосистем социальных инноваций в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. 2019. № 7-3. С. 42–50. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.5
137. Соловьева Т.С. Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // Вестник НГИЭИ. 2019. № 3 (94). С. 84–93.
138. Соловьева Т.С. Уровень физической активности и мотивированности городского населения к занятиям физической культурой и спортом // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 119–136.
139. Соловьева Т.С., Попов А.В. Социальные инновации в сфере занятости: региональный аспект // Ars Administrandi (Искусство управления). 2015. № 2. С. 65–84.

140. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития / Т.С. Соловьева, А.В. Попов, А. Каро-Гонсалес, Хуа Ли. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 52–68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4
141. Социальные инновации повышения доступности социальных услуг в условиях территориальной дифференциации / под общ. ред. Т.В. Морозовой, Г.Б. Козыревой. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. 172 с.
142. Социальные факторы нововведений в организациях / под. ред. Н.И. Лапина. М.: ВНИИСИ, 1980. 580 с.
143. Социокультурные факторы модернизационного развития России / М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева, Г.В. Белехова, А.И. Россошанский, А.М. Панов, М.В. Морев; под общ. ред. М.А. Ласточкиной. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 265 с.
144. Степанова И.Н., Калачева Е.В. Отчуждение в образовании // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 (48). С. 85–87.
145. Тимонин С. Онкологическая смертность в России // Демоскоп Weekly. 2013. 2–15 декабря. № 577–578. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0577/tema01.php> (дата обращения: 15.09.2021).
146. Типенко Н.Г. Заработная плата в общем образовании в 2013 г.: межрегиональный анализ, тенденции и перспективы // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 148–168.
147. Типенко Н.Г. Ловушка «средней по региону» // Вести образования. 2019. 26 июня. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/6/26/economics/8210-lovushka_sredney_po_regionu (дата обращения: 09.09.2020).
148. Тихомирова Т.М. Количественные методы оценки состояния и потерь здоровья населения в Регионах России // Федерализм. 2016. № 1 (81). С. 43–64.
149. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9 (269). С. 11–26.
150. Тонких Н.В., Камарова Т.А. Исследование нестандартной занятости на территории Свердловской области: методика, результаты апробации // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 164–172.
151. Тостикина А. Объединяющий дистант // Дети в информационном обществе. 2020. № 32. С. 31–45.
152. Травкин П.В. Оценка отдачи от дополнительного профессионального обучения российских работников: учет влияния способностей на заработную плату // Прикладная эконометрика. 2014. № 1 (33). С. 51–70.
153. Трудоустройство молодежи. Опыт работы, или Хорошее образование / под ред. Т.Л. Клячко. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. 22 с.
154. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.
155. Хасанова Р.Р. Особенности смертности населения в Дальневосточном федеральном округе // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 58–64.

156. Холодова О.А. Неполный рабочий день как способ увеличения занятости населения // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 4. С. 359–370.
157. Цыганкова И.В., Базжина В.А., Никишина О.Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 24. С. 71–86.
158. Шабунова А. А., Попов А. В., Соловьева Т. С. Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 124–144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7
159. Школьников В.М. Географические факторы продолжительности жизни // Известия АН СССР. Серия Географическая. 1987. № 3 (12). С. 35–44.
160. Шубат О.М. Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 3. С. 736–748.
161. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Поддержка социального предпринимательства: оценка механизмов и рейтинг регионов России // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 99–109. DOI: 10.31857/S013216250004962-1
162. Aedo C., Hentschel J., Luque J., Moreno M. From Occupations to Embedded Skills: A Cross-Country Comparison. Policy Research Working Paper No. WPS 6560. Washington, D.C.: World Bank, 2013. 25 p.
163. Atkinson A.B., Stiglitz J.E. Lectures on Public Economics. Updated Edition. Princeton: Princeton University Press, 2015. 568 p.
164. Attewell P. The first and second digital divides. Sociology of Education, 2001, vol. 74 (3), pp. 252–259.
165. Autor D.H., Levy F., Murnane R.J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. The Quarterly Journal of Economics / 2003, vol. 118 (4), pp. 1279–1333.
166. Bakhshi H., Downing J., Osborne M., Schneider P. The Future of Skills: Employment in 2030. London: Pearson and Nesta, 2017. 124 p.
167. Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. Chicago: Free Press, 1958. 205 p.
168. Berglund T., Håkansson K., Isidorsson T., Alfonsson J. Temporary Employment and the Future Labor Market Status. Nordic Journal of Working Life Studies. 2017, vol. 7 (2), pp. 27–48. DOI: 10.18291/njwls.v7i2.81593
169. Carayannis E.G., Grigoroudis E., Stamati D., Valvi T. Social business model innovation: A Quadruple / Quintuple helix-based social innovation ecosystem. IEEE Transactions on Engineering. 2019. Pp. 1–14. DOI: 10.1109/TEM.2019.2914408
170. Caselli G, Cerbara L, Leti G. The geography of adult mortality: results from the fuzzy clumping method. Genus, 1993. vol. 49, no. 1-2, pp. 1–24.
171. Cooke P. Regional innovation systems: Competitive regulation in the New Europe. Geoforum. 1992. no. 23. pp. 365–382. DOI: 10.1016/0016-7185(92)90048-9
172. Cooke P., Uranga M., Etxebarria G. Regional innovation systems: Institutional and organizational dimensions. Research Policy, 1997, no. 26, pp. 475–491. DOI: 10.1016/S0048-7333(97)00025-5
173. Darko E., Hashi F.M. Innovation and resilience: A global snapshot of social enterprise responses to COVID-19. London: British Council, 2020. 33 p.

174. Di Nola A., Kocharkov G., Vasilev A. Envelope wages, hidden production and labor productivity. *The B.E. Journal of Macroeconomics*, 2019, vol. 19 (2). DOI: 10.1515/bejm-2018-0252
175. Domanski D. Developing the social innovation ecosystem of the Vienna Region. *ZSI Discussion Paper*, 2018, no. 37. 28 p.
176. Drucker P.F. *Landmarks of Tomorrow*. New York: Harper and Brothers, 1957. 270 p.
177. Education at a Glance 2015. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2015_eag-2015-en#page1 (дата обращения: 24.05.2021).
178. Edwards-Schachter M.E., Matti C.E., Alcántara E. Fostering quality of life through social innovation: A living lab methodology study case. *Review of Policy Research*, 2012, no. 29-6, pp. 672–692. DOI: 10.1111/j.1541-1338.2012.00588.x
179. Felstead A., Jewson N. Flexible labour and non-standard employment: an agenda of issues // *Global Trends in Flexible Labour: Critical Perspectives on Work and Organisations* / Eds. by A. Felstead, N. Jewson. London: Macmillan, pp. 1–20.
180. Ferrer J.C. Caught in a Debt Trap? An Analysis of the Financial Well-Being of Teachers in the Philippines. *The Normal Lights*, 2017, no. 11 (2), pp. 297–324.
181. Fostering Innovation to Address Social Challenges. *OECD Workshop proceedings*. Paris, OECD, 2011. 99 p.
182. Fox A.J., Jones D.R., Goldblatt P.O. Approaches to studying the effect of socio-economic circumstances on geographic differences in mortality in England and Wales. *British Medical Bulletin*, 1984, vol. 40, no. 4, pp. 309–314.
183. Godin B. *Social Innovation: Utopias of Innovation from c.1830 to the Present* / Project on the intellectual history of innovation. Montreal: INRS, 2012. 52 p.
184. Goldsmith E.B. *Resource Management for Individual and Family*. New York: Pearson, 2000. 463 p.
185. Green A., Livanos I. Involuntary non-standard employment in Europe. *Europe-an Urban and Regional Studies*, 2017, vol. 24 (2), pp. 175–192. DOI: 10.1177/0969776415622257
186. *Guide to social innovation*. Luxemburg, Publications of the European Union, 2013. 72 p.
187. Hamidi F., Mohamadi B. Teachers' Quality of Work Life in Secondary Schools. *International Journal of Vocational and Technical Education*, 2012, vol. 4 (1), pp. 1–5.
188. Hanushek A., Rivkin S. Pay, Working Conditions, and Teacher Quality. *The Future of Children*, 2007, no. 17 (1), pp. 69–86. DOI: <https://doi.org/10.1353/foc.2007.0002>.
189. Hargittai E. Second-level Digital Divide: Mapping Differences in People's Online Skills. 2001. Available at: <https://arxiv.org/abs/cs/0109068>
190. Huybrechts B., Nicholls A. Social Entrepreneurship: definitions, drivers and challenges. Volkmann C.K., Tokarski K.O., Ernst K. (Eds.). *Social entrepreneurship and social business. An introduction and discussion with case studies*. Wiesbaden, Springer, 2012, pp. 31–48. DOI: 10.1007/978-3-8349-7093-0_2
191. Jenson J. Social Innovation: Redesigning the Welfare Diamond / In: Nicholls A., Simon J., Gabriel M., Whelan C. (Eds.). *New Frontiers in Social Innovation Research*. Palgrave Macmillan: Basingstoke, 2015. Pp. 89–106.

192. Kalleberg A.L. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26, pp. 341–365. DOI: 10.2307/223448 (341-342)
193. Kalleberg A.L., Vallas S. Probing Precarious Work: Theory, Research, and Politics // *Precarious Work (Research in the Sociology of Work, Vol. 31)* / Eds. by A. Kalleberg, S. Vallas. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018, pp. 1–30.
194. Kibele E.U.B. Mortality Differentials Across Germany's Districts. In: *Regional Mortality Differences in Germany. Demographic Research Monographs (A series of the Max Planck Institute for Demographic Research)*. Springer, Dordrecht, 2012, pp. 91–162. DOI: 10.1007/978-94-007-4432-5_4
195. Klein J.-L., Tremblay P.-A. The social economy: a springboard for local development projects? In: Bouchard M.J. *Innovation and the social economy. The Québec experience*. Toronto: University of Toronto Press, 2013. Pp. 229–250.
196. Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*, 2008, vol. 147 (4), pp. 321–348.
197. Lee S., McCann D., Messenger J. Working time around the world: trends in working hours, laws and policies in a global comparative perspective // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_104895.pdf (дата обращения: 29.06.2021).
198. Matsaganis M., Özdemir E., Ward T., Zavakou A. Non-standard employment and access to social security benefits. Research Note 8/2015. Brussels, Belgium: European Commission, 2016. 43 p.
199. Méda D. Three scenarios for the future of work. *International Labour Review*, 2019, vol. 158, pp. 627–652. DOI: 10.1111/ilr.12157
200. Millard J. How social innovation underpins sustainable development / In: J. Howaldt, C. Kaletka, and A. Schröder, eds. *Atlas of Social Innovation*. Dortmund: Sozialforschungsstelle, 2018. Pp. 40–43.
201. Moore M., Westley F., Tjornbo O., Holroyd C. The loop, the lens, and the lesson: using resilience theory to examine public policy and social innovation. In: A. Nicholls, A. Murdock, eds. *Social innovation: blurring boundaries to reconfigure markets*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 114–136.
202. Moulaert F. et al. *Social Innovation as a Trigger for Transformations – The Role of Research*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 110 p.
203. Mulgan G. Social innovation theories: Can theory catch up with practice? In: H.-W. Franz, J. Hochgerner, J. Howaldt (Eds.). *Challenge social innovation*. Berlin: Springer-Verlag, 2012. Pp. 19–42.
204. Murray C.J.L., Kulkarni S.C., Michaud C., Tomijima N., Bulzacchelli M.T., Iandiorio T.J., Ezzati M. Eight Americas: Investigating mortality disparities across races, counties, and race-counties in the United States. *PLoS Medicine*, 2006, vol. 3, no. 9, pp. 1513–1524.
205. Nicholls A., Murdock A. *Social Innovation. Blurring Boundaries to Reconfigure Markets*. New York: Palgrave Macmillan. 2012. 321 p.
206. Nickell S.J., Quintini G. The Consequences of The Decline in Public Sector Pay in Britain: A Little Bit of Evidence. *The Economic Journal*, 2002, no. 112, pp. 107–118.

207. Nieminen H. Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, 2016, vol. 31 (1), pp. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>
208. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (дата обращения: 29.06.2021).
209. Norris P. *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>
210. Ogburn W.F., Nimkoff M.F. *Sociology*. Boston: Houghton Mifflin Co, 1940. 953 p.
211. Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. Approaches to defining and measuring Russia's internet economy. *Foresight and STI Governance*, 2017, vol. 11, pp. 55–65. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.55.65
212. Popoli P. Corporate Social Innovation in Comparison with Corporate Social Responsibility: Integration, Development or Replacement? *International Business Research*, 2017, vol. 10 (10), pp. 148–155. DOI: 10.5539/ibr.v10n10p148.
213. Prawitz A.D. et al. InCharge Financial Distress/Financial Well-Being Scale: Development, Administration, and Score Interpretation. *Journal of Financial Counseling and Planning*, 2006, no. 17 (1), pp. 34–90.
214. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 2018, vol. 35, pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
215. Ragnedda M., Kreitem H. The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2018, vol. 4, pp. 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1
216. Repo P., Matschoss K. Social innovation for sustainability challenges. *Sustainability*, 2020, no. 12–1. DOI: 10.3390/su12010319.
217. Sabirianova K. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, 2002, vol. 30 (1), pp. 191–217.
218. Sargent W. *Social Innovators and Their Schemes*. Charleston: Nabu Press, 2010. 502 p.
219. Scheidgen K., Aslan Gümüşay A., Günzel-Jensen F., Krlev G., Wolf M. Crises and entrepreneurial opportunities: Digital social innovation in response to physical distancing. *Journal of Business Venturing Insights*, 2021, vol. 15. DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00222
220. Shkolnikov V., Vassin S. Spatial differences in life expectancy in European Russia in the 1980s. In: W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov (Eds.), *Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991*. London: Routledge, 1994, pp. 379–402.
221. Shogren K.A. The Role of Positive Psychology Constructs in Predicting Life Satisfaction in Adolescents with and Without Cognitive Disabilities: An Exploratory Study. *The Journal of Positive Psychology*, 2006, no. 1, pp. 37–52.

222. Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia / V.A. Anikin, Y.P. Lezhnina, S. Mareeva, N.E. Tikhonova. Working Papers. Series: Sociology. National research university Higher school of economics. WP BRP 80/SOC/2017, 26 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.16315.72489
223. The Poverty Line: Concept and Measurement / T. Goedhart, V. Halberstadt, A. Kapteyn, B van Praag. Journal of Human Resources. University of Wisconsin Press, 1977, vol. 12 (4), pp. 503–520.
224. Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V. Recent Mortality Trend Reversal in Russia: Are Regions Following the Same Tempo? European Journal of Population, 2017, no 33, pp. 733–763. DOI: 10.1007/s10680-017-9451-3
225. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979. 31 p.
226. Vallin J., Andreev E., Meslé F., Shkolnikov V. Geographical diversity of cause-of-death patterns and trends in Russia. Demographic Research, 2005, vol. 12, no. 13, pp. 323–380.
227. Vassin S.A., Costello C.A. Spatial, age, and cause-of-death patterns of mortality in Russia, 1988–1989. In J. L. Bobadilla, C. A. Costello, F. Mitcell (Eds.), Premature death in the new independent states. Washington, DC: National Academies Press, 1997, pp. 66–119.
228. Vlaev I., Elliott A. Financial Well-Being Components. Social Indicators Research, 2014, vol. 118, no. 3, pp. 1103–1123.
229. Westley F. Social Innovation and Resilience: How One Enhances the Other. Stanford Social Innovation Review, 2013, summer, pp. 6–8.
230. Westover J.H. The job satisfaction-gender paradox revisited: A cross-national look at gender differences in job satisfaction, 1989–2005. Journal of Global Responsibility, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 263–277.
231. Williams C.C., Lansky M.A. Informal employment in developed and developing economies: Perspectives and policy responses. International Labour Review, 2013, vol. 152 (3-4), pp. 355–380.
232. Zarate P.B. Lifestyle and Financial Management of Public School Teachers. Liceo Journal of Higher Education Research, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 203–215.

Научное издание

Шабунова Александра Анатольевна, Калачикова Ольга Николаевна,
Леонидова Галина Валентиновна, Груздева Мария Андреевна,
Барсуков Виталий Николаевич, Басова Елена Александровна,
Белехова Галина Вадимовна, Головчин Максим Александрович,
Калашников Константин Николаевич, Короленко Александра Владимировна,
Ласточкина Оксана Сергеевна, Нацун Лейла Натиговна,
Попов Андрей Васильевич, Разварина Ирина Николаевна,
Соловьева Татьяна Сергеевна

Под научной редакцией А.А. Шабуновой

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Верстка	М.В. Чумаченко
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 11.03.2022.

Формат 70×108/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 25.81. Тираж 500 экз. Заказ № 12.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-530-3

